

10

2024

ISSN 0132-1625

50 ЛЕТ
ЖУРНАЛУ

СОЦИС

«Социальное заражение»
как теоретическая рамка

Узкая тропа наверх:
о мобильности в политике

Склонность к волонтерству –
от намерений к действиям

К вопросу о научных коммуникациях

НАУКА

— 1727 —

Сверхбогатые россияне:
укорененность группы?

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Председатель Ж.Т. ТОЩЕНКО – чл.-корр. РАН (Россия)

М. АБРАХАМ – проф., Ун-т Хофстра (США);

А.О. БОРОНОВ – д.филос.н., проф., СПбГУ (Россия, Санкт-Петербург);

П.П. ВЕЛИКИЙ – д.филос.н., проф., Ин-т аграрных проблем РАН (Россия, Саратов);

Ю.Г. ВОЛКОВ – д.филос.н., проф., Южный федер. ун-т (Россия, Ростов-на-Дону);

Ш. ГАДЕА – проф., Ун-т Западный Париж – Нантер-ля-Дефанс (Франция);

А.Н. ДАНИЛОВ – чл.-корр. НАН РБ (Беларусь);

С.А. КРАВЧЕНКО – д.филос.н., проф., МГИМО (Россия, Москва);

В.К. ЛЕВАШОВ – д.социол.н., проф., ИСПИ ФНИСЦ РАН (Россия, Москва);

Дж. МОРГАН – проф., Ун-т Кардиффа (Великобритания);

Н.А. ОМУРАЛИЕВ – д.социол.н., ИФПСПИ НАН КР (Кыргызстан);

И.И. ОСИНСКИЙ – д.филос.н., проф., Бурятский гос. ун-т (Россия, Улан-Удэ);

Г.А. ПОГОСЯН – акад. НАН РА (Армения);

Н.Е. ПОКРОВСКИЙ – д.филос.н., проф., НИУ ВШЭ (Россия, Москва);

Н.Х. РАХИМОВА – д.экон.н., проф. (Узбекистан); М. САСАКИ – проф., Ун-т Чуо (Япония);

ЛИ ЧУНЛИН – науч. сотр., дир. научно-исследовательской лаборатории, ИС АОН (Китай);

З.К. ШАУКЕНОВА – акад. НАН РК (Казахстан); П. ШТОМПКА – проф., Ягеллонский ун-т (Польша);

А.В. ЯКОВЕНКО – д.социол.н., проф., Луганский нац. ун-т им. В. Даля (Россия, Луганск)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор Г.А. КЛЮЧАРЕВ – д.филос.н., проф.

В.Н. БОБКОВ – д.эконом.н., РЭУ им. Г.В. Плеханова;

Н.М. ВЕЛИКАЯ – д.полит.н., ИСПИ ФНИСЦ РАН;

М.К. ГОРШКОВ – акад. РАН, ИС ФНИСЦ РАН; С.Ю. ДЕМИДЕНКО (отв. секретарь);

В.И. ДУДИНА – д.социол.н., проф., СПбГУ; И.В. ЖУРАВЛЕВА – д.социол.н., проф. НИУ ВШЭ, ИС ФНИСЦ РАН;

Г.Е. ЗБОРОВСКИЙ – д.филос.н., проф., УрФУ им. Б.Н. Ельцина;

Ю.А. ЗУБОК – д.социол.н., проф., ИСПИ ФНИСЦ РАН;

В.В. ЗЫРЯНОВ – к.эконом.н., доц., МГУ им. М.В. Ломоносова;

С.Г. КИРДИНА-ЧЭНДЛЕР – д.социол.н., проф., ИЭ РАН; М.А. КЛУПТ – д.экон.н., СПбГЭУ;

И.М. КОЗИНА – к.социол.н., НИУ ВШЭ;

В.П. КОЛОМИЕЦ (зам. главного редактора) – д.социол.н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова;

С.Д. ЛЕБЕДЕВ – к.социол.н., доц., БелГНИУ;

В.Ф. ЛЕВИЧЕВА – д.филос.н., проф., РГГУ; В.И. МУКОМЕЛЬ – д.социол. наук, ИС ФНИСЦ РАН;

И.В. ОБРАЗЦОВ (зам. главного редактора) – д.социол.н., проф., МГЛУ;

Е.Л. ОМЕЛЬЧЕНКО – д.социол.н., проф., НИУ ВШЭ СПб;

Д.Г. ПОДВОЙСКИЙ – к.филос.н., доц., МГУ им. М.В. Ломоносова;

Н.В. РОМАНОВСКИЙ (зам. главного редактора) – д.ист.н., проф.;

С.В. РЯЗАНЦЕВ – чл.-корр. РАН, ИДИ ФНИСЦ РАН; Р.Х. СИМОНЯН – д.социол.н., проф., МГИМО;

А.Б. СИНЕЛЬНИКОВ – д.социол.н., проф., МГУ им. М.В. ЛОМОНОСОВА;

Г.Г. ТАТАРОВА – д.социол.н., проф., ИС ФНИСЦ РАН; А.Л. ТЕМИЦКИЙ – д.социол.н., доц., МГИМО;

Н.Е. ТИХОНОВА – д.социол.н., проф., НИУ ВШЭ; И.Н. ТРОФИМОВА – д.полит.н., ИС ФНИСЦ РАН;

М.Ф. ЧЕРНЫШ – чл.-корр. РАН, ФНИСЦ РАН; А.Е. ЧИРИКОВА – д.социол.н., ИС ФНИСЦ РАН;

В.В. ЩЕРБИНА – д.социол.н., проф., ИС ФНИСЦ РАН; А.В. ЮРЕВИЧ – чл.-корр. РАН, ИП РАН

РЕДАКЦИЯ:

Э.К. БИЙЖАНОВА (зав. редакцией), К.С. ГРИГОРЬЕВА, С.Ю. ДЕМИДЕНКО, А.А. ЗОТОВ,
Н.С. ЛАДЫЖЕЦ, Ю.В. ЛАТОВ, Е.В. МИХАЙЛОВА, И.П. ПОПОВА, Н.В. РОМАНОВСКИЙ, А.В. ФЕДОТОВ

КОРРЕКТОР Ж.С. МИШКУРОВА

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС 77 - 81528 от 27.07.2021 г.

Подписано к печати 00.11.2024. Дата выхода в свет 00.10.2024. Формат 70 x 100 1/16.

Усл. печ. л. 0. Уч.-изд. л. 18. Тираж 00 экз. Заказ 0000. Цена свободная.

Учредители: Российская академия наук; Федеральный научно-исследовательский
социологический центр Российской академии наук

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5,
e-mail: socis@isras.ru телефон 8 (499)128-84-39

Издатель: Российская академия наук, 119991 Москва, Ленинский просп., 14
Исполнитель по контракту № 4У-ЕП-037-24
ФГБУ «Издательство «Наука» 121099, г. Москва, Шубинский пер., д. 6, стр. 1
Отпечатно в ФГБУ «Издательство «Наука»
121099, г. Москва, Шубинский пер., д. 6, стр. 1

Журнал основан
в июне 1974 года

XXVI ХАРЧЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

- 3 ДУДИНА В.И. Социология встречается с эпидемиологией: исследования
«социального заражения» в поисках теоретической основы
- 15 ЛАТЫПОВ И.А., ДАУТОВА Т.Е. Социологические концепции времени
в исследованиях жизненного пути

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА. СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА

- 25 КРЫШТАНОВСКАЯ О.В., ЛАВРОВ И.А. Вертикальная мобильность
в российской политике
- 40 ШВЕЦОВА Е.А. Российские миллиардеры на международном фоне:
особенности и динамика положения

СОЦИОЛОГИЯ МОЛОДЕЖИ

- 55 ПЕВНАЯ М.В., ТАРАСОВА А.Н. Предрасположенность молодежи к волонтерству:
опыт построения типологии (на материалах регионального исследования)
- 69 КРУПЕЦ Я.Н., ЕПАНОВА Ю.В. Молодые крафтовые предприниматели
(ремесленники) Санкт-Петербурга о мерах государственной поддержки

К 50-ЛЕТИЮ СОЦИСА

- 80 ДЕМИДЕНКО С.Ю. Роль рецензирования в повышении качества научного знания
(на примере журнала «Социологические исследования»)

СОЦИОЛОГИЯ НАУКИ

- 93 КАРИХ Р.Д. Последствия развития открытой науки: риски усиления неравенства
в глобальной научной коммуникации
- 104 ИСАЕВ Д.П., ПОСУХОВА О.Ю. «Я точно не буду заниматься научной работой...»,
или Особенности трансмиссии статуса в научных династиях в России

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

- 116 ШЕВЧЕНКО И.О., БЕЛЕЦКАЯ Т.В. Символический капитал места как констелляция
социальных смыслов (на примере Калининградской области)
-

- 129 СОРОКИН П.С., АФАНАСЬЕВА И.А. Поля агентности в сфере искусства: акторы, среды проявления и факторы формирования
- 139 КАТЕРНЫЙ И.В., ЗАКИЕВА Д.Э. Конструирование эзотерической реальности в таромантии: исторический и феноменологический аспекты

ФАКТЫ. КОММЕНТАРИИ. ЗАМЕТКИ

- 151 ТЕСЛЕНКО А.Н. Молодежная политика и работа с молодежью в Казахстане: официальная риторика и повседневные практики
- 158 МАЛЫЦЕВА А.П., ГУБИНА В.В. Отношение молодежи к виртуальным технологиям в повседневной жизни (анализ фанфиков)

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- 164 ШИРОКАЛОВА Г.С., МАНСУРОВ В.А. Особенности исследовательского проекта РОС-2024 «Семья и студенты»
- 168 **КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ** (рецензируются книги: Институциональные, исторические и культурные рамки формирования общероссийской идентичности на Северном Кавказе / Под ред. В.А. Авксентьева, М.М. Шульги. Ростов на/Д.: ЮНЦ РАН, 2022. **Рец. А.З. Адиев**; Городские миры России и Китая: модернизация и ее влияние / Отв. ред. М.К. Горшков, Ли Пэйлинь, П.М. Козырева, М.Ф. Черныш. М.: Новый Хронограф, 2023. **Рец. Лю Чжицян**)

176 CONTENTS

НОВЫЕ КНИГИ ПО СОЦИАЛЬНЫМ НАУКАМ (2-я стр. обл.)

В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ (4-я стр. обл.)

При подготовке направляемых в журнал статей просим руководствоваться правилами, указанными на сайте журнала (<http://www.socis.isras.ru/>; <http://www.isras.ru/socis.ru/>) или в № 1 и № 7 журнала. Статьи присылать по электронной почте (socis@isras.ru) в формате *.doc. Авторы **несут ответственность** за подбор и достоверность приведенных данных.

Решение о публикации принимается в течение **2-х месяцев** со дня регистрации рукописи. Принятие решения о соответствии/несоответствии поступивших статей профилю, концепции и тематике журнала является прерогативой редколлегии и редакции журнала. На основе рецензирования редакция принимает окончательное решение о публикации (или отклонении) статей.

Полная или частичная перепечатка материалов допускается только после разрешения редакции. Ссылка на источник обязательна.

Публикуемые материалы могут не отражать точку зрения учредителей, редколлегии и редакции.

Полнотекстовые версии статей выставляются в свободном доступе на <http://www.socis.isras.ru/>, <http://www.isras.ru/socis.html> через три месяца после выхода номера.

По возникающим вопросам обращаться по телефону редакции: +7 (499) 128-84-39 или писать на электронный адрес редакции: socis@isras.ru

© 2024 г.

В.И. ДУДИНА

СОЦИОЛОГИЯ ВСТРЕЧАЕТСЯ С ЭПИДЕМОЛОГИЕЙ: ИССЛЕДОВАНИЯ «СОЦИАЛЬНОГО ЗАРАЖЕНИЯ» В ПОИСКАХ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ОСНОВЫ

ДУДИНА Виктория Ивановна – доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия (viktoria_dudina@mail.ru).

Аннотация. В современной социологии все больше внимания уделяется изучению процессов копирования, подражания, «вирусного» распространения. Цифровые методы сделали возможным исследование процессов «социального заражения», которые раньше не поддавались изучению. Идея «социального заражения» (social contagion) состоит в том, что социокультурные феномены могут распространяться в социуме подобно инфекционным заболеваниям. Несмотря на многообразие определений социального заражения, до сих пор не появилось разработанной теории этого явления. В то же время необходимость в построении социальной теории существует, поскольку концептуальная рамка социального заражения все чаще используется в эмпирических исследованиях и иногда претендует на роль оптики, через которую может рассматриваться реальность цифрового общества. В статье анализируются направления исследований социального заражения и намечаются контуры теоретической модели, которая может лежать в основе подобных исследований.

Ключевые слова: социальное заражение • подражание • Г. Тард • эпидемиология • социальные сети • цифровизация

DOI: 10.31857/S0132162524100019

Введение. Цифровизация существенно изменила и продолжает менять ландшафт социальных наук. Одним из важных изменений является внимание, которое в социальных науках стало уделяться изучению процессов копирования, подражания, «вирусного» распространения, поскольку исследовательские технологии сбора и анализа цифровых данных позволяют реализовывать в социальных науках инновационные методические решения и изучать социум на новом уровне. Тематика «культурной диффузии и подражания, т.е. контактного распространения информации и убеждений – вполне традиционна для социологии, культурной антропологии и психологии. В последние два десятилетия она буквально обрела “второе дыхание” в силу того, что Интернет – уникальный источник масштабных, имеющих временную, а часто и географическую разметку нереактивных данных, позволяющих проверять весьма сложные модели распространения влияния и передачи информации без обращения к микроуровневым данным, основанным

на индивидуальных самоотчетах о поведении или на включенном наблюдении множества взаимодействий» [Девятко, 2016: 26–27].

Идея контактного распространения или «социального заражения» (social contagion) состоит в том, что социокультурные феномены могут распространяться в обществе подобно инфекционным заболеваниям и при определенных условиях непосредственный контакт достаточен для того, чтобы произошла социальная трансмиссия. В современной научной литературе существует множество определений «социального заражения». Некоторые авторы делают акцент на самом феномене распространения: «социальное заражение представляет собой процесс, когда поведение социальной группы распространяется среди населения» [Berndt et al., 2018]. Другие фокусируют внимание на его непреднамеренном и не всегда осознанном характере: «социальное заражение рассматривается как распространение эмоций, установок или поведения, когда реципиент не является объектом сознательного и направленного влияния» [Levy, Nail, 1993]. В последнем случае подчеркивается отличие термина «заражение» от родственных терминов – «подражание», «имитация», «копирование». Отечественные авторы противопоставляют «непосредственное влияние на индивидов их друзей и ближайшего окружения» и «эффекты социального заражения как избирательного восприятия и дальнейшей миметической передачи широко распространяемой в сетях информации, эмоциональных состояний и поведенческих образцов» [Моисеев, Девятко, 2018: 155].

Исследования социального заражения в самых разных областях – от общественного здоровья и криминалистики до интернет-исследований и политической социологии [Christakis, Fowler, 2013; Ferrara, Yang, 2015; Kramer et al., 2014; Pressgrove et al., 2018] – показывают, что процессы социального заражения имеют место не только между отдельными людьми, но и между сообществами, организациями, странами. Например, рассматривая распространение идей экономической либерализации и их роль в создании общества травмы, Ж.Т. Тощенко обращает внимание на процессы межстранового заимствования [Тощенко, 2020: 71], которые могут трактоваться как «социальное заражение» определенными идеями на макроуровне.

Хотя эмпирические исследования социального заражения в последние десятилетия интенсивно развивались, они не породили значимых теорий. Можно сказать, исследования социального заражения представляют собой совокупность эмпирических доказательств без теоретической основы. Одно время на роль их теоретической основы претендовала меметика, которая, в свою очередь, оценивалась как «теория без эмпирических доказательств» [Marsden, 1998a]. Сторонники меметики постулируют, что устройство социального мира – продукт эволюционного цикла репликации, изменения и отбора культурных инструкций, кодирующих поведение. При этом предполагается, что отсылки к сознательному выбору или рациональной оценке субъекта излишни, поскольку при достаточном количестве итераций естественный отбор неизбежно ведет к определенному результату [Marsden, 1998]. Нефальсифицируемость и неverifiedируемость положений меметики привели к тому, что ее объявили псевдонаукой. Единственный журнал, посвященный вопросам меметики, – «Journal of Memetics – Evolutionary Models of Information Transmission» – перестал выходить в 2005 г. С этого времени мало что изменилось. Несмотря на многообразие определений социального заражения, до сих пор нет внятной теории этого феномена. В настоящее время необходимость концептуализации социального заражения становится все более актуальной, поскольку эта теоретическая рамка претендует на роль возможной оптики рассмотрения социальной реальности цифрового общества.

В данной статье мы рассмотрим направления исследований социального заражения, что должно помочь реконструировать контуры возможной теоретической основы. Сначала мы кратко покажем, как развивалась концепция социального заражения, затем обратимся к классификации существующих исследований в этой области.

Тематика социального заражения в истории социологии. Процессы подражания, копирования и имитации как механизма создания социальности, периодически

привлекали внимание социальных мыслителей, хотя сторонники этой позиции среди классиков социологии в меньшинстве. В истории социальных наук внимание к процессам контактного распространения в форме подражания, имитации, социального заражения связано в первую очередь с именами таких мыслителей, как Г. Лебон и Г. Тард.

Лебон рассматривал подражание оценочно – как примитивный процесс, свойственный людям и животным: «Человек, так же, как и животное, склонен к подражанию» [Лебон, 1999: 199]. Подражание, по мысли Лебона, – это слепое копирование без осмысления, которое характеризует поведение толпы и представляет собой один из механизмов возникновения у толпы качеств, превосходящих сумму качеств составляющих ее людей: «заразительность или зараза – также способствует образованию в толпе специальных свойств и определяет их направление. Зараза представляет собой такое явление, которое легко указать, но не объяснить; ее надо причислить к разряду гипнотических явлений. ... В толпе всякое чувство, всякое действие заразительно, и притом в такой степени, что индивид очень легко приносит в жертву свои личные интересы интересу коллективному» [Лебон, 1999: 136]. Лебон трактовал подражание как бессознательный процесс и противопоставлял критический дух подражательному уму, склонному «делать из частных случаев общие неточные выводы» [там же: 33].

Социальное заражение для Лебона – это основной механизм массового распространения идей: «Мнения и верования распространяются в толпе именно путем заразы, а не путем рассуждений, и верования толпы всех эпох возникали посредством такого же точно механизма: утверждения, повторения и заразы» [там же: 200]. Чем проще, примитивнее утверждение, тем больше вероятность массового принятия связанной с ним идеи: «Простое утверждение, не подкрепляемое никакими рассуждениями и никакими доказательствами, служит одним из самых верных средств для того, чтобы заставить какую-нибудь идею проникнуть в душу толпы. <...> Утверждение тогда лишь оказывает действие, когда оно повторяется часто и, если возможно, в одних и тех же выражениях» [там же: 197–198].

Трактовка Г. Тарда выводит социальное заражение (подражание) на уровень базового процесса, создающего социальность: «всякие сходства социального происхождения, замечаемые в мире общественном, представляют прямое или косвенное следствие подражания во всевозможных его видах» [Тард, 2011: 16]. Для Тарда подражание – социальная связь и сила, которая удерживает людей вместе и создает общество.

Отсутствие инструментов и методов полномасштабного эмпирического изучения социального заражения не позволило концепциям Лебона и Тарда обрести популярность, сопоставимую с популярностью таких классиков социологии, как Дюркгейм и Вебер. В XX в. работы этих авторов вызвали определенный интерес социальных психологов и философов. Социологи упоминали Лебона и Тарда в основном как родоначальников социологии толпы. Полноценные эмпирические исследования процессов социального заражения начинаются в середине XX в. с развитием методов анализа социальных сетей.

Вышедшая в 1962 г. работа Э. Роджерса «Диффузия инноваций» [Rogers, 1983] привлекла внимание к явлению социального заражения. В ней Роджерс постоянно обращается к концепции Тарда, в то же время подчеркивая различия современной ему терминологии и терминологии Тарда: «Тард выявил определенные обобщения относительно распространения инноваций, которые он назвал “законами подражания”»; «то, что Тард называл “подражанием”, сейчас называется “принятием” инновации» (“adoption” of an innovation) [Rogers, 1983: 40]. Роджерс отмечает общность целей изучения диффузии инноваций и законов подражания, которая состоит в объяснении причин принятия или отвержения инновации: «Целью его <Тарда> научных наблюдений было изучить, почему из ста различных инноваций, задуманных одновременно, <...> десять распространятся, а девяносто будут забыты» [Rogers, 1983: 40]. Роджерс отмечает, что в своих суждениях Тард задействовал логику диффузной сети, хотя не использовал такие понятия, как «сеть», «гомофилия» и «гетерофилия». Например, Тард заметил, что инновация

сначала принимается индивидом, который находится в социальном отношении ближе всего к источнику новой идеи, затем она постепенно распространяется от индивидов с более высоким статусом к индивидам с более низким статусом. Кроме того, Тард сформулировал один из фундаментальных «законов подражания»: чем больше инновация похожа на идеи, которые уже приняты, тем больше вероятность того, что инновация также будет принята [Rogers, 1983: 41].

Сравнительно недавнее «переоткрытие» процессов социального заражения произошло в области исследований поведения в сфере здоровья. Кристакис и Фаулер [Christakis, Fowler, 2013] показали, что сходные модели поведения распространяются среди родственников и близких друзей. Авторы выдвинули гипотезу, что люди, перенимающие поведение окружающих, бессознательно реагируют на сигналы о том, что может рассматриваться как общественная норма. Два других гипотетических объяснения касались эффектов «гетеро/гомофилии» (тенденции людей образовывать связи с подобными себе или, напротив, непохожими людьми) и влияния общей среды. Критики этого исследования акцентировали внимание на том, что в исследовании эффекты «гетеро/гомофилии» и влияния общей среды не были исключены полностью [Cohen-Cole, Fletcher, 2008a; Cohen-Cole, Fletcher, 2008b]. В то же время «эффект направленности», выявленный Кристакисом и Фаулером, говорит в пользу заражения, поскольку вероятность акцепции определенных форм поведения была значительно выше у тех людей, кого исследуемые считали близкими друзьями, и практически отсутствовала, если исследуемые не считали их друзьями.

«Эпидемическая триада» как основа для классификации подходов к исследованию социального заражения. Социология претендует на то, что занимается изучением социального взаимодействия, но на деле исследует все, кроме взаимодействия как такового. Объяснительные модели в социологии, как правило, статичны. В качестве эксплананса определенных поведенческих паттернов выступают или внутренние субъективные характеристики акторов (мотивы, представления, нормы и пр.), или внешние объективные условия и характеристики (уровень дохода, образования, профессия, место жительства и пр.). Общность внешних условий (эффект влияния общей среды) или внутренних характеристик (эффект гетеро/гомофилии) рассматривается в социологии как достаточное объяснение существования сходных поведенческих моделей. При этом гипотеза контактного распространения моделей поведения – распространения через социальное заражение часто не принимается в расчет, поскольку для проверки требует осуществления экспериментальных процедур, что не всегда возможно. И именно эту возможность открывают цифровые технологии. «Ставшие возможными в результате растущей доступности Интернета истинные рандомизированные эксперименты с манипулированием уровнем кластеризации или гомофилии в сетях индивидуальных пользователей, когда сам исследователь создает некое интернет-сообщество и случайно приписывает уровни названных атрибутов различным экспериментальным группам, позволяют в значительной мере решить старую проблему разделения эффектов общего окружения и гомофилии (которые ведут к одновременному восприятию некоторого воздействия в силу межличностного сходства и общности “фона”), с одной стороны, и, с другой стороны, собственно контактного “заражения” той или иной информацией или культурным образцом» [Девятко, 2016: 28].

В настоящее время накоплен определенный эмпирический материал, демонстрирующий работу механизмов социального заражения [Moussaïd et al., 2017; Kucharski, 2016]. Но проблема поиска теоретической основы полноправного включения феномена социального заражения в социологическое теоретизирование остается не решенной и не идет пока дальше теории подражания Тарда и той версии его концепции, которую пытаются развивать сторонники акторно-сетевой теории вслед за Латуром¹ [Kullenberg, Palmas, 2009].

¹ Kullenberg C., Palmas K. (2009) Contagionology. Eurozine, <http://www.eurozine.com/articles/2009-03-09-kullenberg-en.html>.

В поисках новых подходов социология часто заходит на территорию других дисциплин. «Биомедицина схожа с социологией по ряду важных черт вследствие выросшей роли статистических моделей» [Тернер, 2023: 3]. При этом, в отличие от статистики, трактующей научные теории как лишь статистические модели, социология, как правило, использует статистику для проверки теорий и моделей, претендующих на генерализацию. В этом отношении интересно, какие возможности теоретизированию представляет такая отрасль биомедицины, как эпидемиология.

Если для социологии прослеживание цепочек контактной передачи – задача относительно новая, связанная с появлением возможности изучения цифровых следов, то для эпидемиологии подобного рода прослеживание является базовой методологической процедурой. Проводя параллель социологии с эпидемиологией, можно отметить, что если в эпидемиологии неинфекционных заболеваний паттерны распространения заболевания объясняются сходными условиями внешней среды (например, влияние загрязнения воздуха на возникновение рака легких) или сходными характеристиками носителей заболевания (например, связь ожирения с сердечно-сосудистыми заболеваниями), то в эпидемиологии инфекционных заболеваний условием развития эпидемического процесса является именно контактная передача. Поскольку прослеживание контактов (contact tracing) и выявление паттернов передачи возбудителя от зараженных к здоровым является здесь ключевой задачей, то можно предположить, что некоторые эпидемиологические модели передачи инфекционного агента могут быть адаптированы и к объяснению социального заражения, а механизм распространения эпидемий может рассматриваться как модель некоторых социальных процессов.

Одной из сфер приложения эпидемиологических моделей к исследованию общества является изучение закономерностей распространения практик насилия [Hall, Iannuzzi, 2023]. Пытаясь объяснить распространение насилия, эпидемиолог Г. Слаткин обнаружил, что паттерны распространения насилия идентичны паттернам распространения инфекционных заболеваний. Главным предиктором насилия, в соответствии с его исследованиями, является насилие, случившееся ранее [Slutkin et al., 2015]. Другой сферой использования эпидемиологических моделей является изучение распространения слухов, которые рассматриваются как вид «поведенческого заражения» [Shibutani, 1966; Noymer, 2001].

Метафора эпидемии начала активно использоваться в социальных науках с началом пандемии коронавируса. Приобрел популярность термин «инфодемия» – гибрид слов «информация» и «эпидемия», обозначающий быстрое и неконтролируемое распространение информации об определенных проблемах, как правило, вызывающих общественное беспокойство [Кондратьева, Игнатова, 2023]. Данный термин впервые появился в контексте эпидемии атипичной пневмонии в 2003 г. [Rothkopf, 2003] и приобрел популярность во время пандемии COVID-19, привлекая внимание к тому факту, что информация может распространяться по социальным сетям подобно вирусу.

В истории эпидемиологии выделяют два подхода к анализу распространения заболеваний: описательный и количественный [Кучарски, 2021]. Описательный подход предполагает анализ данных постфактум для выявления предсказуемых закономерностей. Как правило, такой анализ не учитывает ни механизм передачи инфекции, ни скорость заражения, ни темпы выздоровления и нацелен на описание особенностей эпидемии, а не на выяснение их причин. Количественный подход начинается с анализа основных процессов, влияющих на передачу инфекции. Модель распространения инфекции строится на основе понимания механизма заражения. Такой подход позволяет рассматривать эпидемию в динамике, а не просто находить статичные закономерности в данных.

Социальные науки пытаются адаптировать для решения своих задач классические эпидемиологические модели, представляющие распространение инфекции в популяции с течением времени [Rodrigues, 2016]. Так называемые компартментальные эпидемические модели основаны на разделении популяции на некое количество подгрупп, каждая из которых включает людей, идентичных с точки зрения их статуса по отношению

к рассматриваемому заболеванию. Например, классическая SIR модель (susceptible-infected-recovered) содержит три таких подгруппы: восприимчивые (*S* – susceptible) – подгруппа людей, которые по тем или иным своим характеристикам восприимчивы к инфекции; инфицированные (*I* – infected) – в этой подгруппе существует потенциал передачи инфекции другим восприимчивым лицам; выздоровевшие или устойчивые (*R* – recovered) включает всех людей, не восприимчивых к инфекции или инфицированных, но выздоровевших [Weiss, 2013]. В эпидемиологии данная модель применяется к отслеживанию динамики острых инфекций, которые обеспечивают пожизненный иммунитет после выздоровления, то есть, кроме характеристик носителей инфекции, она учитывает характеристики самого инфекционного агента. Для описания процесса распространения «заражения» необходимо понимание характеристик выделенных подгрупп, характеристик инфекции и знание каналов ее распространения. Кроме того, если мы хотим предсказать особенности эпидемии, нужно знать, скольких людей в среднем заражает каждый инфицированный (репродуктивное число) и сколько времени в среднем проходит между контактом и заражением (время генерации).

Простейшая эпидемиологическая модель, иллюстрирующая механизм распространения инфекционных заболеваний, «эпидемическая триада» (epidemiological triangle), включает составляющие: инфекционный агент, среда распространения (механизм передачи) и носитель инфекции (восприимчивый организм). Предполагается, что знание этих составляющих дает более или менее полное представление о ходе эпидемического процесса и, в частности, позволяет его прогнозировать. В применении к социальным теориям эпидемическая триада дает удобную схему систематизации подходов к анализу социального заражения. Основываясь на эпидемиологической модели распространения инфекционных заболеваний, в работах по тематике социальных заражений выделяют три подхода, различающиеся в зависимости от объекта исследовательского интереса. Такими объектами являются: каналы/среда распространения социальных заражений; особенности носителей (социальных агентов), которые способствуют/препятствуют распространению заражений; особенности самих «инфекционных агентов» или распространяемых «сущностей» (идей, практик, форм поведения). Предполагается, что распространение социальных инфекций может зависеть от структуры сети, от особенностей узлов сети и от характеристик распространяемого социального заражения.

Превалирующий подход к исследованию каналов распространения социальных заражений – сетевой анализ (Social network analysis) – изучает влияние формальных характеристик сетевого взаимодействия на распространение социальных заражений. Исследования, использующие методы сетевого анализа, ставят задачу выяснить, как структура сети влияет на распространение определенных «социальных заражений». В рамках сетевого анализа внимание направляется на сетевые связи. При этом циркулирующие по сетям сущности (идеи, нормы, модели поведения и пр.), как правило, не рассматриваются. Проведенный французскими исследователями сравнительный анализ публикаций из области Data Science на базе «Твиттера» показал, что в большинстве публикаций в качестве основных переменных, объясняющих распространение твитов, выступали структура сети или особенности инфлюенсеров (узлов сети). Тем не менее в 20% публикаций значимой переменной выступали особенности самих твитов [Boullier, 2019: 13]. Эта закономерность ранее была обнаружена в исследованиях «фейковых новостей», распространение которых коррелировало не со структурой сети, а со степенью новизны самих новостей. Эти результаты демонстрирует важность знания особенностей «социального заражения» для понимания характера его распространения.

Особенности «носителей» социального заражения традиционно изучались социальной психологией (см., напр., обзор: [Levy, Nail, 1993]). Основной вопрос относительно поведения носителей касается того, в какой мере социальное заражение происходит в рамках рационального контроля и индивидуальной интенциональности. Здесь преобладают

два типа объяснений: объяснение структурными (предшествующими) условиями и объяснение сознательным выбором.

В первом случае однородность поведения объясняется сходством мотивов и условий, предшествующих наблюдаемому феномену, которое актуализируется в определенных ситуациях. В качестве примера можно привести теорию деиндивидуализации [Diener, 1979; Festinger et al., 1952], которая гласит, что анонимный характер коллективности может привести к уменьшению чувства индивидуальной ответственности, позволяя человеку участвовать в поведении, от которого он в противном случае воздержался бы. Видимость заражения возникает, когда анонимность способствует ослаблению нормативных ограничений в сообществе. В теории конвергенции (convergence theory) [Turner, Killian, 1987] сходство действий трактуется как результат предшествующего сходства наклонностей людей, участвующих в коллективном действии. Похожий вариант объяснения дает теория растормаживания (disinhibition theory) [Freedman, 1982; Levy, Nail, 1993], которая утверждает, что подражание представляет собой реализацию моделей поведения, от которых люди воздерживались, пока не увидели поведение других. При объяснении поведения людей онлайн подобный эффект получил название «эффект растормаживания в сети» [Suler, 2004]. Предполагается, что онлайн-общение способствует реализации латентных потребностей, которые не могут быть реализованы офлайн вследствие нормативных барьеров. Такое поведение, по сути, не является результатом заражения, как трансмиссии определенных поведенческих моделей, речь идет скорее о том, что модели поведения, латентно присутствовавшие в поведенческом репертуаре человека, высвобождаются под влиянием таких социальных стимулов, как анонимность, невидимость, асинхронность и минимизация авторитета [Suler, 2004].

Во втором случае социальное заражение и обусловленное им сходство поведения рассматривается как следствие сознательного подражания в ситуациях неопределенности. Когда люди не знают, как действовать, они наблюдают за действиями других и выстраивают свое поведение в зависимости от этого. Такой тип объяснений характерен, например, для теории информационных каскадов [Bikhchandani et al., 1992; Bikhchandani et al., 1998]. Формальная модель информационного каскада подразумевает, что индивиды принимают решения с учетом поступков других людей, причем каждый человек видит, что сделали другие, но не знает оснований их поступков. Поскольку получение информации затратно, то наблюдение поведения других людей – более дешевый способ ее получения [Чиркова, 2010]. Данная закономерность объясняет феномен каскадного распространения, так как чем больше людей участвуют в какой-либо деятельности, тем менее рискованно индивидуальное решение об участии. Одной из самых распространенных моделей социального заражения является независимая каскадная модель (ICM) [Newman, 2002], где каждый случай воздействия на человека, не обладающего информацией, соответствует независимому шансу передачи определенной информации. Следовательно, вероятность того, что неинформированный человек станет информированным, прогрессивно возрастает с ростом числа контактов, что может потенциально привести к широкомасштабной «эпидемии», охватывающей значительную часть населения.

Теория социального обучения (social learning theory) [Bandura, 1971; 1986] также утверждает, что однородность поведенческих реакций является результатом сознательного и преднамеренного подражания, которое имеет место, когда индивиды сталкиваются с неопределенными и неоднозначными ситуациями. Если люди не знают, как реагировать на стимул или ситуацию, они активно обращаются к другим за советом и сознательно подражают им. К этому же типу объяснений можно отнести и теорию возникновения норм (emergent norm theory) [Turner, 1964], которая утверждает, что коллективное поведение в неорганизованных группах (например, в толпе) является результатом того, что люди в состоянии неопределенности склонны полагаться на любую норму, возникшую первой.

Существуют исследования, основной фокус которых направлен не на рядовых распространителей, а на «суперраспространителей» – акторов с большим числом сетевых

связей, способных провоцировать социальную эпидемию – «инфлюенсеров» [Ефанов, 2021; Cornwell, Katz, 2021; Locatelli, 2020]. «Идея маркетологов заключалась в том, что, выбрав в качестве целевой аудитории горстку людей с неожиданно большим числом связей, компания сможет распространить свои идеи гораздо шире при значительно меньших затратах» [Кучарски, 2021: 113]. Заимствованный из маркетинга термин «инфлюенсер» стал активно использоваться при исследовании медиакommunikаций.

Нельзя отрицать важность исследования не только формальных свойств сетевого взаимодействия или характеристик носителей, но и содержания тех «сущностей» (новостей, сообщений, идей и т.п.), которые циркулируют по сетям и служат источником социального заражения. При этом изучают содержание «заражений», как правило, не социологи, а представители гуманитарных наук (фольклористы, антропологи, культурологи). Настаивая на важности содержательного анализа в социологии, Д. Булье пишет: «Сетевой анализ осуществляется одинаково, независимо от того, обмениваются ли люди шутками, научной информацией, запчастями или капустой! Вот почему мы должны избегать рассмотрения сетей как ключевого слова любой цифровой социологии, а скорее, разработать теорию репликации и циркуляции сущностей, в которой их особенности будут играть свою роль» [Boullier, 2019: 17].

Задача установления связи особенностей «заражений» со структурой сети ставится в работах американского социолога Д. Чентолы [Centola, 2018]. Анализируя влияние структуры социальных сетей на распространение моделей поведения, Чентола делает вывод об отличии закономерностей распространения «сложных» и «простых» заражений. К сложным он относит заражения, которые требуют для трансмиссии нескольких источников. Если простое заражение может передаваться через единственный контакт, то для передачи сложного заражения требуется несколько воздействий. Простые заражения (например, вирусы или слухи) с легкостью распространяются через слабые связи; сложные заражения, требующие изменения поведенческих практик, лучше распространяются по кластеризованным сетям через сильные связи. Для таких связей характерна избыточность информации, которая поддерживается постоянством контактов и способствует росту доверия. Так происходит заимствование практик и моделей поведения в социуме при передаче от ближайшего окружения. Например, люди с большей вероятностью начнут вести здоровый образ жизни, если несколько их знакомых придерживаются здорового образа жизни.

Выделяют четыре механизма, которые могут объяснить, почему сложные заражения требуют воздействия нескольких источников: стратегическая комплементарность (strategic complementarity), доверие (credibility), легитимность и эмоциональный обмен [Centola, Масу, 2007; Centola, 2018]. Стратегическая комплементарность основана на том факте, что простого знания об инновации (например, новой поведенческой практике) недостаточно для ее адаптации. Присоединение к новому всегда требует усилий. А в соответствии с теорией коллективных действий, от тех, кто присоединился позже, требуется меньше усилий, чем от «первопроходцев». Доверие является важным механизмом принятия нового. Люди больше доверяют инновациям, которые уже используют их знакомые. Информация, подтвержденная несколькими источниками, также вызывает больше доверия. Новация не становится легитимной, пока не наберется критическая масса ранних последователей. Важность эмоционального обмена в том, что экспрессивная составляющая человеческого поведения усиливается в коллективных действиях и влияет на их успешность.

Идея «сложных заражений» оспаривает классическую гипотезу Грановеттера о силе слабых связей и утверждает, что в случае, когда выбор акторов требует подкрепления из нескольких источников, именно структура сильных связей имеет значение для поддержания быстрого и широкого распространения [Manzo et al., 2018]. Можно предположить, что поскольку использование социальных медиа меняет существенные свойства социальных связей, пользователи могут перенимать сложные заражения от акторов, за которыми наблюдают онлайн. Если пользователь регулярно следит за активностью какого-либо блогера в сети, то частота контактов (пусть односторонних), а также степень доверия,

легитимности и эмоционального заражения становятся сопоставимы со сходными характеристиками так называемых сильных связей. Поэтому концепция сложных заражений представляется перспективной теоретической рамкой объяснения распространения социальных практик и идей в цифровом обществе.

Заключение. Что же дает понятие социального заражения для концептуализации закономерностей, которые можно обнаружить в цифровых данных? Во-первых, оно позволяет строить модели распространения идей, норм, практик и формулировать гипотезы о факторах успешного/неуспешного распространения. Во-вторых, концептуальная модель социального заражения остается в границах того уровня, данные о котором нам доступны через цифровые следы. Действия объясняются другими действиями, не внешними макроусловиями или внутренними микрохарактеристиками, информация о которых часто недоступна. Таким образом, отпадает необходимость достраивания объяснительных связей, не подкрепленных имеющимися данными.

В начале статьи мы упомянули три типа объяснений в социологии: объяснение особенностями среды, внутренними характеристиками деятелей и эффектами социального заражения. Эти три типа объяснений восходят к концепциям классиков социологии. Объяснение особенностями среды восходит к концепции Э. Дюркгейма, давшей начало объективистской социологии; объяснение внутренними мотивами восходит к трудам М. Вебера и традиции понимающей социологии. Одноуровневые объяснительные модели, выстроенные вокруг концепта социального заражения, обретают свои классические основания в работах Г. Тарда, которые задают онтологию социального мира как процесса подражания, копирования, репликации.

Распространение моделей поведения, идей, эмоций, практик является одним из базовых социальных процессов. Признание агентности социальных заражений переключает наше внимание на изучение особенностей «вещей», циркулирующих по сетям, дополняя изучение каналов распространения, которым занимается сетевой анализ и исследование носителей социальных заражений, поведение которых объясняют социальные психологи, изучением особенностей самих «инфекционных агентов». Поскольку классические эпидемиологические модели различаются в зависимости от особенностей «инфекционного агента», распространение которого они должны объяснить, то, вероятно, и модели социального заражения должны различаться в зависимости от характера распространяемых социальных «инфекций». Сам механизм социального заражения в соответствии с рассмотренными подходами должен включать в себя анализ характеристик инфекционного агента, путей его передачи (каналов распространения) и особенностей носителей. В настоящее время в социальных науках эти исследования существуют параллельно, задача построения теоретической модели распространения социальных инфекций, которая бы включала все перечисленные составляющие, пока не решена.

Необходимо сказать несколько слов о терминологии, поскольку понятие «заражение» ассоциируется в русском языке в первую очередь с негативными явлениями. Мы не считаем, что термин «социальное заражение» применим только к деструктивным явлениям или «деформациям жизненного мира» [Тощенко, 2016], таким как нездоровое поведение, насилие, недостоверная информация, слухи, манипулирование и пр. Здесь важно соблюдать принцип симметрии, как он сформулирован в «сильной» программе социологии знания [Bloor, 1991: 7]. Принцип симметрии, не стирая различий между истинным и ложным, позитивным и негативным, делает акцент на общности социальных механизмов, посредством которых могут передаваться разные типы идей, норм и практик, независимо от их оценки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ [REFERENCES]

- Девятко И.Ф. От «виртуальной лаборатории» до «социального телескопа»: метафоры тематических и методологических инноваций в онлайн-исследованиях // Онлайн-исследования в России: тенденции и перспективы. М.: МИК, 2016. С. 19–33. [Deviatko I.F. (2016) From «Virtual Lab» to «Social Telescope»: Metaphors of Theoretical and Methodological Innovations in Online Research. In: *Online-research in Russia: Trends and Prospects*. Moscow: MIK: 19–33. (In Russ.)]
- Ефанов А.А. Деконструкция образа инфлюенсера в современном медиапространстве // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 5. С. 32–46. [Yefanov A.A. (2021) Deconstruction of an Influencer Image in the Modern Media Space. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsialnye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 5: 32–46. (In Russ.)]
- Моисеев С.П., Девятко И.Ф. Вирусный альтруизм или социальное заражение? Сравнительный анализ типов участия и механизмов вовлечения российских и украинских пользователей социальных медиа в благотворительную кампанию ice bucket challenge // Журнал социологии и социальной антропологии. 2018. № 4. С. 154–181. [Moiseev S.P., Deviatko I.F. (2018) Viral altruism or social contagion? Comparative analysis of types of participation and mechanisms of involving Russian and Ukrainian users of social media in the charitable campaign Ice Bucket Challenge. *Zhurnal sociologii i socialnoi antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology]. No. 4: 154–181 (in Russ.)]
- Кондратьева О.Н., Игнатова Ю.С. Инфодемия: становление нового медиаконцепта. Медиалингвистика. 2023. № 10(4). С. 497–521. [Kondratieva O.N., Ignatova Yu.S. (2023) Infodemic: The formation of a new Mediaconcept. *Medialingvistika* [Media Linguistics]. No. 10(4): 497–521. (In Russ.)]
- Кристакис Н., Фаулер Д. Связанные одной сетью. М.: Юнайтед Пресс, 2011. [Christakis N., Fowler J. (2011) *Connected*. Moscow: United Press. (In Russ.)]
- Кучарски А. Законы эпидемий. Синдбад, 2021. [Kucharski A. (2021) *The rules of contagion*. Sindbad. (In Russ.)]
- Лебон Г. Психология толп // Психология толп. М.: ИП РАН, «КСР+», 1999. [Le Bon G. (1999) *Psychology of Crowds*. In: *Psychology of Crowds*. Moscow: IP RAN, "KSP+". (In Russ.)]
- Тард Г. Законы подражания. М.: Академ. проект, 2011. [Tarde G. (2011) *Laws of imitation*. Moscow: Academ. proekt. (In Russ.)]
- Тернер С.П. Прогресс социологии? (пер. Н.В. Романовского) // Социологические исследования. 2023. № 7. С. 3–16. [Turner S.P. (2023) Progress in sociology? (transl. by N.V. Romanovsky). *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 7: 3–16. (In Russ.)]
- Тощенко Ж.Т. Общество травмы: между эволюцией и революцией (опыт теоретического и эмпирического анализа). М.: Весь Мир, 2020. [Toshchenko Zh.T. (2020) *Trauma society: between evolution and revolution (a theoretical and empirical analysis)*. Moscow: Ves Mir. (In Russ.)]
- Тощенко Ж.Т. Социология жизни. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2016. [Toshchenko Zh.T. (2016) *Sociology of life*. Moscow: UNITY-DANA. (In Russ.)]
- Чиркова Е.В. Социологические и экономические теории группового поведения и их применимость для объяснения стадного поведения на финансовых рынках // Корпоративные финансы. 2010. № 2(14): 16–26. [Chirkova E. (2010) Psychological Theories of Herd Behavior and Applications Thereof for the Explanation of the Herd Behavior in the Financial Markets. *Korporativnye financy* [Journal of Corporate Finance Research]. No. 2(14): 16–26. (In Russ.)]
- Bandura A. (1986) *Social Foundations of Thought and Action*. Engelwood Cliffs, NJ: Prentice-Hall.
- Bandura A. (1971) *Social Learning Theory*. New York: General Learning Press.
- Bauer S. (2013) Modeling Population Health: Reflections on the Performativity of Epidemiological Techniques in the Age of Genomics. *Medical Anthropology Quarterly*. Vol. 27. No. 4: 510–30.
- Berndt J., Rodermund S., Timm I. (2018) Social contagion of fertility: An agent-based simulation study. Winter Simulation Conference (WSC). IEEE: 953–964.
- Bikhchandani S., Hirshleifer D., Welch I. (1992) A Theory of Fads, Fashion, Customs and Cultural Change as Informational Cascades. *Journal of Political Economy*. No. 5(100): 992–1026.
- Bikhchandani S., Hirshleifer D., Welch I. (1998) Learning from the Behavior of Others: Conformity, Fads, and Informational Cascades. *Journal of Economic Perspectives*. No. 3(12): 151–170.
- Bloor D. (1991) *Knowledge and social imagery*. University of Chicago press.
- Boullier D. (2019) *Replications in quantitative and qualitative methods: a new era for commensurable digital social sciences*. arXiv preprint arXiv:1902.05984.
- Centola D. (2018) *How Behavior Spreads: The Science of Complex Contagions*. Princeton University Press.
- Centola D., Macy M. (2007) Complex Contagions and the Weakness of Long Ties. *American Journal of Sociology*: 702–734.

- Cohen-Cole E., Fletcher J. (2008a) *Detecting implausible social network effects in acne, height, and headaches: longitudinal analysis*. *Bmj*: 337.
- Cohen-Cole E., Fletcher J. (2008b) Is obesity contagious? Social networks vs. environmental factors in the obesity epidemic. *Journal of health economics*. No. 27(5): 1382–1387.
- Cornwell T., Katz H. (2021) *Influencer: The science behind swaying others*. Taylor & Francis.
- Christakis N., Fowler J. (2009) *Connected: The Surprising Power of our Social Networks and How they Shape our Lives*. Little, Brown: New York, NY.
- Christakis N., Fowler J. (2013) Social contagion theory: examining dynamic social networks and human behavior. *Statistics in Medicine*. No. 32(4): 556–577.
- Diener E. (1979) Deindividuation, self-awareness and disinhibition. *Journal of Personality and Social Psychology*. No. 37: 1160–1171.
- Ferrara E., Yang Z. (2015) Measuring Emotional Contagion in Social Media. *PLoS ONE*. Vol. 10(11): e0142390. DOI: 10.1371/journal.pone.0142390.
- Festinger L., Pepitone A., Newcombe T. (1952) Some consequences of deindividuation in a group. *Journal of Abnormal and Social Psychology*. No. 47: 382–389.
- Freedman J. (1982) Theories of Contagion as they relate to mass psychogenic illness. In: M. Colligan, J. Pennebaker, L. Murphy (eds) *Mass Psychogenic Illness*, N.J: Erlbaum: 171–182.
- Hall R., Iannuzzi G. (2023) Prediction of violence: Part contagious disease, part unpredictable individual: Is a public health assessment approach an additional option and at what cost? *Behavioral Sciences & the Law*. No. 41(5): 246–261.
- Kramer A., Guillory J., Hancock J. (2014) Experimental evidence of massive-scale emotional contagion through social networks. *Proceedings of the National Academy of Sciences*. No. 111(24): 8788–8790.
- Kucharski A. (2016) *Modelling the transmission dynamics of online social contagion*. arXiv.
- Levy D., Nail P. (1993) Contagion: A Theoretical and Empirical Review and Reconceptualization. *Genetic Social and General Psychology Monographs*. No. 119 (2): 233–184.
- Locatelli E. (2020) Influencers as socio-technical actors: mapping the paths of influence and the traces of the digital influencers' system in Italy. *Journal of Sociocybernetics*. No.17(1): 1–18.
- Marsden P. (1998a) Memetics and social contagion: Two sides of the same coin. *Journal of Memetics-Evolutionary Models of Information Transmission*. No. 2(2): 171–185.
- Marsden P. (1998b) Operationalising memetics-Suicide, the Werther effect, and the work of David P. Phillips. In: *Proceedings of the 15th International Congress on Cybernetics, Namur, Belgium*.
- Manzo G., Gabbriellini S., Roux V., M'Mbogori F.N. (2018) Complex Contagions and the Diffusion of Innovations: Evidence from a Small-N Study. *Journal of Archaeological Method and Theory*. No. 25: 1109–1154.
- Moussaïd M., Herzog S., Kämmer J., Hertwig R. (2017) Reach and speed of judgment propagation in the laboratory. *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 114(16): 4117–4122.
- Newman M. (2002) Spread of epidemic disease on networks. *Physical review E*. No. 66(1): 016128.
- Noymer A. (2001) The transmission and persistence of 'urban legends': Sociological application of age-structured epidemic models. *Journal of Mathematical Sociology*. No. 25(3): 299–323.
- Pressgrove G., McKeever B., Jang S. (2018) What is contagious? Exploring why content goes viral on Twitter: A case study of the ALS ice bucket challenge. *International Journal of Nonprofit and Voluntary Sector Marketing*. No. 23(1): e1586.
- Rodrigues H. (2016) Application of SIR epidemiological model: new trends, *International Journal of Applied Mathematics and Informatics*. No. 10: 92–97.
- Rogers E. (1983) *The Diffusion of Innovations*. 3rd Edition. New York: Free Press.
- Rothkopf D. (2003) "SARS Also Spurs an 'Information Epidemic'". *Newsday*. Long Island, N.Y. 14 May p. A29. ProQuest 279705520
- Shibutani T. (1966) *Improvised news: A sociological study of rumor*. Bobbs-Merrill: Indianapolis.
- Slutkin G., Ransford C., Decker R. (2015) Cure Violence: Treating Violence As a Contagious Disease. In: Maltz, M., Rice, S. (eds) *Envisioning Criminology*. Springer, Cham.
- Suler J. (2004) The online disinhibition effect. *CyberPsychology & Behavior*. Vol. 7. No. 3: 321–326.
- Turner R., Killian L. (1987) *Collective Behavior* (3rd ed.) NJ: Prentice-Hall.
- Turner R. (1964) *Collective behaviour*. In R.E.L. Faris (ed.) *Handbook of Modern Sociology* Chicago: Rand McNally, 382–425.
- Weiss H. (2013) *The SIR model and the foundations of public health*. Materials matematics: 1–17.

Статья поступила: 13.09.24. Финальная версия: 18.09.24. Принята к публикации: 20.09.24.

SOCIOLOGY MEETS EPIDEMIOLOGY: SOCIAL CONTAGION RESEARCH IN SEARCH OF THEORETICAL BASIS

DUDINA V.I.

St. Petersburg State University, Russia

Victoria I. DUDINA, Dr. Sci. (Sociol.), Prof., Faculty of Sociology, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia (viktoria_dudina@mail.ru).

Acknowledgements. The research was supported by RSF project No 22-18-00261.

Abstract. Contemporary sociology pays more and more attention to the study of the processes of copying, imitation, and “viral” spread. Digital methods and abundant digital data have made it possible to study “social contagion” processes that were previously inaccessible to study. The “social contagion” means that sociocultural phenomena can spread in society like infectious diseases. Despite a variety of social contagion definitions, there is still no developed social theory of this phenomenon. However, the need to conceptualize the social contagion phenomenon is becoming increasingly tangible, since the conceptual framework of social contagion is increasingly used in empirical research and claims to be the optics through which the social reality of the digital society can be viewed. The article looks into some main areas of social contagion research in an attempt to reconstruct the contours of the theoretical model underlying such studies and to outline the ways of possible conceptualization of this phenomenon.

Keywords: social contagion, imitation, Tarde, epidemiology, social networks, digitalization.

Received: 13.09.24. Final version: 18.09.24. Accepted: 20.09.24.

И.А. ЛАТЫПОВ, Т.Е. ДАУТОВА

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ ВРЕМЕНИ В ИССЛЕДОВАНИЯХ ЖИЗНЕННОГО ПУТИ

ЛАТЫПОВ Ильяс Альбертович – преподаватель кафедры анализа социальных институтов; младший научный сотрудник (ialatypov@hse.ru); ДАУТОВА Татьяна Евгеньевна – аспирант, стажер-исследователь (te.dautova@gmail.com). Оба – Центр социологии культуры, НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия.

Аннотация. Представлена историко-теоретическая реконструкция социологических концепций времени с целью систематизации теоретических ресурсов описания темпоральности жизненного пути. Социальное время предстает как качественная категория, создающая фон и смысл разнообразных действий. Значительная часть теоретизирования направлена на выделение дихотомий, описывающих полярные формы социального времени. Постепенное развитие разных подходов к исследованию времени приводит к появлению концепции многомерности времени, что позволяет описывать темпоральные перспективы, которые встречаются на жизненном пути. Исследования последних 25 лет демонстрируют, как в жизни людей проявляется многообразие времени. В этих исследованиях время предстает в разных масштабах и жизненных ситуациях. Полученные концептуальные и методологические прояснения способствуют уточнению социологического знания о времени и создают перспективу новых эмпирических исследований.

Ключевые слова: социальное время • жизненный путь • временной ландшафт • темпоральность • биографические исследования • синхронизация • историческое время • поколенческое время • биографическое время

DOI: 10.31857/S0132162524100023

Введение. Время как категория и научное понятие имеет долгую историю изучения. Время, наряду с пространством, описывалось и в трудах античных философов, и в трудах философов Нового времени. Постепенно эти категории пришли в социологическую теорию: появилась социология времени, которая исследовала сначала концептуальные границы социального времени, а затем теоретическое и эмпирическое разнообразие времени. В рамках данной статьи мы анализируем теоретические подходы преимущественно западного мейнстрима, с целью систематизации теоретических ресурсов для описания темпоральности жизненного пути. Под термином «жизненный путь» понимается «структурирование горизонта жизненного мира, на который ориентируются и в рамках которого планируют свои действия индивиды» [Рождественская, 2002: 62]. Социологическое исследование времени и темпоральности жизненного пути связано с двумя концептуальными рамками. Первая описывает время в категориях-дихотомиях. Как правило, время описывается в некоем масштабе, в связке или конфликте. Это удобно для проблематизации и эмпирического изучения столкновения или перехода от одного вида времени к другому (рабочее и свободное время, быстрое и медленное время). Во втором случае появляются предельно специфичные и локальные временные перспективы, которые работают

В статье использованы результаты проекта «Жизненный выбор: факторы и механизмы принятия ключевых решений на разных стадиях жизненного пути», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2024 г.

Авторы выражают благодарность Екатерине Павленко за ценные советы и замечания к ранним версиям статьи.

в логике множественности, которая предполагает уточнение концептуальных границ разнообразия социального времени и выработку новых методологических решений. Это не означает, что логика множественности времени приходит на смену логике дихотомий, скорее появляется концептуальное разнообразие, а между этими логиками имеет место тематическое разделение¹.

Авторы не претендуют на освещение всех тематических применений категории времени (более общие обзоры проблематики социального времени см.: [Артемов, 2013; Шубрт, 2015]), в первую очередь нам интересны проявления различных концептуальных рамок изучения времени в биографических исследованиях и исследованиях жизненного пути.

Концептуальное развитие категории социального времени. Попытки описания времени как социальной категории можно найти у классиков социологии. Для Э. Дюркгейма время, с одной стороны, – категория мышления, подобная категориям Аристотеля и Канта [Шубрт, 2016]. С другой стороны, время – коллективный феномен, разделяемый всеми членами общества [Дюркгейм, 2018: 65]. Время – «социальный факт», который включает в себя ряд частных ритмов и задает ритм индивидуальной жизни [там же: 78]. Отсюда *время как производное от социальной жизни и предмет коллективных представлений*.

П. Сорокин и Р. Мертон делают одну из первых попыток развития категориальной дихотомии, противопоставляя *социальное время астрономическому* [Сорокин, Мертон, 2004]. Социальное время, в отличие от астрономического, не непрерывно, оно разделено важными датами и зависит от социальной структуры общества. Социальное время обозначает некий период, в связи с которым социальные события обретают смысл в терминах других социальных событий. Это значит, что социальное время имеет качественные свойства, не присущие астрономическому, которое чисто квантитативно. Качественные свойства социального времени производны от норм и верований общества. В разных обществах, например, по-разному определялась длительность недели (от 5 до 10 дней), длительность месяца не обязательно связана с фазами луны [Сорокин, Мертон, 2004: 15].

Дж. Гурвич одним из первых попытался показать неоднородность социального времени [Gurvitch, 1964]. Он предложил типологию времен и показал, как происходит смесь конфликтующих времен и как группы конкурируют за выбор подходящего времени. *Устойчивое время* характеризуется проецированием прошлого в настоящее и будущее; такое время характерно для крестьян и патриархальных обществ. Другие виды времени характерны либо для отдельных групп, либо для отдельной эпохи: *замедленное время* – время закрытых сообществ, *ложное время* – больших городов и пассивной публики, *опережающее время* – триумф будущего в настоящем. Каждое время характеризует определенное соотношение прошлого, настоящего и будущего, а также неопределенности и опасности. В зависимости от конфигураций этих отношений формируются группы их и представления о времени.

Э. Зерубавель менее ограничен в концептуальных предположениях, его идеи можно отнести к логике дихотомий и к логике множественности. Он выделяет функции и свойства времени, некоторые дихотомии темпоральных перспектив [Zerubavel, 1981]. Для начала Зерубавель отмечает, что каждая ситуация или событие имеет темпоральную закономерность в виде четырех форм: *последовательность, продолжительность, расположение во времени, частота повторения*. Эти формы позволяют описывать темпоральную структуру в ее «нормальном» виде. Далее Зерубавель подчеркивает роль разных институтов в закреплении темпоральных закономерностей, таких как *календарь* и *расписание*. Календарь выполняет функцию темпоральной упорядоченности событий – год, месяц, неделя, а расписание в рамках дня или даже часа. Помимо функций упорядочивания, календари и расписание выполняют функции объединения и разделения социальных групп

¹ Это утверждение нашло свою более точную формулировку в результате подробного комментария, полученного от анонимного рецензента. Авторы благодарны рецензенту за это важное уточнение.

и индивидов. Так, религиозные праздники объединяют религиозные группы и отделяют их от других. Выделение и анализ свойств и функций таких институтов, как календарь и расписание позволяют описать множество социальных процессов – от построения групповой идентичности до воспроизводства классовых различий.

Говоря конкретнее о различиях темпоральных перспектив, Зерубавель выделяет *сакральное* и *профанное время* [там же: 101–138]. Это деление связано с качественными свойствами времени: наделять смыслом действия и события исходя из временного контекста. Например, прием пищи в постный день имеет другое значение, чем в день обычный. Получается, время – это одно из измерений демаркации между сакральным и профанным. В первую очередь это деление характерно для различения религиозных и мирских действий.

Темпоральная дихотомия современного общества – это *публичное* и *приватное время*. Они связаны с идеей того, что каждый индивид выполняет некую социальную роль, но при этом иногда требует ухода от публичности. Например, мы всегда доступны для общения с коллегами во время работы, но звонок в три часа ночи нарушал бы наше приватное время. Время функционирует как одно из основных измерений социальной организации, с помощью которого в современном обществе определяются и регулируются вовлеченность, приверженность и доступность [там же: 141].

Современные исследования времени разнообразны. Они направлены на выделение глобальных темпоральных изменений в обществе и на прояснение более локальных и более конкретных темпоральных перспектив. Новые технологии порождают новые типы времени, изменяют возможности и ограничения мобильности, передачи информации. Время зависит от технологии подсчета, потому единого времени больше не существует, есть многообразие времен. Есть разные режимы времени, обладающие разнообразными потенциалами по преобразованию физического и социального мира. Дж. Урри предлагает признать такие типы времени социальными [Урри, 2012: 156].

Глобально Урри пишет о двух видах времени: *мгновенное время* и *время ледниковое* [там же: 179]. Понятие «мгновенное время» используется для описания интенсивности и скорости социальной коммуникации и передачи информации, которые связаны с развитием технологий. Линейная логика часового времени заменяется синхронностью, стираются границы между днем и ночью, работой и домом. Мгновенному времени Урри противопоставляет «ледниковое время», которое медленно, неповоротливо и больше соответствует «природной скорости». Изменения в этом времени становятся видимыми порой через поколения. Это время связывается с экологическими и природными изменениями, в которых участвует человек, и в связи с которыми человек должен проявлять терпение и осторожность [Урри, 2012: 226].

Дихотомическое различие временных перспектив не позволяет уловить всю сложность социальных процессов разных уровней и масштабов, поэтому одним из главных направлений исследований является попытка представить множественность перспектив в их взаимосвязи. Понятие «*Timescape*» описывает «ландшафты времени», «многомерность времени», то есть множественность времени, одновременное существование разных временных перспектив. *Timescape* может воплощать сочетания времени: «личное время», «свободное время», «учебное время», «рабочее время», «женское время», «социальное время», «семейное время», «поколенческое время», «историческое время», их особенности в разных контекстах [Groves, 2020: 5].

Б. Адам объясняет близость времени и ландшафта (*landscape*) за счет того, что усматривает необходимость контекстуализации времени [Adam, 2008]. Время здесь выходит на первый план в противовес ранним подходам, которые концентрировались скорее на пространстве [Adam, 1998, Buttner, 2001]. Более того, через «*Timescape*» Адам предлагает фиксировать «невидимые» временные перспективы [Adam, 1998: 9]. Чтобы продемонстрировать это фиксирование невидимости, Адам вводит несколько элементов *timescape*: *временные фреймы*, *темпоральность*, *тайминг*, *темп*, *продолжительность*, *последовательность* и *временные модальности* [там же: 2]. В объединении этих элементов

можно уловить паттерны ритмичности, периодичности и цикличности. Однако это зависит от временных рамок наблюдения (*temporal framework of observation*). Например, события повседневной жизни имеют линейную последовательность: студент утром встает, чистит зубы, завтракает, идет на пары, встречается с друзьями, делает домашнее задание, проводит время с семьей, отдыхает и идет спать. Если расширить фокус на учебный год, эти события будут иметь циклическую последовательность, а в еще более широкой перспективе мы вернемся к линейной последовательности: учеба, работа, семья... Исходя из этого, одна из первых задач любого исследования – это выбор временных рамок, потому что это делает некоторые события видимыми, а некоторые нет.

Следующий шаг – определение других временных элементов, важных для анализа. Как пример рассмотрим *временные фреймы (time frame)*. В социальном анализе временные фреймы связаны с конструированием смысла. Интерпретация определенных действий и событий имеет смысл только в заданных рамках и целях. Студент, который хочет получить степень бакалавра, воспринимает время и строит планы иначе, чем студент, планирующий стать кандидатом наук.

Другой элемент – *тайминг (хронометраж)* фокусируется на социальной синхронизации, координации и на вопросах о «хорошем» или «плохом» времени для конкретных действий. Имеет значение, какое время используется для синхронизации, совместимы ли синхронизируемые времена. Самое простое – время часов и календарей, которые, по сути, неизменны. Другое время – время тела, здоровья, на которое влияют возраст, экономическое благополучие и др. Несмотря на различия временных перспектив, они должны быть приведены в единую согласованную систему действий. Чем больше типов времени задействовано, тем сложнее задача синхронизации и хронометража [Adam, 2008: 3].

Эти и другие элементы задают рамку всестороннему исследованию проявлений времени, позволяют уловить «временной ландшафт». Важно, что ни один из этих элементов не работает изолированно. Даже если мы фокусируемся на каком-то одном элементе, остальные всегда должны быть в поле нашего внимания.

Систематизировав основные подходы к анализу социального времени, можно выделить акценты на (1) постепенном развитии концептов, описывающих время в форме дихотомий, и на (2) постепенном признании множественности темпоральных перспектив и проблемности их соотнесения. Эти две тенденции можно систематизировать в две концептуальные рамки, которые рассматривают объект темпорального исследования в некотором масштабе и перспективе. Исследования, которые действуют в логике описания дихотомий, описывают время в континууме, где полюса выступают идеально-типическими моделями восприятия и структурирования времени в зависимости от социальных обстоятельств. Исследования, которые действуют в логике описания множественности времен, различают разные масштабы времени, и помещая то или иное время или дихотомию в некий масштаб; можно видеть смыслы и последствия, которые не всегда видны при иных подходах. В этом плане логика множественности в нашем понимании имеет большой эвристический потенциал. Однако пока она не вытеснила логику дихотомий и, более того, в некоторых темах дихотомии продолжают доминировать. Далее мы подробнее остановимся на исследованиях разнообразия темпоральных перспектив по темам биографических исследований и жизненного пути и покажем, как эти две логики сосуществуют и где между ними проходит тематическое деление.

Современные исследования времени описывают темпоральность биографии и жизненного пути в разных масштабах. Более крупные временные перспективы вроде «исторического», «поколенческого», «биографического» времени могут содержать в себе и более локальные, конкретные типы – «рабочее время», «семейное время» и пр. Дискуссионным остается вопрос связи различных «времен». Например, идея связи исторического времени и жизненного пути получила развитие в биографических исследованиях, начиная с 1960-х гг. [Elder, 1994]. Попытка связать жизненное и историческое время

находила воплощение в когортном анализе [Neugarten, Datan, 1973], чему, вероятно, следует идея поколенческого времени.

В исследованиях жизненного цикла выделялись три времени: *жизненное* (хронологический возраст и биологическое взросление), *историческое* (глобальные события, определяющие контекст жизни индивида) и *социальное* (нормы и статусы, связанные с возрастом, формирующие жизненный цикл) [Neugarten, Datan, 1973]. В современных биографических исследованиях выделяют три темпоральности и их пересечения: на уровне истории, семьи и биографии [Hareven, 2000; Nilsen, 2023]. Т. Харевен рассматривает то, как историческое влияние на жизненный путь передается следующим поколениям, в частности, «складывающиеся результирующие паттерны тайминга» [Hareven, 2000: 155; цит. по: Nilsen, 2023b: 76]. Тайминг помогает подойти к изучению жизненного пути, стадии которого не фиксированы. Он означает свершение «события или перехода в жизни индивида в отношении внешних событий, безотносительно соответствия социальным нормам «линии жизни» (timeline)» такого перехода или события в жизни [Hareven, 2000: 153; цит. по: Nilsen, 2023b: 76]. Таймлайн в этом случае – ожидаемые временные рамки переходов, принятые в обществе, их норма. Важно, что в разных культурах/обществах существуют свои представления о правильном тайминге и таймлайне.

В 2000-х гг. появляется британский проект «Ландшафты времени» – качественное лонгитюдное исследование, в фокусе которого перспективы жизненного пути. Теоретическая основа проекта – связь *биографического, поколенческого и исторического времени*, динамика их отношений, раскрывающая связь личной и коллективной жизни с более широкими процессами социальных изменений [Adam et al., 2008; Neale et al., 2012; Groves, 2020]. Биографическое время относится к уровню жизни индивида, поколенческое – общие у людей одного поколения в «эмоциональном и практическом» проявлении (отсюда важный сюжет – межпоколенческие сравнения), историческое время – нахождение в разных эпохах и их контекстах [Neale, 2008: 3], проявляющихся как в качестве «фона» жизни типа экономического кризиса [Thomson et al., 2010], так и в качестве смыслов и норм, существующих в определенный исторический момент [Kehily, Thomson, 2011].

Проект «ландшафтов времени» привносит поколенческое время, видя в этом развитие идей Харевен [Neale, 2008]. Харевен не разделяет поколенческое и историческое время, она рассматривает поколения в разных контекстах: локальном, индустриальном, историческом [Adam et al., 2008]. Время семьи (предложенное Харевен) и поколенческое время (его предложил проект «ландшафтов») – не взаимозаменяемые концепты, скорее, у них разный фокус. В первом случае семья выстраивает тайминг и таймлайн, ожидания и представления относительно них [Hareven, 2000]. Во втором – поколение берется как группа, погруженная в контекст, сказывающийся на опыте поколения и его последующей жизни, в частности, помогая отследить изменения, происходящие между поколениями [Neale, 2008]. Последнее сходится в том, что в биографических исследованиях рассматривают как «межпоколенческое время» [Nilsen, 2023b: 74–80].

В целом концепты исторического, поколенческого и биографического времени чаще встречаются в исследованиях жизненного пути, хоть и в разной степени проработанные. Мы предлагаем рассматривать историческое и биографическое время как более крупные категории, в связях между которыми можно поместить категории «социального времени», «семейного» и «поколенческого»/«межпоколенческого», Жизненное время скорее будет частностью биографического времени (рис.).

Эмпирические исследования в большей степени обращаются к уровню биографического времени, рассматривая в его рамках более «конкретные» измерения времени, отсылающие к разным сферам, занятиям, аспектам жизни. Для начала обратимся к британскому проекту «Ландшафты времени» (Timescapes).

Одна из тем «Ландшафтов времени» – «Работа и жизнь семьи: меняющийся опыт молодых семей» – раскрывает столкновение двух сторон жизни: работы и семьи. Исследовались отношения работающих родителей и детей возраста начальной школы в динамике,

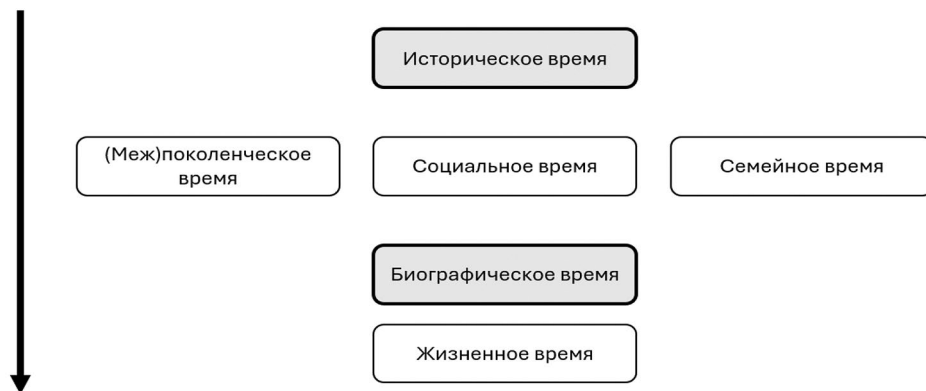

Рис. Схематическое изображение отношений концептов времени

отношения *рабочего времени* и *времени на семью* с обеих сторон, то, как это время качественно воспринимается (например, оказывается важным не просто все время вовлекаться в совместные занятия, но быть на виду друг у друга, даже занимаясь своими делами). Исследование поднимает вопрос разнообразия времени и необходимости сочетать это разнообразие – *время на семью* (*family/quality time*), *время заботы* (*caring time*), *рабочее время*, *индустриальное время* (*industrial time organisation*), в соответствии с которым родители вынуждены выстраивать свои жизни. Из-за трудности синхронизации рабочего времени и времени на семью выстраивание отношений этого времени становится «проектом», «очередной рутиной», организационным моментом, под который всем следует подстраиваться» [Harden, MacLean et al., 2012: 218]. Этот пример демонстрирует, как дихотомично, казалось, воспринимаемые отношения времени работы и семьи оказываются сложнее и глубже: здесь важны и другие временные измерения, уточняющие задуманную дихотомию (время на семью, время заботы, индустриальное время), а также качество этого времени (время на семью может быть разным – с вовлечением в разной степени и разным формате).

В проекте «Маскулинности, идентичности и риск: переход в жизни мужчин как отцов» исследуется опыт первого отцовства. В одной из статей проекта рассмотрены отцы, которых отличало наличие долгосрочного планирования, но неожиданные события в семейной жизни (вынужденное отложенное зачатие, незапланированная беременность, расставание с партнером, вступление в семью с детьми от другого лица) влияли на их темпоральное восприятие [Shirani, Henwood, 2011]. Время стало угрозой идентичности и нормативным ожиданиям на жизненном пути, подорвало биографическую уверенность мужчин. Например, невозможность зачать «вовремя» отражается в особой привязке к биологическому времени и времени часового механизма (*clock time*), в чувстве неподконтрольности времени.

Другой пример: влияние незапланированной беременности на планирование оказалось связано с возрастом и стадией жизненного пути. Конкретнее с тем, насколько нормальным для возраста воспринимается зачатие: если в 30 лет окружающие сверстники тоже заводят детей и это кажется нормой, то раньше или позже появляется ощущение рассинхронизации и изоляции [ibid.: 56–58]. Этот разрыв можно рассмотреть с точки зрения поколенческого времени: существуют социальные нормы для разного возраста, выход за нормы лишает соответствия сверстникам, поколению; происходит рассинхронизация с поколенческим временем.

Помимо частностей, в упомянутых случаях отмечается прибегание к хронометрикации или микротаймингу: мужчины сокращают свою перспективу планирования до краткосрочного периода. Порой такая перспектива сохраняется у них и долгое время после

произошедшего. Проект показывает дихотомию краткосрочной и долгосрочной временных перспектив в контексте планирования, при этом приоритет краткосрочного планирования препятствует долгосрочному. Также важно, что эти перспективы связаны с различными «конкретными» проявлениями времени (времени часового механизма, биологического времени, поколенческого времени), то есть задействуется множественность времени.

Множественность временных перспектив в современных исследованиях можно зафиксировать и в таких направлениях, как исследования баланса жизни и работы [Рождественская, 2011], явлений медленной жизни [Parkins, 2004] и в гендерных исследованиях. На последних исследованиях можно остановиться подробнее: они внесли существенный вклад в понимание темпоральных различий [Nilsen, 2023b]. Например: универсальное понимание времени критиковалось, предлагалось обратить внимание на относительное время. Такой перенос фокуса продуктивен при рассмотрении зависимости темпоральности женской жизни от *заботы о других*. Введенный К. Дэвис концепт «*время процесса*» (process time) фиксирует время вне привычных представлений, обращаясь к его «невидимым» из-за стандартных представлений формам [Davies, 1990; Doucet, 2023]. Например, рассматривая время в контексте работы по уходу (care-work), исследовательница указывает, что логика измерения линейным временем не отражает потребностей заботы [Davies, 1994]. Во время работы по уходу возникают трудности с предсказанием того, сколько времени потребуется на конкретное занятие, даже при таком, казалось бы, простом действии, как помощь с питанием пожилых или детей, когда затруднено применение линейного времени к этим занятиям. Позднее Дэвис предложила концепцию телесно воплощенного времени (embodied time) – времени, как его ощущает сам человек [Davies, 1996].

Отдельное внимание в биографических исследованиях получает сюжет будущего: как люди в настоящем планируют, представляют будущее, готовятся к нему. Внимание к будущему в социальной теории набирает обороты [Mische, 2009; Suckert, 2022; Павлов, 2019; Михайлова, 2020]. Ориентация на будущее рассматривалась и в «Ландшафтах времени»: было показано, как в семьях, озабоченных будущим детей, конфликт долгосрочного и краткосрочного планирования приводит к «растянутому настоящему». Временная перспектива качественно усложняется, не сводится к двум режимам краткосрочного/долгосрочного или настоящего/будущего [Harden et al., 2012]. Одной из последовательных исследовательниц представлений молодежи о будущем можно назвать Э. Нилсен. Она выявила несколько типов представлений молодых людей о будущей работе и семье [Brannen, Nilsen, 2002; Nilsen, 2023a]. Они связаны с различиями по классу и гендеру – что в свое время противоречило популярным идеям де-стандартизации жизненного пути и подрывало идею свободы выбора.

Концептуальные подходы и эмпирические примеры демонстрируют многомерный анализ темпоральности жизненного пути, проблемы взаимовлияния и согласования разных временных перспектив. Мы предлагаем рассматривать концепты описания темпоральных перспектив в разных масштабах. Категории «*биографического*», «*поколенческого*», «*исторического времени*», времени «*социального*», «*семейного*» и «*жизненного*» позволяют описывать крупные темпоральные перспективы. В зависимости от избранной концептуализации можно рассмотреть разную взаимосвязь этих перспектив. Внутри них можно говорить о конкретных, относящихся к определенной сфере жизни («*время на семью*», «*время заботы*», «*рабочее время*», «*время на себя*») или определенному аспекту жизни («*время часов*», «*индустриальное время*», «*биологическое время*», «*воплощенное в теле время*»). На пересечении темпоральных перспектив возникают точки напряжения, требующие определенного отношения и действия; появляются концепты, описывающие эти моменты соприкосновения и конфликты темпоральных перспектив: «*растянутое настоящее*», «*синхронизация и рассинхронизация*», «*хронометрикализация или микротайминг*», «*линейное восприятие*», «*краткосрочное/долгосрочное планирование*», «*медленная жизнь*», «*время процесса*». В частности, это проявляется и при стыковке перспектив будущего и настоящего.

Заключение. Время как социальная категория играет важную роль в формировании траекторий социальных исследований. Первоначальные идеи о социальном времени позволили очертить границы социологической концепции времени и ее отличия от концепций других дисциплин. Выделялись категории времени, чаще всего как дихотомии, позволяя нарастить концептуальный аппарат описания многообразия социальных темпоральных перспектив. Сегодня представления о времени многогранны и описывают время в очень широкой перспективе. Наиболее интересна в этом плане концепция «временных ландшафтов», решающая проблемы соотношения временных перспектив разного масштаба. В контексте изучения жизненного пути это значит, что следует включать временной контекст в действия социальных групп, понимать их конкретные стратегии работы со временем, и шире – их жизненную траекторию и ее зависимость от социальных процессов. Как показывает ряд эмпирических исследований и проект «Timescapes», подход с применением временных ландшафтов позволяет уловить и объяснить большой круг проблем.

Перспективны в этом плане эмпирические исследования времени в контексте исследования неравенства. В российской социологии подобные исследования темпоральности имеются [Амбарова, Зборовский, 2015; Ярская-Смирнова, 2019]. Дальнейшее развитие видится в исследованиях на уровне жизненных траекторий в многомерном временном ландшафте. Это позволит выделить и объяснить сочетание разных временных элементов, их связь с неравенством.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ [REFERENCES]

- Амбарова П.А., Зборовский Г.Е. Темпоральные стратегии поведения социальных общностей как социологическая проблема // Социологические исследования. 2015. № 5. С. 61–71. [Ambarova P.A., Zborovsky G.E. (2015) Societal communities' temporal behavior strategies as a sociological problem. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 5: 61–71. (In Russ.)]
- Артемов В.А. Эскиз социологической концепции социального времени // Социологические исследования. 2013. № 11. С. 3–9. [Artemov V.A. (2013) Sketch of a sociological theory of time. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 11: 3–9. (In Russ.)]
- Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии. М.: Элементарные формы, 2018. [Durkheim E. (2018) *The Elementary Forms of the Religious Life: the Totemic System in Australia*. Moscow: Elementarnye formi. (In Russ.)]
- Михайлова Л.И. Социальное самочувствие и восприятие будущего россиянами // Социологические исследования. 2010. № 3. С. 45–49. [Mikhailova L.I. (2010) Social Moods and Reception of Future by Russians. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 3: 45–49. (In Russ.)]
- Павлов А.В. Будущее как предмет социальной теории // Социологическое обозрение. 2019. Т. 18. № 3. С. 328–344. [Pavlov A.V. (2019) The Future as a Subject of Social Theory. *Sociologicheskoe obozrenie* [Russian Sociological Review]. No. 3: 328–344. (In Russ.)]
- Рождественская Е.Ю. Возможности концепции баланса жизни и труда на фоне изменений биографического тайминга // Журнал исследований социальной политики. 2011. Т. 9. № 4. С. 439–454. [Rozhdestvenskaya E. Yu. (2012) The life and work balance concept: lessons from the European social policy and Russian perspectives. *Zhurnal issledovaniy socialnoi polititki* [Journal of Social Policy Studies]. Vol. 9. No. 4: 439–454. (In Russ.)]
- Рождественская/Мещеркина Е.Ю. Жизненный путь и биография: преемственность социологических категорий (анализ зарубежных концепций) // Социологические исследования. 2002. № 7. С. 61–67. [Rozhdestvenskaya/Meshcherkina E. Yu. (2002) Life course and Biography: Continuity of Sociological Categories (Analysis of Foreign Concepts). *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 7: 61–67. (In Russ.)]
- Сорокин П.А., Мертон Р.К. Социальное время: опыт методологического и функционального анализа (пер. Романовского Н.В.) // Социологические исследования. 2004. № 6. С. 112–119. [Sorokin P., Merton R. (2004) Social Time: A Methodological and Functional Analysis. (Transl. by Romanovskiy N.V.). *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 6: 112–119. (In Russ.)]
- Урри Дж. Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI столетия. М.: ВШЭ, 2012. [Urry J. (2012) *Sociology Beyond Societies. Mobilities for the twenty-first century*. Moscow: VSHE. (In Russ.)]

- Шубрт И. Концепция социального времени в социологии – перспективный подход или теоретический тупик? // Социологические исследования. 2015. № 4. С. 3–11. [Šubrt I. (2015) Concept of social time in sociology – promising approach or a theoretical impasse? *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 4: 3–11. (In Russ.)]
- Ярская-Смирнова В.Н. О роли темпоральности в жизни людей с ограниченными возможностями // Социологические исследования. 2019. № 3. С. 42–48. DOI: 10.31857/S013216250004277-7. [Yarskaya-Smirnova V.N. (2019) On the Role of Temporality in the Lives of People with Disabilities. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 3: 42–48. (In Russ.)]
- Adam B. (1998) *Timescapes of modernity: The environment and invisible hazards*. London: Routledge.
- Adam B. (2008) *Of Timescapes, Futurescapes and Timeprints*. URL: <https://citeseerx.ist.psu.edu/document?repid=rep1&type=pdf&doi=57c02886201ab5de160be7461638b9c39cb66781> (accessed 06.05.2024).
- Adam B., Hockey J., Thompson P., Edwards R. (2008) Researching Lives Through Time: Time, Generation and Life Stories. *Working Paper. Timescapes Working Paper Series* (1). Leeds: University of Leeds.
- Buttimer A. (2001) Book Review: Timescapes of modernity. The environment and invisible hazards. *Progress in Human Geography*. No. 2: 310–313.
- Davies K. (1990) *Women, Time and the Weaving of the Strands of Everyday Life*. Aldershot: Avebury.
- Davies K. (1994) The Tensions between Process Time and Clock Time in Care-Work: The Example of Day Nurseries. *Time & Society*. No. 3(3): 277–303. DOI: 10.1177/0961463X94003003002.
- Davies K. (1996) Capturing women's lives: A discussion of time and methodological issues. *Women's Studies International Forum*. Pergamon. Vol. 19. No. 6: 579–588.
- Doucet A. (2023) «Time is not time is not time»: A feminist ecological approach to clock time, process time, and care responsibilities. *Time & Society*. No. 32(4): 434–460. DOI: 10.1177/0961463X221133894.
- Elder G.H. (1994) Time, Human Agency, and Social Change: Perspectives on the Life Course. *Social Psychology Quarterly*. No. 57(1): 4–15. DOI: 10.2307/2786971.
- Groves C. (2020) Timescapes. In: Atkinson S., Delamont A. et al. (eds) *Sage Research Methods P*. SAGE Research Methods Foundations. DOI: 10.4135/9781526421036890877.
- Gurvitch G. (1964) *The Spectrum of Social Time*. Dordrecht: D. Riedel Publishing Company.
- Kehily M.J., Thomson R. (2011) Figuring Families: Generation, Situation and Narrative in Contemporary Mothering. *Sociological Research Online*. No. 16(4): 164–173. DOI: 10.5153/sro.2536.
- Harden J., Backett-Milburn K. et al. (2012) Hopes for the Future: Parents' and Children's Narratives of Children's Future Employment Orientations. *Sociological Research Online*. Vol. 17. No. 2: 1–10.
- Harden J., MacLean A. et al. (2012) The 'family-work project': children's and parents' experiences of working parenthood. *Families, Relationships and Societies*. Vol. 1. No. 2: 207–222.
- Hareven T. (2000) *Families, History, and Social Change. Life-Course and Cross Cultural Perspectives*. Boulder: Westview.
- Mische A. (2009) Projects and possibilities: Researching futures in action. *Sociological Forum*. No. 24(3): 694–704.
- Neale B. (2008) *Changing Relationships and Identities through the Life course*. Leeds: University of Leeds.
- Neale B., Henwood K., Holland J. (2012) Researching lives through time: An introduction to the timescapes approach. *Qualitative Research*. No. 12: 4–15.
- Neugarten B.L., Datan N. (1973) Sociological Perspectives on the Life Cycle. In: Baltes P.B., Schaie K.W. (eds) *Life-Span Developmental Psychology: Personality and Socialization*. New York: Academic Press: 53–69.
- Nilsen A. (2023a) The Future as a Topic in Biographical Life Course Approaches. In: *Biographical Life Course Research: Studying the Biography-History Dynamic*. Ed. by A. Nilsen. Cham: Springer International Publishing: 97–121.
- Nilsen A. (2023b) Time and Temporality in Biographical Life Course Research. In: *Biographical Life Course Research: Studying the Biography-History Dynamic*. Ed. by A. Nilsen. Cham: Springer International Publishing: 69–96.
- Parkins W. (2004) Out of Time: Fast Subjects and Slow Living. *Time & Society*. Vol. 13. No. 2–3: 363–382. DOI: 10.1177/0961463X04045662.
- Roberts E. (2008) Time and Work–Life Balance: The Roles of 'Temporal Customization' and 'Life Temporality'. *Gender, Work & Organization*. Vol. 15. No. 5: 430–453. DOI: 10.1111/j.1468-0432.2008.00412.x.
- Shirani F., Henwood K. (2011) Taking one day at a time: Temporal experiences in the context of unexpected life course transitions. *Time & Society*. No. 20(1): 49–68. DOI: 10.1177/0961463X10374906.
- Suckert L. (2022) Back to the Future. Sociological Perspectives on Expectations, Aspirations and Imagined Futures. *European Journal of Sociology*. Archives Européennes de Sociologie. No. 63(3): 393–428. DOI: 10.1017/S0003975622000339.
- Thomson R., Hadfield L. et al. (2010) Family fortunes: An intergenerational perspective on recession. *Twenty-First Century Society*. No. 5(2): 149–157. DOI: 10.1080/17450141003783389.

Wingens M. (2022) What Is «Life Course Research»? In: *Sociological Life Course Research*. Ed. by M. Wingens. Wiesbaden: Springer Nature: 13–46.

Zerubavel E. (1981) *Hidden Rhythms: Schedules and Calendars in Social Life*. Chicago – London: The University of Chicago Press.

Статья поступила: 12.05.24. Финальный вариант: 16.09.24. Принята к публикации: 18.09.24.

SOCIOLOGICAL CONCEPTS OF TIME IN LIFE-COURSE STUDIES

LATYPOV I.A.*, DAUTOVA T.E.*

**HSE University, Russia*

Ilias A. LATYPOV, Lecturer at the Department for Social Institutions Analysis; Junior Research Fellow (ialatypov@hse.ru); Tatiana E. DAUTOVA, Graduate student (te.dautova@gmail.com). Both – Centre for Cultural Sociology, HSE University, Moscow, Russia

Acknowledgements. The results of the project “Life Choices: Factors and Mechanisms for Making Key Decisions at Different Life Stages”, carried out within the framework of the Basic Research Program at the HSE University in 2024, are presented in this paper.

Abstract. The article offers a review of the sociological concepts of time in order to systematize the available theoretical resources. An analysis of empirical studies of time on the subject of the life course is also given. Social time differs from other types of time that are typical for other disciplines. Time in sociology is understood as a category that creates the background and meaning of various social actions. A significant part of the theorizing is aimed at highlighting the dichotomies describing different forms of social time. Modern time studies are focused on the analysis of temporal social changes and the development of approaches to the study of the multidimensionality of time. A striking example is the Timescapes’ concept and the project with the same title. This view allows us to describe the various temporal perspectives that occur on the life course, and explain the strategies of people working with time. A lot of empirical research conducted over the past 25 years demonstrates how people combine different times. In these studies, time appears on different scales and in different life situations. The resulting conceptual and methodological clarifications contribute to strengthening our knowledge of time and create a perspective for new empirical research.

Keywords: social time, life course, timescape, temporality, biographical research, synchronization, historical time, generational time, planning.

Received: 12.05.24. Final version: 16.09.24. Accepted: 18.09.24.

Социальная политика. Социальная структура

© 2024 г.

О.В. КРЫШТАНОВСКАЯ, И.А. ЛАВРОВ

ВЕРТИКАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ В РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКЕ

КРЫШТАНОВСКАЯ Ольга Викторовна – доктор социологических наук, директор (olgakrysht@yandex.ru); ЛАВРОВ Иван Андреевич – кандидат социологических наук, заместитель директора (lavrov.sociology@gmail.com). Оба – Научный центр цифровой социологии «Ядов-центр», Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия.

Аннотация. Статья посвящена осмыслению действующих каналов вертикальной мобильности в российской политике. От их параметров и исправности работы зависят не только устойчивость, функционирование и развитие политической системы, но и поддержание легитимности правящего класса. На основе многолетнего мониторинга политической элиты был проведен анализ образовательного и профессионального опыта действующего истеблишмента, а также их географических перемещений. Общая численность изучаемой группы на 1 января 2024 г. составила 885 человек. Лучшие перспективы для восходящей траектории карьеры получают люди, рожденные в Москве, реже в Санкт-Петербурге. Люди, выросшие в регионах, для увеличения своих шансов вынуждены сначала переезжать в города-хабы, где возможности войти в элиту резко возрастают. Анализ образовательной мобильности также свидетельствует о сверхконцентрации: в рейтинге вузов, где учились будущие элитари, преобладают три университета – МГУ им. М.В. Ломоносова, СПбГУ и МГИМО. Низкой пропускной способностью отличаются и профессиональные восходящие потоки: политической карьере способствуют лишь три сферы деятельности – ЖКХ и строительство, финансы, юриспруденция. Сверхконцентрация восходящих потоков мобильности приводит к ряду негативных последствий: политическая система воспринимается гражданами страны как несправедливая, а элита делегитимируется. Сложившаяся ситуация тормозит развитие меритократических механизмов подбора кадров для истеблишмента.

Ключевые слова: Россия • элита • вертикальная мобильность • социальные лифты • геомобильность • образование • карьера • профессии • регионы

DOI: 10.31857/50132162524100039

Изучение мобильности позволяет увидеть сложившиеся иерархии, фрагментирование, миграцию, образование новых групп, циркуляционные процессы и т.п. [Урри, 2012: 344]. Изучение вертикалей, по которым движутся члены общества, обнаруживает доминирующую мотивацию, которая толкает индивидов прикладывать усилия для достижения целей, обнаруживает социальную структуру, обнажая основные платформы, обеспечивающие восходящие потоки, благодаря которым пополняются верхние страты. Каналы мобильности (социальные лифты) более очевидны для одних сфер деятельности и более скрыты для других. Например, для достижения успеха в инженерном деле

необходимо в школе выучить математику и физику, поступить в учебное заведение, которое готовит специалистов по техническим специальностям, поработать на заводе или в конструкторском бюро, там усердно трудиться, пополняя свои знания и навыки. Отчетливые лифты видны во многих профессиях: учиться по специальности, совершенствовать свой опыт, постепенно продвигаясь по эскалатору, ведущему вверх. Политика – пример иного рода. Если у вас есть намерение стать политиком, чему надо уделять внимание в школе? В какой вуз поступить? Как и где шлифовать мастерство? В политике правила игры не артикулированы, инсайдеры не склонны делиться секретами успеха с посторонними. Неясен и факт наличия работающих лифтов, ведущих на политический Олимп.

Наше предыдущее исследование¹ показало, что молодежь, которая проявляла интерес к политической карьере, убеждена: преуспеть в политике могут те, у кого есть «влиятельные знакомые», родственники, имеющие связи «наверху», или большие деньги, которые позволяют «купить должность». У нынешних поколений миллениалов и зумеров практически отсутствуют «романтические» представления о путях в политику: талант, профессионализм, образование занимают последние места, зато деньги, связи и влиятельные родственники возглавляют рейтинг «лифтов» [Лавров, Крыштановская, 2023].

Соответствует ли такое представление реальности? То, что многие наши граждане не видят входов в политику, вовсе не значит, что их нет. Все те, кто сегодня населяет высшие этажи государственного здания, как-то сделали карьеру, поднялись наверх. В этой статье мы попытаемся показать, какие пути ведут на политическую вершину, что способствует восходящей мобильности и каковы последствия этих процессов.

Мобильный поворот. Д. Урри отмечает, что «мобильности были “черным ящиком” социальных наук» [Урри, 2012: 82], рассматривались как фактор, способствующий формированию экономической, социальной и политической жизни, но не объясняющий ее. Однако различные типы мобильностей (от географических перемещений личности в пространстве до групповой социальной мобильности) пронизывают современный мир, создавая структуру существующего социума. Такой взгляд на динамическую природу социальных феноменов получил название «мобильный поворот» (mobility turn). У истоков этой парадигмы стояли Г. Зиммель [2018], И. Гоффман [2017], З. Бауман [2008] и др. Сегодня системы мобильности усложняются и переплетаются между собой. Мобильность становится не просто движением из пункта А в пункт Б, но и универсальной ценностью [Бауман, 2008]; первопричиной возникновения новых социальных классов (например, в концепции «мобилитета» [Makimoto, Manners, 1997]); «социальным ситом», обеспечивающим селекцию человеческого материала для функционирующих институтов [Сорокин, 2005].

П. Сорокин в фундаментальной работе «Социальная мобильность» выделял следующие основные каналы мобильности в обществах – армия, церковь, школа, политические партии [Сорокин, 2005]. Они обеспечивают достижение «пространства предвосхищения» [Урри, 2012: 83], «счастливых пространств» [Башляр, 2020], то есть желаемого места и статуса в общественной иерархии.

В. Парето видел в процессе циркуляции (особый вид мобильности) основу социальной стабильности общества, гарантию социального равновесия. В «Компендиуме по общей социологии» он отмечал, что правящий класс «восстанавливается не только в отношении численности, но и, что более важно, в отношении качества за счет семей из низших классов, которые вносят в него энергию и те пропорции остатков, которые ему необходимы, чтобы сохранять власть. Этот класс восстанавливается также благодаря выходу из него наиболее деградировавших членов, ... где одно из этих движений прекращается или, еще хуже, где прекращаются оба этих движения, там правящая часть устремляется к своей гибели, которая нередко влечет за собой гибель всей нации» [Парето, 2008: 313–314].

¹ Исследование было проведено в 2020 г. под руководством д.с.н. О.В. Крыштановской. В рамках этого исследования опрошено 420 представителей студенческой и рабочей молодежи в 38 крупных и малых городах Российской Федерации.

Действительно, характер и принципы мобильности обеспечивают требуемое обществом качество высших страт. Если «качество» элиты не признается удовлетворительным, рождается проблема легитимности власти. Как писал Р. Патнэм, политическая легитимность частично основывается на представлении о равенстве возможностей, и, как полагают многие политики, социологически непредставительная элита может подрывать легитимность правления [Putnam, 1976: 44]. «Если “равные возможности” роста для всех членов общества рассматриваются как базовая ценность, засорение каналов внутренней мобильности может оказаться достаточной причиной для социального взрыва» [Сергеев, 1999: 47]. Под засорением каналов мобильности можно понимать их ограниченность, стесненность, которые не позволяют обеспечить приток в высшие страты наиболее достойных представителей из классов, расположенных ниже в социальной иерархии. Засорение или полное перекрытие этих каналов нарушает баланс, препятствует презентации периферии в центре, приводит к внутриэлитному конфликту.

К анализу процесса рекрутирования элиты в разные годы обращались многие российские социологи. Так, команда ученых из Санкт-Петербурга занималась изучением «басейнов рекрутирования» федеральной административной элиты [Даугавет и др., 2016], рассматривая ее различные аспекты: Д. Тев писал, что основной базой для пополнения региональных депутатов стали местные предприниматели [Тев, 2022], А. Дука уделял внимание «этнической мобилизации» [Дука, 2014], Дм. Покатов изучал влияние протекционизма на процесс политического рекрутинга [Покатов, 2014]. И. Палитай с командой отмечал повышение роли «третьего сектора» для карьерного продвижения молодежи [Палитай и др., 2020]. Но, несмотря на эти достижения, тема сверхконцентрации потоков мобильности и связанных с этим негативных последствий остается вне поля зрения социологов и требует дальнейшего осмысления. К мало изученным темам можно отнести: количество каналов, по которым осуществляется мобильность; «ширина» этих каналов и их пропускная способность; критерии, по которым работают «социальные сита», – кого они отбирают и почему; равный доступ к социальным лифтам представителей разных социальных групп.

Наша статья – попытка рассмотреть некоторые детали восхождения в политику. Актуальность такого анализа обусловлена и тем, что социологи давно фиксируют проблемы с легитимностью высших страт современной России. Так, по данным ВЦИОМ, на сентябрь 2024 г. доверяют деятельности правительства РФ меньше половины россиян – 47,9%². А по результатам многолетнего мониторинга, проводимого ИСПИ ФНИСЦ РАН, «Как живешь, Россия?», доля россиян в 2024 г., которых полностью устраивает действующая политическая система, оценивается в 25% [Левашов и др., 2024].

Нетолерантность к властным во многом связана с засорением каналов мобильности. Действует также «туннельный эффект» [Hirschman, Rothschild, 1973]: «чем лучше кажутся перспективы социальной мобильности, ...тем люди более терпимы к неравенству» [Гимпельсон, Монусова, 2014: 217]. Команда под руководством М.К. Горшкова и Н.Е. Тихоновой по результатам масштабного всероссийского мониторинга приводит мнение россиян, уверенных, что сегодня «резко выросла роль связей и социального происхождения. Так, в 2013 г. 47,7% считали, что для успеха в жизни очень важно иметь нужные знакомства, а 21,5% – иметь политические связи. В 2019 г. эти показатели выросли до 60,9% и 35,9% соответственно» [Тихонова, 2021: 24]. Это ведет к тому, что людям, достигшим высоких позиций в социальной иерархии, россияне отказывают в признании заслуг.

Соглашаясь с этой логикой, постараемся сфокусировать внимание на причинах возникновения сверхконцентрации каналов мобильности, препарировав шаг за шагом пути, ведущие на вершину политики.

² ВЦИОМ. Рейтинги доверия политикам, оценки работы Президента и Правительства. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/reitingi-doverija-politikam-ocenki-raboty-prezidenta-i-pravitelstva-06092024> (дата обращения: 06.09.2024).

Таблица 1

Структура генеральной совокупности мониторинга российской элиты

Действующая элита России			
Руководящие кадры Администрации Президента РФ	Члены правительства РФ	Депутаты обеих палат Федерального собрания РФ	Главы субъектов федерации
Предэлита России			
Высшие региональные чиновники	Депутаты региональных легислатур	Мэры крупных городов	«Второй этаж» федеральной бюрократии (замы)

Исследование и метод. Чтобы изучить доминирующие каналы мобильности в политической сфере, мы подвергли анализу много случаев восхождения. Традиционен для этого метод количественного биографического анализа. С 1989 г. мы изучали биографии людей, занимающих высшие посты в государстве. Каждая биография кодировалась и заносилась в базу данных «Вся элита». Данные подвергались статистической обработке, включая линейные распределения и построение трендов, подсчет индексов, статистически значимых взаимосвязей. Использовались методы сетевого анализа, строились графы, чтобы увидеть совокупности связанных факторов.

Политическую элиту РФ мы выделяли позиционным методом – брали людей, занимающих высшие государственные посты, позволяющие участвовать в принятии государственных решений. К таким постам отнесены: ответственные сотрудники Администрации президента РФ; члены кабинета министров; депутаты Федерального собрания; главы субъектов федерации; руководящие сотрудники аппаратов правительства РФ, палат Федерального собрания РФ, Совета Безопасности; руководство Конституционного и Верховного судов РФ; генеральный прокурор РФ; председатель Следственного комитета РФ и председатель Центрального банка РФ. Состав действующей элиты брался на 1 января каждого года. Всего к политической элите РФ на 01.01.2024 было отнесено 885 человек.

Исследование носит сплошной характер, то есть изучается вся генеральная совокупность. Полнота данных обеспечивалась интернет-ресурсами, которые дали возможность проводить сплошные исследования, что существенно увеличивает их точность. В качестве источников информации были использованы открытые официальные сайты государственных структур и ведомств, официальные сайты политических партий и легислатур³. Для сравнительного анализа мы использовали ретроспективные данные об элите РФ прошлых годов и биографические данные о «предэлите», в которую мы включали депутатов и высших чиновников регионального уровня, мэров крупных городов, а также «второй этаж» федеральной бюрократии (заместителей министров, руководителей федеральных ведомств и проч.) (табл. 1).

Основные «лифты» в политику. В экологии важнейшей характеристикой экосистем считают устойчивость [Одум, 1986]. Ведь проникновение в систему внешних элементов может способствовать как ее развитию, так и деградации и даже гибели [Данилов-Данильян, 2017]. Но чем обеспечивается устойчивость систем? Многие ученые полагают, что это зависит от разнообразия элементов и их связности [Николис, Пригожин, 1990: 47], т.е. чем больше разнообразие, тем стабильнее система. Если применить этот подход к социуму, логично предположить, что человеческое общество или социальная группа будет тем устойчивее, чем больше использовано разных источников ее пополнения. Устойчивость будет повышаться с расширением взаимосвязей элементов, а также с интенсификацией этих связей. Если это так, то рекрутация новых кадров из возможно большего числа

³ Официальная Россия. Сервер органов государственной власти Российской Федерации. URL: <http://www.gov.ru/> (дата обращения: 14.05.2024).

«бассейнов» и сообществ будет приводить к улучшению качеств и лучшему функционированию всей группы.

Следуя этой логике, можно утверждать, что политическая система должна считаться тем более способной к поддержанию динамического равновесия, чем разнообразней каналы, по которым акторы «пробиваются» наверх. Возникающая конкуренция создаст меритократический механизм отбора лучших, способствуя развитию и устойчивости к внешним и внутренним вызовам. В условиях слабости таких механизмов элита не может стать эффективной и легитимной. Общество будет бесконечно критиковать правящую группу, не обнаруживая в ней «лучших» людей, честно прошедших профессиональный отбор. Поскольку в наши дни легитимность элиты подвергается сомнению, изучение этих процессов чрезвычайно актуально.

Согласно нашему исследованию, основными «лифтами» в политику являются партийный активизм, образование, некоторые профессиональные сферы, определенные локации, которые предоставляют индивидам лучшие стартовые условия для взлета. Остановимся на этом подробнее.

«Счастливые пространства» и геомобильность. Наша страна гиперцентрализована по многим показателям. Центр есть средоточие денег, власти, общественных благ, комфорта. Все социальные группы России устремлены к Центру, ставя цель не просто поднять статус, но и переместиться в «счастливые пространства». Ими являются для жителей сёл и малых городов – большие города, для жителей больших городов – столицы регионов, для жителей столиц – главная столица, центр страны – Москва. Этот вектор пространственной мобильности рождает пирамиду, участники которой мотивированы перемещаться не только в социальном, но и в физическом пространстве.

Направленность миграционных потоков связана с особенностями экономики нашей страны, о сверхконцентрации которой не раз писали (напр., [Зубаревич, 2014; Аузан, 2014]). В столичном регионе сосредоточены не только государственные органы власти (кроме Конституционного Суда), но и зарегистрированы крупнейшие компании,

Таблица 2

**Топ-10 регионов происхождения представителей российской политической элиты
на 01.01.2024 г., N = 885 чел.**

Название региона	Рожденные	
	чел.	%
Москва	102	11,5
Украина*	43	4,9
Санкт-Петербург	35	4,0
Московская область	29	3,3
Свердловская область	26	2,9
Ростовская область	24	2,7
Республика Татарстан	23	2,6
Краснодарский край	19	2,1
Челябинская область	17	1,9
Республика Башкортостан	16	1,8

Примечание. Так как все представители российской политической элиты были рождены до 2014 г., то родившиеся в Республике Крым, Севастополе, Донецкой народной республике, Луганской народной республике, Херсонской и Запорожской областях, вступивших позднее в состав России, отнесены к категории рожденных на Украине.

учреждения культуры, расположены лучшие университеты. Все вверх идущие потоки мобильности устремлены в конечном счете в Москву. При таком устройстве социума «сделать карьеру» означает физически переместиться в центр. Для политической сферы это тем более верно.

Граждан России изначально сегрегирует место рождения. У коренных москвичей старт карьеры проходит легче, карьера развивается быстрее. В сегодняшней политической элите рождены в столице 11,5%, причем доля москвичей в этой группе постоянно повышается [Воронкова и др., 2011]. Кейс москвичей уникален еще и потому, что 63 человека из 102 не только родились в столице, но и никогда (ни для учебы, ни для работы) ее не покидали, их кругозор и опыт ограничен «взглядом москвича» на Россию. Вторая столица РФ – Санкт-Петербург – только первые пять лет президентства В.В. Путина давала небывалый приток кадров в федеральные органы власти. Затем этот процесс стал затухать. Сегодня петербуржцы значительно уступают москвичам по представленности в истеблишменте (табл. 2).

Таким образом, факт рождения в Москве во многом ключ к успешной политической карьере. Москва в процессе элитогенеза играет особую роль одновременно и «пропускного пункта», и конечной точки назначения.

Города-хабы. Чтобы попасть в Москву, люди совершают ряд перемещений в пространстве. Анализ биографических данных элиты показал, что дороги мобильности имеют разную ширину и не обеспечивают равный доступ в «счастливое пространство». Одни населенные пункты ведут в тупики, путь из других до центра извилист и долог, но есть и те, что существенно повышают шансы на успех. Такие города стягивают жителей менее влиятельных мест и местечек, и только потом позволяют совершать рывок в центр.

Для определения роли региона или населенного пункта во вверх идущей мобильности мы воспользовались *методом сетевого анализа*. На основе биографических данных были сконструированы цепочки географической мобильности каждого представителя

Таблица 3

Фрагмент базы данных геомобильности элиты

П-5	П-4	П-3	П-2	П-1	П-0
Махачкала	Борисоглебск	Новый Уренгой	Махачкала	Дербент	Москва
0	0	0	0	Благовещенск	Москва
0	0	0	Черногорск	Красноярск	Москва
0	0	0	Обнинск	Калуга	Москва
0	0	0	Мытищи	Красногорск	Москва
0	0	0	Череповец	Санкт-Петербург	Москва
0	Чурапча	Якутск	Хабаровск	Якутск	Москва
0	0	0	0	Грозный	Москва
0	0	Сыктывкар	Кирово-Чепецк	Киров	Москва
0	Новокузнецк	Новосибирск	Хабаровск	Екатеринбург	Москва
0	0	0	Изюм	Ульяновск	Москва

Примечания. Код «П» означает переход, который совершали респонденты, перемещаясь из одной географической точки в другую. Цепочки переходов выстроены слева направо. Первая точка – место рождения, последняя (П-0) является точкой назначения, то есть Москвой, где человек получал назначение на пост, который отнесен к входу в элиту. Цепочки географических перемещений расположены в хронологическом порядке. Ячейки, маркированные «0», означают, что человек не совершал перехода.

истеблишмента (см. пример на табл. 3). Цепочка представляет собой последовательный ряд населенных пунктов, между которыми совершались перемещения (они могли быть обусловлены сменой места жительства, получением образования или карьерными переходами). Ее можно представить в виде последовательности $A_1 \rightarrow A_2 \rightarrow \dots \rightarrow A_n$, где A_1 – это место рождения, а A_n – точка входа в элиту, то есть Москва. Каждый населенный пункт, участвующий в карьерных перемещениях, являлся узлом графа, каждое перемещение – векторным ребром. Максимальное количество переходов для действующей политической элиты – 16, среднее значение – 3,5.

После построения матрицы переходов были посчитаны индексы центральности населенных пунктов, участвующих в центростремительной мобильности по направлению к элите. Крупные города имеют большие значения индекса центральности (по входу, то есть переезду в это место), чем прочие узлы. Анализ индексов центральности показал, что существует небольшое количество мест, которые заметно чаще других становятся поставщиками кадров в элиту, то есть городами-мостами, которые соединяют исходную точку с Москвой. Эти города стягивают людей из других регионов и являются эффективной стартовой площадкой для проникновения в элиту. *Городами-хабами* являются прежде всего Санкт-Петербург, Екатеринбург, Краснодар, Ростов-на-Дону, Нижний Новгород и ряд других (табл. 4).

В азиатской части России мы обнаружили всего четыре города-хаба – Екатеринбург, Тюмень, Новосибирск и Красноярск. Восточная Сибирь и Дальний Восток практически выключены из элитной селекции.

Города-хабы являются местом притяжения жителей других населенных пунктов, их кадровыми донорами. Если вы родом из Ханты-Мансийска, то для успешной политической

Таблица 4

Города-хабы и их кадровые доноры

Город-хаб	Показатель In Degree*	Кадровые доноры городов-хабов
1. Санкт-Петербург	116	Калининградская о., Вологодская о., Р. Карелия, Архангельская о., Р. Марий-Эл, Кировская о., Мурманская о.
2. Екатеринбург	53	Тюменская о., Кемеровская о., Курганская о., Р. Мордовия, ХМАО, Челябинская о.
3–4. Краснодар	38	Р. Адыгея, Волгоградская о., Ростовская о., Р. Чечня
3–4. Ростов-на-Дону	38	Р. Кабардино-Балкария, Р. Адыгея, Белгородская о., Р. Карачаево-Черкессия, Курская о., Орловская о., Пензенская о., Р. Северная Осетия
5. Нижний Новгород	37	Р. Башкирия, Кировская о., Р. Абхазия, Белгородская о., Воронежская о., Р. Дагестан, Р. Коми, Пензенская о., Ростовская о., Саратовская о.
6–7. Красноярск	31	Иркутская о., Р. Алтай, Томская о., Р. Тыва, Р. Хакасия
6–7. Новосибирск	31	Свердловская о., Красноярский к., Иркутская о., Кемеровская о., Омская о., Р. Якутия, Р. Алтай
8–9. Уфа	28	Краснодарский к., Р. Крым, Оренбургская о., Самарская о., Ставрополь, Челябинская о.
8–9. Саратов	28	Астраханская о., Р. Карачаево-Черкессия, Краснодарский к., Курская о., Нижегородская о., Смоленская о., Тамбовская о.
10–11. Тюмень	27	Свердловская о., ХМАО, ЯНАО, Р. Башкирия, Кемеровская о., Калужская о.
10–11. Казань	27	Р. Марий-Эл, Псковская о., Р. Чувашия

Примечание. *Показатель In Degree в ориентированном графе – общее количество входящих ребер в конкретный узел.

Рис. 1. Города-хабы, повышающие вероятность успешной политической карьеры

карьеры вам лучше переехать в Тюмень, чтобы затем попасть в Москву. Если вы родились в Чебоксарах, лучше строить карьеру, переместившись в Казань (рис. 1). То есть города-хабы – не просто крупные населенные пункты, но места аккумуляции кандидатов в истеблишмент перед переездом в точку элитной концентрации.

Предложенный метод позволяет ранжировать крупные города России по их центральности – степени влияния на успех политической карьеры. И если о статусе столицы государства написано много, то о существовании «порталов» входа в элиту мы исследований не встречали. Причины, по которым город стал хабом, предстоит изучить. Предполагаем, это связано как с персонами лоббистов, так и с местонахождением определенных университетов или организаций, сумевших стать крупными поставщиками кадров в центр.

Вывод о беспрецедентной роли Москвы для процесса элитообразования вряд ли удивит. Как говорилось, о «сверхцентрализации» и высокой концентрации богатства в России писали многие экономисты, фиксируя рост значений коэффициента Джинни⁴. Об этом предупреждали политологи [Киселев, 2007; Лапина, 2008; Григорян и др., 2020]. Вертикализация власти усиливает роль закрытых механизмов отбора, неуклонно повышает бюрократизацию системы управления страной. Нам важно другое следствие процесса: крайнее сужение круга людей, которые находятся в зоне внимания «селекционных лабораторий» государства. Ингибирование появления новых точек карьерного роста может тормозить развитие страны в целом.

Образование как «бутылочное горлышко». Г.К. Ашин отмечал, что в современном информационном обществе «высшее образование приобретает приоритетную роль в развитии отдельных стран и мирового сообщества в целом» [Ашин, 2008: 3]. В таком обществе на вершине социальной иерархии должны находиться люди, получившие лучшее университетское образование. Но так ли это в случае с современной российской политикой? Какие вузы становятся главными поставщиками кадров в отечественную элиту?

Ранее мы писали, что список лучших международно признанных вузов и список элитарных вузов (тех, которые закончила большая часть действующих представителей истеблишмента) не соответствуют друг другу [Крыштановская, Лавров, 2023]. Выпускники лучших вузов, признанных глобальными рейтинговыми агентствами, – МФТИ, МИФИ, физико-математические и естественно-научные факультеты МГУ им. Ломоносова,

⁴ В 2024 г. этот показатель в РФ вырос с 0,395 в 2022 г. до 0,399 пунктов [Росстат, 2024: 202].

не приходят в политическую элиту. Вузы, дипломы которых получают те, кто занимает важные государственные посты, не считаются самыми лучшими по качеству образования.

Согласно нашим данным, основными поставщиками кадров в российскую элиту являются Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (МГУ) – 9,8%, Московский государственный институт международных отношений МИД РФ (МГИМО) – 9,2%, Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ) – 5,5%, также Академия ФСБ – 1,8%. Концентрация элитных кадров в первых трех университетах выше для представителей федеральной бюрократии⁵ (24,5%), чем для электократии⁶ (7,1%). Характерно, что высокое место МГУ им. Ломоносова в элитогенезе обеспечивается не его лучшими подразделениями, а в первую очередь юридическим и экономическим факультетами, а также Институтом стран Азии и Африки (55,6% от окончивших МГУ).

Особую роль в процессе кооптации кадров в федеральную бюрократию играют военизированные учебные заведения, занятые поставкой специалистов в сфере безопасности. Сегодня люди, получившие первое высшее образование в военных и специальных училищах и академиях, составляют 10,6% элиты (в бюрократии – 13,2%, в электократии – 9,5%). Большая их часть – выпускники московских вузов: Московского высшего военного общевоинского командного училища (МВОКУ), Военного университета МО РФ и Академии ФСБ⁷. Похожая концентрации и среди отраслевых специалистов: юристов для федеральной бюрократии готовит, как правило, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина, экономистов – Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова и Финансовый университет при Правительстве РФ.

Кроме указанных московских и питерских вузов, особую роль в подготовке кадров для властных структур имеет Российская академия народного хозяйства и государственной службы (РАНХиГС), которая специализируется на создании программ дополнительного образования и повышения квалификации. Здесь наблюдаема работа «социально-государственного сита», созданного для удовлетворения нужд государства в новых кадрах. Подобного рода система создана в советский период и состояла из «особых» учебных заведений: Академии общественных наук при ЦК КПСС, Академии народного хозяйства при правительстве СССР, сети высших партийных и комсомольских школ (ВППШ и ВКШ) [Крыштановская, 2005]. В этих заведениях не было открытого приема, абитуриентов рекомендовали партийные и комсомольские органы. Обучение в таких вузах предшествовало назначению на номенклатурную позицию. Сегодня РАНХиГС (преемник АОН при ЦК КПСС и АНХ) выполняет схожую роль, хотя, в отличие от советского времени, готовит как вполне обычных студентов, так и назначенцев, рекомендованных кадровыми ситами государства⁸. В наше время 29,7% элитариев получили высокие назначения после прохождения специальных программ РАНХиГС для политиков. В плане получения высшего образования РАНХиГС – обычный вуз. Но роль диплома РАНХиГС для лиц с высшим образованием уникальна. Это учебное заведение обладает региональной сетью отделений и филиалов, создавая дополнительные «входные ворота» для рекрутируемой элиты.

⁵ К федеральной бюрократии мы относим руководителей Администрации Президента РФ; членов Правительства РФ (включая руководителей агентств, служб и надзоров), руководство аппаратов Правительства РФ, Госдумы, Совета Федерации, Совета безопасности РФ.

⁶ К электократии – избираемой части элиты – мы относим депутатов палат Федерального собрания РФ.

⁷ Система высшего военного образования в России имеет следующие ступени: военное училище, академии родов войск и Академия Генерального штаба Министерства обороны РФ. Люди, вошедшие в элиту, прошли все эти ступени. Здесь мы говорим только о первой ступени, которая является главной дорогой для последующей карьеры. Система образования ведомств, отвечающих за безопасность, содержит латентную информацию о специальных учебных заведениях, что достойно отдельного описания.

⁸ Например, Высшая школа государственного управления РАНХиГС, так называемая «Школа губернаторов». URL: <https://my.ranepa.ru/struktura/instituty-i-fakultety/vyshshaya-shkola-gosudarstvennogo-upravleniya/> (дата обращения: 14.05.2024).

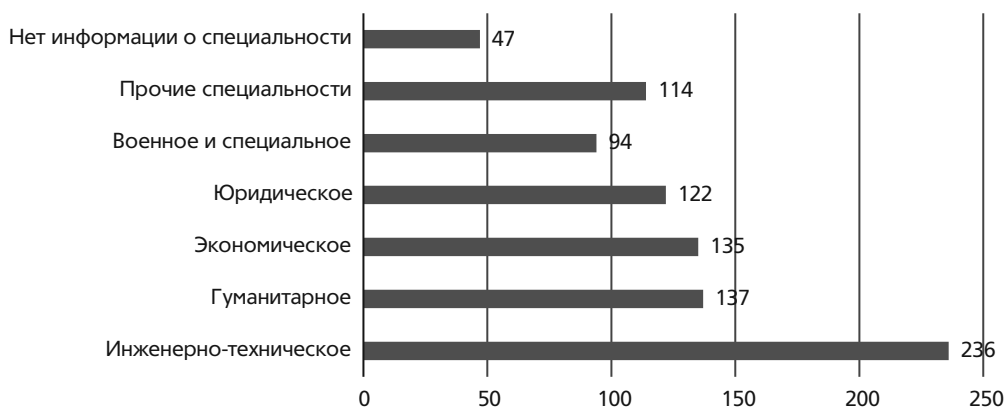

Рис. 2. Специальность по первому высшему образованию представителей действующей элиты РФ, $N = 885$

Подводя итог разделу об образовательных лифтах в политику, зафиксируем существенную концентрацию вузов, через которые можно войти в политическую элиту преимущественно в Москве, (МГУ им. Ломоносова, МГИМО МИД РФ, Академия ФСБ, МВОКУ МО РФ, Военный университет МО РФ, Финансовый университет при Правительстве РФ, РЭУ им. Плеханова) или в Санкт-Петербурге (прежде всего СПбГУ). РАНХиГС, лидер во втором высшем образовании элиты, также располагается в столице. Прочие вузы составляют незначительный процент и не могут рассматриваться как трамплин к успешной траектории политической карьеры.

Новая технократия: инженеры ЖКХ и айтишники. Посмотрим теперь на профили профессиональной подготовки, которые получили в университетах чиновники и депутаты. Здесь концентрация профессий тоже высока. Но могут ли в элиту проникать специалисты разных профилей? В советские годы в приоритете у элиты находились инженерно-технические специальности, что было связано со структурой системы высшего образования в СССР [Крыштановская, 1989]. Данные нашего исследования показывают, что и сегодня «технари» остаются самой крупной группой действующего истеблишмента – 26,7% получили техническое образование (рис. 2). Но сегодня этот тренд претерпел изменения.

В советское время номенклатура в основном абсорбировала людей с инженерно-техническим образованием и опытом работы на промышленном предприятии или в аграрном секторе. Сегодня самый «успешный» канал вертикального взлета – система жилищно-коммунального хозяйства и городского строительства. Выходцы из этой сферы в большинстве своем получают управленческие должности в регионе и неплохие шансы развития карьеры до федерального уровня.

Вторая группа инженерно-технических работников, востребованных во властных структурах, – специалисты IT-индустрии, бурно развивающейся в России. Власть, взявшая курс на цифровизацию, остро нуждается в программистах, что отражается в создании новых каналов их мобильности. Традиционные для политической элиты профессии – юристы, экономисты – остаются базовыми профессиями чиновников и депутатов, но приобретают оттенок некой *Old School*.

Организации-драйверы. Дело не только в университетских дипломах, полученной специальности, личных талантах. Часто людей наверх поднимают могущественные корпорации, в которых они работают. Самыми эффективными лоббистскими ресурсами в кадровом вопросе обладают некоторые государственные ведомства (особенно полиция, армия и органы госбезопасности), госкорпорации (Газпром, РЖД и Ростех), государственные банки (ВТБ и Сбер) (рис. 3).

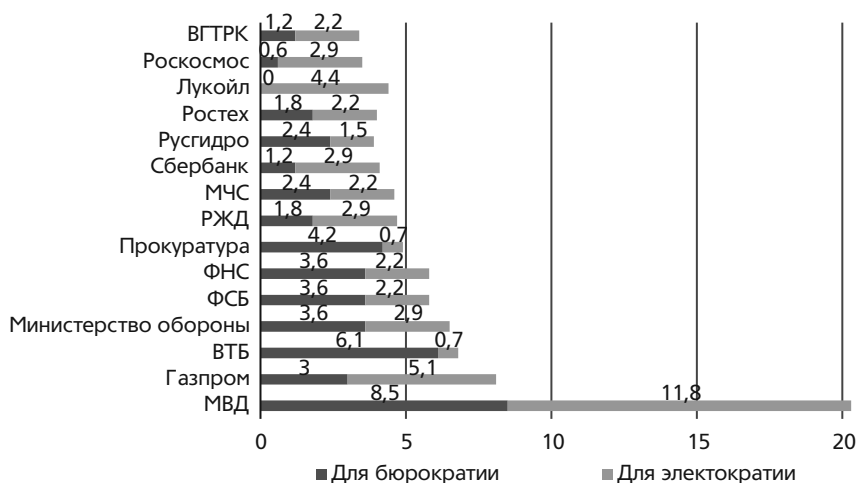

Рис. 3. Основные организации-драйверы политической карьеры своих представителей, в %

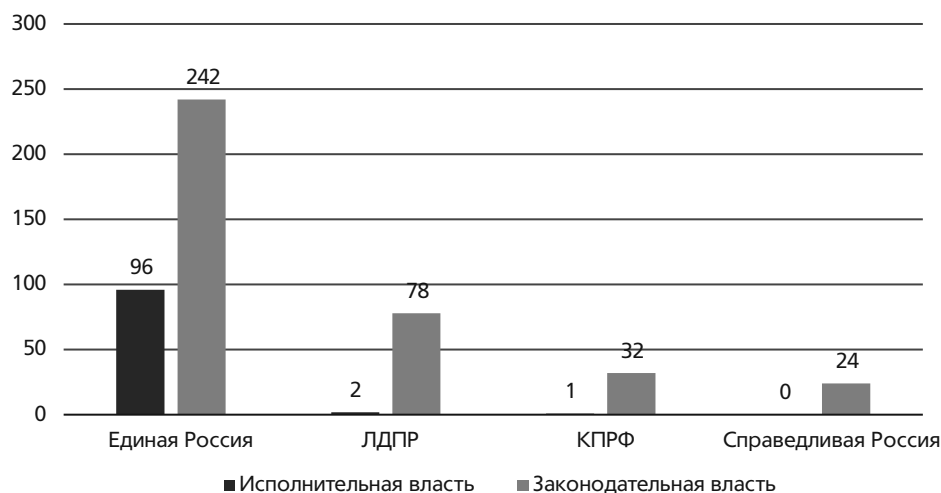

Рис. 4. Партийные лифты политической карьеры, чел.

Более 50% всех назначений людей, связанных с организациями-драйверами, приходится на пять ведомств (МВД, МО, ФСБ, ФНС, Прокуратура), ПАО «Газпром» и ВТБ. Силовые и правоохранительные ведомства в данном случае выступают не как «лифты», а как «эскалаторы». Проникновение в элиту их ставленников происходит не путем преодоления неких ведомственных «потолков», а плавно, путем скольжения от одной ступени к другой внутри ведомства, вплоть до элитной позиции. Это закрытый тип мобильности: человек, поднявшись по такому эскалатору, может не покидать границ своей материнской компании. Подъем по ведомственным эскалаторам отличается некой узостью профессионального опыта и взгляда на мир, хотя может сопровождаться и блестящими знаниями в рамках относительно узкой квалификации.

Кроме хозяйствующих субъектов и государственных структур, организациями-драйверами могут выступать партии или общественные организации. Анализ показал, что членство в «Единой России» является одним из наиболее эффективных катализаторов

политической карьеры. Прочие партии ресурсами продвижения своих людей почти не обладают. Максимум, чего могут добиться ЛДПР, КПРФ и «Справедливая Россия», – создать фракцию в Государственной Думе. Вход в бюрократию для них практически закрыт за редким исключением (рис. 4).

Обратимся теперь к «третьему сектору». Анализ биографий элитариев демонстрирует, что и здесь существует своего рода *short-list* НКО, обеспечивающих карьерный взлет. В этом списке – ООД «Общероссийский народный фронт» и Общественная палата РФ. Среди других драйверов заметное место занимают бизнес-ассоциации «Опора России» и «Деловая Россия», а также АНО «Россия – страна возможностей». Заметим, что штаб-квартиры всех этих без исключения организаций-драйверов, образующих экономический, партийно-политический и общественный кластеры, расположены в Москве.

Последствия узости троп наверх. Проанализировав каналы вертикальной мобильности, мы видим, сколь узкими являются тропы на политический Олимп: родиться и учиться в столице, иметь диплом всего трех московских вузов по трем-четырем специальностям, поработать в одной из организаций-драйверов со штаб-квартирой в Москве.

Конечно, государство всегда представляет собой пирамиду, сужающуюся кверху, конкуренция за каждое место на более высоком этаже возрастает в геометрической прогрессии. Но это не значит, что не нужны широкие дороги, которые позволят большему количеству кандидатов получить шанс на переход в более статусную страту. Чем больше возможностей роста, тем большее разнообразие кандидатов. Чем большее разнообразие кандидатов, тем лучше происходит отбор самых способных и профессиональных. А это залог устойчивости системы.

За время реформирования российского государства после краха СССР была создана система подбора и подготовки кадров для государственной службы [Лавров, 2023]. Процесс перестал быть стихийным, сеть институтов занялась рекрутацией кадров на госслужбу. Но на сегодняшний день эту систему можно охарактеризовать как ограниченную, имеющую слишком «узкие коридоры» и «бутылочные горлышки» на пути восхождения наиболее талантливых кандидатов. Вот ее основные особенности.

Привилегии для успешной политической карьеры имеют жители столиц – Москвы и, в меньшей степени, Санкт-Петербурга. В Москве родился каждый десятый член политической элиты страны (11,5%), 27,7% получали в столице высшее образование. Кроме этого, мы обнаружили пять городов-хабов, которые аккумулируют восходящие потоки кандидатов на государственные посты, чтобы затем направить их в Москву.

Высокой концентрацией отличается система образования России. Самые высокие шансы пройти селекционные «сита» имеют выпускники трех вузов – МГУ, МГИМО и СПбГУ. Семь вузов из первой десятки «элитарных» вузов (тех, которые закончили большинство элитариев) расположены в Москве, два – в Санкт-Петербурге, один – в Екатеринбурге. Ограниченность перечня элитарных вузов – свидетельство низкой пропускной способности системы подготовки кадров высшего звена.

Среди профессиональных групп самые высокие шансы войти в истеблишмент у инженеров, работающих в системе ЖКХ и ИТ, а также юристов и экономистов.

Привилегированное положение отличает сотрудников некоторых государственных ведомств и госкорпораций, которые делегируют своих представителей в органы власти. Самыми мощными организациями-драйверами «своих» людей на сегодня являются МВД РФ и ПАО «Газпром».

Наиболее эффективными лифтами в политику стали в последнее десятилетие членство в партии «Единая Россия» и аффилированность с такими общественными организациями, как Общероссийский народный фронт (ОНФ), Общественная палата РФ или АНО «Россия – страна возможностей».

Указанные пути на вершину власти – будь то локация рождения, вуз или организация-драйвер – должны быть расположены в Москве, что вызывает постоянный поток миграции высших страт общества в столицу, еще более повышая концентрацию власти

в политической системе. Из-за узости каналов мобильности она воспринимается гражданами страны как несправедливая, нарушающая принцип равных возможностей. Следствием этого является делигитимация элиты, непредставительный характер которой ощущается гражданами России как одна из острых социальных проблем.

Для запуска меритократических механизмов отбора кадров необходимо расширить «узкие места», пустить новое вино в старые меха. В экономике сверхцентрализация мешает появляться точкам роста. В элитогенезе засорение каналов восходящей мобильности ведет к серьезным последствиям социетального характера, включая снижение доверия к власти в целом, и к представителям политического класса в частности. Для купирования рисков требуются осознанные усилия по развитию новых социальных лифтов, которые, повышая конкуренцию, приведут к иному качеству отбора кадров. Государство понимает эти потребности. В марте 2024 г. была создана новая кадровая программа «Время героев»⁹, призванная обеспечить подготовку высококвалифицированных и компетентных руководителей из числа участников СВО для последующей работы в органах государственной и муниципальной власти. На момент написания статьи первый набор участников еще не закончил обучение, поэтому мы пока не можем оценить роль этого механизма в формировании элиты. Но развитие системы происходит, давая надежду на приток новых людей на высшие государственные должности и на развитие меритократических трендов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аузан А.А. Экономика всего. Как институты определяют нашу жизнь. М.: МИФ, 2014.
- Ашин Г.К. Элитный университет в системе элитного образования // Журнал социологии и социальной антропологии. 2008. Т. 11. № 1. С. 31–49.
- Бауман З. Текущая современность. СПб.: Питер, 2008.
- Башляр Г. Поэтика пространства. М.: Ад Маргинем Пресс, 2020.
- Воронкова О.А., Сидорова А.А., Крыштановская О.В. Российский истеблишмент: пути и методы обновления // Полис. Политические исследования. 2011. № 1. С. 66–79.
- Гимпельсон В.Е., Монусова Г.А. Восприятие неравенства и социальная мобильность // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2014. Т. 18, № 2. С. 216–248.
- Гоффман И. Поведение в публичных местах: заметки о социальной организации сборищ. М.: Элементарные формы, 2017.
- Григорян Д.К., Крицкая А.А. и др. Централизация власти как результат развития современной элиты России // Теории и проблемы политических исследований. 2020. Т. 9. № 2А. С. 24–31.
- Данилов-Данильян В.И. Об устойчивости экосистем // Экосистема: экология и динамика. 2017. Т. 2. № 1. С. 5–12.
- Даугавет А.Б., Дука А.В., Тев Д.Б. Региональные властные группы: основные социально-структурные характеристики и инновационный потенциал // Власть и элиты. 2016. № 3. С. 121–186.
- Дука А.В. Постсоветская элита: институционализация и рекрутирование // Политические институты России и Франции: традиции и современность / Под ред. Д.В. Ефременко, Н.Ю. Лапина. М.: ИНИОН РАН. 2014. С. 203–228.
- Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь. М.: Strelka Press, 2018.
- Зубаревич Н.В. Региональное развитие и региональная политика в России // Всероссийский экономический журнал ЭКО. 2014. № 4 (478). С. 7–27.
- Крыштановская О.В. Анатомия российской элиты. М.: Захаров, 2005.
- Крыштановская О.В. Инженеры: становление и развитие профессиональной группы. М.: Наука, 1989.
- Крыштановская О.В., Лавров И.А. Высшее образование в России: элитное vs элитарное? // Мир России. Социология. Этнология. 2023. Т. 32. № 4. С. 138–159.
- Лавров И.А. Институционализация формирования политико-управленческой элиты в современной России. Дисс. ... канд. соц. наук. М.: РГГУ, 2023.
- Лавров И.А., Крыштановская О.В. Социальная мобильность и конкурс «Лидеры России» // Ars Administrandi (Искусство управления). 2023. Т. 15. № 2. С. 292–310.

⁹ Высшая школа государственного управления «Время героев». URL: <https://времягероев.рф> (дата обращения: 04.09.2024).

- Лапина Н.Ю. Централизация власти в России: как реализовывался политический проект? // Pro Nunc. Современные политические процессы. 2008. Т. 8. № 1. С. 137–149.
- Левашов В.К., Великая Н.М. и др. Как живешь, Россия? Экспресс-информация. 54 этап социологического мониторинга, апрель 2024 года. М.: ФНИСЦ РАН, 2024.
- Николис Г., Пригожин И.Р. Познание сложного. М.: Мир, 1990.
- Одум Ю.П. Экология. М.: Мир, 1986.
- Палитай И.С., Попова С.Ю., Селезнева А.В. Рекрутирование молодых политических лидеров в современной России: каналы, формы, технологии // Вестник ТГУ. 2020. № 455. С. 68–77.
- Парето В. Компендиум по общей социологии. М.: НИУ ВШЭ, 2008.
- Покатов Д.В. Политический рекрутинг в России (XX – начало XXI века) // Известия Саратовского ун-та. Новая серия. Сер. «Социология. Политология». 2014. Т. 14. № 3. С. 19–23.
- Росстат. Социально-экономическое положение России. Январь – апрель 2024 года. М.: Росстат, 2024.
- Сергеев В.М. Демократия как переговорный процесс. М.: МОНФ, 1999.
- Сорокин П.А. Социальная мобильность. М.: Academia, 2005.
- Тев Д.Б. Федеральная административная элита России: карьерные пути и каналы рекрутирования // Полис. Политические исследования. 2016. № 4. С. 115–130.
- Тихонова Н.Е. Субъективная стратификация российского общества: состояние, динамика, ключевые проблемы: аналитический доклад М.: НИУ ВШЭ, 2021.
- Урри Д. Мобильности. М.: Практис, 2012.
- Федерализм и централизация / Под ред. К.В. Киселева. Екатеринбург: УрО РАН, 2007.
- Hirschman A.O., Rothschild M. The changing tolerance for income inequality in the course of economic development: With a mathematical appendix // The Quarterly Journal of Economics. 1973. Vol. 87. No. 4. P. 544–566.
- Makimoto T., Manners D. Digital Nomad. N.J.: Wiley, 1997.
- Putnam R.D. The Comparative Study of Political Elites. N.J.: Prentice-Hall, 1976

Статья поступила: 14.08.24. Финальная версия: 19.09.24. Принята к печати: 27.09.24.

VERTICAL MOBILITY IN RUSSIAN POLITICS

KRYSHTANOVSKAYA O.V.*, LAVROV I.A.*

*Russian State University for the Humanities, Russia

Olga V. KRYSHTANOVSKAYA, Dr. Sci (Sociol.), Director (olgakrysht@yandex.ru); Ivan A. LAVROV, Cand. Sci. (Sociol.), Deputy director (lavrov.sociology@gmail.com). Both – Scientific Center of Digital Sociology “Yadov-center”, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia.

Abstract. The article is devoted to the comprehension of the current vertical mobility channels in Russian politics. Not only the stability, functioning and development of the political system, but also the maintenance of the legitimacy of the ruling class depend on their parameters and efficiency. Based on long-term monitoring of the political elite recruitment, we analyzed the educational and professional experience of the current establishment members, as well as their geographical mobility. Total number of the studied group as of 01.01.2024 amounted to 885 people. The best prospects for an upward career trajectory are given to people born in Moscow, less often in St. Petersburg. People who grew up in the regions, to increase their chances, must move to 5 hub cities, from which their opportunities to enter the elite sharply increase. Our analysis of educational mobility also shows overconcentration: three universities prevail in the rating of elite universities – Lomonosov Moscow State University, St. Petersburg State University and MGIMO University. Professional upward flows are also characterized by low throughput: political career is promoted by three spheres of activity – housing, utilities and construction, finance and law. Overconcentration of upward mobility flows leads to negative consequences: the political system is perceived by citizens as unfair; the elite is largely delegitimized. This situation also hinders the development of meritocratic mechanisms selecting personnel for the establishment. To optimize the selection process, it is necessary to strengthen competition in selection, which will improve the quality of incorporated personnel and increase the ability of the system to withstand threats and challenges.

Keywords: Russia, elite, vertical mobility, social lifts, geomobility, education, career, professions, regions.

REFERENCES

- Ashin G.K. (2008) Elite university in the system of elite education. *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology]. Vol. 11. No. 1: 31–49. (In Russ.)
- Auzan A.A. (2014) *The Economics of Everything. How institutions shape our lives*. Moscow: MIF. (In Russ.)
- Bachelard G. (2020) *The Poetics of Space*. Moscow: Ad Marginem Press. (In Russ.)
- Bauman Z. (2008) *Liquid Modernity*. St. Petersburg: Piter. (In Russ.)
- Danilov-Danil'yan V.I. (2017) On the sustainability of ecosystems. *Ekosistema: ekologiya i dinamika* [Ecosystem: ecology and dynamics]. Vol. 2. No. 1: 5–12. (In Russ.)
- Daugavet A.B., Duka A.V., Tev D.B. (2016) The regional power groups: Main socio-structural characteristics and innovation potential. *Vlast' i elity* [Power and Elites]. No. 3: 121–186. (In Russ.)
- Duka A.V. (2014) Post-Soviet elite: institutionalisation and recruitment. In: *Politicheskie instituty Rossii i Francii: tradicii i sovremennost'*. Ed. by D.V. Efremenko, N.Y. Lapina Moscow: INION RAN: 203–228. (In Russ.)
- Federalism and centralization* (2007). Ed. by K.V. Kiselev. Ekaterinburg: UrO RAN. (In Russ.)
- Gimpelson V.E., Monusova G.A. (2014) Perception of Inequality and Social Mobility. *Ekonomicheskij zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki* [Higher School of Economics Economic Journal]. Vol. 18. No. 2: 216–248. (In Russ.)
- Goffman E. (2017) *Behavior in Public Places: Notes on the Social Organization of Gatherings*. Moscow: Elementarnye formy. (In Russ.)
- Grigoryan D.K., Krickaya A.A. et al. (2020) Centralisation of power as a result of the development of Russia's modern elite. *Teorii i problemy politicheskikh issledovanij* [Theories and problems of political research]. Vol. 9. No. 2A: 24–31. (In Russ.)
- Hirschman A.O., Rothschild M. (1973) The changing tolerance for income inequality in the course of economic development: With a mathematical appendix. *The Quarterly Journal of Economics*. Vol. 87. No. 4: 544–566.
- Kryshatanovskaya O.V. (1989) *Engineers: formation and development of a professional group*. Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Kryshatanovskaya O.V. (2005) *Anatomy of the Russian elite*. Moscow: Zaharov. (In Russ.)
- Kryshatanovskaya O.V., Lavrov I.A. (2023) Higher education in Russia: elite vs elitist? *Mir Rossii. Sociologiya. Etnologiya* [The Universe of Russia. Sociology. Ethnology]. Vol. 32. No. 4: 138–159. (In Russ.)
- Lapina N. Yu. (2008) Centralisation of power in Russia: how was the political project implemented? *Pro Nunc. Sovremennye politicheskie processy* [Pro Nunc. Modern political processes]. Vol. 8. No. 1: 137–149. (In Russ.)
- Lavrov I.A. (2023) *Institutionalisation of political and managerial elite formation in modern Russia*. Moscow: RGGU. (In Russ.)
- Lavrov I.A., Kryshatanovskaya O.V. (2023) Social mobility and the Leaders of Russia competition. *Ars Administrandi (Iskusstvo upravleniya)* [Ars Administrandi (The Art of Administration)]. Vol. 15. No. 2: 292–310. (In Russ.)
- Levashov V.K., Velikaya N.M. et al. (2024) *How are you living, Russia?* Express Information. 54th stage of sociological monitoring, April 2024. Moscow: FNISC RAN. (In Russ.)
- Makimoto T., Manners D. (1997) *Digital Nomad*. New Jersey: Wiley.
- Nikolis G., Prigozhin I.R. (1990) *Cognition of the complex*. Moscow: Mir. (In Russ.)
- Odum E.P. (1986) *Ecology*. Moscow: Mir. (In Russ.)
- Palitaj I.S., Popova S.Y., Selezneva A.V. (2020) Recruitment of Young Political Leaders in Modern Russia: Channels, Forms, Technologies. *Vestnik TGU* [Bulletin of Tomsk State University]. No. 455: 68–77. (In Russ.)
- Pareto W. (2008) *Compendium of general sociology*. Moscow: NIU VSHE. (In Russ.)
- Pokatov D.V. (2014) Political Recruitment in Russia (XX - early XXI century). *Izvestiya Saratovskogo un-ta. Novaya seriya. Ser. «Sociologiya. Politologiya»* [Herald of Saratov university. New series. Ser. "Sociology. Political Science"]. Vol. 14. No. 3: 19–23. (In Russ.)
- Putnam R.D. (1976) *The Comparative Study of Political Elites*. New Jersey: Prentice-Hall.
- Rosstat. (2024) Socio-economic situation in Russia. January-April 2024. Moscow: Rosstat. (In Russ.)
- Sergeev V.M. (1999) *Democracy as a negotiation process*. Moscow: MONF. (In Russ.)
- Simmel G. (2018) *The great cities and the life of the spirit*. Moscow: Strelka Press. (In Russ.)
- Sorokin P.A. (2005) *Social mobility*. Moscow: Academia. (In Russ.)
- Tev D.B. (2016) Russia's Federal Administrative Elite: Career Paths and Recruitment Channels. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies]. No. 4: 115–130. (In Russ.)
- Tikhonova N.E. (2021) *Subjective Stratification of Russian Society: State, Dynamics, Key Problems: Analytical Report*. Moscow: HSE. (In Russ.)
- Urry J. (2012) *Mobilities*. Moscow: Praktis. (In Russ.)
- Voronkova O.A., Sidorova A.A., Kryshatanovskaya O.V. (2011) The Russian Establishment: ways and methods of renewal. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies]. No. 1: 66–79. (In Russ.)
- Zubarevich N.V. (2014) Regional Development and Regional Policy in Russia. *Vserossiiskij ekonomicheskij zhurnal EKO* [All-Russian Economic Journal ECO]. No. 4 (478): 7–27. (In Russ.)

Е.А. ШВЕЦОВА

РОССИЙСКИЕ МИЛЛИАРДЕРЫ НА МЕЖДУНАРОДНОМ ФОНЕ: ОСОБЕННОСТИ И ДИНАМИКА ПОЛОЖЕНИЯ

ШВЕЦОВА Елена Антоновна – аспирант Аспирантской школы по социологическим наукам НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия (eashvetsova@hse.ru).

Аннотация. В статье анализируется динамика положения сверхбогатых россиян, обладающих капиталом более миллиарда долларов, в сравнении с представителями глобальной бизнес-элиты в период с 2004 по 2023 г. Выявлена уникальность положения российских миллиардеров, представлена интерпретация специфичной динамики их рейтинговых позиций. Объемы капиталов российских миллиардеров на протяжении последнего десятилетия создают своего рода «облако конвергенции», а их количество находится на плато, в то время как для численности и совокупного капитала представителей глобального списка миллиардеров свойственен линейный темп роста. Степень концентрации богатства в России при этом остается одной из наиболее высоких в мире, что в условиях совпадения медианного значения частного капитала российских миллиардеров с аналогичным мировым показателем отражает особую роль данной группы в общей конфигурации специфической социальной структуры страны по богатству. Богатейшие россияне являются важной точкой опоры для сохранения внутренней социально-экономической стабильности: будучи собственниками крупных промышленных предприятий, часто расположенных в моногородах, они становятся ответственными за социальную стабильность и формирование общественных настроений.

Ключевые слова: миллиардеры • сверхбогатство • концентрация богатства • динамика богатства • неравенство • список *Forbes*

DOI: 10.31857/S0132162524100046

Введение. Проблема сверхбогатства и особенностей положения сверхбогатых россиян в условиях новой турбулентности весьма актуальна для России. На сегодняшний день 1% населения страны обладает более чем половиной всех ее богатств, что характеризует степень концентрации богатства в России как одну из самых высоких среди крупнейших экономик мира [Novokmet et al., 2017]. При этом дифференциация в рамках данного процента наиболее высока по сравнению с остальными слоями общества [Chauvel, 2022].

В современных исследованиях экономических элит подчеркивается устойчивость и закрытость группы сверхбогатых [Piketty, 2014]. В России эта группа имеет свои характерные особенности, обусловленные тем, что она сформировалась лишь три десятилетия назад. Как на раннем этапе становления современной России, так и десятилетием позже внимание российских исследователей было сосредоточено на изучении путей формирования бизнес-элиты [Крыштановская, 2005; Яковлев, 2005; Агафонов, Лепеле, 2016]. Данное исследование сфокусировано на выявлении особенностей экономического положения российской бизнес-элиты на международном фоне в текущих условиях и его динамики.

Ключевыми исследовательскими вопросами выступают следующие: насколько коррелирует динамика положения российских миллиардеров с аналогичной динамикой для миллиардеров в мире? Насколько подвержены крупнейшие российские капиталы влиянию экзогенных факторов, в частности, санкционному давлению? Для поиска ответов на эти вопросы использована специально сконструированная база, собранная на основе

информации, публикуемой Forbes и Bloomberg за период с 2004 по 2023 г. включительно¹. На основе полученных данных произведена оценка положения российских миллиардеров на фоне представителей глобальных рейтингов миллиардеров. Анализ направлен на понимание того, объяснима ли динамика положения сверхбогатых россиян и степень концентрации их капиталов специфическими страновыми особенностями России, или они отражают общемировые тенденции, характерные для глобального сверхбогатства.

Проблема сверхбогатства в научной литературе и постановка исследовательского вопроса. Фокус данного исследования сосредоточен на сверхбогатых бизнесменах, иными словами, на бизнес-элите, поэтому для его теоретико-методологической базы важны подходы к элитам, представленные в российских и зарубежных научных работах.

О.В. Крыштановская интерпретирует бизнес-элиту как «верхушку крупных предпринимателей, которые благодаря своему финансовому могуществу и наличию экономических ресурсов оказывают существенное влияние на принятие общегосударственных решений» [Крыштановская, 2005: 168], фактически приравнивая бизнес-элиту к олигархии. Более того, она делает вывод, что российская бизнес-элита есть не просто группа давления, а «специфическая внутриэлитная группа», тесно связанная государственными структурами в силу своего привилегированного происхождения из «комсомольской экономики» и советской номенклатуры. Бизнес-элита определяется как закрытая группа, оказаться в которой становится потенциально возможным только при условии обладания политическим или репутационным видами капитала, которые впоследствии трансформируются в экономический капитал. В рамках данного исследования мы сознательно отказываемся от анализа политического измерения сверхбогатства, фокусируясь на миллиардерах как обладателях экономической власти.

Феномен западного сверхбогатства, а также вопросы его устойчивости, привлекают внимание как экономистов, так и социологов: в рамках обсуждения растущего глобального неравенства в мире, с одной стороны, и теории элит – с другой. Так, С. Розен предположил витальность феномена «суперзвезд» на рынках, где «победитель получает все». Им постулируется, что глобальные изменения в технологиях, информации и коммуникации зависят от навыков и, вероятно, непропорционально вознаграждают относительную производительность и чрезмерную предприимчивость высокоталантливых людей [Rosen, 1981]. Значимость наследования и преемственности капитала для обеспечения места в высшем эшелоне богатства сокращается по мере вытеснения «старых» капиталов новыми.

Дж. Кларк сконцентрировался на роли происхождения и статуса семьи, отмечая сравнительно меньшую значимость индивидуальных достижений. Согласно этому автору мобильность между поколениями столь медленна, что если одно из первых поколений оказалось на вершине социальной иерархии, то последующие поколения унаследуют определенные социальные позиции [Clark, 2015]. Процесс замещения тех, кто унаследовал свои позиции теми, кто достиг их самостоятельно, будет длиться на протяжении многих десятилетий. Поэтому семейное происхождение, а не индивидуальный талант определяют, кто сохранит значительный объем богатства в течение нескольких поколений.

Эти подходы иллюстрируют, что объяснение возникновения и устойчивости капиталов должно выходить за рамки простого различения достигаемого и приписываемого статусов. В книге «Капитал в XXI веке» Пикетти утверждает, что «все крупные состояния, будь то унаследованные или предпринимательские по происхождению, растут чрезвычайно высокими темпами, независимо от того, работает владелец состояния или нет» [Piketty, 2014: 384]. Пикетти считает, что ключевое обоснование подобного конкурентного преимущества уже богатых людей заключается в выраженном разрыве между доходностью на капитал и реальным экономическим ростом, который позволяет инвесторам комфортно жить на инвестиционные доходы и передавать растущее богатство следующим

¹ См.: URL: <https://www.forbes.com/billionaires/> (дата обращения: 23.04.2024); URL: <https://www.bloomberg.com/billionaires/> (дата обращения: 23.04.2024).

поколениям. Возможно было бы предположить, что богатые семьи будут становиться еще богаче в течение следующих поколений. Однако известно, что большинство из крупнейших состояний XIX в. в значительной степени исчерпаны.

Эмпирическое исследование, проведенное П. Коромом [Korom et al., 2017], продемонстрировало, что численность мультимиллионеров, фигурирующих в Forbes 400, достигнувших успеха самостоятельно, на протяжении последних десятилетий значительно возросла. Кратно увеличилось количество финансистов и сверхбогатых людей, связанных с технологиями, в списке Forbes 400 США². Эти результаты подтверждают важность динамики экономической экспансии рынков, где «победитель получает все» для создания больших состояний. Невозможно отрицать и то, что наследование и принадлежность к обеспеченным семьям являются основными факторами, позволяющими остаться в рейтинге: присутствие иных членов семьи в списке Forbes 400 является маркером концентрации состояний в богатых корпоративных семьях и сокращает риск покидания рейтинга.

Д. Трейсман указывает на корреляцию между различными показателями макроуровня и ожидаемым количеством долларовых миллиардеров. Эмпирически выявлено, что количество российских миллиардеров превышает предсказанные значения в рамках предложенной модели (с учетом численности населения, уровня доходов, размера внутреннего рынка, налоговой политики, ренты на природные ресурсы, интеграции в мировую экономику и пр.). Автор отмечает, что 2/3 участников российского списка Forbes-2015 впервые вошли в него после 2006 г., и в целом основной процесс формирования больших капиталов в России развернулся не в период рыночных реформ 1990-х гг. Кроме того, Трейсман подчеркивает более высокую степень устойчивости тех российских миллиардеров, которые впервые были упомянуты в списках до 2008 г., особенно сравнению с теми, кто начал фигурировать в рейтинге после 2015 г. При этом положение миллиардеров определялось рыночной конъюнктурой, а не иными эндогенными факторами [Treisman, 2016].

Что касается вопросов наследования и его соотношения с личными достижениями, то они недавно актуализировались для первого «заметного» поколения российских сверхбогатых, занимающих сегодня верхние позиции, поэтому релевантные исследования на сегодняшний день практически отсутствуют. До этого основные работы, как было отмечено выше, касались путей попадания в состав элит [Агафонов, Лепеле, 2016; Крыштановская, 2005] или особенностей и динамики состава этой группы [Мареева, Слободенюк, 2024; Schimpfössl, 2018].

Сегодняшние социально-экономические и политические условия формируют новую рамку становления и сохранения сверхбогатств в России. Мировой финансовый кризис, развернувшийся в 2008 г., способствовал завершению периода восстановительного роста российской экономики, а также беспрецедентного роста личного благосостояния российской бизнес-элиты. Механизм санкционного давления впервые был имплементирован в политико-экономический контекст в 2014 г., однако его действие отличалось меньшей интенсивностью по сравнению с 2022 г. Поэтому важной задачей для понимания механизма формирования и сохранения сверхбогатств представляется сравнение положения сверхбогатых россиян в периоды наиболее сильной турбулентности, а также сопоставление динамики «до» и «после» экономических потрясений последних лет. Для объективной оценки положения российской бизнес-элиты и выявления ее страновых особенностей важно проводить такой анализ на международном фоне. В нашей работе он подразумевает определение позиционирования российских миллиардеров в глобальной системе координат по количеству представителей, объему их капитала, темпам его прироста, в том числе в сравнении с мировыми трендами и с внутрироссийскими макропоказателями (ВВП) в ретроспективе последних 20 лет.

² Список 400 самых богатых людей США. URL: <https://www.forbes.com/sites/chasewithorn/2023/10/03/2023-forbes-400-methodology-how-we-crunch-the-numbers/> (дата обращения: 27.04.2024).

Гипотезой исследования выступает предположение, что периоды экономической турбулентности негативно сказываются на динамике состояний миллиардеров. Однако в посткризисные периоды восстановительного роста экономики объем персональных капиталов превышает докризисный (т.е. темп их роста опережает рост экономики в целом).

Определение сверхбогатства и эмпирическая база исследования. К лицам со сверхкрупным чистым капиталом (ЛСКЧК)³ относятся индивиды, обладающие чистым капиталом не менее 30 млн долларов, заключающемся в приемлемых для инвестиций активах за вычетом обязательств (исключая инвестиции в жилье и увлечения: искусство, самолеты, яхты и недвижимость). Данной методологии оценки придерживается Wealth-X (мировой лидер в области информации и аналитики о благосостоянии) при подготовке ежегодных отчетов о глобальном сверхбогатстве⁴. Особой категорией ЛСКЧК являются миллиардеры, обладающие чистым капиталом свыше миллиарда долларов, к анализу которых мы обращаемся в рамках данного исследования. Далее в тексте, где речь идет о сверхбогатых россиянах или представителях бизнес-элиты, мы подразумеваем группу долларовых миллиардеров, а также принадлежащий им частный капитал.

Эмпирическую основу исследования составила специально собранная база данных, включающая информацию о размере капитала, резидентстве его владельца и некоторых других показателях, информация по которым была получена из анализа открытых источников. Одним из источников стал Индекс миллиардеров Bloomberg⁵ – это ежедневный рейтинг самых богатых людей мира. Индекс представляет собой динамический показатель личного благосостояния, в нем учитываются изменения на рынках, в экономике и в отчетах Bloomberg. Показатели личных капиталов обновляются каждый рабочий день после закрытия торгов в Нью-Йорке. Доли в публично торгуемых компаниях оцениваются по последней цене закрытия акции. Оценки конвертируются в доллары США по текущему обменному курсу.

Также были использованы данные рейтингов сверхбогатых Forbes, публикуемые на ежегодной основе⁶. В общемировой рейтинг Forbes включаются богатейшие бизнесмены, чей капитал превышает или эквивалентен миллиарду долларов. Для исследования использован список участников глобального списка Forbes за период 2004–2023 гг., данные которого позволяют сопоставить и интерпретировать рейтинговые позиции, динамику капитала, а также определить устойчивость группы миллиардеров. За изучаемый временной интервал количество представителей списка в мире увеличилось с 586 человек до 2641, в том числе россиян – с 26 до 103. Помимо информации о размере состояния богатейших бизнесменов со всего мира, рейтинг Forbes предоставляет сведения об основной сфере их деятельности, градации публичных и непубличных активов, юрисдикции основного актива. Половина рейтинговых позиций закреплена за представителями США. Данные Forbes и Bloomberg являются взаимодополняющими.

Одним из ограничений исследования выступает степень достоверности данных, на которых основан список Forbes и рейтинг Bloomberg. Представляется, что для решения задач данного исследования полная достоверность данных о богатстве или точное рейтингование индивидов, входящих в списки, не являются обязательными. Список Forbes и данные Bloomberg содержат выборку заметных в экономическом ландшафте страны владельцев сверхкрупных частных капиталов, что само по себе дает возможность получить важные результаты об этой группе. Объединение данных Bloomberg и Forbes повышает достоверность этих результатов.

³ Ultra high-net-worth individuals (UHNWI).

⁴ См.: World Ultra Wealth Report 2024. URL: <https://altrata.com/reports/world-ultra-wealth-report-2024> (дата обращения: 16.09.2024).

⁵ Индекс миллиардеров Bloomberg. URL: <https://www.bloomberg.com/billionaires/> (дата обращения: 17.09.2024).

⁶ Ежегодный рейтинг миллиардеров Forbes. URL: <https://www.forbes.com/billionaires/> (дата обращения: 17.09.2024).

Оценка положения российских миллиардеров на мировом фоне. По данным Bloomberg, в 2004 г. количество долларовых миллиардеров в мире составляло 586 человек с совокупным капиталом 1,56 трлн долларов. При этом в 2014 г. в мире насчитывалось 1644 миллиардера с совокупным чистым капиталом 7,3 трлн долларов (рост числа представителей этой группы произошел на 180%). За последнее десятилетие число миллиардеров увеличилось на 60% и достигло 2641 человека. В целом за период с 2004 по 2023 г. количество долларовых миллиардеров увеличилось на 350%, при этом более высокие темпы роста представителей группы наблюдались в первое десятилетие (рис. 1).

Данная тенденция могла бы являться следствием завершившегося процесса становления и формирования мировой бизнес-элиты как устойчивой группы, однако это предположение не подтверждается в ходе дальнейшего анализа персонального состава списков Forbes. Рост совокупного капитала долларовых миллиардеров в номинальном выражении за этот период стал практически восьмикратным (с 1564,2 до 12206,8 трлн долларов). Таким образом, рост численного состава уступает росту совокупного личного капитала, что указывает на тенденцию поляризации общества и увеличения неравенства за счет все большей концентрации богатства в руках меньшинства в мире в целом.

Внутрироссийская динамика представителей бизнес-элиты отличается от общемировой (рис. 2): в период с 2004 по 2014 г. количество миллиардеров увеличилось с 26 до 111 человек (на 327%, что значительно выше, чем в глобальном рейтинге, где рост составил 180%). В период 2014–2023 гг. прирост числа миллиардеров оказался отрицательным и составил –8% при + 60% в мире.

В период острой фазы глобального экономического кризиса российский рейтинг претерпел ощутимые изменения: с 2008 по 2009 г. количество миллиардеров резко сократилось с 82 до 29 человек (на 65%), а их совокупное состояние драматично уменьшилось с 360 до 87 млрд долларов (на 76%). Среднее значение капитала российского миллиардера за кризисный год снизилось на треть: с 5,5 до 3,6 млрд долларов.

Если говорить еще об одном сложном экономическом периоде, то ретроспективные данные демонстрируют, что в 2013 и 2014 гг. количество сверхбогатых россиян составляло 110 и 111 человек, а экономические потрясения 2014–2015 гг. способствовали сокращению их количества до 88 человек в 2015 г. Редукция списка на 20% выглядит незначительной по сравнению с практически трехкратным сокращением участников списка в условиях глобального экономического кризиса 2008–2009 гг., что подчеркивает возросшую со временем устойчивость группы к внешним пертурбациям.

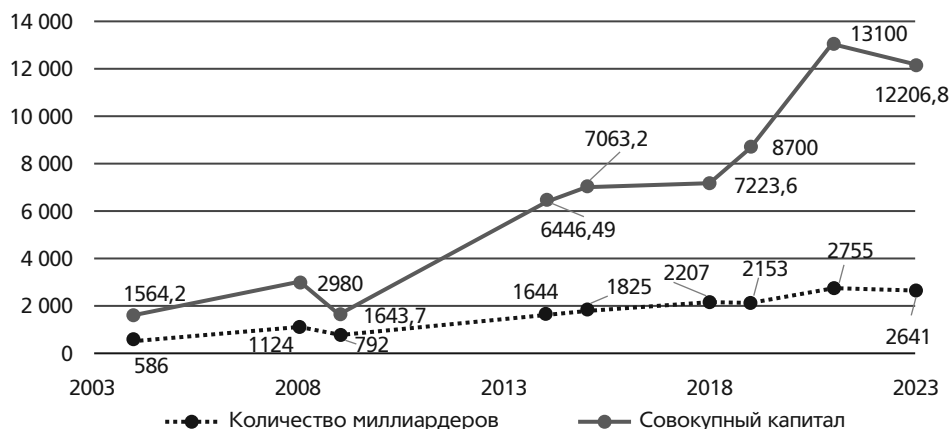

Рис. 1. Динамика количества миллиардеров и их личного капитала в мире, в млрд долл.

Источник: расчеты автора на данных Forbes.

Рис. 2. Динамика количества миллиардеров в России и в мире

Источник: расчеты автора на данных Forbes.

В 2021 г. долларовых миллиардеров в стране насчитывалось 123 человека, в 2022 г. их число сократилось на четверть, до 88 человек. Однако некоторый восстановительный рост экономики в 2023 г. позволил некоторым участникам вернуть прежние позиции: их количество достигло 102 человека, а в 2024 г. возросло до 125.

Мировые показатели демонстрируют следующую динамику: количество миллиардеров в мире в кризисный период 2008–2009 гг. сократилось с 1125 до 793 человек (на 30% – то есть масштаб изменений был заметно меньше, чем в России), в то время как размера совокупного капитала коснулись более серьезные изменения: сокращение с 2980 до 1644 млрд долларов (на 45% – что, однако, также меньше, чем для российских миллиардеров). При этом значение среднего размера капитала претерпело изменение с 3,3 до 2,8 млрд долларов. Эти данные свидетельствуют о более острой реакции представителей российского рейтинга на экзогенный шок в тот период.

Приведенная количественная динамика демонстрирует определенное постоянство численности данной группы в последнее десятилетие. На рис. 3 видно, что в 2014–2023 гг., в отличие от периода 2004–2014 гг., количество российских миллиардеров находится на плато, и незначительные отклонения зачастую сопряжены с экзогенным влиянием. Важно отметить, что изучаемая группа демонстрирует возросшую, и на данный момент высокую степень устойчивости к экзогенным факторам (экономическим и финансовым кризисам, и даже беспрецедентному санкционному давлению). При этом устойчивость группы напрямую коррелирует с эндогенными факторами (внутриполитической стабильностью и отношениями с представителями российского политического истеблишмента), которые, однако, в данном случае мы оставляем за рамками нашего рассмотрения. Отметим, что эмпирические данные других исследователей демонстрируют, что радикализированные политические взгляды негативно влияют на устойчивость участников списка [Яковлев, 2005; Игнатова, 2011].

Таким образом, российская динамика количества миллиардеров и их капиталов в последнее десятилетие отличается от общемировой: темпы роста количества миллиардеров значительно ниже, а их капиталам свойственна высокая волатильность под воздействием

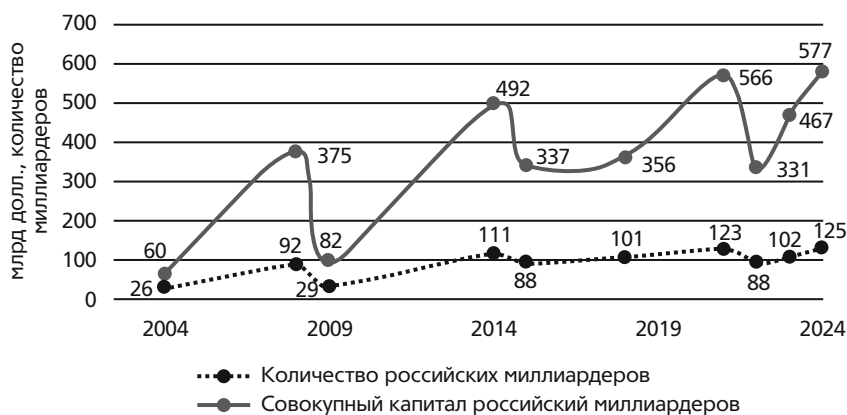

Рис. 3. Динамика количества российских миллиардеров и их личного капитала, в млрд долл.

Источник: расчеты автора на данных Forbes.

Справочно: сравнительная динамика	Рост количества миллиардеров	Рост капитала миллиардеров
2004–2014 гг.	326,9%	180,0%
2014–2023 гг.	–8,1%	10,0%

экзогенных шоков. При этом степень концентрации капиталов сохраняется одной из наиболее высоких в мире: в руках 1% населения страны сосредоточено 48% совокупного частного капитала страны. В США 1% населения владеет 35% совокупного частного капитала страны, в Китае в Индии – 33%, во Франции – 24%⁷. Это говорит, в том числе, об особенностях соотношения узкой прослойки «сверхбогатых» и остального населения с учетом общего уровня благосостояния в стране, указывая на специфику социальной структуры российского общества.

Анализируя особенности динамики роста глобального и российского объема частных капиталов (рис. 4), можно констатировать, что общемировой капитал миллиардеров тяготеет к линейным темпам роста, в то время как в российской динамике очевидна своего рода стабилизация количественной оценки благосостояния на протяжении последнего десятилетия.

В 2023 г. медианные значения капиталов миллиардеров в нашей стране практически совпали с общемировыми: медианное значение для России составило 2,2 млрд долларов, общемировое медианное значение – 2,3 млрд долларов. За рассматриваемый период данные показатели возросли: в 2004 г. медианное значение капитала миллиардеров оценивалось в 1,8 млрд долларов для России и 1,9 млрд долларов для всего мира.

За прошедшие 20 лет максимальное значение объема частного капитала в мире возросло с 46,6 до 211 млрд долларов, при этом произошло изменение дислокации крупнейшего капитала с Северной Америки на Западную Европу. Однако практически пятикратное увеличение номинального размера крупнейшего частного капитала в мире не сопровождалось аналогичным изменением в России: здесь максимальный размер вырос за период 2004–2023 гг. с 15 до 25 млрд долларов.

⁷ См.: Top 10% national income share. URL: https://wid.world/world/#shweal_p99p100_z/US; FR; DE; CN; ZA; GB; WO; RU/last/eu/k/p/yearly/s/false/12.2715/100/curve/false/country (дата обращения: 15.09.2024).

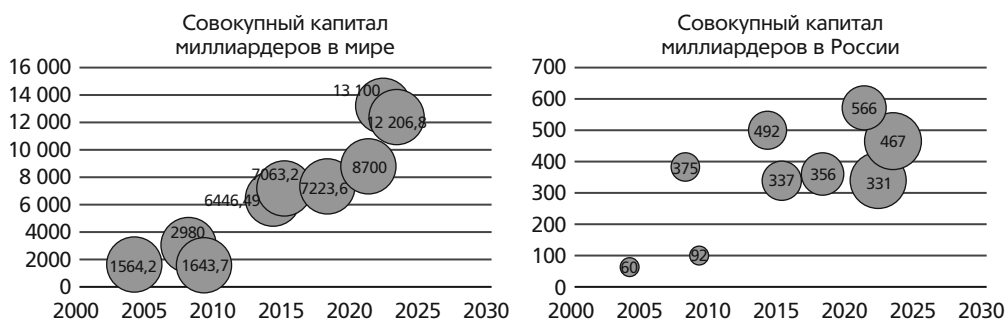

Рис. 4. Динамика размера совокупного капитала миллиардеров в мире в сравнении динамикой капитала российских миллиардеров, в млрд долл.

Источник: расчеты автора на данных Forbes.

Приведенная оценка позволяет говорить об отсутствии в России на сегодняшний день столь крупных состояний, которые встречаются в мире. Совпадение медианных значений размера крупного капитала указывает на то, что типичные представители этой группы в России и мире схожи по объемам богатства. Однако различия в уровне среднего душевого богатства массовых слоев населения в конкретных странах могут по-разному сконфигурировать положение группы сверхбогатых в общей социальной структуре по отношению к остальным гражданам.

Если провести сравнение по общему числу миллиардеров, Россия сегодня занимает пятое место в мире (125), уступая Германии (132), Индии (200), Китаю (406) и США (813). Количество россиян с состоянием в 1 млрд долларов и более в списке Forbes могло бы быть больше, однако 10 человек были исключены из рейтинга, поскольку отказались от российского гражданства – это одно из проявлений влияния новых институциональных условий, которое, возможно, еще усилится в ближайшем будущем.

Важно подчеркнуть уникальность динамики положения российских миллиардеров: вопреки численному сокращению группы в периоды экзогенных шоков, среднее значение капитала не претерпевает серьезных изменений в долгосрочной перспективе (табл. 1), что подчеркивает устойчивость «ядра группы», иными словами, владельцев наиболее весомых капиталов, размеры которых положительно отклоняются от средних значений.

Таблица 1

Динамика среднего капитала миллиардеров в России и в мире, в млрд долл.

Год	Россия	США	Китай	Индия	Франция	Среднее значение по миру
2004	2,88	2,96	3,5	3,82	5,55	3,1
2007	5,2	3	2,22	4,44	6,1	3,2
2008	3,6	2,8	3	3,5	8	3,3
2009	3,6	2,4	2,25	4	6	2,8
2014	3,8	4,7	3	3,4	5	3,9
2015	3,8	4,8	3	3,3	5,4	3,86
2018	4	4,4	3,2	3,8	5,7	3,75
2023	4,7	6,1	3,66	3,99	13,7	4,6

Источник: расчеты автора на данных Forbes.

Таблица 2

**Воспроизводимость состава глобальных списков Forbes в кризисные периоды
2008/2014 гг., 2014/2023 гг., чел.**

Участники	2008	2014	2023
Всего участников	1125	1644	2640
В списке повторно	–	591	838
Доля «устойчивых» представителей списка	–	52% от списка 2008 г.	50% от списка 2014 г. 38% от списка 2008 г.

Источник: расчеты автора на данных Forbes.

Также темпы роста среднего капитала миллиардера в России (68% в 2004–2023 гг.) превосходят темпы роста в Индии и Китае (4%), но при этом уступают США (106%) и Франции (146%). Важно отметить, что значение среднего капитала российского миллиардера выше среднего значения в мире на 0,1 млрд долларов.

Если говорить о стабильности состава (табл. 2), то группа российских миллиардеров действительно обладает высокой степенью устойчивости. Расчеты на основе списка Forbes показали, что более половины (55%) миллиардеров перманентно входят в список на протяжении 13 лет, в то время как средний период нахождения в рейтинге Forbes оценивается в 10,9 лет⁸. Устойчивость состава группы демонстрирует ее резистентность к внешним шокам, поэтому можно утверждать, что периоды высокой экономической турбулентности могут усугубить ее закрытость и гомогенность, при условии сохранения текущего политического курса.

Высокая степень стабильности состава характерна и для глобального списка Forbes: сохранили свои позиции на протяжении 15 лет 428 человек, что составляет 38% от рейтинга 2008 г. (табл. 2), в то время как более 65% российских миллиардеров из списка Forbes 2008 г. упоминаются и в рейтинге 2023 г., что указывает на более высокую степень устойчивости среди миллиардеров в России. Также 838 участников списка Forbes 2014 г. (из 1644) фигурируют в рейтингах 2014 и 2023 гг. соответственно. При этом не следует игнорировать активное расширение списка на протяжении минувшего десятилетия, что во многом объясняется процессом трансмиссии капитала.

Данная тенденция является прямым отображением процесса преемственности и наследования рыночных активов в капиталистических западных государствах. Зачастую преемников несколько (от 2 до 5 в среднем), перераспределение активов может происходить непропорционально. В силу достаточно короткого капиталистического периода в рамках новейшей истории России механизм трансмиссии капитала не был пока в достаточной мере имплементирован в экономический контекст нашей страны, хотя в предстоящие годы он будет разворачиваться. В этой связи следует отметить динамику среднего возраста миллиардеров: в 2004 г. средний возраст миллиардера в мире составлял 61 год, в России – 43 года. К 2023 г. средний возраст российских миллиардеров возрос на 15 лет и достиг отметки 58,3 года, при этом средний возраст представителей глобального рейтинга увеличился лишь на 3 года – до 64 лет. Следует отметить, что при некоторой вариативности российского списка Forbes «ядро группы» оставалось практически неизменным, что явно коррелирует со средним возрастом участников. Естественный процесс старения представителей российского рейтинга активизирует процесс институционализации передачи и перераспределения капиталов, что отразится и на степени обновления группы. Этот процесс также показывает сближение состава группы миллиардеров в России

⁸ Российский список Forbes ежегодно публикует рейтинг богатейших россиян с 2011 г.

Таблица 3

Темп роста совокупного капитала миллиардеров и темп роста ВВП в разных странах, в %

Период	Россия	Индия	США	Франция	Китай*	Общий
<i>Темп роста совокупного капитала</i>						
2004–2005	15,23%	27,95%	8,15%	–11,29%	94,67%	9,08%
2007–2008	63,50%	16,26%	24,90%	75,36%	137,80%	24,90%
2008–2009	–75,47%	–28,72%	–40,70%	–42,98%	–52,15%	–44,84%
2014–2015	–20,22%	54,10%	10,75%	7,82%	37,67%	9,57%
2018–2019	–12,55%	–31,61%	35,17%	47,16%	–1,55%	20,44%
<i>Темп роста ВВП</i>						
2004–2005	29,77%	13,84%	5,75%	2,87%	9,16%	
2007–2008	27,84%	–2,86%	1,08%	9,52%	8,19%	
2008–2009	–26,41%	10,38%	–2,83%	–8,30%	–0,60%	
2014–2015	–33,93%	1,94%	2,97%	–14,90%	–10,92%	
2018–2019	2,21%	3,84%	3,66%	–2,56%	–1,20%	
2021–2022	21,85%	7,72%	8,70%	–6,38%	–10,42%	

Примечание. *Данные по Китаю приведены в агрегированном виде, как среднее между темпами роста экономики материкового Китая и специальными административными районами (Гонконг и Макао).

Источник: расчеты автора на данных Всемирного банка. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD> (дата обращения: 15.09.2024).

с мировым составом в возрастном срезе: ранее заметные высокие отличия в этом отношении со временем нивелируются.

В глобальном контексте нельзя игнорировать крайне динамичный процесс становления экономик Индии и Китая, который неминуемо сопряжен с увеличением количества сверхбогатых: их растущее присутствие в более поздних списках снижает относительную роль тех, кто входил в рейтинги на заре изучаемого периода. Тенденции увеличения объема капиталов индийского и китайского генезиса, изменения их доли в совокупном благосостоянии в силу стремительного становления национальных экономик были описаны в исследованиях Милановича [Milanovic, 2024].

Сопоставление темпов роста национальных экономик с темпами роста частного капитала миллиардеров (табл. 3) позволяет судить о синхронности этих процессов.

До 2008 г. российская экономика демонстрировала впечатляющие темпы восстановительного роста, в 3–5 раз превышающие рост ВВП Китая и США. При этом на пороге мирового финансового кризиса рост личного благосостояния российских миллиардеров в 2,3 раза опережал темп роста российской экономики в целом. Данный разрыв может являться следствием определенной аллокации природной/сырьевой ренты. Высокая зависимость российской экономики от экспорта природных ресурсов определяет сильную волатильность положения рентообладателей в силу динамично изменяющихся цен на энергоносители, что эмпирически подтвердил глобальный экономический кризис 2008–2009 гг.: благосостояние российских миллиардеров оказалось подвержено редукции практически вдвое сильнее по сравнению с иными рассматриваемыми государствами.

Стоит также подчеркнуть опережающие темпы роста частного капитала миллиардеров в Китае в сравнении с общемировой динамикой. Рост личного благосостояния в Китае происходит на фоне замедляющихся темпов роста ВВП страны. Темп роста личного

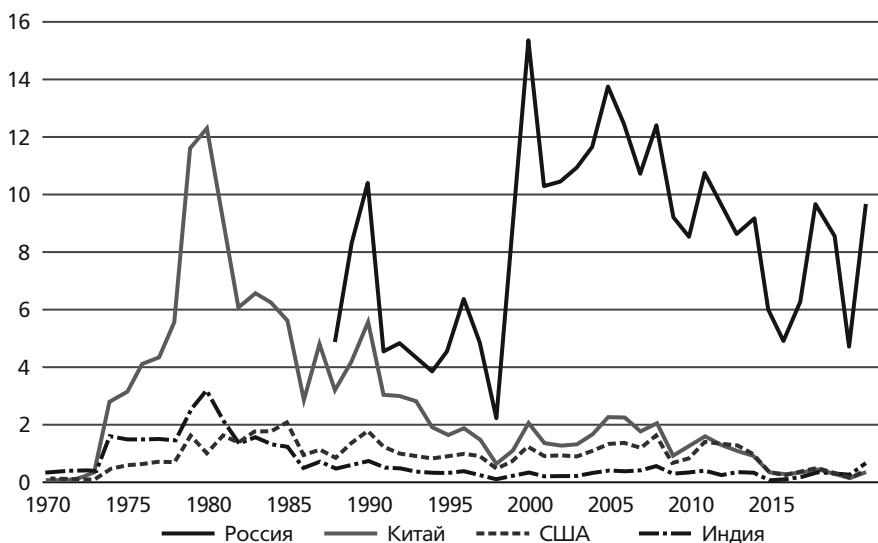

Рис. 5 Нефтяная рента (% от ВВП) – Россия, США, Китай, Индия

Источник: данные Всемирного банка. Total natural resources rents (% of GDP). URL: https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MINR.RT.ZS?locations=RU&name_desc=false (дата обращения: 25.04.2024).

капитала миллиардеров в США практически идентичен глобальному тренду. Ускоренными темпами растет личный капитал французских миллиардеров (с 2020 г. представитель Франции возглавляет рейтинг богатейших людей планеты), что вторит темпу роста национальной экономики. Российская динамика может считаться уникальной: опережающий рост частного капитала до 2008 г. (но уступающий Китаю), и дальнейшее замедление темпов роста после 2014 г.

Динамика нефтяной ренты (рис. 5) аналогична динамике темпов роста личного благосостояния российских миллиардеров (рис. 2). Высокие, несмотря на санкционные ограничения, цены на энергоресурсы на мировом рынке обеспечили лидирующие позиции представителям соответствующих отраслей в наиболее актуальном списке Forbes.

Однако динамика ВВП может зависеть не только от цен на энергоресурсы. Россия вошла топ-5 быстрорастущих экономик G20 по итогам 2023 г.: российский ВВП вырос на 3,6%, опередив США с 2,5% и Японию с 1,9%. В 2022 г. российская экономика сократилась на 1,2% (в то время, когда остальные экономики G7 демонстрировали рост), однако в 2023 г. произошел быстрый восстановительный скачок. С учетом совокупности факторов, российская экономика демонстрирует определенную устойчивость к экзогенным условиям, как и российские миллиардеры.

Приведенные в табл. 4 данные иллюстрируют степень концентрации частного капитала. Увеличение численного состава глобального рейтинга Forbes не способствует серьезному изменению экономической конфигурации внутри списка: в рамках обозримого периода в руках первых 500 участников списка сконцентрировано более половины от совокупного частного капитала миллиардеров (исключением стал лишь 2021 г.). Рост числа представителей бизнес-элиты за двадцать лет на 351% стал причиной сокращения концентрации частного капитала на 36 п.п. Важно отметить, что в ряде случаев количественный рост участников является номинальным по причине имплементации механизма трансмиссии капиталов (состояние могло быть раздроблено между наследниками

Таблица 4

Соотношение совокупного капитала всех миллиардеров и топ-500 рейтингов

Год	Совокупный капитал миллиардеров, в млрд долл.	Капитал топ-500, в млрд долл.	Соотношение топ-500/остальные	Количество миллиардеров
2004	1564,2	1508	0,96	586
2008	2980	2157	0,72	1124
2009	1643,7	1393	0,85	792
2014	6446,49	4379	0,68	1644
2015	7063,2	4616	0,65	1825
2018	7223,6	4100	0,57	2207
2019	8700	4574,86	0,53	2153
2021	13100	5206	0,4	2755
2023	12206,8	7304,46	0,6	2640

Источник: расчеты автора на данных Bloomberg.

Таблица 5

Соотношение размеров совокупного частного капитала российских миллиардеров с представителями США, Китая, Индии, Франции

Год	США/Россия	Китай/Россия	Франция/Россия	Индия/Россия
2004	11,5	0,87	1,01	0,38
2008	2,8	0,48	0,3	0,37
2009	6,9	0,93	0,63	0,89
2014	5,5	1,4	0,56	0,45
2015	7,6	2,4	0,75	0,86
2018	6,2	3,5	0,5	1,08
2021	8,45	4,04	1,2	1,005
2023	9,6	4,3	1,3	1,44

Источник: расчеты автора на данных Forbes.

в разных пропорциях, что способствовало искусственному увеличению числа участников рейтинга), однако общий процесс экономического роста не исключается из контекста.

Совокупный капитал в руках топ-20 российского списка Forbes превышает совокупный капитал всех миллиардеров, фигурирующих в российских рейтингах, что свидетельствует о значительной концентрации капитала в группе. Около 16% российских миллиардеров владеют 0,65 совокупного капитала всех миллиардеров (с отклонениями в пиковые кризисные периоды). Для сравнения, в рамках глобального списка на протяжении последнего десятилетия концентрация капитала во владении топ-500 рейтинга (который составлял от 18% общего количества миллиардеров в 2023 г. до 30% в 2014 г.) варьировалась от 0,68 до 0,6, опустившись до минимального значения 0,4 в 2021. Приведенные выше данные указывают на более высокую концентрацию капитала во владении российских миллиардеров по сравнению с их зарубежными «коллегами».

Следует отметить превосходящий размер российского частного капитала по отношению к остальным (за исключением США) до глобального экономического кризиса 2008–2009 гг. При этом в преддверии кризиса разрыв совокупного объема капитала представителей России и США был минимальным за весь обозреваемый период (табл. 5).

Изменение внешнеполитического курса России в 2014 г. негативно отразилось на динамике роста капитала ее экономического истеблишмента: ограничение мобильности российского частного капитала, так и его обладателей посредством имплементации механизма поэтапного санкционного давления к 2021 г. привело к сокращению темпов роста совокупного капитала российской бизнес-элиты и, как следствие, к преобладанию размеров совокупного капитала миллиардеров во всех других включенных в анализ странах над российскими показателями. Тем не менее представители российской бизнес-элиты продемонстрировали устойчивость личного состава в контексте противостояния экзогенным политико-экономическим угрозам, сумели сохранить (а в некоторых случаях – приумножить) существующие активы посредством изменения поведенческих стратегий (номинального выхода из управления основным активом, передачи прав собственности аффилированным лицам, усложнения и диверсификации структуры владения активами и т.д.). Можно предположить, что и в условиях гипотетического ухудшения экономической ситуации состав изучаемой группы сохранит устойчивость и гомогенность, а степень ее закрытости возрастет.

Укорененность группы предвещает лишь формальное обновление списка в обозримом будущем, поскольку принцип наследования капитала является социально одобряемым и широко распространенным трендом в рамках анализируемой группы, что подтверждает присутствием как в российском, так и в глобальном рейтинге представителей нескольких поколений одной семьи [Korom et al., 2017]. В США 1/3 миллиардеров унаследовали свое состояние полностью или частично, что, с одной стороны, демонстрирует высокий уровень преемственности, а с другой – тот факт, что большая часть крупнейших состояний создается новичками. Среди европейских миллиардеров (без учета бывших соцстран) 47% полностью или частично унаследовали свой бизнес [Игнатова, 2011]. Можно предположить, что такие тенденции будут разворачиваться и в России по мере старения группы. Возрастающая закрытость российской экономики затрудняет достижение глобальных темпов роста частного капитала.

Выводы. Темп роста глобальной экономики уступает темпам роста частного капитала миллиардеров, причем для представителей глобального списка Forbes свойственен линейный темп роста капитала, в то время как значения капитала российских миллиардеров создают своего рода «облако конвергенции» на протяжении последнего десятилетия, а количество российских миллиардеров находится на плато. При этом на протяжении периода 2004–2014 гг. рост количества российских миллиардеров, а также их состояний, был экспоненциальным и опережал мировые темпы роста (наибольшая волатильность значений частного капитала наблюдалась в период с 2004 по 2009 г.). Темпы роста количества российских миллиардеров в период после 2014 г. оказались значительно ниже мировых и в целом на периоде до 2023 г. даже отрицательными, однако степень концентрации капиталов российских миллиардеров сохраняется одной из наиболее высоких в мире. На положение российских миллиардеров значительно влияет размер ренты, получаемой от аллокации природных ресурсов.

Редукция количества российских миллиардеров на 20% в пиковые кризисные периоды минувшего десятилетия (экономические кризисы 2014–2015 гг. и 2022–2023 гг., индуцированные изменением внешнеполитического курса России) выглядит незначительной по сравнению с практически трехкратным сокращением участников списка в условиях глобального экономического кризиса 2008–2009 гг., что подчеркивает возросшую устойчивость группы к внешним пертурбациям в последнее десятилетие по сравнению с предыдущими периодами.

До изменения внешнеполитического курса в 2021 г. по совокупному объему капитала российские миллиардеры были наиболее близки к представителям Франции и Индии. Тенденция поляризации общества и увеличения социального неравенства позволяет предположить, что для миллиардеров, составляющих 0,000034% мирового населения, кризисы – это механизм, способствующий дальнейшему увеличению персонального

состояния. Однако в контексте миновавших кризисных периодов в наиболее острых фазах (в 2014 и 2023 гг.) можно сделать вывод, что при наличии внешних интервенций (санкционного давления) процесс наращивания капитала становится более затруднительным, но его сохранение реалистично: санкционное давление препятствует инвестированию и становится серьезным барьером для функционирования ключевого актива. Говоря об ожидаемой динамике группы сверхбогатых в России, можно предполагать интенсификацию процессов передачи капиталов, обусловленных старением группы, что может привести к некоторому снижению концентрации капитала по причине его дробления между наследниками и к еще большему закрытию группы для «внешних» участников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ [REFERENCES]

- Агафонов Ю.Г., Лепеле В.Р. «Золотые двери» в российскую бизнес-элиту: рекрутирование и изменение структуры крупного предпринимательства в постсоветской России // Мир России. Социология. Этнология. 2016. № 3. С. 97–125. [Agafonov Y.G., Lepele V.R. (2016) "Golden Gate" to the Russian business elite: recruiting and changing the structure of large enterprises in post-Soviet Russia. *Mir Rossii. Sociologiya. Etnologiya* [Universe of Russia. Sociology. Ethnology]. No. 3: 97–125. (In Russ.)]
- Игнатова И.В. Миллиардеры как явление современного российского общества // Россия и современный мир. 2011. № 1. С. 143–148. [Ignatova I.V. (2011) Billionaires as a Phenomenon of Modern Russian Society. *Rossia i sovremennyi mir* [Russia and Modern World]. No. 1: 143–148. (In Russ.)]
- Крыштановская О.В. Анатомия российской элиты. М.: Захаров, 2005. [Kryshchanovskaya O.V. (2005) *Anatomy of the Russian elite*. Moscow: Zakharov. (In Russ.)]
- Мареева С.В., Слободенюк Е.Д. Сверхбогатые в России: состав и динамика группы // Мир России. Социология. Этнология. 2024. № 1. С. 29–55. [Mareeva S.V., Slobodenyuk E.D. (2024) Super-rich in Russia: composition and dynamics of the group. *Mir Rossii. Sociologiya. Etnologiya* [Universe of Russia. Sociology. Ethnology]. No. 1: 29–55. (In Russ.)]
- Яковлев А.А. Власть, бизнес и движущие силы экономического развития в России: до и после "дела ЮКОСа" // Общественные науки и современность. 2005. № 1. С. 35–44. [Yakovlev A.A. (2005) Power, business and the driving forces of economic development in Russia: before and after the "YUKOS case". *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social sciences and modernity]. No. 1: 35–44. (In Russ.)]
- Chauvel L. (2022) The Extreme Wealth-Income Ratio (EWIR): the Joker Smile Curve (JSC) and the New Age of Extremes. *LWS Working Paper from LIS Cross-National Data Center in Luxembourg*. No. 39. URL: <https://www.lisdatacenter.org/wps/lwswps/39.pdf> (accessed 17.09.2024).
- Clark G. (2015) *The son also rises: Surnames and the history of social mobility*. Princeton: Princeton University Press.
- Korom P., Lutter M., Beckert J. (2017) The enduring importance of family wealth: Evidence from the Forbes 400, 1982 to 2013. *Social science research*. URL: https://static.uni-graz.at/fileadmin/sowi-institute/Soziologie/NEWSLETTER/Korom_Lutter_Beckert_2017.pdf (accessed 17.09.2024).
- Milanovic B. (2024) The three eras of global inequality, 1820–2020 with the focus on the past thirty years. *World Development*. Vol. 177. No. 106516. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0305750X23003340?via%3Dihub> (accessed 17.09.2024).
- Novokmet F., Piketty T., Zucman G. (2017) From Soviets to Oligarchs: Inequality and Property in Russia, 1905–2016. *NBER Working Paper*. No. 23712. URL: <https://www.nber.org/papers/w23712> (accessed 17.09.2024).
- Piketty T. (2014) Capital in the twenty-first century. *British Journal of Sociology*. No. 65(4): 650–666.
- Rosen S. (1981) The economics of superstars. *American economic review*. No. 5: 845–858.
- Schimpfössl E. (2018) *Rich Russians: From oligarchs to bourgeoisie*. New York: Oxford University Press.
- Treisman D. (2016) Russia's billionaires. *American Economic Review*. No. 5: 236–241.

Статья поступила: 13.05.24. Финальная версия: 23.09.24. Принята к публикации: 30.09.24.

RUSSIAN BILLIONAIRES ON AN INTERNATIONAL BACKGROUND: FEATURES AND DYNAMICS OF THE POSITION

SHVETSOVA E.A.

HSE University, Moscow, Russia

*Elena A. SHVETSOVA, PhD Student, Institute of Sociology, HSE University, Moscow, Russia
(eashvetsova@hse.ru).*

Acknowledgement. This paper is a part of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE University).

Abstract. The article analyzes the situation of super-rich Russians (each owning capital over \$1 billion) from 2004 to 2023 in comparison with the global business elite. The uniqueness of the Russian billionaires position is discussed along with the features of their capital dynamics interpretations. The total wealth of Russian billionaires can be described as a "club of convergence" during the last decade, the number of Russian billionaires being literally stable, while those represented in the *Forbes world ranking* are characterized by linear growth. Russian dynamic of accumulation differs significantly from the global one in that the number of billionaires in Russia is much lower, but the degree of capital concentration remains one of the highest globally. The richest Russians act as a kind of fulcrum for maintaining stability of domestic socio-economic situation: a significant number of business elite representatives are owning large industrial enterprises often located in mono-industry towns and serving as the principal (if not the only) employer, what makes them literally responsible for social stability.

Keywords: billionaires, super-rich, wealth concentration, wealth dynamics, inequality, Forbes.

Received: 13.05.24. Final version: 23.09.24. Accepted: 30.09.24.

© 2024 г.

М.В. ПЕВНАЯ, А.Н. ТАРАСОВА

ПРЕДРАСПОЛОЖЕННОСТЬ МОЛОДЕЖИ К ВОЛОНТЕРСТВУ: ОПЫТ ПОСТРОЕНИЯ ТИПОЛОГИИ (на материалах регионального исследования)

ПЕВНАЯ Мария Владимировна – доктор социологических наук, доцент, заведующий кафедрой СиТГМУ (m.v.pevnaya@urfu.ru); ТАРАСОВА Анна Николаевна – кандидат социологических наук, доцент, доцент той же кафедры (a.n.tarasova@urfu.ru). Обе – Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия.

Аннотация. Статья, посвящена изучению вариативности личностных диспозиций, лежащих в основе предрасположенности молодежи к волонтерской деятельности. На основе результатов онлайн-опроса молодежи Свердловской области, проведенного по квотной выборке в 2022 г. (N = 2500), анализируется структура предрасположенности к добровольчеству, выявляется характер связи склонности молодых уральцев к волонтерской деятельности с их готовностью к реальным действиям. Изучается общественное сознание молодежи для оценки разнообразия характеристик ее склонности к этому виду социальной активности. В исследовании была определена разнонаправленность характеристик предрасположенности молодежи к волонтерству по четырем измерениям: наличие или отсутствие веры в социальные изменения; ориентация на активные действия или бездействие; приоритетность ориентира волонтерской помощи на себя или других; ориентация на ближайшее окружение или независимость. В результате кластерного анализа выявлено 12 типов молодежных групп с уникальными характеристиками предрасположенности их членов к волонтерской деятельности, рассчитан индекс склонности к добровольчеству для них. Доказано, что наибольшая доля готовых к этой деятельности в тех сообществах, где у респондентов проявляется более сильная альтруистическая ориентация и выражена установка на социальное действие (активизм). При этом сохраняется доля готовых к добровольчеству даже в тех группах, где индекс склонности к волонтерству отрицательный.

Ключевые слова: молодежное волонтерство • предрасположенность к волонтерской деятельности • склонность к волонтерству • намерения молодежи • типология

DOI: 10.31857/S0132162524100057

Введение. Волонтерской деятельностью с каждым годом занимается все больше людей практически во всех странах мира. За шесть последних лет в рейтинге «Мировой индекс благотворительности» Россия поднялась на 94 позиции вверх и заняла 30 место. Согласно данным этого рейтинга в 2022 г. волонтерством занимался практически каждый четвертый россиянин старше 15 лет (24%)¹. По данным Росстата, среднесписочная

Исследование выполнено в рамках государственного задания. (Грант ЭИСИ–РФФИ. Проект FEUZ-2022-0026).

¹Мировой рейтинг благотворительности. URL: https://www.cafonline.org/docs/default-source/about-us-research/caf_world_giving_index_2022_210922-final.pdf (дата обращения: 02.01.2024).

численность добровольцев (волонтеров) за год увеличилась на 4,3% и в 2022 г. составила 3927 748 чел². В опросе ВЦИОМ было выявлено, что 21% россиян в возрасте от 18 до 24 лет и 25% 25–34-летних за последние три месяца добровольно и безвозмездно помогали другим людям или организациям в свободное от работы или учебы время.

По данным федеральной платформы Добро.РФ, средний возраст зарегистрировавшихся в аналитическо-информационной системе добровольцев составляет 24 года³. При государственной широкомасштабной кампании содействия добровольческой активности, преимущественно направленной на молодое поколение, доля волонтеров среди молодежи остается ниже, чем в других возрастных группах. Благоприятная институциональная среда гражданского участия молодых россиян создается как на национальном, так и на региональном уровне. Молодежь в большей степени, чем население в целом, демонстрирует готовность к участию, но реже включена в реальные практики общественно полезной деятельности. Молодые граждане чаще вовлекаются в краткосрочные или спонтанные практики [Шабунова, Уханова, 2023].

В актуальной социологической дискуссии отмечается, что происходящие события меняют подходы молодежи к планированию своей жизни, которое становится краткосрочным. Не совсем понятно, как молодежь будет реализовывать свою агентность [Демиденко, 2023], и есть ли место в их повседневной жизни и будущем для волонтерской деятельности. Прояснить ситуацию возможно, обратившись к изучению социально-психологических регуляторов, личностных диспозиций молодежи по отношению к добровольчеству.

В социологии изучение волонтеров и их активности часто сводится к анализу типичных проявлений добровольческой активности, мотивации труда волонтеров, включенности волонтерства в образ жизни людей. Социологи делают попытки не только объяснить, но и предсказать особенности поведения разных групп добровольцев в различных ситуациях. Однако если готовность людей действовать в конкретном случае на добровольных основаниях, особенности их отношения к волонтерскому труду – определенно распространенные исследовательские фокусы, то предрасположенность молодежи к этой активности и субъективные оценки ситуативных условий ее реализации в современной России – относительно новая исследовательская задача. Под предрасположенностью к волонтерской деятельности в данном исследовании понимается система сложившихся у человека позитивных представлений о волонтерстве как безвозмездной деятельности в интересах незнакомых людей, которой занимаются без принуждения и в свободное от основной занятости время. Данное понятие вводится в дополнение к более часто используемому термину «готовность к волонтерству», понимаемому как намерение к действию. Данное разделение видится целесообразным, учитывая, что готовность определяется более разнообразной и сложной палитрой мотивов, задаваемых институциональной средой (например, утилитарными, такими как получение более высоких оценок в рамках основного обучения, дополнительных баллов к ЕГЭ при поступлении в вуз или повышенных баллов при участии в каких-либо конкурсах).

Авторы в данной статье отвечают на исследовательские вопросы: детерминирует ли предрасположенность к волонтерской деятельности готовность молодых россиян к ней? Какова природа и характеристики предрасположенности российской молодежи к волонтерской деятельности?

О методологии исследования. Методологическая рамка исследования определена положениями теории диспозиционной регуляции социальной деятельности личности, теории саморегуляции жизнедеятельности молодежи и социально-психологическим концептом «склонность к волонтерской активности».

² О ежегодном докладе о добровольчестве (волонтерстве) в РФ 2022. URL: <https://nko.economy.gov.ru/upload/docs/doklad-o-razvitii-dobrovolchestva-za-2022-god.pdf> (дата обращения: 01.01.2024).

³ Аналитика волонтерства. URL: https://dobro.ru/analytics?utm_source=dobroru&utm_medium=organic&utm_campaign=promo&utm_content=headerservices (дата обращения: 15.12.2023).

В рамках теории В.А. Ядова готовность личности к волонтерской деятельности как к социальному действию в определенных условиях может изучаться через исследование мотивации поведения и поиск его социальных детерминант [Саморегуляция и прогнозирование..., 2013]. Регуляция и саморегуляция социального поведения личности волонтера включена в сложные взаимосвязи конкретных социальных условий этой деятельности с субъективным отношением индивида к ним. Последнее можно идентифицировать как состояние предрасположенности или диспозиций к оценке и поведению молодых людей как реальных или потенциальных добровольцев в этих условиях. Структура диспозиций зависит от опыта индивида и его обобщенных психологических особенностей как субъекта действия. Предрасположенность к волонтерству мы рассматриваем как взаимосвязь социального и индивидуального, обеспечивающая переход от потенциальных возможностей к реальным действиям [Ядов, 1995], фокусируемся не на институтах и процессах, а на человеке и его установках в связи с повышением его роли как субъекта в общественном развитии.

В логике теории саморегуляции жизнедеятельности молодежи сложная, внутренне взаимосвязанная система мотивации, содержащая образы, позволяет молодым людям самостоятельно упорядочивать социальную реальность, соотнося свои потребности, возможности, намерения и действия [Зубок, Чупров, 2011]. Социологически саморегуляция в реализации волонтерской деятельности индивида или группы может трактоваться как мысленная активность и определенные действия, направленные на соответствие тем состояниям, условиям и способам жизнедеятельности, которые воспринимаются ими как должные, желательные и ожидаемые [Зубок, Чупров, 2008]. Соответственно, готовность к волонтерству в тех или иных проявлениях или практиках может рассматриваться как один из важных элементов самоорганизации, в сопряжении с которым формируются и диспозиции личности в отношении волонтерской активности.

Рассматривая предрасположенность к волонтерству как многомерную систему представлений о добровольческом служении, допускается возможная противоречивость этих представлений, но при этом может быть определен результирующий вектор как интегральный показатель предрасположенности – это склонность к волонтерству. Изучение предрасположенности как склонности к волонтерству сопряжено с поиском психологических и социальных характеристик, которые обеспечивают не только намерения, но и результирующие действия индивидов как волонтеров в различных организациях [Bales, 1996]. Склонность к волонтерству при определенной интеграции с другими факторами влияет на готовность к добровольческой деятельности и намерения индивидов заниматься ей в своем будущем [Smith et al., 2016]. Склонность к волонтерству может определяться особыми мотивами и ценностными установками молодых людей и девушек, которые проявляют себя при тех или иных условиях. Например, доказано, что они идентифицируются по-разному в зависимости от продолжительности волонтерского опыта у молодежи [Палкин, 2023], а также у разных групп волонтеров [Livi et al., 2020]. Склонность к волонтерству связана с рядом субъективных социально-психологических характеристик индивида, например, с осознанием волонтерами своей социальной ответственности за происходящие вокруг них события. Чувство ответственности за самый близкий локус взаимодействия – дом, двор, семью сопряжено с активным участием в благотворительности [Вавилина и др., 2021]. Волонтерство – сложный конструкт, который пронизан эмоциональными дилеммами, так как именно эмоциональность волонтеров имеет ключевое значение для их деятельности и предрасположенности к ней [Мартыненко, 2023]. Доказано, что ощущение своей нужности, востребованности, осознание своих возможностей повлиять на ситуацию и намерения заниматься волонтерством коррелируют [Kislyakov et al., 2019].

Предрасположенность к волонтерству сопряжена с социальным окружением. Молодежь в зарубежных странах чаще занимается добровольчеством, если ее родственники или друзья относятся к среднему классу, считающимся высоко приверженным «гражданским ядром», члены которого чаще занимаются волонтерством [Dean, 2015].

Предрасположенность молодого поколения к волонтерству связана с семейной социализацией [Janoski, Wilson, 1995]. В России, где волонтерство пока не стало социокультурной нормой и не связано с передачей ресурсов, преемственность волонтерства также в первую очередь обусловлена непосредственным влиянием семьи [Мерсиянова и др., 2019].

К. Бейлс обобщил результаты эмпирических исследований предрасположенности индивидов к волонтерству, разработал и апробировал на волонтерах британских благотворительных организаций шкалу, позволяющую измерять склонность к данной активности. В его концепции склонность предопределяют следующие социально-психологические характеристики индивида: 1) чувство эффективности как ощущение того, что человек может внести свой вклад в решение социальных проблем; 2) коммуникабельность или общительность как восприятие того, что волонтерство является нормальной частью жизни индивида; 3) идеализм как восприятие необходимости социальной справедливости; 4) эмоциональное восприятие вознаграждения за волонтерскую деятельность [Bales, 1996].

Таким образом, в данной статье предрасположенность к волонтерству определяется диспозицией личности в отношении добровольческой активности, складывающейся как результат саморегуляции социального поведения молодых людей разных молодежных сообществ, формируемый определенными условиями этой деятельности, характером социального взаимодействия в рамках нее и субъективным отношением индивида к волонтерству, его месту в своей личной жизни и в обществе. Различные характеристики предрасположенности к волонтерской деятельности могут быть связаны с мотивацией волонтерства, жизненной позицией молодежи, с отношением волонтеров к происходящим вокруг них событиям, к волонтерской активности в целом. Они могут формироваться или зависеть от условий организации волонтерской деятельности, социального окружения и его отношения к данной активности. Интегративным показателем предрасположенности является склонность к волонтерству, отражающая степень возможной трансформации субъективных установок в реальные действия индивида как волонтера. При наложении на конкретные социальные условия это трансформируется в готовность к волонтерству.

О методе и эмпирических данных. В статье анализируются данные онлайн-опроса молодежи Свердловской области в возрасте от 14 до 35 лет, проведенного в октябре 2022 г. Ссылка на анкету рассылалась в образовательные учреждения Свердловской области, по ключевым работодателям региональных городов, некоммерческим ассоциациям и различным культурным учреждениям. Дополнительно ссылка на опрос была размещена в социальных сетях в тематических молодежных группах разных городов региона, на официальных сайтах учреждений сферы молодежной политики, в официальных группах различных молодежных организаций и объединений. Несмотря на соблюдение принципа случайности отбора после сбора данных обнаружилась избыточность представленности некоторых групп молодежи в собранных данных (после отбраковки осталось 5056 анкет необходимого качества). Для сохранения всех собранных данных, но приведения их к планируемой выборке, произведено сжатие до 2500 наблюдений через процедуру взвешивания в SPSS с соблюдением следующих параметров генеральной совокупности: пол, возраст, тип поселения, где проживают респонденты и род их основной занятости (школьники, студенты колледжей, студенты университета или работающие)⁴. Таким образом произведено сжатие без потери информации, поскольку данные обладали статистической избыточностью. В полученной выборке 51% девушек и 49% юношей; 36% опрошенных проживают в городе-миллионнике Екатеринбурге, центре Свердловской области, 18% респондентов из больших городов с численностью населения от 100 до 500 тысяч человек, 12% – молодые жители средних городов с 50–100 тысячами жителей и 35% живут в малых городах или сельских поселениях с населением менее 50 тысяч, 44% опрошенных имеют опыт

⁴Все весовые коэффициенты < 1.

добровольческой деятельности за последний год, а 56% такого опыта не имеют. Последующий анализ данных выполнен в пакете IBM SPSS Statistics 26.

Для оценки характеристик предрасположенности к волонтерству использована «шкала Бейлса» [Bales, 1996], содержащая 20 утверждений, согласие или несогласие респондентов, с которыми замерялось по шкале Лайкерта. На основе этих утверждений рассчитан обобщенный индекс склонности к волонтерству как среднее арифметическое частных индексов по 20 основным утверждениям, отражающим позитивные установки в отношении волонтерской деятельности. Каждый индекс вычисляется на основе ответов респондентов от совершенного несогласия (–1 балл) до полного согласия (+1 балл), где каждый балл умножается на долю респондентов, поставивших такой балл, а произведения суммируются.

Предрасположенность к волонтерству оценивается не только через интегральный показатель склонности к этой деятельности, но и делается попытка замерить многомерность этого явления. Для этого с помощью метода главных компонент факторного анализа исходные 20 переменных «шкалы Бейлса» сведены к четырем базовым компонентам или факторам (имеющим собственное значение более 1 с объясненной совокупной дисперсией 48%), соотношение которых предопределило характеристику предрасположенности российской молодежи к волонтерству как диспозиционную структуру личности к волонтерской деятельности.

По выделенным четырем измерениям проведена классификация имеющихся наблюдений методом двухэтапного кластерного анализа. В качестве меры расстояния при определении кластеров взята Log-правдоподобия. Требования к независимости переменных соблюдены. За критерий выделения кластеров взят Байесовский информационный критерий (BIC). В результате выделено 12 кластеров, имеющих разные характеристики предрасположенности респондентов к волонтерству. Критерий Краскала – Уоллиса показал наличие статистически значимых отличий ($p < 0,001$) между кластерами по обобщенному индексу склонности к волонтерству.

В эмпирическом исследовании проверялись следующие гипотезы: склонность к волонтерской деятельности коррелирует с намерениями молодых россиян заниматься в будущем добровольческой деятельностью (готовностью к волонтерству); предрасположенность к волонтерской деятельности разнонаправленна по своим характеристикам и вариативна в связи с разнообразием личностных диспозиций молодежи в отношении данной активности.

Предрасположенность молодежи к волонтерству и намерения в отношении этой деятельности. Склонность к волонтерству как интегральный показатель предрасположенности к добровольческой деятельности в целом по выборке молодежи чуть выше среднего уровня: +0,13 по шкале от –1 до +1. Между показателем склонности к волонтерству и готовностью к волонтерству отмечается хоть и слабо-умеренная, но все же статистически значимая связь (коэффициент корреляции Спирмана = 0,248 при $p < 0,001$). При наличии такой корреляции можно утверждать, что готовность к волонтерской деятельности безусловно связана со склонностью к волонтерству, но помимо определенных социальных и психологических характеристик предрасположенности к волонтерской деятельности, формирующих личностные диспозиции в отношении нее, на готовность как сформированному намерению к действию значимое влияние оказывают и другие факторы, способные исходную склонность к волонтерству как трансформировать в готовность, так и выступить барьером для этого.

Среди опрошенных молодых людей практически каждый второй (48%) респондент готов заниматься волонтерской деятельностью в будущем. Остальные либо однозначно не намерены этого делать (16%), либо пока затрудняются ответить (36%). Данный уровень готовности к волонтерской деятельности среди молодежи воспринимается как высокий, но, на наш взгляд, он достаточно адекватно отражает сложившуюся ситуацию и соотносится с реальным участием. По данным опроса, имеют опыт волонтерства (замерялся

вопросом «Приходилось ли вам за последний год делать что-то безвозмездно в свободное от основной занятости время в интересах незнакомых людей?») 44% респондентов.

О характеристиках предрасположенности молодежи к волонтерской деятельности. В ходе исследования 20 переменных «шкалы Бейлса» с помощью факторного анализа сведены к четырем базовым компонентам, соотношение которых предопределяет, на наш взгляд, ключевые характеристики предрасположенности российской молодежи к волонтерству по следующим направлениям измерения⁵: 1) уверенность в возможности социальных изменений (возможность/невозможность); 2) приоритет ориентира волонтерской помощи на себя или других (эгоизм/альтруизм); 3) ориентация на активное действие (бездействие/активизм); 4) ориентация на ближайшее окружение (независимость/зависимость). Полученная в результате анализа группировка переменных по четырем компонентам (факторам) представлена в таблице 1.

Таблица 1

Четыре измерения предрасположенности молодежи к волонтерской деятельности

Утверждения	Компонент			
	1	2	3	4
	возможность / невозможность изменений	эгоизм / альтруизм	бездействие / деятельность начало	независимость / зависимость от окружения
Ты не можешь изменить мир, просто прими этот факт	0,694	-0,109	-0,073	0,210
Все, что я делаю, не может реально изменить глобальные проблемы	0,668	0,254	0,120	0,027
В мире есть люди, которым просто невозможно помочь	0,619	0,034	0,227	-0,109
Ты не можешь реально что-то изменить в своем сообществе	0,608	0,032	0,015	0,293
Определенные высказывания могут быть связаны с неприятностями	0,594	-0,002	0,238	0,012
Человек должен жить просто, не мешая просто жить другим людям	0,563	0,273	-0,007	0,098
У большинства людей, вовлеченных в общественные дела, обычно есть какие-то личные проблемы	0,362	0,096	0,318	0,275
Я один из тех людей, которые чувствуют необходимость что-то делать	-0,015	0,711	0,181	-0,091
Когда я работаю, чтобы помочь другим, я также помогаю и себе	0,027	0,681	0,239	-0,072
Я бы хотел больше заниматься благотворительностью, но есть вещи, которые мне мешают	0,138	0,598	0,035	0,311
Одних разговоров о том, что не так, недостаточно, нужно что-то делать для изменения ситуации	0,177	0,537	0,479	-0,170
Есть вопросы, которые гораздо важнее моей личной жизни	0,061	0,453	0,135	0,260
Иногда в жизни происходят вещи, которые заставляют тебя действовать	0,130	0,287	0,732	-0,016

Содержание факторов несколько отличается от того, что было выделено при изучении волонтеров, работающих на формальной основе в некоммерческом секторе Великобритании, где предрасположенность к волонтерству определялось такими факторами,

⁵Число компонент (факторов) определено исходя из собственных значений (собственные значения >1).

Окончание таблицы 1

Утверждения	Компонент			
	1	2	3	4
	возможность / невозможность изменений	эгоизм/ альтруизм	бездействие / деятельность начало	независимость / зависимость от окружения
Чем больше вкладываешься, тем больше получаешь от жизни	-0,130	0,171	0,716	0,078
Люди в повседневной жизни не чувствуют необходимости активно участвовать в общественных делах	0,284	0,062	0,648	0,107
Денежного вклада недостаточно, следует также действовать в соответствии со своими убеждениями	0,169	0,442	0,520	0,028
Спокойствие будет только тогда, когда будет справедливость	0,303	0,338	0,362	0,146
Человеку остается полагаться только на лидеров в решении серьезных проблем	-0,024	-0,104	0,156	0,733
Когда человек вовлекается в какое-то дело, это расстраивает его близких	0,393	-0,004	-0,056	0,607
Забота о семье занимает все мое время	0,114	0,236	0,008	0,597

Метод выделения факторов: метод главных компонент.

Метод вращения: варимакс с нормализацией Кайзера, вращение сошлось за 6 итераций

Примечание. Повернутая матрица компонентов при факторном анализе.

как восприятие субъектами действия своей личной эффективности в решении социальных проблем, их социальной вовлеченностью, идеалистическими установками акторов и удовлетворенностью вознаграждением за свой волонтерский труд [Bales, 1996]. В изучении российской молодежи предрасположенность к волонтерству по заданной шкале сгруппировано также в четыре фактора, но по направлениям, интерпретируемым с иным смыслом.

Чувство эффективности того, что человек может внести свой вклад в решение социальных проблем и уверенность в том, что волонтерство является нормальной частью жизни замещено наличием или отсутствием веры в социальные изменения и ориентацией индивида на активные действия для этого. В изучении предрасположенности российской молодежи к волонтерству проявилась важность ориентаций на ближайшее окружение и понимание того, для кого занимаются волонтерством в первую очередь, для себя или для других. Если ранее исследователи доказывали влияние ближайшего окружения на вовлечение молодежи в волонтерство [Dean, 2015; Janoski, Wilson, 1995], то наше исследование выявило взаимосвязь предрасположенности к волонтерству с социальностью молодежи – ориентацией на действия и ближайшее окружение – интересы родных, близких, друзей. Возможно, что в нашей стране, как и во многих странах Восточной Европы, это связано с определенными характеристиками третьего сектора, «слабостью» некоммерческих организаций, в том числе низкой информированностью населения об их деятельности, ограниченным доверием к ним [Voicu, Voicu, 2009; Plagnol, Huppert, 2010].

О группах молодежи с разными типами предрасположенности к волонтерской деятельности. Полученные значения компонент использовались в качестве переменных для кластерного анализа имеющихся наблюдений. В результате выделено 12 молодежных

групп⁶. Даже при схожем значении обобщенного индекса склонности к волонтерству кластеры отличаются уникальными диспозициями в отношении волонтерства по четырем измерениям, характеризующим предрасположенность к волонтерству (уверенность в возможности социальных изменений, приоритет ориентира волонтерской помощи на себя или других, ориентация на активное действие и ориентация на ближайшее окружение).

Группы молодежи с разными характеристиками предрасположенности к волонтерству, их распределение по центроидам факторов или направлениям измерения диспозиций представлено на рис. 1.

Каждый кластер характеризуется собственной уникальной характеристикой предрасположенности к волонтерству. Она определяет и разные показатели готовности молодежи в отношении волонтерской деятельности. В табл. 2 представлено краткое описание кластеров с указанием их ключевых характеристик.

Охарактеризуем выделенные в исследовании молодежные группы (кластеры).

Кластер 1 («инфантилы») характеризуется чуть более высокой, чем в среднем по выборке, ориентацией на свое окружение. При этом в нем альтруизм и активность проявляется чуть ниже, чем в среднем по выборке. Характерная черта этого кластера – отсутствие четко выраженной личной позиции относительно волонтерства. Затруднились ответить на большинство вопросов шкалы 60% респондентов этой группы. Несформированность диспозиций по отношению к волонтерству определила предложенное название кластера.

Кластер 2 («альтруисты «на диване») хоть и отличается более альтруистической позицией, но очень мало ориентирован на активность по сравнению с выборкой в целом. Особенность

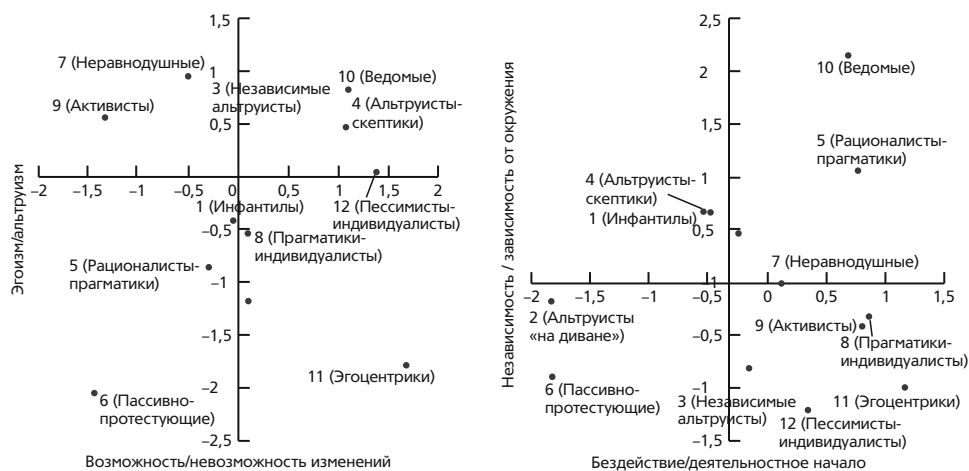

Рис. 12 кластеров молодежи с уникальными характеристиками диспозиций в отношении волонтерской деятельности в координатном пространстве направлений измерения предрасположенности к добровольчеству

Примечание. Поскольку с помощью факторного анализа выделено четыре измерения, то и диспозиции рассматриваются в четырехмерном пространстве. Но для визуализации результатов сделана разбивка по парам: по два компонента в порядке их упоминания в тексте и представление их в двухмерном пространстве. При этом возможна визуализация в любых других парных сочетаниях, важно лишь то, что координаты каждого кластера имеют четыре измерения.

⁶ Использовался алгоритм двухэтапного кластерного анализа, позволяющий, в отличие от методов иерархической кластеризации или кластеризации К-средними, автоматически определить оптимальное число кластеров, что было важным для целей данного исследования и определило выбор именно этого метода.

Таблица 2

Кластеры молодежи с разными характеристиками предрасположенности к волонтерству

Кластер и его главная характеристика	Размер кластера (% от выборки в целом)	Доля имеющих опыт волонтерства за последний год (% в кластере)	Индекс склонности к волонтерству (от -1 до +1)	Доля готовых к волонтерству (% в кластере)
1. ИНФАНТИЛЫ несформированность позиции в отношении волонтерства	16	31	0,018	39
2. АЛЬТРУИСТЫ «НА ДИВАНЕ» альтруистически настроенные, но не активные	6	39	0,035	32
3. НЕЗАВИСИМЫЕ АЛЬТРУИСТЫ с ограниченной активностью при необходимости и/или пользе для себя	11	49	0,158	58
4. АЛЬТРУИСТЫ-СКЕПТИКИ не верят в изменения и свои силы	8	33	-0,056	35
5. РАЦИОНАЛИСТЫ-ПРАГМАТИКИ готовые действовать при определенных условиях	10	39	0,046	35
6. ПАССИВНО ПРОТЕСТУЮЩИЕ большинство в кластере не согласно со всеми предложенными утверждениями	4	45	0,113	32
7. НЕРАВНОДУШНЫЕ альтруистичны и умеренно активны	12	61	0,210	71
8. ПРАГМАТИКИ ИНДИВИДУАЛИСТЫ активны в своих интересах	9	33	0,119	35
9. АКТИВИСТЫ альтруистичны по природе, высоко деятельностны, а главное, уверены в возможности социальных изменений, кластер с самой высокой долей тех, кто имеет опыт волонтерства	11	70	0,339	80
10. ВЕДОМЫЕ ориентированы на позицию своего ближайшего окружения	3	42	-0,092	57
11. ЭГОЦЕНТРИКИ отличаются неверием в возможность социальных изменений, кластер с самым высоким уровнем неучастия	3	27	-0,040	14
12. ПЕССИМИСТЫ ИНДИВИДУАЛИСТЫ не верят в лидеров, больше верят в себя	7	36	0,059	42

замеряемой установки респондентов данного кластера – ориентация на сомнение в собственных силах и возможности что-то изменить.

Кластер 3 («независимые альтруисты») более альтруистичен, чем молодежь в целом, при этом демонстрирует значительно меньшую зависимость от окружения, более полагаясь на себя, а не на лидеров. Не согласились с утверждением о том, что человеку остается полагаться только на лидеров в решении серьезных проблем, 91% респондентов этой группы.

Кластер 4 («альтруисты-скептики») хоть и имеет более альтруистическую позицию, чем молодежь в среднем по выборке, при этом характеризуется неверием в возможность изменений и зависимостью от окружения. Абсолютное большинство в данном кластере (88%)

считает, что *все, что они делают, не может реально изменить глобальные проблемы*. При этом сама активность представителей этой группы ниже, чем в среднем по выборке, ее хватает только на выполнение повседневных обязательств. Более половины (57%) опрошенных данного кластера согласились с тем, что *забота о семье занимает все их время*. Они понимают призыв «надо», осознают важность помощи другим и действий для изменения ситуации, но при этом не готовы принимать активное участие в общественных делах. Доминирующая позиция этого кластера лучше всего отражена в утверждении: *человек должен жить просто, не мешая просто жить другим людям*. С ним согласны 82% респондентов и не согласен всего 1%, остальные воздержались.

Кластер 5 («рационалисты-прагматики») маркирован так в связи с тем, что у респондентов данной группы скорее эгоистическая ориентация сочетается с верой в возможность социальных изменений, готовностью к активным действиям и зависимостью от ближайшего окружения. В этом сочетании их установки могут интерпретироваться как проявление позиции заботы прежде всего о своих близких при равнодушии к проблемам незнакомых людей. Согласились с утверждением: *чем больше вкладываешься, тем больше получаешь от жизни*, 90% респондентов данного кластера.

Кластер 6 («пассивно протестующие») характеризуется самым высоким уровнем пассивности его эгоистически ориентированных респондентов, скорее верящих в то, что этот мир можно изменить. Вот только кто это будет делать из позиции молодых людей данной группы не совсем понятно. Свою роль они видят в том, чтобы озвучивать существующие проблемы (85%), а уж что-то делать для изменения ситуации, по их мнению, должен кто-то другой.

Кластер 7 («неравнодушные») характеризуется высоким уровнем альтруизма и верой в возможность что-то изменить при активности респондентов этой группы на уровне средней – чуть выше средней по выборке. Представители данного кластера относительно легко включаются в добровольческую деятельность, поскольку для них это скорее потребность. В этой группе 91% респондентов согласились с утверждением: *когда я работаю, чтобы помочь другим, я также помогаю и себе*.

Кластер 8 («прагматики-индивидуалисты») демонстрирует некоторое сходство с кластером 5 «рационалистов-прагматиков», но у его членов не проявляется зависимость от окружения. Молодежь в данном кластере полагается только на себя и ориентирована прежде всего на решение собственных проблем, а не окружения. Возможно, именно отсутствие коллективной поддержки рядом отражается на том, что представители данной группы скорее с сомнением относятся к возможности что-то изменить в мире. Более половины из них (56%) считают, что *есть люди, которым просто невозможно помочь*.

Кластер 9 («активисты») – это кластер с самой высокой долей волонтеров (70%) и самой низкой долей отказов от добровольческого участия в будущем (20%). Представители этой молодежной группы отличаются высоким уровнем активности (значительно выше средней по всей выборке), альтруизмом и убеждением в том, что все можно изменить по своему желанию. Не согласились с утверждением: *ты не можешь изменить мир, просто прими этот факт*, 95% респондентов в этой группе. Данный кластер схож с кластером «неравнодушных». Но если в основе их установок лежит просто желание помочь, что-то сделать, даже если помочь невозможно, а помощь другим воспринимается как помощь себе, то для «активистов» на первый план выходит более амбициозное желание изменить мир в лучшую сторону, и они верят в это.

Кластер 10 («ведомые») отличается высоким уровнем альтруизма и несколько более высокой готовностью к активности по сравнению с выборкой в целом, но при этом очень сильной зависимостью от окружения. Большинство представителей данного кластера (87%) согласились с тем, что *надо полагаться только на лидеров в решении серьезных проблем*. При этом они скорее не верят в то, что можно что-то изменить.

Кластер 11 («эгоцентрики») включает высокоактивных, совершенно не зависимых от окружения молодых людей с ярко выраженной эгоистической позицией. Среди представителей этого кластера самая высокая доля несогласных (70%) с утверждением о том, что

есть вопросы, которые гораздо важнее моей личной жизни. Для респондентов этого кластера ничего важнее их собственных проблем нет. Добровольческая деятельность воспринимается ими не просто как бесполезная, а зачастую еще и как вредная или опасная. Среди представителей этого кластера самая высокая доля согласных с утверждением о том, что *определенные высказывания могут быть связаны с неприятностями* (84%). У представителей данной группы отмечается высокая активность (значительно выше, чем в среднем по выборке). Однако эта активность имеет не достижительную мотивацию как, к примеру, у «рационалистов-прагматиков», «прагматиков-индивидуалистов» или «активистов», когда чем больше вкладываешься, тем больше получаешь, а скорее избегательную, когда происходят какие-то вещи, которые заставляют действовать. В данном кластере самый высокий уровень неучастия как текущего (только 27% имеют опыт добровольческой деятельности), так и будущего (86% не готовы заниматься добровольческой деятельностью).

Кластер 12 («пессимисты-индивидуалисты») характеризуется независимостью от окружения и отсутствием веры в возможность изменений. Установка относительно волонтерства у респондентов данной группы отличается некоторыми противоречиями, когда, с одной стороны, *надо что-то делать для изменения ситуации* (86% придерживаются этого мнения), с другой – *есть люди, которым просто невозможно помочь* (так считают тоже 86% этого кластера). Активность членов данного кластера чуть выше средней по выборке, но, как и у «эгоцентриков», мотивация активности скорее избегательная, чем достижительная. В сравнении с «эгоцентриками» позиция этого кластера не столь эгоистична, хотя и в качестве явных альтруистов их охарактеризовать сложно (показатель эгоизма-альтруизма почти на уровне среднего по выборке). Как и у «эгоцентриков» у респондентов данной группы отмечается высокий уровень независимости от окружения. При этом если у «эгоцентриков» индивидуализм трактуется скорее как одиночество и непонимание проблем других (связь между помощью другим и возможностью решить свои проблемы даже не осознается), то у «пессимистов-индивидуалистов» он проявляется скорее как недоверие к другим, привычка полагаться только на себя и свои силы. Не согласились с утверждением о том, что можно полагаться на лидеров в решении серьезных проблем 9 из 10 респондентов этого кластера.

Выводы. Результаты проведенного исследования доказали, что предрасположенность к волонтерской деятельности детерминирует готовность к ней молодых россиян. Склонность к волонтерству как обобщающая характеристика предрасположенности слабо-умеренно коррелирует с готовностью молодых россиян заниматься добровольчеством в настоящем и будущем. Но учитывая многообразие и противоречивость представлений молодежи о волонтерской активности, предрасположенность к волонтерству предлагается оценивать не только через результирующий вектор склонности к волонтерству, но и через анализ диспозиции личности в отношении волонтерской активности. Установка на волонтерство как многомерное явление или вариативность диспозиций в отношении волонтерской деятельности более четко демонстрирует различия молодежных групп по предрасположенности к данной социальной активности, чем обобщенный индекс, отражающий склонность к ней. В данном исследовании выделено четыре измерения, позволяющих оценить предрасположенность к волонтерской деятельности: уверенность в возможности социальных изменений; приоритет ориентира волонтерской помощи на себя или других; ориентация на активное действие; ориентация на ближайшее окружение. Различные компоненты предрасположенности определяют и разные показатели намерений молодежи в отношении волонтерской деятельности. Доля готовых заниматься волонтерством или ориентированных на добровольческое участие в будущем по выделенным молодежным группам (кластерам) варьируется от 14 до 80%. При этом даже в кластерах с отрицательным значением обобщенного индекса склонности к волонтерству часть молодежи (от 13 до 35%) демонстрирует готовность к добровольческой деятельности, что показывает разнонаправленность установок. С одной стороны, это может быть охарактеризовано как проявление парадоксальности – преследовании молодыми россиянами целей, в которых причудливым образом сочетаются самые различные ориентации, ценности

и установки [Тощенко, 2008]. С другой стороны, это может свидетельствовать о том, что при определенных внешних условиях, соответствующих уникальным характеристикам диспозиций к волонтерству в выделенных молодежных группах, эти намерения могут детерминировать волонтерскую активность молодых субъектов действия.

Учитывая вариативность диспозиций в отношении волонтерской активности разных молодежных групп в исследовании выявлено 12 типов таких групп с уникальными характеристиками предрасположенности их членов к волонтерской деятельности. Намерения заниматься волонтерской деятельностью проявляются по-разному в кластерах с различными характеристиками. Наибольшая доля готовых к волонтерской деятельности в тех молодежных группах, в которых у респондентов проявляется более сильная альтруистическая ориентация и ярче выражена установка на социальное действие (активизм). Самый большой кластер – это молодежь с несформированными диспозициями в отношении волонтерской деятельности.

В молодежной политике нашей страны сделана ставка на массовизацию волонтерства и активизацию его воспитательной функции. В этом плане важно понимать, как возможно работать с молодежью результативно, с учетом не только значимости общественных задач, но и возможностей, желаний и убеждений самой молодежи. Представленная типология имеет не только признаки научной новизны, но и практически значима. Она показывает: какие позиции могут занимать разные группы молодежи, что определяет суждения и действия представителей молодого поколения в отношении волонтерства. Как факторы вовлечения в добровольческую деятельность альтруизм и деятельное начало, безусловно, доминируют, и это было ранее установлено, но результаты исследования доказывают, что готовность к волонтерству как сформированное намерение к действию может быть обусловлено и другими факторами. Предрасположенность трансформируется в готовность, а затем и в реальные действия индивида в преломлении конкретных социальных условий, связанных как с ближним окружением человека, так и складывающейся институциональной средой.

В нашем исследовании мы изучили только молодежь одного российского региона. Последующие исследования должны выяснить, насколько наши предположения верны, и аналогичные данные можно собрать и изучить не только в других региональных, но и национальных контекстах схожих странах посттранзита.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Вавилина Н.Д., Паршукова Г.Б., Романников О.Д. Гражданское общество как субъект социального влияния (на примере Новосибирской области) // Социологические исследования. 2021. № 1. С. 63–74.
- Демиденко С.Ю. Молодежь между прошлым и будущим // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2023. Т. 15. № 1. С. 119–126.
- Зубок Ю.А., Чупров В.И. Социальная регуляция в условиях неопределенности. Теоретические и прикладные проблемы в исследовании молодежи // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2008. № 2(86). С. 142–155.
- Зубок Ю.А., Чупров В.И. Социокультурный механизм саморегуляции в политической жизни молодежи // Социология власти. 2011. № 6. С. 9–20.
- Мартыненко А.Б. Разработка инструментария для измерения эмоциональной составляющей волонтерской деятельности и его апробация // Социологический журнал. 2023. Т. 29. № 4. С. 8–30.
- Мерсиянова И.В., Малахов Д.И., Иванова Н.В. Роль семьи в качестве канала межпоколенческой передачи традиций волонтерства в современной России // Экономическая социология. 2019. Т. 20. № 3. С. 66–89.
- Палкин К.А. Ценностно-смысловые факторы участия в волонтерской деятельности студентов российских вузов // Вестник практической психологии образования. 2023. Т. 20. № 1. С. 117–128.
- Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: Диспозиционная концепция. 2-е расширенное изд. М.: ЦСПиМ, 2013.

- Тощенко Ж.Т. Парадоксальный человек: монография. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008.
- Шабунова А.А., Уханова Ю.В., Косыгина К.Е. Гражданское участие молодежи в регионе: возможности и ограничения // Журнал социологии и социальной антропологии. 2023. Т. 26. № 1. С. 167–199.
- Ядов В.А. Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности // Мир России. 1995. № 3–4. С. 158–181.
- Kislyakov P.A., Shmeleva E.A., Govin O. Contemporary Volunteering in the Formation of Prosocial Behaviour of a Person // The Education and Science Journal. 2019. № 21(6). P. 122–145.
- Bales K. Measuring the propensity to volunteer // Social Policy and Administration. 1996. № 30. P. 206–226.
- Dean J. Class diversity and youth volunteering in the United Kingdom: Applying Bourdieu's Habitus and cultural capital // Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly. 2015. № 45(1). P. 95–113.
- Janoski T., Wilson J. Pathways to volunteerism: Family socialization and status transmission models // Social Forces. 1995. № 74. P. 271–292.
- Livi S., De Cristofaro V., Theodorou A., Rullo M., Piccoli V., Pozzi M. When motivation is not enough: Effects of prosociality and organizational socialization in volunteers' intention to continue volunteering // Journal of Community and Applied Social Psychology. 2020. № 30(3). P. 249–261.
- Plagnol A.C., Huppert F.A. Happy to help? Exploring the factors associated with variations in rates of volunteering across Europe // Social indicators research. 2010. № 97. P. 157–176.
- Smith D.H., Sardinha B., Moldavanova A., Dong H.D., Kassam M., Lee Y., Sillah A. Conducive motivations and psychological influences on volunteering // The Palgrave Handbook of Volunteering, Civic Participation, and Nonprofit Associations. 2016. New York, NY: Palgrave Macmillan.
- Voicu B., Voicu M. Volunteers and volunteering in Central and Eastern Europe // Sociologia. 2009. № 41(6). P. 539–563.

Статья поступила: 09.01.24. Финальная версия: 25.09.24. Принята к публикации: 30.09.24.

YOUNG PEOPLE'S PROPENSITY TO VOLUNTEER: A TYPOLOGY BASED ON A REGIONAL STUDY

PEVNAYA M. V.*, TARASOVA A. N.*

*Ural Federal University, Russia

Maria V. PEVNAYA, Dr. Sci (Sociol.), Head of department, Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia (m.v.pevnaya@urfu.ru); Anna N. TARASOVA, Cand. Sci (Sociol.), Ass. prof., Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia (a.n.tarasova@urfu.ru).

Acknowledgements. The article was written as part of a state assignment. Project number: FEUZ-2022-0026.

Abstract. The article examines the variability of personal dispositions that contribute to the predisposition of youth to volunteerism. The study is based on the results of an online survey of youth in the Sverdlovsk region conducted in 2022. The sample was representative, error < 3%, size – $N = 2500$. The sample was based on quotas: gender, age, social status, place of residence.

The article discusses the predisposition to volunteerism and the relationship between the propensity of the Urals youth to volunteer and their readiness for action. It examines the social consciousness of young people to evaluate the various characteristics of their inclination towards this type of social activity. The study analyzed the multidirectional nature of youth predisposition to volunteering across four dimensions: belief in social change, orientation towards activism, priority of egoistic or altruistic orientation of volunteering, and orientation towards relatives and friends or independence. Cluster analysis was conducted to identify 12 types of youth groups with unique characteristics of their members' predisposition to volunteering. The propensity to volunteerism index was calculated for each group. The results show that the groups with a stronger altruistic orientation and an attitude towards social action (activism) have the largest number of individuals ready to volunteer. Meanwhile, the proportion of individuals willing to volunteer remains consistent even in groups where the inclination towards volunteerism is low.

Keywords: youth volunteering, predisposition to volunteering, propensity to volunteer, youth intentions, typology.

REFERENCES

- Vavilina N.D., Parshukova G.B., Romannikov O.D. (2021) Civil society as a subject of social influence (on the example of the Novosibirsk region). *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1: 63–74. (In Russ.)
- Demidenko S. Yu. (2023) Youth between past and future. *Interakciya. Interv'yu. Interpretaciya* [Interaction. Interview. Interpretation]. Vol. 15. No. 1: 119–126. (In Russ.)
- Zubok Yu.A., Chuprov V.I. (2008) Social regulation under conditions of uncertainty. Theoretical and applied problems in youth research. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 2(86): 142–155. (In Russ.)
- Zubok Yu.A., Chuprov V.I. (2011) Sociocultural mechanism of self-regulation in the political life of youth. *Sociologiya vlasti* [Sociology of power]. No. 6: 9–20. (In Russ.)
- Martynenko A.B. (2023) Development of tools for measuring the emotional component of volunteering and its testing. *Sociologicheskij zhurnal* [Sociological journal]. Vol. 29. No. 4: 8–30. (In Russ.)
- Mersiyanova I.V., Malahov D.I., Ivanova N.V. (2019) The role of the family as a channel for intergenerational transmission of volunteering traditions in modern Russia. *Ekonomicheskaya sociologiya* [Economic sociology]. Vol. 20. No. 3: 66–89. (In Russ.)
- Palkin K.A. (2023) Value and semantic factors of participation in volunteer activities by students of Russian universities. *Vestnik prakticheskoy psikhologii obrazovaniya* [Bulletin of practical psychology of education]. Vol. 20. No. 1: 117–128. (In Russ.)
- Yadov V.A. (ed.) (2013) *Samoregulyaciya i prognozirovaniye social'nogo povedeniya lichnosti: Dispozitsionnaya koncepciya* [Self-regulation and prediction of social behavior of the individual: Dispositional concept]. Moscow: Center for Social Forecasting and Marketing. (In Russ.)
- Toshchenko Zh.T. (2008) *Paradoksal'nyj chelovek: monografiya* [Paradoxical Man: Monograph]. Moscow: UNITY. (In Russ.)
- Shabunova A.A., Uhanova Yu.V., Kosygina K.E. (2023) Youth civic participation in the region: opportunities and limitations. *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology]. Vol. 26. No. 1: 167–199. (In Russ.)
- Yadov V.A. (1995) Social and socio-psychological mechanisms of formation of a person's social identity. *Mir Rossii* [World of Russia]. No. 3–4: 158–181. (In Russ.)
- Kisljakov P.A., Shmeleva E.A., Govin O. (2019) Contemporary Volunteering in the Formation of Prosocial Behaviour of a Person. *The Education and Science Journal*. No. 21(6): 122–145.
- Bales K. (1996) Measuring the propensity to volunteer. *Social Policy and Administration*. No. 30: 206–226.
- Dean J. (2015) Class diversity and youth volunteering in the United Kingdom: Applying Bourdieu's Habitus and cultural capital. *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*. No. 45(1): 95–113.
- Janoski T., Wilson J. (1995) Pathways to voluntarism: Family socialization and status transmission models. *Social Forces*. No. 74: 271–292.
- Livi S., De Cristofaro V., Theodorou A., Rullo M., Piccioli V., Pozzi M. (2020) When motivation is not enough: Effects of prosociality and organizational socialization in volunteers' intention to continue volunteering. *Journal of Community and Applied Social Psychology*. No. 30(3): 249–261.
- Plagnol A.C., Huppert F.A. (2010) Happy to help? Exploring the factors associated with variations in rates of volunteering across Europe. *Social indicators research*. No. 97: 157–176.
- Smith D.H., Sardinha B., Moldavanova A., Dong H.D., Kassam M., Lee, Y., Sillah A. (2016) Conducive motivations and psychological influences on volunteering. *The Palgrave Handbook of Volunteering, Civic Participation, and Nonprofit Associations*. New York, NY: Palgrave Macmillan.
- Voicu B., Voicu M. (2009) Volunteers and volunteering in Central and Eastern Europe. *Sociología*. No. 41(6): 539–563.

Received: 09.01.24. Final version: 25.09.24. Accepted: 30.09.24.

Я.Н. КРУПЕЦ, Ю.В. ЕПАНОВА

МОЛОДЫЕ КРАФТОВЫЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛИ (РЕМЕСЛЕННИКИ) САНКТ-ПЕТЕРБУРГА О МЕРАХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ

КРУПЕЦ Яна Николаевна – кандидат социологических наук, заместитель директора (ykrupets@hse.ru); ЕПАНОВА Юлия Валентиновна – кандидат культурологии, научный сотрудник (yepanova@hse.ru). Обе – Центр молодежных исследований НИУ «Высшая школа экономики» – Санкт-Петербург, Санкт-Петербург, Россия.

Аннотация. В статье анализируются установки молодых крафтовых предпринимателей (ремесленников) по отношению к мерам государственной поддержки малого бизнеса. Анализ базируется на серии качественных интервью с ремесленниками г. Санкт-Петербурга, развивающими свое дело в рамках креативной экономики. Интервью были собраны в 2021 г. и позволили проследить, как менялось восприятие помощи со стороны государства в доковидный и ковидный периоды. Авторы доказывают, что молодые предприниматели ориентированы на официальную регистрацию своего дела на определенном этапе его развития из рациональных и этических мотивов. Ключевыми в отношениях с государством становятся ценность автономности и субъектности, избегание патернализма и стремление к комфорту и ясности в бюрократических процедурах. COVID-19, с одной стороны, подтолкнул молодых предпринимателей к поиску поддержки у государства, с другой стороны, предлагаемые государственные меры оказываются маловостребованными и низко эффективными, так как не соответствуют запросу предпринимателей или «не видят» мастеров в качестве нуждающихся.

Ключевые слова: молодежь • молодежное предпринимательство • самозанятость • крафт • крафтовые предприниматели (ремесленники) • COVID-19 • меры государственной поддержки

DOI: 10.31857/50132162524100069

Постановка исследовательской проблемы. Крафт (ремесленничество) в последние годы становится все более популярным городским движением. В крупных городах появляются пространства, в которых концентрируются ремесленники (креативные кластеры), растет количество маркетов и ярмарок, на которых можно приобрести хендмейд-товары, расширяется предложение мастер-классов и курсов, обучающих ремеслам, появляются шоу, популяризирующие «работу руками» и др. Крафт привлекает как производителей, так и потребителей процессом творческого труда, аутентичным товаром, эстетикой и дизайнерским подходом, определенным стилем жизни и формирующимся вокруг него сообществом [Luckman, 2015]. В научной дискуссии такой видимый рост популярности крафта в современных экономиках (прежде всего в так называемых развитых странах «Глобального Севера» [Patel, Dudrah, 2022; Luckman, 2015], куда мы в рамках данной статьи относим и Россию), получил название «третьей волны возрождения ремесла» [Luckman, 2015; Fox Miller, 2017]. В отличие от двух предыдущих волн (первой – в конце XIX в., связанной с движением «искусств и ремесел» в Великобритании, и второй в 1960–1970х гг. – с движением «хиппи»), она не только направлена на продвижение ценности ручного труда как критики массового индустриального производства и перепотребления, но также вписана в развитие современной креативной экономики и «хипстерского капитализма» [Scott, 2017]. Такое «новое ремесленничество» значительно отличается от «традиционных ремесел» [Mignosa, Kotipalli,

2019] – институционализированного поля, с выстроенной системой профессионального образования, карьеры и государственного учета. «Новые ремесленники» часто оказываются самоучками [Балацок, Гладченко, 2022], имеют «портфельные» карьеры [Handy, 1994], профессионализируют свое хобби, становятся предпринимателями стиля жизни [Poliakov, 2021], чья мотивация включает неэкономические рациональности и связывается с ценностями и культурными значениями [Ариф, Кузьминова, 2021]. Крафт третьей волны активно медиализируется и технологизируется, а также становится неотъемлемой частью современных креативных индустрий [Luckman, 2015], в том числе через использование дизайна, встраивание мастеров в социальные сети креативных работников, участие в креативных проектах и конкурсах, создание общих площадок.

Молодежь является активным участником крафтового движения [Poliakov, 2021] и пробует свои силы в качестве предпринимателей в крафтовой экономике, в том числе благодаря открытости входа (для старта своего дела не требуется больших капиталов) [Krupets, Еранова, 2023], потребительской компетентности городской молодежи, эстетической привлекательности данного рынка, разделяемым ценностям и стилям жизни, сильной связи с сообществом потребителей и с молодежными культурами.

Вместе с тем молодежь – уязвимая группа на рынке из-за отсутствия достаточного объема капиталов, что особенно остро проявляется в условиях кризисов [Майборода и др., 2023]. Государственная поддержка традиционно рассматривается как один из важных инструментов повышения устойчивости бизнесов в ситуации кризисов, которые в последнее время следуют один за другим (глобальный экономический кризис 2008–2009 гг. сменился глобальным кризисом, вызванным пандемией COVID-19, на смену которому пришел кризис, связанный с конфликтом России и Украины). Ярким примером участия национальных правительств в преодолении последствий кризиса выступают государственные меры поддержки малого и микробизнесов во время пандемии [Groenewegen et al., 2021; Cowling et al., 2020]. При этом эффективность разных видов поддержки может варьироваться. И возможен коммуникационный разрыв – в том, как государственные органы понимают, в чем именно нуждаются молодые предприниматели, и в том, как сами предприниматели воспринимают эту поддержку, и могут ли ею воспользоваться.

Необходимость поддержки предпринимательской деятельности активно признается на уровне государственной экономической политики. Отмечается, что особым объектом такой поддержки должно становиться среднее, малое и микропредпринимательство, так как, по сравнению с крупными игроками, данные участники обладают более уязвимыми позициями в силу ограниченности ресурсов и капиталов, необходимых для наращивания оборотов [Неопуло, 2020; Ягофарова, 2021]. Развитие среднего, малого и микропредпринимательства помогает обеспечивать большую устойчивость экономики, снижает безработицу и, соответственно, давление на государственный бюджет, способствует развитию человеческого капитала, большей социальной и экономической устойчивости участников рынка [Маковецкий, 2020]. Особенно актуальными меры поддержки становятся в условиях резко меняющихся структурных условий и экономических кризисов, примером чего стала пандемия COVID-19.

До 2020 г. в Санкт-Петербурге уже действовали разнообразные федеральные и региональные программы поддержки малого и среднего бизнесов¹. В условиях пандемии был также предпринят ряд мер для помощи малым предпринимателям². Однако исследования показывают, что эти меры не всегда действенны с точки зрения самих предпринимателей. Предприниматели либо мало информированы о программах, либо не пользуются ими [Крупец и др., 2021; Касамара, Сорокина, 2022]. Этот парадокс требует осмысления.

¹ СПб ГБУ «Центр развития и поддержки предпринимательства». URL: <https://crpp.ru/> (дата обращения: 06.11.2023).

² Государственные меры поддержки бизнеса в условиях распространения COVID-19 / Комитет по промышленной политике, инновациям и торговле Санкт-Петербурга. URL: <https://cipit.gov.spb.ru/meri-podderzhki-ekonomiki/gosudarstvennye-mery-podderzhki/> (дата обращения: 06.11.23).

С одной стороны, это вопрос не только и не столько набора мер поддержки, сколько своеобразной эффективности «оптики» государственных программ. Разрабатываемые меры развития предпринимательства неизбежно выстраиваются через классификацию и категоризацию, накладываемых на участников бизнеса (через ОКВЭДы, региональную привязку, возрастные границы, выделение особых категорий поддерживаемых) и т.д. Однако насколько эта оптика ухватывает нюансы предпринимательской среды в различных областях и в этом смысле позволяет (или нет) увидеть тех или иных предпринимателей, является открытым вопросом. Особенно уязвимыми в такой ситуации могут становиться «новые», зарождающиеся сферы, к которым и относятся предприниматели крафта «третьей волны». Зачастую они даже не поддаются статистическому учету, так как крафт не всегда выделяется как отдельная категория учета, в основном фокусируются на традиционных ремеслах. При этом современный крафт может быть отнесен к различным сферам экономической деятельности: дизайн, медиа, традиционные ремесла и другие. Популярными видами крафтового производства являются: дизайн и производство одежды, производство керамики и ювелирных украшений, крафтовое пивоварение и производство крафтовой еды, производство и реставрация мебели, ручное книгопечатание и производство бумаги. Крафтовые товары, создаваемые ремесленниками, пользуются популярностью у горожан и вписываются в проект устойчивого потребления, сфокусированного на экологичности и этичности производства, на ценности аутентичного локального немассового продукта. С другой стороны, эффективность программ развития и поддержки зависит от запроса самих предпринимателей – какой именно помощи они ждут, насколько хотят и готовы обращаться за поддержкой.

В данной статье мы рассмотрим отношение молодых предпринимателей к взаимодействию с государственными структурами и программам государственной помощи в целом и в условиях пандемии коронавируса.

Методология и эмпирическая база исследования. Данная статья базируется на данных, собранных сотрудниками Центра молодежных исследований НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург в рамках проекта «Пережить трудные времена и сохранить бизнес: стратегии совладания с кризисом молодых предпринимателей Санкт-Петербурга». Исследование проводилось в качественной методологии с использованием метода лейтмотивного биографического интервью. Использовалась целевая выборка – принадлежность к крафтовому сектору и возраст участников (18–35 лет). Юридический статус бизнеса (наличие или отсутствие официальной регистрации, а также ее форма) не являлся критерием выборки, так как исследования показывают, что для микропредпринимательства и молодежного предпринимательства весьма типична включенность в неформальную экономику. Эмпирическую базу исследования составили 52 интервью с молодыми крафтовыми предпринимателями Санкт-Петербурга. Сбор данных осуществлялся в феврале – мае 2021 г. В выборку вошли 25 человек, занятых крафтовым производством (изготовление украшений, гончарное дело и пр.), 15 человек, реализующих проекты в «крафтовом» общепите (кафе, бары и пр.), и 12 человек, предоставляющих «крафтовые» услуги (парикмахерские, обучение крафту и пр.). 20 из них – мужчины, 33 – женщины. В выборке большинство информантов на момент интервью были оформлены как ИП (36 человек), 11 имели статус «самозанятого», неформально занимались ремеслом 4 человека, 1 был оформлен как крестьянско-фермерское хозяйство. При этом официальная регистрация у большинства информантов появлялась не сразу, а с развитием дела. Длительность интервью составила от 36 минут до 2 часов 20 минут. Все интервью были транскрибированы, анонимизированы и проанализированы с применением процедур кодирования и тематического анализа.

Решение о регистрации как отражение отношения к вхождению в формальную экономику. Как было отмечено выше, в нашу выборку попали информанты с разным «официальным статусом» своего дела (включая официально неоформленных). В контексте ключевого фокуса данной статьи важен не статус сам по себе, а установки крафтеров к официальной регистрации и отношению к государству: официальная регистрация бизнеса

предполагает не только делание себя «видимым» для государства, но и последующее регулярное взаимодействие с различными властными структурами.

В целом для крафтовых предпринимателей достаточно типично при открытии своего дела рассматривать его в качестве «пробы» или «игры». Именно поэтому официальная регистрация, взаимодействие с бюрократическими структурами рассматриваются на первом этапе как чуждые/необязательные. Выход же за границы «своего мира», на поле с официальными правилами игры «взрослых», оказывается значимым шагом в переопределении своего занятия, в признании своей идентичности «предпринимателя» и в готовности стать частью общей экономики. Часто официальное оформление своего дела многими крафтовыми мастерами интерпретируется как «естественный путь» развития бизнеса. Выход в зону видимости государства не сильно проблематизируется, скорее наоборот, приводит к появлению новых предложений для сотрудничества и становится условием привлечения большего числа клиентов и их удобства: *«Нам пришлось оформить ИП, когда вот я упоминала, что с айтишниками у нас был вот этот проект. Это же люди серьезные. Мы же должны тоже быть соответствующими. И это вынудило как-бы меня открыть ИП. Тоже вот, казалось бы, никогда не думала, что я в карантин, когда все сидят по домам, буду ИП открывать»* (№ 28, ж., 26 лет, крафт-производство, пивоварение).

Более того, регистрация и получение официального статуса воспринимаются молодыми предпринимателями и как символический переход «детского увлечения» в разряд «настоящего», «серьезного», «взрослого» предприятия: *«Мне как-бы это приятно, то есть стать ИП – это такой очень важный взрослый шаг... То есть, конечно, платить налоги мне очень не нравится, то есть я считаю, что налоги большие, государство никак не помогает, куда идут мои налоги? Но я считаю, что это важный этап для меня тоже был – стать ИП, вот»* (№ 10, ж., 31 год, крафт-услуги, арт-обучение).

«Простота», понятность и автоматизация процедуры регистрации, наличие электронных сервисов и инструментов, которые регулярно отмечают наши информанты, значительно повышает доступность и привлекательность выхода в формальный сектор для молодежи. Важными агентами, упрощающими коммуникацию с государством, оказываются банки, дающие возможность автоматизировать процесс взаимодействия: *«Я самозанятая. Как вот это стало возможным, стала самозанятой и очень довольна... это очень удобно. Сейчас я могу заключать договор быстро с, допустим, билетным сервисом, чтобы брать деньги за вход с посетителей выставок. И выводить оттуда себе на карту. У меня автоматически вычитывается налог и со мной сотрудничают... крупные компании. И все по закону. Меня это очень радует»* (№ 39, ж., 33 года, крафт-производство, ювелирное дело).

В целом информанты оценивают существующие у них взаимодействие с государственными структурами (прежде всего с налоговыми органами) как простое и отлаженное: *«Все очень удобно. Очень удобное взаимодействие с налоговой, реально... То есть человек без любого знания просто за два ролика на Ютубе может открыть свое дело и его вести, и в принципе вроде бы, тыфу-тыфу-тыфу, никаких проблем нет... Но такое подозрение, что все это возможно до тех пор, пока ты просто маленький, прям микро»* (№ 36, м., 32 года крафт-производство, брошки).

Напряжение вызывает не необходимость платить налоги или их размер, а скорее требование к объемной отчетности и включение в бюрократизированную коммуникацию. И если уплата налогов является понятной и легитимной процедурой, то «формальное заполнение бумажек» и большой объем отчетности за тратами воспринимаются как действия, слишком затратные по усилиям и сложные по процедуре. Соответственно, такие взаимодействия гораздо чаще избегаются или передаются «компетентным посредникам» (бухгалтерам, юристам).

Важно, что кроме экономических рациональностей, выход в пространство формальной экономики становится и этическим выбором молодого предпринимателя: нужно регистрироваться, чтобы платить налоги и не нарушать закон. В нарративах некоторых информантов в отношении официальной зарегистрированной деятельности используются

такие категории, как «честность» и «правильность»: *«Инт.: А вообще, а самозанятость зачем? Инф.: Чтобы я платила налоги. Инт.: Зачем? Инф.: А мне кажется, что это честно опять же. Я не из тех... Я дочь своего отца, я посмотрела, как там все это было [имеется в виду бизнес в 90-е. – Прим. авт.], меня это так не устраивает»* (№ 14, ж., 29 лет, крафт-производство, дизайн одежды).

Следование закону и своим ценностям дает предпринимателям также дополнительную уверенность и добавляет оснований к развитию автономности и выстраиванию партнерских отношений с государством: мы свою часть сделки выполняем (платим налоги) и можем требовать что-то от государства взамен.

Ожидания от мер государственной поддержки. Получив официальный статус для своего дела, молодой предприниматель оказывается видимым для государства и может участвовать в программах поддержки малого бизнеса. Однако наши данные свидетельствуют о том, что молодые мастера не только не спешат обращаться за этой поддержкой, но, наоборот, стараются дистанцироваться от государства (по крайней мере, в докризисный период) [Крупец и др., 2021].

Самый типичный ответ на вопрос об ожиданиях от государства в нарративах – «нет никаких ожиданий»: *«Инт.: А чего бы вам хотелось, чтобы государство делало для малого бизнеса? Инф.: Честно говоря... не привык об этом думать, что даже не знаю, что сказать... Я настолько вообще везде без него, что даже я не знаю, что делать. То есть я не знаю, как, как это, когда это хорошо и помогает...»* (№ 1, м., 32 года, крафт-производство, кожевенное дело).

У одних информантов такое отсутствие ожиданий связано с максимально индивидуалистской субъектной позицией и неприятием патерналистских установок: *«Я придерживаюсь такой позиции, типа, ну... что типа люди сами вот за себя отвечают в первую очередь»* (№ 16, ж., 30 лет, крафт-услуги, арт-обучение). У других основывается на недоверии государству и неудовлетворенности его деятельностью: *«Ничего не хочу от этого государства. Я его очень не люблю. Я хочу в безопасности быть, а этого оно мне не обеспечивает, поэтому я бы предпочла с ним не иметь отношений»* (№ 13, ж., 30 лет, крафт-производство, рукоделие).

Несмотря на отсутствие сформированных ожиданий, в рамках интервью информантам был предложен проективный вопрос о помощи, которая была бы востребована в среде крафтовых предпринимателей. Все полученные ответы так или иначе указывают на финансовую и информационную поддержку, однако в особом формате. Так, запрос на финансовую поддержку ожидается в виде временного сокращения налогов, а не дополнительного финансирования бизнеса: *«Конечно, было бы круто, если бы первое время все не брали налогов, например <...> Ну там год или два. До какой-то выручки. Вот типа: «ты дойди до какой-то выручки, и тогда мы с тебя начнем брать уже налоги, как бы, все» ... <...> То есть даже... не надо нам давать денег, мы сами все сделаем, просто не забирайте у нас эти крохи, которые у нас есть, первое время. Мы потом все заплатим. Просто дайте нам возможность»* (№ 18, м., 32 года, общепит, кафе).

Из цитаты видно, что в таком варианте поддержки предприниматель стремится сохранить свою субъектность и автономность. Временный характер меры (на старте дела) в будущем позволит предпринимателю вернуть свою независимость и выстраивать более партнерские отношения с государством.

У предпринимателей также существует запрос на доступную информацию о правилах и бюрократических процедурах: *«Информацию, потому что очень тяжело найти информацию в Интернете, что нужно платить, какие бумаги заполнить. <...> То есть я бы хотела, чтобы государство как-то больше... «это работает вот так, вам нужно будет сделать вот это, вот это и вот это в обязательном порядке, вот это можно не делать». <...> ну и просто чтобы система была более понятной. А так, такое ощущение, что как бы это темный поток, в который запускаешь руку, чтобы отдать деньги, и все. Как-то больше ясности бы хотелось»* (№ 10, ж., 31 год, крафт-услуги, арт-обучение).

Здесь мы видим, что поддержка, которая ожидается от государства, в первую очередь связана с запросом на знание «взрослых» правил игры и «упрощение» процедур.

Предприниматели готовы играть по правилам, однако часто они не могут позволить себе больших временных и денежных издержек на знакомство с системой.

В целом можно заключить, что в некризисной ситуации крафтовые предприниматели готовы вступать во взаимодействия с государственными структурами ограниченно. Они не ждут постоянной поддержки, скорее надеются на взаимную дистанцию и ее сохранение, хотя и готовы платить налоги, потому что хотят «жить по закону» и в соответствии с собственными этическими принципами. В своих установках по отношению к взаимодействию с государством они опираются на две ценности: сохранение личной автономии и стремление к удобству и простоте получения государственных услуг и следования правилам.

Государственные меры поддержки в ситуации COVID-19: опыт получения. Выше представлен анализ отношения крафтовых предпринимателей к мерам государственной поддержки в условиях «рутинного» ведения дела. Пандемический кризис серьезно проблематизировал и/или разрушил привычные схемы взаимодействий, а также усилил уязвимость микропредприятий, в том числе и в секторе креативной экономики [Apedo-Amah et al., 2021], поставив предпринимателей перед новыми вызовами и ограничениями.

Национальные государства в мире по-разному реагировали на пандемический кризис. Среди самых распространенных мер поддержки малого бизнеса выступали: субсидирование зарплат работников, предоставляемые налоговые каникулы, более доступные условия кредитования и мораторий на погашение долгов [Razumovskaia et al., 2020]. Российское правительство также выработало ряд мер, сопоставимых с мерами других стран, среди которых наиболее релевантными для нашего сектора экономики и микробизнесов были следующие³: налоговые каникулы, льготное кредитование, снижение страховых взносов, мораторий на плановые проверки малого бизнеса, отсрочка по аренде, гранты. Система этих мер была применена и в Санкт-Петербурге. Однако стоит подчеркнуть, что в условиях пандемии Санкт-Петербург был вторым регионом по заболеваемости и, как следствие, имел один из самых строгих режимов ограничительных мер, в том числе по отношению к бизнесу⁴.

Подчеркнем, что в период кризиса установки самих молодых предпринимателей в отношении государства меняются. Если наши предшествующие исследования⁵ показывали, что в «доковидные» времена предприниматели стараются выстраивать максимальную дистанцию с государством, то в ситуации кризиса мастера начинают искать любые возможности укрепить свое положение, в том числе и с помощью государственных программ. При этом, несмотря на разнообразие государственных мер, в восприятии молодых предпринимателей далеко не все из них оказываются релевантными для поддержки микропредприятий в крафтовом секторе креативной экономики. Как отметил один из наших информантов на вопрос о государственных мерах поддержки: «...да, слышал, но не пользовался ими, потому что там были выплаты на сотрудников вот. <...> Я вот именно про этот пакет мер слышал... Там можно было сколько-то получить – двенадцать или десять... Поддержкой особо сложно это назвать. Ну, как бы именно для малого предпринимательства, вот. В общем да, скорее было больше сложности от государства, чем поддержки, вот... <...> А как бы эта отсрочка платежей [налогов], вот мы ее получили, но на самом деле это тоже не такая существенная помощь... Я бы так их заплатил, и без этой отсрочки, это не какие-то баснословные суммы» (№ 1, м., 32 года, крафт-производство, кожевенное дело).

Наши информанты в большинстве случаев отмечают, что не получали никакой поддержки, либо что помощь была недостаточна или не соответствовала запросу. Из цитаты

³Правительство России, 2021. URL: http://government.ru/support_measures/ (дата обращения: 04.07.2023).

⁴Постановление Правительства Санкт-Петербурга от 13.03.2020. No 12. URL: <https://www.gov.spb.ru/covid-19/dokument/> (дата обращения: 04.07.2023).

⁵Проект «Молодежное предпринимательство: между субкультурными DIY-практиками и новыми формами гражданственности», выполненный в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2019 г.

выше видно, что «(не)существенность» поддержки нарративно связывается с «востребованностью» меры и ее «эксклюзивностью»: помощь ожидается в том, с чем предприниматель сам, без помощи государства, не справится. В то же время предлагаемые меры часто не дают эксклюзивных возможностей.

Серьезным барьером в получении поддержки также становится «непопадание» предпринимателей в государственные классификации нуждающихся в помощи. Более того, государственные номинирование и квалификация вызывают вопросы и воспринимаются как недостаточно справедливые/понятные: *«Там были меры поддержки, возвращали, по-моему, налог какой-то в размере что-то 13 тысяч рублей пострадавшим отраслям. <...> У меня был ОКВЭД «бижутерия», и она не попала. И они не считаются пострадавшей отраслью <...>, в итоге, государство мне ничего не компенсировало в тот момент. <...> То есть если бы у меня были «народные промыслы», меня бы поддержали. Считается, видимо, поважнее»* (№ 20, ж., 36 лет, крафт-производство, украшения из фарфора).

Таким образом, латентным, но от этого не менее значимым, негативным эффектом государственной поддержки становится производство новых социальных отличий и разделений на «более» и «менее важные» для государства сферы и занятия. Для молодежи в поле крафтовой экономики такое символическое нивелирование значения их деятельности оказывается травмирующим, в том числе в связи с тем, что наши информанты часто реализуют предпринимательство стиля жизни [Bredvold, Skälén, 2016], в котором дело тесно связывается с идентичностью мастера и его ценностными установками. Отсутствие признания дела может быть воспринято как нивелирование самого мастера.

Также анализ показал, что уровень информированности о предоставляемых мерах поддержки у молодых предпринимателей может быть достаточно низким – «что-то слышал», «бухгалтер сказал». При этом наши данные, как и другие исследования [Касамара, Сорокина, 2022; Веселов, 2023], показывают, что это связано во многом с низким уровнем доверия государству и страхом бюрократического языка и процедур. В результате мастера и не пытаются самостоятельно искать информацию, надеясь на ее неформальное распространение в сообществе. *«...насколько я знаю бизнесу не помогали. Ну, то есть из того, что как бы на поверхности мне рассказывали, то есть я сама не копала. Потому что я не верю, что кто-то может просто безвозмездно помочь. Вот, я не верю в государство... Да, ну чем они могут помочь?»* (№ 10, ж, 31 год, услуги, арт-обучение).

Такое низкое доверие создает серьезный барьер в получении помощи. Чтобы его преодолеть, необходимы дополнительные усилия по «переубеждению»: *«Насколько я знаю, из того, что я читал в Интернете, тех, кто их взяли [кредиты], у них потом еще были проблемы. Я на самом деле помню, когда бухгалтер моя говорила, что, "Вы можете получить от налоговой помощь..." Я говорю: "Вы знаете, я не хочу ее получать, потому что еще потом в три раза больше обратно запросят..." Потом только она меня уговорила. Говорит: "Нет, это все безопасно, не бойтесь. Все, можем взять". И я, честно говоря, ожидал подлянки»* (№ 23, м., 28 лет, общепит, кафе).

При отсутствии информации из официальных источников, начинают работать социальные сети, и о «реальных» возможностях государственной поддержки узнают от знакомых, партнеров, других предпринимателей.

Подчеркнем, что, конечно, не все информанты занимают подобную позицию в отношении государства: не доверять и не искать информацию самостоятельно. Есть те, кто тщательно собирают новости, стремятся самостоятельно разобраться в государственных инициативах и в целом реализуют сценарий «автономного экономического агента». Вместе с тем даже они, оценивая эффект от «доступных им» мер поддержки, высказываются скептически, аргументируя свою неудовлетворенность по-прежнему «несущественностью» и «неэксклюзивностью» помощи, а также экономической нерациональностью: *«То есть как бы меня вообще взбесило... Мне простили налоги за тот период, когда я не зарабатывала, но содрали, как только мне стало лучше. То есть мне простили 30 тысяч, а 230 я заплатила за прошлый год. Простите мне 230, и попросите заплатить 30... Они взяли на себя*

самый мелкий удар. Типа вот, тот период, когда вы были закрыты, и когда был локдаун, вы меньше продавали, значит, меньше платили налогов, ну вот эту мелочь можете оставить себе. То есть это нелогично...» (№ 40, ж., 23 года, общепит, кофейня).

Скептическое отношение также высказывается в отношении эффективности льготных кредитов и грантов. Молодые предприниматели всячески стараются избегать любого рода зависимостей (в том числе финансовых), и крайне неохотно берут кредиты, предпочитая этого не делать: «В плане каких-то государственных там субсидий, грантов – это категорически не мое. Я не умею вписываться в систему, где нужно подстроиться и чего-то там, чего-то там сделать, чтобы отчитываться. Мне легче разработать продукт, который действительно нужен людям. И презентовать его, продать. Получить как бы свои деньги и работать на них. Я вообще преклоняюсь перед людьми, которые умеют в эти гранты и всякие соцактивности, но я не готова, чтобы в мои процессы управления вмешивалось государство, и я кому-то что-то была должна» (№ 39, ж., 33 года, крафт-производство, ювелир).

В кризис отношение к кредитам (пусть и льготным) остается негативным: «Ну просто кредит – это такое. Так себе мера поддержки, потому что ты должен его возвращать все равно» (№ 13, ж., 30 лет, крафт-производство, рукоделие). Также не радуют любые «отсроченные платежи», которые нужно будет через определенное время возвращать, так как уверенности в доходности бизнеса в будущем у молодых предпринимателей часто нет, особенно в кризисных условиях.

Заключение. Молодые ремесленники за последние несколько лет прочно заняли свою нишу в креативных индустриях и расширили наши представления о предпринимательстве. Молодежь, реализующая модель «предпринимательства стиля жизни» [Bredvold, Skälén, 2016], не только смогла выйти на рынок с минимальными стартовыми ресурсами, но и стать проводниками новой предпринимательской культуры, включающей неэкономические рациональности: ценности аутентичного ручного производства, креативности и самореализации, осмысленной работы, эстетического дизайна, поддержки сообщества и окружающей среды. Молодые ремесленники, с одной стороны, позиционируют себя как самостоятельных экономических агентов, в своей рутинной работе не нуждающихся в патернализме и поддержке со стороны «взрослых» (родителей, наставников, инвесторов, государственных служб). С другой стороны, в связи с ограниченностью ресурсов они могут быть достаточно уязвимы для серьезных кризисов. В критической ситуации поддержка от государства может стать значимым фактором сохранения и развития молодежного бизнеса, однако форматы помощи не всегда оказываются востребованы, доступны и эффективны с точки зрения молодежи. В своем анализе мы показали, как молодые предприниматели выстраивают отношения с государством и оценивают эффективность государственных мер поддержки для повышения своей устойчивости в ситуации кризисов.

В результате проведенного эмпирического анализа можно утверждать, что на определенном этапе развития своего дела молодежь регистрирует свой бизнес, получает официальный статус (ИП, самозанятого) и вступает в формальные отношения с государством, позволяющие претендовать на поддержку. При этом в представлениях предпринимателей главная роль государства состоит в том, чтобы создавать правовую среду для ведения бизнеса. В свою очередь, предприниматели принимают на себя обязательства честно платить налоги и предоставлять отчетность о своей деятельности, тем самым выполняя «свою часть сделки».

В ситуации кризиса молодые ремесленники не меняют кардинально своих установок и ожиданий в отношении государства. Несмотря на то что их позиция становится более уязвимой и горизонт поиска поддержки расширяется (обращаясь в том числе и к государственным мерам), базовые принципы и ценности остаются без изменений: молодые крафтовые мастера по-прежнему не готовы отказываться от собственной автономности и субъектности во взаимоотношениях с государством. Несмотря на разнообразие предлагаемых правительством мер, большинство из них по-прежнему не используется крафтовыми предпринимателями. Таким образом, с одной стороны, мы наблюдаем появившийся

запрос на получение поддержки со стороны государства, с другой стороны, он далеко не всегда переходит в реальные усилия по обращению за этой помощью.

Анализ позволил выделить два ключевых барьера в коммуникации с государственными структурами. Первым из них выступает распространенная установка, сформированная у молодых предпринимателей, что взаимодействие с государством является сложным и ресурсозатратным. Зачастую молодежь, даже при отсутствии реального опыта, изначально уверена, что обращение за поддержкой в рамках государственных программ потребует от них больших усилий, будет сопровождаться повышенным контролем и потенциально приведет к потере их автономности. Вторым барьером выступают структурные особенности оказываемых государственных мер поддержки, которые не всегда учитывают специфику молодежного предпринимательства в креативных индустриях: новые индустрии не соответствуют старым классификаторам видов экономической деятельности, что не просто не дает формальной возможности молодежи претендовать на помощь, но также порождает субъективное ощущение «ненужности» и «незначимости» новых ремесленников для государства. Такая ситуация, воспринимаемая как «символическое непризнание» со стороны государства, усиливает установки молодежи на дистанцирование и субъективную оценку мер поддержки как неэффективных, хотя в реальности это может быть совсем не так. Таким образом, исследование показало, что для развития поддержки молодежного предпринимательства оказывается недостаточно совершенствование государственных программ и мер помощи. Значимым и необходимым фактором роста эффективности становится преодоление негативных установок молодежи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ариф Э.М., Кузьмина Т.А. Личное – это профессиональное: этичность молодых крафтовых предпринимателей в Санкт-Петербурге // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2021. № 3(163). С. 179–199. DOI: <http://doi.org/10.14515/monitoring.2021.3.1922>.
- Балацок Е.С., Гладченко Е.А. Профессиональная идентичность учителей крафта в сфере неформального образования в Санкт-Петербурге // Социологические исследования. 2022. № 3. С. 74–82. DOI: 10.31857/S013216250016402-5.
- Веселов Ю.В. Доверие в предпринимательской среде Санкт-Петербурга: опыт эмпирического исследования // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2022. Т. 15. Вып. 4. С. 366–383. DOI: 10.21638/spbu12.2022.404.
- Касамара В.А., Сорокина А.А. Образ государства в представлениях российских предпринимателей // Вопросы теоретической экономики. 2022. № 3. С. 144–156. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2022_3_144_156.
- Крупец Я.Н., Майборода А.В., Кузинер Е.Н. «Если ты маленький, ты никому не нужен»: молодые креативные предприниматели Санкт-Петербурга и их отношения с государством // Журнал исследований социальной политики. 2021. Т. 19. № 3. С. 405–420. DOI: 10.17323/727-0634-2021-19-3-405-420.
- Майборода А., Крупец Я., Епанова Ю. «Оттолкнулись от дна и пошли дальше»: стратегии совладания с кризисом крафтовых предпринимателей Санкт-Петербурга // Журнал исследований социальной политики. 2023. № 21(1). С. 45–60. DOI: 10.17323/727-0634-2023-21-1-45-60.
- Маковецкий М.Ю. Малое и среднее предпринимательство как ключевой элемент экономического развития Российской Федерации // Вестник Московского университета имени СЮ Витте. Сер. 1: Экономика и управление. 2020. № 4 (35). С. 66–74.
- Неопуло К.Л. О необходимости совершенствования государственной поддержки малого и среднего предпринимательства как фактора повышения предпринимательской активности малого бизнеса // Путеводитель предпринимателя. 2020. № 13(1). С. 137–145. DOI: 10.24182/2073-9885-2020-13-1-137-145.
- Ягофарова И.Д. Антикризисные меры поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства в России // Образование и право. 2021. № 7. С. 139–143. DOI: 10.24412/2076-1503-2021-7-139-143A
- cultural economic analysis of craft / Ed. by A. Mignosa, P. Kotipalli. Cham: Palgrave Macmillan, 2019.
- Apedo-Amah M. C., Avdiu B., Cirera X., Cruz M., Davies E., Grover A., Tran T.T. Unmasking the Impact of COVID-19 on Businesses. Policy Research Working Paper Series. 9434. February, 2021.
- Bredvold R., Skälén P. Lifestyle entrepreneurs and their identity construction: A study of the tourism industry // Tourism Management. 2016. Vol. 56. С. 96–105. DOI: 10.1016/j.tourman.2016.03.023.

- Cowling M., Brown R., Rocha A. Did you save some cash for a rainy COVID-19 day? The crisis and SMEs // *International Small Business Journal*. 2020. No. 38(7). P. 593–604. DOI: 10.1177/02662426209451.
- Fox Miller C. The Contemporary Geographies of Craft-based Manufacturing // *Geography Compass*. 2017. No. 11(4): e12311.
- Groenewegen J., Hardeman S., Stam E. Does COVID-19 state aid reach the right firms? COVID-19 state aid, turnover expectations, uncertainty and management practices // *Journal of Business Venturing Insights*. 2021. No. 16. e00262. DOI: 10.1016/j.jbvi.2021.e00262.
- Handy C. *The Empty Raincoat: Making Sense of the Future*. London: Random House, 1994.
- Krupets Y., Epanova Y. Developing craft business in Russia: capitals and tactics of young cultural entrepreneurs // *Cultural Trends*. 2021. P. 1–15. DOI: 10.1080/09548963.2021.1996203.
- Luckman S. *Craft and the creative economy*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2015.
- Patel K., Dudrah R. Special issue introduction: Craft economies and inequalities // *European Journal of Cultural Studies*. 2022. No. 25(6). P. 1549–1555. DOI: 10.1177/13675494221136618.
- Poliakov S. Careers and lifestyles of young cultural entrepreneurs in St. Petersburg // *Creative Industries Journal*. 2021. No. 14(3). P. 269–282. DOI: 10.1080/17510694.2020.1848267.
- Razumovskaia E., Yuzvovich L., Kniazeva E., Klimenko M., Shelyakin V. The effectiveness of Russian government policy to support smes in the COVID-19 pandemic // *Journal of Open Innovation: Technology, Market, and Complexity*. 2020. Vol. 6. No. 4. P. 160. DOI: 10.3390/joitmc6040160.
- Scott M. 'Hipster capitalism' in the age of austerity? Polanyi meets Bourdieu's new petite bourgeoisie // *Cultural Sociology*. 2017. No. 11(1). P. 60–76. DOI: 10.1177/1749975516681226.

Статья поступила: 31.10.2022. Финальная версия: 06.09.2024. Приятна к публикации: 11.09.2024.

YOUNG CRAFT ENTREPRENEURS OF SAINT PETERSBURG ABOUT STATE SUPPORT MEASURES

KRUPETS Ya.N.*, EPANOVA Yu. V.*,

* Centre for Youth Studies, HSE St. Petersburg, Russia

Yana N. KRUPETS, *Cand. Sci. (Sociol.)*, Deputy Director of the Centre for Youth Studies, HSE St. Petersburg, Russia (ykrupets@hse.ru); Yulia V. EPANOVA, *Cand. Sci. (Culture Studies)*, Researcher of the Centre for Youth Studies, HSE St. Petersburg, Russia (yepanova@hse.ru).

Acknowledgements. This article is an output of a research project implemented as part of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE University).

Abstract. The article analyzes the attitudes of young craft entrepreneurs (artisans) towards government support measures for small businesses. The analysis is based on a series of qualitative interviews with artisans from St. Petersburg developing their businesses within the creative economy. The interviews were collected in 2021 and allowed to trace how the perception of government assistance changed in the pre-COVID and COVID periods. The authors prove that young entrepreneurs are focused on officially registering their business at a certain stage of its development for rational and ethical reasons. The key values in relations with the state are the value of autonomy and subjectivity, the avoidance of paternalism and the desire for comfort and clarity in bureaucratic procedures. COVID-19, on the one hand, has pushed young entrepreneurs to seek support from the state, on the other hand, the proposed government measures are of little demand and ineffective, since they do not meet the needs of entrepreneurs or “do not see” craftsmen as those in need.

Keywords: youth, youth entrepreneurship, self-employment, craft, craft entrepreneurs (artisans), COVID-19, government support measures.

REFERENCES

- Apedo-Amah M. C., Avdiu B., Cirera X., Cruz M., Davies E., Grover A., Tran T.T. (2021) *Unmasking the Impact of COVID-19 on Businesses*. Policy Research Working Paper Series. 9434. February.
- Arif E.M., Kuzminova T.A. (2021) Personal Is Professional: Ethic of Young Craft Entrepreneurs in St. Petersburg. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskoe i social'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 3: 179–199. DOI: 10.14515/monitoring.2021.3.1922. (In Russ.)
- Balatsyuk E.S., Gladchenko E.A (2022) Professional identity of craft teachers in the field of informal education in St. Petersburg. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 3: 74–82. DOI: 10.31857/S013216250016402-5. (In Russ.)
- Bredvold R., Skälén P. (2016) Lifestyle entrepreneurs and their identity construction: A study of the tourism industry. *Tourism Management*. No. 56: 96–105. DOI: 10.1016/j.tourman.2016.03.023.
- Cowling M., Brown R., Rocha A. (2020) Did you save some cash for a rainy COVID-19 day? The crisis and SMEs. *International Small Business Journal*. No. 38(7): 593–604. DOI: 10.1177/02662426209451.
- Fox Miller C. (2017) The Contemporary Geographies of Craft-based Manufacturing. *Geography Compass*. No. 11(4): e12311.
- Groenewegen J., Hardeman S., Stam E. (2021) Does COVID-19 state aid reach the right firms? COVID-19 state aid, turnover expectations, uncertainty and management practices. *Journal of Business Venturing Insights*. 2021. No. 16: e00262. DOI: 10.1016/j.jbvi.2021.e00262.
- Handy C. (1994) *The Empty Raincoat: Making Sense of the Future*. London: Random House.
- Kasamara V., Sorokina A. Sorokina (2022) The image of the state in the views of Russian entrepreneurs. *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki* [Issues in theoretical economics]. No. 3: 144–156. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2022_3_144_156. (In Russ.)
- Krupets Y.N., Maiboroda A.V., Kuziner E.N. (2021) 'If you are small, no one cares': young creative entrepreneurs of St. Petersburg and their relations with the state. *Zhurnal issledovaniy social'noj politiki* [Journal of Social Policy Research]. Vol. 19. No. 3: 405–420. DOI: 10.17323/727-0634-2021-19-3-405-420. (In Russ.)
- Krupets Y., Epanova, Y. (2021) Developing craft business in Russia: capitals and tactics of young cultural entrepreneurs. *Cultural Trends*, 1–15. DOI: 10.1080/09548963.2021.1996203.
- Luckman S. (2015) *Craft and the creative economy*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
- Maiboroda A., Krupets Y., Epanova Y. (2023) 'Pushed off the bottom and moved on': strategies for coping with the crisis of craft entrepreneurs in St. Petersburg. *Zhurnal issledovaniy social'noj politiki* [The Journal of Social Policy Studies]. No. 21(1): 45–60. DOI: 10.17323/727-0634-2023-21-1-45-60. (In Russ.)
- Makovetskii M. (2020) Small and medium-sized businesses as a key element of economic development of the Russian Federation. *Vestnik Moskovskogo universiteta imeni SYU Vitte. Seriya 1: Ekonomika i upravlenie* [Bulletin of Moscow University named after S. Witte. Series 1: Economics and Management]. No. 4 (35): 66–74. (In Russ.)
- Mignosa A., Kotipalli P. (ed.) (2019) *A cultural economic analysis of craft*. Cham: Palgrave Macmillan.
- Neopulo K.L. (2020) On the need to improve state support for small and medium entrepreneurship as a factor in increasing the entrepreneurial activity of small businesses. *Putevoditel' predprinimatelya* [Entrepreneur's Guide]. No. 13(1): 137–145. DOI: 10.24182/2073-9885-2020-13-1-137-145. (In Russ.)
- Patel K., Dudrah R. (2022) Special issue introduction: Craft economies and inequalities. *European Journal of Cultural Studies*. No. 25(6): 1549–1555. DOI: 10.1177/13675494221136618.
- Poliakov S. (2021) Careers and lifestyles of young cultural entrepreneurs in St. Petersburg. *Creative Industries Journal*. No. 14(3): 269–282. DOI: 10.1080/17510694.2020.1848267.
- Razumovskaia E., Yuzvovich L., Kniazeva E., Klimenko M., Shelyakin V. (2020) The effectiveness of Russian government policy to support smes in the COVID-19 pandemic. *Journal of Open Innovation: Technology, Market, and Complexity*. No. 6(4): 160. DOI: 10.3390/joitmc6040160.
- Scott M. (2017) 'Hipster capitalism' in the age of austerity? Polanyi meets Bourdieu's new petite bourgeoisie. *Cultural Sociology*. No. 11(1): 60–76.
- Veselov Yu.V. (2022) Trust in the entrepreneurial environment of St Petersburg: The empirical study. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sociologiya*. [Bulletin of Saint Petersburg University. Sociology]. No. 15(4): 366–383. DOI: 10.21638/spbu12.2022.404. (In Russ.)
- Yagofarova I.D. (2021) Anti-crisis measures of support of subjects of small and medium entrepreneurship in Russia. *Obrazovanie i pravo* [Education and Law]. No. 7: 139–143. DOI: 10.24412/2076-1503-2021-7-139-143. (In Russ.)

© 2024 г.

С.Ю. ДЕМИДЕНКО

РОЛЬ РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ В ПОВЫШЕНИИ КАЧЕСТВА НАУЧНОГО ЗНАНИЯ (на примере журнала «Социологические исследования»)

ДЕМИДЕНКО Светлана Юрьевна – научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, ответственный секретарь журнала «Социологические исследования», Москва, Россия (demidsu@yandex.ru).

Аннотация. В статье показано, что рецензирование способствует приращению знания в научной дисциплине, а также играет важную роль в поддержании и развитии экспертного сообщества. В фокусе – процесс рецензирования рукописей, поступающих в социологические журналы. Обсуждаются механизмы и особенности рецензирования на примере 18 ведущих российских социологических журналов. Подробно рассмотрена процедура рецензирования рукописей в журнале «Социологические исследования», в том числе с учетом изменений за последние 10–15 лет. Подчеркивается коллегиальный характер оценивания поступающих статей; акцентируется внимание на качестве рецензий. Среди проблемных аспектов процесса рецензирования в современных условиях выделены: излишний формализм, узость круга рецензентов, противоречивость оценок, недобросовестность и нарушения научной этики. Затронут ряд вопросов, касающихся выстраивания научной коммуникации, в частности взаимодействия редакции с экспертами и авторами. Показано, что сокращение научного сообщества социологов, его разобщенность, методологический плюрализм и другие факторы также влияют на качество рецензирования.

Ключевые слова: научные социологические журналы • рецензирование • редколлегия журнала • рецензенты • научная коммуникация • социологическое сообщество • научная этика

DOI: 10.31857/S0132162524100077

Процесс рецензирования в научных журналах – один из важных этапов в производстве научного знания. Отбор рукописей и работа по подготовке их к публикации на основе замечаний рецензентов содействуют повышению уровня знания в научной дисциплине, а также определяют качество издания. В последние годы в российской науке мы наблюдаем изменение процедур рецензирования и ориентацию на международные стандарты. Было распространено мнение, что «ведущие англоязычные журналы создали весьма эффективную, хотя и имеющую не только положительные эффекты, систему рецензирования научных статей, которая пока в среднем превосходит таковую в большинстве отечественных социологических журналов» [Девятко, 2018: 168]. Эталонным представлялся именно англосаксонский формат, прежние принципы отбора признавались устаревшими и субъективными. Рецензирование научных журнальных публикаций становится необходимой процедурой, но в современном российском научном сообществе воспринимается

порою как рутинная и неприятная обязанность либо дополнительная (обычно неоплачиваемая), вызывающая неприязнь работа [Раицкая, 2017]. Даже при понимании того, что без экспертизы научная деятельность существовать не может, ученые не всегда считают рецензирование рукописей, поступающих из журналов, важной частью собственной работы. К тому же она чаще всего не оплачивается и не поощряется. По данным опроса редакторов российских научных журналов ($N = 130$), политика рецензирования является третьим по значимости критерием оценивания качества журнала в целом (33%) (на первом – академический вклад в область знаний (69%) и качество самих статей в соответствии с предметным полем журнала – 67%) [Кириллова, Тихонова, 2022: 23].

В настоящей статье рассмотрим процесс рецензирования в журналах социологического профиля – формы, механизм и качество самих рецензий, охарактеризуем проблемные аспекты экспертизы, опираясь на опыт работы в журнале «Социологические исследования».

Что понимать под рецензированием в научном журнале? Самое общее определение процесса научного рецензирования – это оценка качества рукописи и ее пригодности для производства и обогащения научного знания. Институт рецензирования осуществляет контроль над качеством представленной научной информации, исключая малоинформативные, ненаучные, методологически несостоятельные, необоснованные работы¹.

Основная функция рецензирования – контроль за поступающими рукописями с целью наполнения журнала качественными, актуальными научными статьями. Это занятие требует квалификации, гибкости и эрудиции. Не каждый эксперт может выполнять рецензирование на высоком уровне, отвечающем существующим требованиям. Формат рецензий может разниться, но при их подготовке нужно исходить прежде всего из приоритетов самого периодического издания и его особенностей, т.к. журналы могут значительно отличаться друг от друга, даже находясь в одном дисциплинарном поле. Обычно процедура рецензирования и основные критерии оценки описаны в специальном разделе сайта издания либо публикуются в самом журнале. Организация экспертизы поступающих рукописей зависит от традиций, сложившихся в издании, его организационной формы, учредителей, редколлегии и даже периодичности и пр.

Существует четыре типа рецензирования: 1) на уровне главного редактора (main editor peer review) – только один или два редактора рецензируют и отбирают статьи для номера (оценивается обычно как самый низкий уровень); 2) открытое рецензирование (open peer review): рецензент и автор известны друг другу; 3) «одностороннее слепое» (анонимное) (single blind peer review) – рецензент знает имя автора, а автор – нет; 4) «двухстороннее слепое» (double-blind peer review) – рецензент и автор не знают имен друг друга [Кириллова, 2013: 38]. «Рецензирование (то есть его наличие и добросовестность) становится одним из основных критериев, по которому оцениваются научные журналы» [Раицкая, 2017: 85], так как категоризация журналов зависит от типа рецензирования. В последнее время продвигается идея, что независимое рецензирование (peer review) – то, которое производится экспертами по тематике статьи, не входящими в редколлегию журнала. Именно четвертый тип рецензирования воспринимается как наиболее надежный и объективный, а на интернет-страницах социологических изданий повсеместно появляется строчка с указанием «двойного слепого». Однако так ли это? Об этом мы поговорим ниже.

Существуют журналы, принимающие открытое рецензирование (open peer-review, OPR), где отчеты о рецензировании опубликованных статей находятся в открытом доступе,

¹ В широком смысле рецензирование включает в себя экспертизу всех видов научных работ – диссертаций, монографий, исследований, проектов и др. В настоящей статье мы концентрируемся только на оценке научных статей в журналах социологического профиля.

читатель может с ними ознакомиться². В нашей российской практике в настоящее время этот вид рецензирования используется редко, скорее, как исключение из правил.

Тема особенностей рецензирования в современной научной периодике в последние годы активно обсуждается. В частности, в статьях В.Л. Тамбовцева [2021], М.Ф. Черныша [2022], Е.В. Семенова [2023] поднимаются важные вопросы как в целом функционирования научных журналов, так и процесса экспертной оценки статей с учетом современных реалий. Переход в «наукометрическую эпоху» оценивания журналов и ученых произошел после принятия одного из «майских указов»³. Если до этого оценка рукописи в основном возлагалась на редколлегию журнала или редакционный совет, то после стало активно поощряться так называемое независимое рецензирование с привлечением ученых, институционально не связанных с изданием. Большую работу в этом направлении провела созданная в марте 2015 г. Ассоциация научных редакторов и издателей (АНРИ) под руководством О.В. Кирилловой. В 2016 г. на общем собрании АНРИ в рамках V Международной научно-практической конференции «Научное издание международного уровня – 2016: решение проблем издательской этики, рецензирования и подготовки публикаций» был принят первый проект Декларации «Этические принципы научных публикаций» (в настоящее время принят второй проект редакции⁴).

Сегодня ведется работа по созданию системы, независимой от какого-либо издательства, на условиях партнерства на базе АНРИ, которая позволит производить отбор рецензентов, а также поощрять их. В eLIBRARY в профиле авторов фиксируется работа по рецензированию в журналах, если эти сведения подает журнал.

Механизмы рецензирования в социологических журналах. По показателям в РИНЦ (рейтинг Science INDEX) были отобраны 18 ведущих социологических российских журналов⁵ за исключением журналов иного профиля – «Демографическое обозрение», «Social Evolution and History», «Крестьяноведение», занимающих 4-е, 13-е и 15-е места соответственно по тематике «социология». Часть выбранных не являются исключительно социологическими, однако публикуют статьи по социологии и индексируются среди журналов данного профиля. Практически все журналы отнесены ВАК к К1, за исключением ИНТЕРа – К2 (информация о журнале *Laboratorium* не обнаружена в списках, возможно это связано с изменением страны издания). Из отобранных 18 журналов 10 индексируются в Scopus, однако не все только по направлению Social Sciences: есть и *Economics*, *Econometrics and Finance* («Экономическая социология», «Мир России», «Мониторинг об-

² Имеется немало публикаций, анализирующих качество рецензий в подобных журналах. См., напр.: Wolfram D., Wang P., Abuzahra F. An exploration of referees' comments published in open peer review journals: The characteristics of review language and the association between review scrutiny and citations // *Research Evaluation*. 2021. № 30(3): 314–322. DOI: 10.1093/reseval/rvab005. Результаты данного исследования показывают, что и проверка со стороны большего числа рецензентов, и подготовка большего количества рецензий или этапов рецензирования не приводят к появлению более значимых статей в большинстве исследованных журналов.

³ См. Указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. N599 «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки». URL: <https://base.garant.ru/70170946/> (дата обращения: 22.08.24).

⁴ См.: URL: <https://rassep.ru/sovet-po-etike/manifesty/deklaratsiya/> (дата обращения: 27.08.24).

⁵ Журналы: «Вестник Института социологии» (ФНИСЦ РАН), «Вестник РУДН. Серия: Социология» (РУДН), «Высшее образование в России» (АТУ, МГУП), «Женщина в российском обществе», «Журнал исследований социальной политики» (НИУ ВШЭ), «Журнал социологии и социальной антропологии» (ФНИСЦ РАН, Фонд «Интерсоцис»), «ИНТЕР. Интеракция. Интервью. Интерпретация» (ФНИСЦ РАН, РОС), «Мир России. Социология. Этнология» (НИУ ВШЭ), «Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены (ВЦИОМ)», «Социологическая наука и социальная практика» (ФНИСЦ РАН), «Социологические исследования» (РАН, ФНИСЦ РАН), «Социологический журнал» (ФНИСЦ РАН), «Социологическое обозрение» (НИУ ВШЭ), «Социология власти» (РАНХиГС), «Социология науки и технологий» (СПбФ ИИЕТ РАН), «Экономическая социология» (НИУ ВШЭ), «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» (Вологодский НЦ РАН), «Laboratorium: журнал социальных исследований» (ЦНСИ). В скобках указаны учредители.

щественного мнения»), и *Arts and Humanities (Philosophy)*, например, «Высшее образование в России». Выбор нескольких направлений связан с тематической направленностью журнала, со стремлением повысить показатели в международной базе Scopus.

По данным eLIBRARY, отобранные журналы на своих страницах в этой базе указывают тип рецензирования – «двойное слепое» (эта информация для сайта предоставлялась редакциями). Большинство журналов (11) указывают, что рецензирование осуществляется членами редколлегии или внешними экспертами. ЖИСП и *Laboratorium*⁶ отмечают только «независимых экспертов» (не указано, кем именно они выбираются), остальные пять журналов – «Женщина в российском обществе», «Мир России», «Социологическое обозрение», «Социология власти» и «Социология науки и технологий» – внешних экспертов, отобранных редакцией. До ужесточения контроля над деятельностью журналов рецензировали статьи в основном ученые, занятые изданием журнала (члены редакции, редколлегии и редсовета), при этом нельзя утверждать, что не привлекались внешние эксперты для оценки ряда статей, однако возможно процедура была менее регламентирована.

На сайтах всех отобранных журналов имеются специальные разделы, где объясняется порядок рецензирования и перечисляются его основные принципы. Эти разделы в журналах появились в результате ужесточения требований к журналам, рекомендаций для отбора в Scopus и эффективной работы АНРИ. Некоторые журналы публикуют списки привлеченных внешних экспертов (например, «Социологический журнал» и СоцИс). Подведем некоторые итоги анализа представленной информации о процедурах и принципах рецензирования, принятых в данных изданиях.

Во-первых, на сайтах журналов для рецензентов и авторов описывается процедура рецензирования и оговариваются этические принципы. Во-вторых, во всех изданиях экспертиза рукописей проводится с привлечением членов редколлегии журнала или редсовета, а также внешних рецензентов, научная специализация которых соответствует рукописи. Обычно отбор рецензентов производится среди тех, кто в течение трех лет имел публикации по теме рукописи (как указано на сайтах многих журналов). Ряд журналов привлекает к рецензированию лиц без ученой степени, являющихся при этом квалифицированными специалистами (например, журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз»). Состав рецензентов обычно утверждается руководством журнала. В-третьих, в большинстве изданий происходит первичная экспертиза поступивших рукописей для оценки соответствия требованиям журнала к качеству и оформлению, а также профилю журнала. Осуществляется она либо на уровне заместителей и главредов, ответственного секретаря/редактора или заведующей редакцией, либо коллегиально с редакторами. Некоторые журналы статьи, отклоненные редакцией на этапе первичной экспертизы (пре-рецензирования), в дальнейшем не рассматривают, экспертные заключения в этом случае не предоставляют (например, ЖИСП). Однако другие (например, СоцИс) могут вернуться к статье, если она поступит после доработки по замечаниям. Обычно это оговаривается в письме авторам. После прохождения первичной экспертизы статья направляется на рецензирование. В-четвертых, каждый журнал оговаривает отдельно сроки рассмотрения, авторам важно учитывать их. В среднем рассмотрение статьи занимает два месяца, но бывают исключения, когда статья направляется на дополнительную оценку. Сроки прохождения статей можно отследить по датам, указанным в журнальной публикации. Некоторые журналы публикуют даты поступления рукописи и принятия к печати («Мониторинг...», ИНТЕР, «Вестник РУДН. Социология» и др.), в том числе указывая дату доработки после рецензирования («Социологический журнал», СоцИс, «Социологическая наука и социальная практика» и др.), некоторые указывают только поступление рукописи («Мир России», «Вестник

⁶ Информация о порядке рецензирования на eLIBRARY не указана. На сайте журнала сообщается, что «все исследовательские статьи проходят процедуру двойного анонимного рецензирования». Отметим, что с 2023 г. *Laboratorium* издается на базе Institute for European, Russian, and Eurasian Studies (IERES) в Университете Джорджа Вашингтона.

Института социологии»). По указанным датам можно заключить, как долго проводилась работа с рукописями. Задержка может быть связана с тем, что автор долго дорабатывал статью, либо после доработки редакция отложила рукопись для определенной подборки (рубрики). Сроки могут и сокращаться, что зависит от наполненности редакционного портфеля. Заказной материал также может рассматриваться быстрее, если подготовка велась до поступления в редакцию по ее рекомендациям.

В-пятых, в каждом журнале есть специфика работы с авторами. Не все журналы слепо следуют полученным рекомендациям, даже если рецензии положительные. Окончательно решение в большинстве случаев принимается либо главным редактором, либо редколлегией журнала. Чаще всего это коллегиальное решение. Есть журналы, которые оговаривают, что направляют полученные рецензии авторам (например, «Мониторинг общественного мнения», ИНТЕР), есть те, кто дает обобщенные замечания (СоцИс). Также не все просят предоставлять отдельно обоснованный ответ автора на замечания.

Таким образом, заявленные требования рецензирования в социологических журналах в целом имеют схожие характеристики. Рассмотрим особенности рецензирования на примере старейшего социологического журнала.

Практика рецензирования в СоцИсе. СоцИс – единственный в России академический (основной учредитель – РАН) журнал по социологии. Важно понимать, что он действует прежде всего в интересах науки. Главная цель научной деятельности, сформулированная в уставе РАН, – «проведение и развитие *фундаментальных научных исследований и поисковых научных исследований*, направленных на получение *новых знаний о законах развития природы, общества, человека* и способствующих технологическому, экономическому, социальному и духовному развитию России». Журнал не проводит сами исследования, но публикует их результаты – «распространение научных знаний» также одна из целей РАН⁷. Отсюда и ориентация журнала прежде всего на приращение научного знания, вводя его в научный оборот через качественно подготовленные публикации.

Не менее важны цели «содействия развитию науки в Российской Федерации» и «укрепление связей между наукой и образованием». Поэтому журнал поощряет дискуссии по актуальным темам и инициирует их, публикует материалы для преподавателей (например, рубрика «Кафедра. Консультации»), освещает научные события в мире социологии, публикует рецензии на новые монографии.

Анализируя работу редакции, К. Губа писала, что «при отборе рукописей используется сочетание сетевого поиска с текущим потоком; в решениях ключевое значение имеет мнение главного редактора; внешняя роль сообщества проявляется только для некоторых рукописей. Все это сказывается на качестве рукописей, которые отбираются для публикации в журнале» [Губа, 2019: 14]. Она основывалась на анализе интервью с сотрудниками редакции, которые брала в нулевые и начале десятых. Однако за последние 15 лет существенным образом изменились и ситуация с привлечением социологического сообщества к оценке рукописей, и сама процедура рецензирования. Отметим снижение роли главного редактора при решении о публикации и ориентацию на консолидированное коллегиальное принятие решений.

В процессе оценивания поступающих рукописей задействованы сразу три стороны: авторы, научные редакторы, включая руководство журнала, и рецензенты. Все они в большинстве случаев тем или иным образом включены в социологическое сообщество. Научные редакторы работают, помимо редакции, в академических институтах и университетах, социологических службах. Для журнала подобная включенность важна, хотя и имеет свои минусы. Наш журнал отстаивает позицию, что сотрудники редакции – это не технический персонал, как в последние годы пытаются убедить научное сообщество

⁷ См. <https://www.ras.ru/about/rascharter/tasks.aspx>

чиновники от науки, по сути, лишив их статуса «научный редактор»⁸. До сих пор в ряде научных и управленческих кругов бытует мнение, что журнал – это подобие почтового ящика, куда поступают статьи, и сотрудники только организуют процесс рецензирования, отправки рецензий авторам, технически и литературно редактируют поступившие рукописи. Это имеет место в ряде журналов, особенно новых и выходящих не чаще четырех раз в год. Но в этом случае роль научного редактирования чаще всего берет на себя главный редактор или заместитель, увеличивается нагрузка на редколлегию журнала, либо практикуется приглашение редакторов для специальных номеров или рубрик.

Ситуация в СоцИсе несколько отличается, т.к. журнал ежемесячный. Поток входящих статей больше из-за статусности и высоких показателей журнала (первые-вторые места в рейтинге по социологии), которые важны для научных работников в целях улучшения собственных показателей эффективности профессиональной деятельности. Правда, если анализировать данные в РИНЦ, показатели журнала в последние годы стабильно уменьшаются⁹, но это связано, в том числе, и с политикой журнала в отношении публикации разного рода материалов, которые могут быть востребованы сообществом, но не цитироваться, так и числом опубликованных статей. Так, в 2023 г. в СоцИсе опубликовано 188 статей (в 2022 г. – 204), в журнале «Высшее образование в России», который выходит 11 раз в год – 93 статьи (в 2022 г. – 106), а в журнале ВолНЦ РАН, занявшим первое место на 2023 г. в рейтинге по социологии – 89 статей (в 2022 г. – 88). Падение 5-летнего импакт-фактора с 1,835 в 2019 г. до 1,424 в 2023 г., возможно, связано и с профильностью журнала (с его исключительно социологической направленностью): сообщество социологов не столь велико, как, например, экономическое, что непременно сказывается на числе читателей и ссылок на публикуемые статьи.

Работники редакции СоцИса занимаются именно научным редактированием. За каждым научным редактором закрепляется направление, которое он курирует и на котором специализируется. Сетевой характер поиска авторов инициируется не только редколлегией журнала и руководством, но и научными редакторами. Конечно, кто-то более активен, кто-то менее, но такое требование к их работе – факт. Поиск авторов в основном происходит через участие в научных конференциях, просмотр научной периодики и новой научной литературы. Чем активнее потенциальный автор СоцИса, тем выше вероятность, что его заметят. (Кстати, по этому принципу идет и отбор членов редколлегии, которая регулярно – раз в пять лет по требованиям РАН – обновляется.) То есть сетевой характер поиска авторов в сочетании с потоковым, о чем писала К. Губа, по-прежнему существует.

Если рассматривать виды рецензирования в СоцИсе, то условно его можно разделить на *внутреннее* (в рамках редколлегии и редсовета) и *внешнее* (с привлечением внешних экспертов). Предпочтение отдается коллегиальному обсуждению рукописи (как показал анализ журнальных сайтов, это свойственно и другим журналам по социологии). Во-первых, любую входящую статью просматривает зав. редакцией, ответственный секретарь и главный редактор. Научный редактор назначается, исходя из тематики. На первом этапе обычно определяется соответствие профилю журнала. Научный редактор, знакомясь со статьей, дает свое заключение, иногда готовит обоснованный отказ или предложения по доработке, чтобы подготовить статью к следующему этапу рецензирования (например, если требуется уточнение методологии и методики исследования). Во-вторых, после прочтения редактор может вынести статью на редколлегию журнала, которая собирается раз в месяц. Это тоже вид рецензирования, который в последнее время почему-то стал меньше цениться в сообществе. Некоторые эксперты полагают, что рецензирование в такой форме может нарушать этические принципы, однако коллегиальное принятие

⁸ До 2018 г. редакция имела штатное расписание как подразделение Академиздатцентра «Наука» РАН, после заключались временные годовые контракты (трудоустройство осуществлялось в ГАУГН в издательский отдел), с апреля 2024 г. сотрудники редакции оформлены на 0,1 ставку как главные специалисты в президентском РАН по бессрочному трудовому договору.

⁹ См. URL: https://www.elibrary.ru/title_profile.asp?id=8227 (дата обращения: 27.08.24).

решения и взвешивание разных позиций помогают принять решение. К тому же именно члены редколлегии знают особенности журнала и его специфику, принимают участие в наполнении портфеля редакции. СоцИс старается приглашать к участию в редколлегии специалистов, обладающих широким кругозором и способных оценивать разнообразные по тематике материалы. Обсуждение статей ведется с целью формирования рекомендаций по доработке, если они требуются, эксперты либо высказывают собственную оценку, либо предоставляют письменные отзывы. В-третьих, в ряде случаев статьи, помимо ежемесячных заседаний, посылаются отдельно членам редколлегии и редсовета для прояснения каких-то вопросов. Возможно и дополнительное обсуждение статьи с рецензентами после доработки автором.

Внешнее рецензирование предполагает запрос по теме статьи к экспертам, не включенным в состав редколлегии или редсовета. Обычно это происходит, если: 1) статья по узкой проблематике, 2) нужна оценка со стороны смежных с социологией дисциплин, 3) требуется дополнительное рецензирование, например, когда статья получила противоречивые оценки. В последние годы журнал начал публиковать списки внешних рецензентов на сайте, чтобы подчеркнуть значимость их работы. Подводя итоги ежегодного конкурса статей, журнал отмечает и лучших внешних экспертов – тех, кто регулярно помогает журналу, дает развернутые рецензии, которые помогают авторам в работе, даже если они отрицательные.

Содержательная сторона рецензий. На сайте журнала представлены семь основных пунктов оценки рукописи¹⁰. Этими требованиями руководствуется рецензент, давая заключение. СоцИс ориентируется на свободную форму рецензий, выделение сильных и слабых стороны статьи, конкретных замечаний по рукописи. Стандартный бланк также существует и иногда применяется, особенно для новых экспертов, однако опыт показывает, что наиболее эффективен свободный стиль по отмеченным выше критериям с комментариями. Используемые другими журналами оценочные шкалы, процедуры по стандартному бланку не позволяют продвинуться автору в разработке темы при доработке статьи, если она требуется. Ни редактор, ни автор не знают, что делать с балльными оценками характеристик статьи. Ряд социологических журналов, имея формализованные бланки, настоятельно рекомендуют делать развернутые комментарии по различным критериям, стараясь избежать формализма. В рецензии важны именно замечания, позволяющие «отшлифовать» статью, помочь автору представить результаты своего исследования, сделать их более понятными и обоснованными: снять вопросы, убрать «слабые» места, внести уточнения, возможно, изменить логику и структуру изложения, познакомиться дополнительно с рекомендуемыми источниками и пр. Приветствуется, когда рецензент в самом тексте выделяет моменты, требующие прояснения, ставит вопросы. Эксперту важно также в целом оценить общий уровень статьи и сопоставить его с опубликованными работами в данном научном направлении.

Обычно рецензии начинаются с разбора *актуальности* представленной рукописи, насколько она отражает развитие тематики, соответствует времени. Важно учитывать дискуссию, которая разворачивается и в научном сообществе, и в журнале, состояние

¹⁰ Критерии: 1. Постановка научной проблемы, ее актуальность с точки зрения решения научных задач, которые относятся к проблематике и профилю журнала. 2. Оригинальность, самостоятельность, новизна, интересные и/или дискуссионные подходы. 3. Теоретическое обоснование избранной темы. 4. Соблюдение методологической и методической культуры (описание объекта и предмета, формулирование целей и задач исследования, гипотез, выборки, указание времени проведения, инициаторов исследования и т.п.). 5. Достоверность и убедительность данных. 6. Использование материалов предшественников, наличие полемики с ранее опубликованными материалами, в том числе и в СоцИсе, исходя из того, что журнал – это площадка для дискуссий. 7. Уровень литературной редакции текста, точность выражения, лаконичность, стройность и логичность аргументации, а также соответствие редакционным требованиям (см.: https://www.socis.isras.ru/index.php?page_id=541).

представленной проблемы в мировой науке, зарубежный опыт. Оценивается общий профессиональный уровень выполненной работы, знание автором актуальных проблем, современной литературы. Отмечаются работы, которые не учтены автором, даются рекомендации по подбору источников. Особое внимание обращается на постановку исследовательской проблемы; к сожалению, нечетко сформулированная проблема – одна из распространенных ошибок в рукописях [Коломиец, 2024]. Важно оценить авторскую аргументацию, логику и структуру изложения. *Оригинальность и научная новизна* – не менее важные аспекты рассмотрения, как и интересные, неожиданные подходы, используемые в работе. Предпочтение отдается статьям, которые обогащают научное знание и способствуют его приращению. «Недостаточно сообщить какой-то материал – он должен содержать ответ на вопрос – а что это дает социологии как науке?», – отмечал Ж.Т. Тощенко [2014: 3] в требованиях, предъявляемых к рукописям. По сути, он перечислил критерии, по которым оценивается сама рукопись рецензентами и редакторами. Для эмпирических работ важно *представление методологии и методики исследования*. На этапе рецензирования удастся выявить ошибки или невнятность описания, за которым может таиться недобросовестная работа. Таким образом, полученная рецензия комплексно оценивает рукопись с учетом направленности журнала. Редакция может коммуницировать с экспертом и после получения рецензии для уточнения ряда вопросов по статье, особенно если требовалась доработка.

Отметим наличие в СоцИсе послепубликационного рецензирования. В редакции, помимо ежегодного конкурса статей, существует внутриредакционный разбор каждого номера. Обзор готовит один из редакторов или членов редколлегии, анализируя структуру, значимость, особенности номера в целом, а также каждую статью по установленным для рецензирования критериям, которые перечислены выше. Внимание уделяется и самой *редактуре текста*, так как после публикации ответственность за нее несет и редакция. Оценивается *представление* (название, аннотация, ключевые слова, отнесение к рубрике), *графическое оформление* (понятны, удачны ли графики и таблицы, их размещение и пр.) и *структура статьи* (ее внятность, названия параграфов), а также *наличие ошибок, опечаток и т.п., допущенных редакторами и корректорами*. Обсуждение материалов позволяет не только контролировать работу редакции, но и отслеживать тематику и направленность научных дискуссий по теме, прогресс самих авторов, формировать запрос на последующее обращение к ним, в том числе в качестве рецензентов.

Проблемные аспекты рецензирования в социологических журналах. Зачастую рецензирование подается как «ущербный (flawed) процесс в сердце науки и журналов» (цит. по: [Тамбовцев, 2021: 41]). Обратим внимание на проблемные аспекты рецензирования как важного элемента научной коммуникации, его ограничения и на то, как СоцИс пытается преодолевать эти трудности.

Во-первых, *формальный уровень рецензирования*. Речь идет об имитационном характере процедуры экспертизы, когда во главу угла ставится не смысл этого процесса как совершенствования научного знания, а лишь его формальная фиксация. Редакции в этом случае могут ограничиваться оценочными шкалами, обращаться к «дружественным» экспертам, просить дать «нужную» рецензию или даже готовить их за рецензента. В основном это происходит, когда контролируется не качество экспертизы, а лишь ее наличие. СоцИс не подходит формально к экспертизе, для журнала важна коммуникация с экспертами по статье, для того чтобы устранить отмеченные недочеты.

Во-вторых, *подбор рецензентов* – важный элемент рецензирования, однако проблема может быть и в узости круга специалистов по ряду проблем, и в формальных критериях выбора. Например, сложно найти сотрудника из другой организации, если произошло объединение институтов в ФНИСЦ РАН. Это может быть связано и с самим выбором экспертов редакцией, например, «дружественных» и не отличающихся критическим взглядом и стремлением к непредвзятости, если имеется желание утвердить рукопись

к публикации. СоцИс стремится прежде всего к качеству публикаций, поэтому выбирает рецензентов, которые зарекомендовали себя как специалисты в своей области.

В-третьих, *противоречивость оценок рецензентов*. Суждения могут быть субъективными, и поэтому для решения по статье необходимы сопоставления мнений, обсуждения экспертов в этой предметной области знания. Ценен ли конкретный исследовательский проект, актуален ли он, насколько важно опубликовать его результаты в профильном социологическом журнале – общероссийском, не региональном? Что нового привносит статья в науку?

При получении двух противоположных оценок обычно статья посылается на экспертизу третьему рецензенту, и редакция выбирает, чью позицию принять. Однако если журналы избегают публикаций, вызывающих подобные оценки, сообщество лишается дискуссионных материалов. Желательно учитывать соперничающие подходы, спорные мнения, порою неприемлемые для редакторов позиции, может быть, сложившиеся в группах с иным бэкграундом. Это связано с *методологическим плюрализмом в социологии*. Комментарий редактора заочного «форума» по теоретической социологии В.Г. Николаева о том, что современная «русская социология представляет собой плюралистическое поле, в котором нет четко обозначенного консенсуса по ряду ключевых вопросов социологии как науки, дисциплины и особого рода занятия» [Современная русская социология..., 2018: 184], остается актуальным. Действительно, существуют и развиваются различающиеся вариации понимания как роли социологии, так и ее состояния. СоцИс старается показывать эту разнообразную палитру мнений и взглядов, теоретических построений и концепций, методов, самих исследований, взвешивать разные позиции и учитывать их валидность. Читатели выступают в качестве судей опубликованных материалов. Редакция дает право быть услышанным разным ученым, главное – обоснование позиции. Также рубрикатор позволяет относить дискуссионные материалы в соответствующие рубрики («Дискуссия. Полемика», «Особое мнение», «Письмо в редакцию»).

Анализ сайтов ведущих журналов по социологии показал, что большая часть склоняется к обсуждению итогов рецензирования на редколлегии журнала в случае противоречивости оценок. «На практике бывает и так, что после детальной отрицательной рецензии статья выходит из печати в журнале: ведь решение опубликовать принимает не рецензент, а редактор, и чем он руководствуется, знает только он» [Тамбовцев, 2021: 48]. И действительно, так случается. Журнал редко категорично отказывает, если в статье содержит интересные подходы. Дается шанс на доработку: их может быть несколько, бывает, авторы присылают три-четыре варианта, иногда доработка идет больше года.

Другой аспект этой проблемы – многие журналы посылают автору рецензии в неизменном виде и предоставляют самому решить, как доработать рукопись. При этом автору довольно сложно бывает следовать всем замечаниям, так как они могут противоречить друг другу. Практика СоцИса такова: журнал собирает экспертные мнения по каждой статье, автору дается обобщенный текст с замечаниями, часть высказанных рекомендаций могут не озвучиваться, если их учет невозможен в рамках настоящей статьи, мелкие замечания опускаются, так как научный редактор сам в состоянии их снять при редактировании. Таким образом, автор получает четкие инструкции по работе со статьей. Автор вправе и не согласиться с рядом замечаний, обосновав свою позицию, которую рассматривают редакторы для принятия окончательного решения. Однако в любом случае нельзя игнорировать все замечания.

В-четвертых, *недобросовестность рецензента и нарушение этики* (утаивание конфликта интересов, неуважительное обращение, оскорбительные выражения, скрытые мотивы продвижения или отказа в публикации статьи, не связанные с ценностями развития науки, «закостенелый взгляд» и игнорирование актуальности тематики, необоснованность выводов и оспаривание применения новых подходов и др.). Эти вопросы решаются через обращение к этическому комитету либо внутри редакции путем обсуждения самих заключений и сопоставления с другими оценками; иногда рецензент попадает в итоге в «черный

список». Разрешение этих проблем вполне возможно при высокой компетентности научного редактора, его погружении в профессиональное поле и знании сообщества.

В-пятых, *степень открытости рецензирования*. В последние лет 15–20 усиленно продвигается идея о *двухстороннем слепом рецензировании*. В западных странах эта форма оценки получила распространение после Второй мировой войны с появлением государственной научной политики [Тамбовцев, 2021]. Уровень доверия к журналу выше, если авторы знают, что рецензирование слепое. Впрочем, и читатели больше доверяют журналу, если уверены в качестве экспертизы. Однако социологическое сообщество не столь широко, рецензенты могут узнать коллег, поэтому двухстороннее слепое рецензирование работает в основном для начинающих авторов. В большей степени распространено «полуслепое» рецензирование: рецензент часто распознает автора, о чем информирует редакцию. Такая форма действует в СоцИсе для обсуждения рукописей на ежемесячных заседаниях редколлегии: статьи всегда обсуждаются в открытую, а замечания поступают в обобщенной форме, нередко включая и дополнительное слепое рецензирование от внешних экспертов по тематике статьи. Мы считаем это важным для развития сообщества и установления контактов с ним. Дискуссии на редколлегии плодотворны и для ее членов и редакторов. Особенно это важно, если статья от авторов из смежных дисциплин. Междисциплинарность в СоцИсе поощряется с учетом интересов именно социологии и ее перспектив. Бывает, происходит и открытое рецензирование. Например, член редколлегии или редсовета пишет свои замечания по доработке статьи автору напрямую, вместе они обсуждают ее и доводят до публикации (например, Г.Г. Татарова, Ж.Т. Тощенко и др.).

В-шестых, *зависимость редакций от учредителей*. Считается, что многие журналы ограничены в своих действиях контрактами с издателями и вынуждены публиковать статьи учредителей, руководителей и пр. Это проблема существует в ряде журналов, но чаще всего характерна для вестников университетов. Ранее в СоцИсе публиковались статьи членкоров и академиков РАН в рубрике «Академическая трибуна». Предполагалось, что уровень этих ученых позволяет высказать свои научные идеи без обсуждения до публикации. В настоящее время это не практикуется. Авторы СоцИса подтвердят, что замечания рецензентов получают и руководители журнала, и члены редколлегии, и членкоры РАН, и академики. Ориентация не на статус автора, а на качество статей определяет редакционную политику журнала. Хотя, конечно, при принятии окончательного решения редакция может учитывать опытность автора, профиль его деятельности. К тому же замечания помогают авторам не только улучшать качество рукописи, но и продвигаться в теме.

В-седьмых, *состояние нашего социологического сообщества*. Важно учитывать, в каких условиях мы существуем. Фон для развития социологии как науки не столь позитивен. По-прежнему невысока востребованность социологии в обществе, хотя запрос на социологическое сопровождение принятия управленческих решений существует. Однако авторитет социологов как экспертов не столь значителен, рынок исследований довольно мал. Социологическая подготовка специалистов оставляет желать лучшего, что приводит к проблемам в воспроизводстве специалистов. Впрочем, эта проблема свойственна не только России – сужение значимости, влияния социологической науки периодически происходит во всем мире. Важно, что при сокращении численности академических социологов, низком финансировании исследований, негласных ограничениях тематики в непростых геополитических условиях существуют и особенности социологии как науки с ее методологическим разнообразием, наличием разных научных школ, разобщением внутри и отсутствием перспектив консолидации. Нужно учитывать и «онтологический спор» об основаниях социального мира и его интерпретации. Вопросы эпистемологического характера все чаще из философских дисциплин переходят в социальные науки [Керимов, 2022]. Поэтому в социальных науках роль рецензирования особая. К сожалению, для журнала существует опасность стать «местечковым», отстаивающим только одну позицию или подход. СоцИс пытается стать площадкой для ученых-социологов, где

можно свободно обсудить перспективные темы и исследования с возможностью опубликования их результатов.

Заключение. Рецензирование – важная часть процесса совершенствования социологического знания. Оно позволяет контролировать понятийный аппарат, вырабатывать понятную для всех трактовку терминологии, обосновывать методологию и методику, убедительно аргументировать и доказывать свою позицию. По сути, этот процесс способствует приращению научного знания, установлению взаимопонимания и разговору на одном языке. Это и соблюдение установленных правил игры. При этом рецензирование – двухсторонний процесс, процесс взаимного обучения: он одинаково полезен и автору, и редакции с рецензентами. Особенно это важно для молодых исследователей. Журнал посредством рецензирования решает не только вопрос, публиковать или нет статью, но и осуществляет своего рода повышение квалификации при помощи экспертов даже при несовпадении их мнений.

На этом пути рецензирование способствует развитию социологического сообщества. Поддерживая научную коммуникацию с экспертами, журналы формируют новые связи в сообществе, стимулируют ученых к написанию статей. Так, СоцИС часто приглашает рецензентов присылать свои новые статьи – редакция всегда готова рассмотреть полученную рукопись. Конечно, в этом случае можно подходить к рецензированию в русле «экономики дара», работающей на постоянно возобновляемом опыте взаимных обязанностей между членами интеллектуального сообщества (см. подробнее: [Kaltenbrunner et al., 2021]). Хотя система рецензирования традиционно считается саморегулирующейся, мы обращаем внимание на ее уязвимые места и на важную кураторскую функцию редакторов. Редакции вынуждены искать баланс между требованиями сортировки статей и выхода издания в соответствии с производственными циклами. Можно говорить о своеобразном обмене дарами для обеспечения эффективности и устойчивости положения журнала. И автор, присылающий качественную статью в редакцию, нередко сам оказывается в числе рецензентов журнала. Одно обязательно: такой обмен услугами не должен сказываться на уровне рецензирования и публикации.

В завершение хотелось бы обратиться к авторам с просьбой подходить к результатам рецензирования как к возможности самосовершенствования в научном поиске. К рецензентам же – давать заключения, которые помогут определить качество рукописи, ее научную новизну, соотнести ее с развитием дисциплины и помочь коллегам в продвижении и раскрытии темы, т.к. институт рецензирования – один из факторов развития науки и укрепления научных коммуникаций в социологическом сообществе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гайдин Б.Н. Российские научные журналы в новых геополитических условиях: сложности и перспективы развития // Управление наукой: теория и практика. 2022. Т. 4. № 3. С. 44–52. DOI: 10.19181/sntp.2022.4.3.4.
- Губа К. Быть главным журналом в российской социологии: когда миссия имеет значение // Экономическая социология. 2019. Т. 20. № 4. С. 14–38.
- Керимов Т. «Онтологический поворот» в социальных науках: возвращение эпистемологии // Социологическое обозрение. 2022. Vol.21. № 1. С. 109–130.
- Кириллова О.В. Редакционная подготовка научных журналов по международным стандартам: рекомендации эксперта БД Scopus. М.: Нобель пресс, 2013.
- Кириллова О.В., Тихонова Е.В. Критерии качества научного журнала: измерение и значимость // Научный редактор и издатель. 2022. № 7(1). С. 12–27.
- Коломиец В.П. Исследовательская проблема как ключевой аспект научных публикаций в социологическом журнале // Социологические исследования. 2024. № 3. С. 3–14. DOI: 10.31857/S0132162524030014.
- Раицкая Л.К. О перспективах создания комплексной системы независимого рецензирования российских научных журналов // Научный редактор и издатель. 2017. № 2(2–4). С. 84–88. DOI: 10.24069/2542-0267-2017-2-4-84-88.

- Семенов Е.В. Развитие сети научных журналов в России: стратегические, технологические и организационные вопросы // Социологическая наука и социальная практика. 2023. Т. 11. № 3. С. 116–140. DOI: 10.19181/snsp.2023.11.3.6.
- Современная российская социология: состояние и перспективы развития (А.М. Бекарев, И.Ф. Десятко, О.М. Журавлев, В.Г. Николаев, О.А. Оберемко, Д.Г. Подвойский, В.В. Радаев, Ю.М. Резник, Д.М. Рогозин, В.В. Щербина) // Личность. Культура. Общество. 2018. Том XX. Вып. 12 (№№ 97–98). С. 158–191. DOI: 10.30936/1606951X2018201/2158191.
- Тамбовцев В.Л. Рецензирование в современных научных коммуникациях // Управление наукой: теория и практика. 2021. Том 3. № 1. С. 35–54. DOI: 10.19181/sntp.2021.3.1.2.
- Тощенко Ж.Т. О качестве научных публикаций // Социологические исследования. 2015. № 1. С. 3–4.
- Черныш М.Ф. Рецензирование в современной российской науке // Управление наукой: теория и практика. 2022. № 4(1). С. 18–39. DOI: 10.19181/sntp.2022.4.1.1.
- Kaltenbrunner W., Birch K., Amuchastegui M. Editorial Work and the Peer Review Economy of STS Journals // Science Technology and Human Values. 2021. 47(4). P. 670–697. DOI: org/10.1177/01622439211068798.

Статья поступила: 06.09.24. Финальная версия: 20.09.24. Принята к публикации: 03.10.24.

THE ROLE OF PEER REVIEW IN RAISING QUALITY OF SCIENTIFIC SOCIOLOGICAL KNOWLEDGE (The case of *Sociological Studies*)

DEMIDENKO S. Yu.*,

Institute of Sociology of FCTAS RAS

Svetlana Yu. DEMIDENKO, Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS; Executive Secretary (editor), the journal "Sociological Studies" (demidsu@yandex.ru).

Abstract. The article focuses on the process of reviewing articles submitted to Russian sociological journals. Requirements for peer review procedures, its types and organization features are discussed. The problematic aspects of the review process in modern conditions are emphasized: excessive formalism, contradictory assessments, narrow circle of reviewers, dishonesty and violation of scientific ethics. The types of peer review used are discussed: main editor peer review, open peer review, single blind peer review, double-blind peer review. Attention is focused on the procedure for reviewing articles in the editorial office of the journal "Sociological Studies", including taking into account changes over the past 10–15 years. The criteria and forms of assessment are being analyzed. The collegial nature of the evaluation of incoming articles is emphasized. A number of issues related to building scientific communication, in particular the interaction of the editorial board with the sociological community, are touched upon. The problematic aspects are summarized: the reduction of the scientific community, its disunity, methodological pluralism, etc., which affect the review process. The conclusion is made about the important role of peer review in the development and support of not only the sociological community, but also sociology as a science in general, because this is an important and integral part of the production of new knowledge.

Keywords: scientific sociological journals, peer review, editorial board of the journal, reviewers, scientific communication, sociological community, scientific ethics.

REFERENCES

- Chernysh M.F. (2022) Peer Reviewing in Contemporary Russian Science. *Upravlenie naukoj: teoriya i praktika* [Science Management: Theory and Practice]. Vol. 4. No. 1: 18–39. DOI: 10.19181/sntp.2022.4.1.1. (In Russ.)
- Gaidin B.N. (2022) Russian scientific journals in new geopolitical conditions: difficulties and prospects of development. *Upravlenie naukoj: teoriya i praktika* [Management of science: theory and practice]. Vol. 4. No. 3: 44–52. DOI: 10.19181/sntp.2022.4.3.4. (In Russ.)
- Guba K. (2019) To be the main journal in Russian sociology: when the mission matters. *Ekonomicheskaya sociologiya* [Economic sociology]. Vol. 20. No. 4: 14–38. (In Russ.)
- Kaltenbrunner W., Birch K., Amuchastegui M. (2021) Editorial Work and the Peer Review Economy of STS Journals. *Science Technology and Human Values*. No. 47(4): 670–697. DOI: Org/10.1177/01622439211068798.

- Kerimov T. (2022) The "Ontological Turn" in the Social Sciences: The Return of Epistemology. *Sociologicheskoe obozrenie* [Sociological Review]. Vol. 21. No. 1: 109–130. (In Russ.)
- Kirillova O.V. (2013) *Editorial publication of scientific journals according to international standards: rating in Scopus*. Moscow: Nobel' press. (In Russ.)
- Kirillova O.V., Tikhonova E.V. (2022) Quality criteria of a scientific journal: measurement and significance. *Nauchnyy redaktor i izdatel'* [Scientific editor and publisher]. No. 7(1): 12–27. (In Russ.)
- Kolomiets V.P. (2024) Research problem as a key aspect of scientific publications in a sociological journal. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 3: 3–14. DOI: 10.31857/S0132162524030014. (In Russ.)
- Modern Russian sociology: state and prospects of development (2018) (A.M. Bekarev, I.F. Devyatko, O.M. Zhuravlev, V.G. Nikolaev, O.A. Oberemko, D.G. Podvoysky, V.V. Radaev, Y.M. Reznik, D.M. Rogozin, V.V. Shcherbina). *Lichnost'. Kul'tura Obshchestvo* [Personality. Culture. Society]. Vol. XX. Iss. 12 (No. 9798): 158–191. DOI: 10.30936/1606951X2018201/2158191. (In Russ.)
- Raitskaya L.K. (2017) On the prospects of creating a comprehensive system of independent review of Russian scientific journals. *Nauchnyy redaktor i izdatel'* [Scientific editor and publisher]. No. 2(2–4): 84–88. DOI: 10.24069/2542-0267-2017-2-4-84-88. (In Russ.)
- Semenov E.V. (2023) Development of a network of scientific journals in Russia: strategic, technological and organizational issues. *Sociologicheskaya nauka i praktika* [Sociological science and social practice]. Vol. 11. No. 3: 116–140. DOI: 10.19181/snsp.2023.11.3.6. (In Russ.)
- Tambovtsev V.L. (2021) Peer reviewing in the contemporary academic communications. *Upravlenie naukoj: teoriya i praktika* [Science Management: Theory and Practice]. Vol. 3. No. 1: 35–54. DOI: 10.19181/smtp.2021.3.1.2. (In Russ.)
- Toshchenko Zh.T. (2015) About a quality of scientific publications. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1: 3–4.

Received: 06.09.24. Final version: 20.09.24. Accepted: 03.10.24.

© 2024 г.

Р.Д. КАРИХ

ПОСЛЕДСТВИЯ РАЗВИТИЯ ОТКРЫТОЙ НАУКИ: РИСКИ УСИЛЕНИЯ НЕРАВЕНСТВА В ГЛОБАЛЬНОЙ НАУЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ

КАРИХ Роман Дмитриевич – аспирант, стажер-исследователь Международной лаборатории исследований социальной интеграции, НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия (rkari kh@hse.ru).

Аннотация. В мире продолжает распространяться концепция открытой науки, которая представляет собой борьбу за свободный доступ к научным знаниям. В качестве одной из целей она ставит решение проблем развивающихся стран и ослабление неравенства. В данной работе достижимость этой цели ставится под сомнение. Представляя науку как мир-систему, автор описывает ее устройство в формате академического колониализма, где страны глобального Севера, находящиеся в центре мир-системы, доминируют над странами глобального Юга, расположенными ближе к периферии. Следствием такой модели является эпистемическая несправедливость, которая может быть снижена в условиях открытой науки. Однако современные неолиберальные тенденции в виде платформенного капитализма не позволяют справиться с этой проблемой в рамках концепции в ее текущем виде, а увеличивают риски усиления неравенства. В статье предлагаются возможные решения по реализации открытой науки в России в инклюзивной форме на основе концепции библиоразнообразия.

Ключевые слова: открытая наука • неравенство • инклюзия • мир-система • глобальный Юг • академический колониализм • платформенный капитализм • надзорный капитализм • эпистемическая несправедливость

DOI: 10.31857/S0132162524100082

Введение. Открытая наука получает все большее распространение и поддержку на уровне государств и институтов развития. Одной из последних крупных инициатив стал проект Рекомендаций по открытой науке государствам – членам ООН, подготовленный Организацией Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО) в 2021 г. В нем изложены общепринятое определение, ценности, принципы и нормы открытой науки, а также комплекс мер, способствующих справедливому и равноправному внедрению ее методов для всех – от индивидуального до международного – уровней¹. В проекте открытая наука определяется как «рамочная концепция, кото-

Статья подготовлена в ходе работы в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

Автор выражает благодарность А.В. Стрельниковой за ценные комментарии в рамках подготовки рукописи.

¹ ЮНЕСКО. 2021. «Проект рекомендации по открытой науке». URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000378841_rus. (дата обращения: 16.08.2024).

рая объединяет различные движения и формы деятельности, направленные на то, чтобы сделать научные знания на различных языках открытыми, общедоступными и пригодными для всеобщего многократного использования, расширить научное сотрудничество и обмен информацией на благо науки и общества и открыть процессы создания, оценки и распространения научных знаний для социальных субъектов, не входящих в традиционное научное сообщество»². Ключевыми принципами концепции являются открытые научные знания, открытая научная инфраструктура, открытая научная коммуникация, открытое участие социальных субъектов и открытый диалог с другими системами знаний. Концепция берет свое начало с принципа открытых научных знаний, который подразумевает свободный доступ к публикациям и данным.

Цель рекомендаций заключалась в «обеспечении международных рамок для политики и практики в области открытой науки, учитывающих... конкретные проблемы, с которыми сталкиваются ученые и другие субъекты открытой науки в различных странах, в первую очередь развивающихся, а также способствующих сокращению цифрового и технологического неравенства и разрывов в уровне знаний между государствами и внутри отдельных стран»³. Мы стараемся дать ответ на вопрос: возможно ли достижение этих целей для России как страны глобального Юга?

Концептуализация науки как мир-системы. Для ответа на поставленный вопрос науку можно рассмотреть как мир-систему [Wallerstein, 1996; Keim, 2010; Polanko, 1990], где научные публикации являются единицей обмена. Система по международному производству научных знаний зародилась в странах глобального Севера [Mills, 2024], поэтому научные публикации подчиняются стандартам и практикам, которые определяются этими странами как «центром» системы [Canagarajah, 2002], а именно ведущими коммерческими научными издательствами [Larivière et al., 2015; van Bellen et al., 2024] и их партнерами – университетами из США и Великобритании, которые доминируют в мировых рейтингах [Piron et al., 2017]. Полупериферия состоит из стран, которые вращаются вокруг центра, принимая английский язык в науке и Болонскую систему в образовании, что позволяет нормализовать и стандартизировать функционирование мир-системы [Piron et al., 2017]. На периферии находятся исключенные страны, которые производят меньше научных публикаций, а их исследовательская работа из-за их положения остается преимущественно незамеченной или непризнанной [Charlier et al., 2009; Hountondji, 2001; Sengupta, 2021]. Ученые на периферии должны принять дискурсивные практики центра, чтобы получить к нему доступ как к обладателю господствующего знания [Chan, Gray, 2013]. В научной мир-системе, чтобы успешно публиковаться, все ученые должны следовать правилам, установленным северными издательствами и академическими кругами [Faciolince, Green, 2021].

В научной мир-системе Россию можно определить как страну, принадлежащую к полупериферии, поскольку она занимает высокое место в мировом рейтинге публикационной активности⁴, однако последние события в виде внешнего санкционного давления, следствием которого являются сложности с публикациями российских ученых в ведущих международных журналах и международным сотрудничеством в целом [Шугуров, Печатнова, 2023; Москалева, Акоев, 2024], а также внутренний отход от Болонской системы образования, реализуют риски смещения страны на периферию.

Академический колониализм как проблема периферии. Особенностью научной мир-системы является то, что на фоне существующего неравенства между центром и периферией последняя систематически дискриминируется. Такое положение дел ученые характеризуют как академический колониализм [Mignolo, 1993]. Он подразумевает, что страны глобального Севера с развитыми социальными институтами и ускоренным

² Там же.

³ Там же.

⁴ Согласно Scimago Journal & Country Rank, из России в 2023 г. было опубликовано более 100 000 статей, что ставит ее на 12-е место в общемировом рейтинге между Австралией и Южной Кореей. URL: <https://www.scimagojr.com/countryrank.php?year=2023> (дата обращения: 16.08.2024).

технологическим прогрессом предоставляют своим ученым лучший доступ к финансированию, что в совокупности повышает их шансы публикации. Авторы глобального Юга, имея финансовые, инфраструктурные и институциональные барьеры, либо не публикуют свои работы, либо публикуют их в «нестандартных» журналах, которые не индексируются в глобальных индексах научного цитирования. В результате научное знание производится в основном на глобальном Севере, который и устанавливает правила и стандарты того, что является «научным» и подлежит публикации [Sengupta, 2021], – далее такое положение дел мы характеризуем как эпистемическую несправедливость и рассматриваем как основное негативное следствие неравенства.

Ученые глобального Юга действительно сталкиваются со множеством ограничений, наиболее очевидным из которых является языковой барьер⁵. В исследованиях африканских стран, например, наблюдается ряд «когнитивных несправедливостей», которые снижают потенциал способностей ученых к научным исследованиям: финансовые (например, низкие академические доходы), инфраструктурные (например, ограниченный доступ к Интернету, временные отключения электроэнергии и, как следствие, низкий уровень цифровой грамотности) и институциональные (например, сохранение педагогики унижения в академических кругах) [Piron et al., 2016].

Следствием препятствий развития исследовательского потенциала стран глобального Юга является сохранение зависимости от стран глобального Севера, которые могут использовать финансовые ресурсы, нанимая исследователей из периферии для своих проектов или путем поддержки местных проектов, которые соответствуют приоритетам центра [Piron, 2017]. Таким образом глобальный Север имеет возможность направлять вопросы, методологический и эпистемологический выбор исследователей периферии в сторону доминирующей модели центра. Исследования периферии реагируют на спрос (теоретический, научный, экономический и т.д.), исходящий из центра мир-системы, и стимулируют исследователей глобального Юга не только перенимать модели центра, но и физически перемещаться к нему в формате учебы, мероприятий или работы [Hountondji, 2001]. При этом возможности центра формировать спрос на периферии ограничены, поскольку она может иметь независимое внутреннее финансирование.

Неоколониальный характер доминирования Севера в научной мир-системе находит множество подтверждений [Berger, 2021]: ассиметричное картирование научного авторства⁶, доминирование представителей глобального Севера в редколлегиях журналов⁷, меньшие возможности авторов глобального Юга для рецензирования [Vesper, 2018], а также повышенная вероятность отклонения их рукописей из-за их местоположения⁸.

Россия также оказывается в подчиненном неоколониальном положении как одна из стран-лидеров глобального Юга, так как «финансирует не только подготовку,

⁵ Одним из эффективных средств снижения языкового барьера стал генеративный искусственный интеллект, который позволяет переводить текст, а также проводить лингвистическую проверку использования английского языка для повышения вероятности публикации в высокорейтинговых журналах. Однако, как и в отношении других современных технологий, для использования генеративного искусственного интеллекта существует ряд барьеров, которые ставят исследователей из третьего мира в невыгодное положение (например, высокая стоимость и наличие компетенций в виде создания промптов). Более того, сама технология ИИ остается несовершенной, например, с точки зрения точности интерпретаций [Lund et al., 2023].

⁶ Alperin J.P., Costas R. World scaled by number of documents published in 2017 with authors from each country (publications counted once per country). URL: <https://scholcommlab.ca/cartogram> (дата обращения: 16.08.2024).

⁷ Rivera López B. Journal Editorial Boards: Is there Space for Geographic Diversity? International Open Access week. URL: <http://legacy.openaccessweek.org/profiles/blogs/journal-editorial-boards-is-there-a-space-for-geographical> (дата обращения: 16.08.2024).

⁸ Harrington R. Peer Review – Authors and Reviewers – Our “North Star”. The Scholarly Kitchen, 2018. URL: www.scholarlykitchen.sspnet.org/2018/05/16/peer-review-autoers-reviewers-north-star (дата обращения: 16.08.2024).

но и размещение в журналах, индексируемых Web of Science и Scopus, большей части десятков тысяч научных статей» [Клеева, Максимов, 2021]. При этом с 2022 г. государством был введен мораторий на показатели по публикациям ученых в зарубежных журналах⁹, что частично ослабляет неокOLONIALное положение страны. Россия также встречает препятствия при развитии исследовательского потенциала на фоне санкционного давления, например в виде приостановки международного научного сотрудничества, заморозки совместных проектов, отмены участия в конференциях и выплаты грантов [Шугуров, 2023].

Открытая наука как способ исправления эпистемической несправедливости. В мир-системе науки распространено неравенство, основным следствием которого является эпистемическое отчуждение стран глобального Юга [Faciolince, Green, 2021]. Мир-система слепа к научным знаниям, созданным на ее периферии. Именно глобальный Север определяет, что такое наука, каковы ее приоритеты, как и на каком языке она ведется и распространяется¹⁰. Исправление эпистемической асимметрии позитивно отразится на науке, потому что вовлечение в исследования ученых с различным опытом может повысить качество и актуальность полученных знаний [Crasnow, 2024]. Как отмечает К. Интемманн: «Включая людей с относительно разнообразными социальными позициями, эпистемическое сообщество будет состоять из ученых, обладающих разнообразным опытом, который может повысить строгость проверки фоновых предположений, теорий и моделей» [Intemann, 2011].

Аргумент исправления эпистемической несправедливости посредством демократизации знаний является одним из основных при продвижении открытой науки [Piron, 2017]. В рекомендациях ЮНЕСКО одним из ключевых принципов является открытый диалог с другими системами знаний, который происходит «между различными носителями знаний, участники которого признают наличие большого числа разнообразных систем знаний и эпистемологических моделей»¹¹. Благодаря открытому доступу у ученых глобального Юга появится возможность свободно знакомиться с новейшими научными достижениями, что позволит им эффективнее проводить собственные исследования. В результате снятия барьеров доступности научной информации голос ученых глобального Юга станет слышимее, поскольку их публикации станут конкурентоспособнее.

В действительности открытая наука сделает публикации ученых из центра мир-системы доступнее, что только расширит их мировой охват [Knöchelmann, 2020] и усилит влияние на периферию, которая сможет использовать их «в качестве теоретического справочника и нормативной модели в ущерб местным эпистемологиям» [Piron, 2017]. Облегчение доступа ученых к науке глобального Севера без усилий по повышению видимости знаний из периферии способствует усилению ее эпистемического отчуждения [Piron, 2017]. Ограничиваясь расширением доступности потребления научного контента, открытая наука превращается в средство гегемонии глобального Севера и стимулирует сохранение установленной иерархии в мир-системе [Knöchelmann, 2020]. Она воспроизводит положение центра, предоставляя периферии право доступа к своим знаниям.

Платформенный капитализм на службе иерархизации. С учетом текущих технологических тенденций, в результате которых распространяются неолиберальные модели платформенного [Срничек, 2019] или надзорного [Зубофф, 2022] капитализма, реализация открытой науки выглядит еще более рискованно.

Ученые отмечают, что неолиберализм проникает в академические круги и использует преимущества открытого доступа [Fraser, 2019], который может рассматриваться как

⁹ Минобрнауки России. Введен мораторий на показатели наличия публикаций, индексируемых в международных базах данных. 2022. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/48669/> (дата обращения: 16.08.2024).

¹⁰ Poynder R. Open access: Could defeat be snatched from the jaws of victory? 2019. URL: <https://poynder.blogspot.com/2019/11/open-access-could-defeat-be-snatched.html> (дата обращения: 16.08.2024).

¹¹ ЮНЕСКО. 2021. «Проект рекомендации по открытой науке». URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000378841_rus. (дата обращения: 16.08.2024).

шаг к «реорганизации науки в соответствии с принципами платформенного капитализма» [Mirowski, 2018].

Движение открытого доступа, требующее свободного распространения научных публикаций, стимулирует издателей перестраивать свои бизнес-модели. Когда традиционные бизнес-модели на основе подписки перестают работать, переход к модели надзорного капитализма является для них решением. Аналогично тому, как это стало решением для интернет-поисковиков и социальных сетей, когда они столкнулись с дилеммой, как зарабатывать деньги, чтобы иметь возможность предлагать бесплатные услуги [Зубофф, 2022].

В новой бизнес-модели издатели развивают собственные платформы как инфраструктуры для сбора больших данных о пользователях, капитализируя их социальные взаимодействия. Накопив достаточное количество данных, издатели с их помощью превращают низкомаржинальные продукты (стоимость журналов в классической бизнес-модели по подписке ограничена бюджетами библиотек) в высокомаржинальные услуги, например, в виде комплексной предиктивной аналитики [Срничек, 2019]. Издательство Elsevier уже можно охарактеризовать как «издателя-надзирателя» [Pooley, 2022], поскольку продукты прогнозирования формируют существенную долю ее доходов. Крупные издательско-конкуренты Elsevier также выходят на рынок больших данных, собираемых на базе собственной инфраструктуры [Pooley, 2022].

Эта форма власти отмечена колоссальной и асимметричной концентрацией данных и не подчиняется демократическому контролю [Зубофф, 2022]. Опасность заключается в том, что практики ученых со всеми предубеждениями и искажениями, отчужденные от них в виде данных и абстрагированные в виде предиктивной аналитики, вернутся в их жизнь на уровне алгоритмов [Pooley, 2022]. Текущие недостатки научной мир-системы получают «слой алгоритмической легитимности»¹² [Pooley, 2022], и эпистемическая несправедливость будет закреплена системно, а главное, невидимо для сторонних наблюдателей.

Если открытый доступ стал триггером к трансформации бизнес-моделей издателей, то открытая наука становится катализатором этих изменений, открывая весь исследовательский процесс для неолиберальных тенденций. У издателей появляется возможность собрать больше данных и выйти за рамки своей традиционной роли, включаясь во весь исследовательский цикл [Posada, Chen, 2018]. Они выстраивают вертикально интегрированные цепочки создания стоимости за счет владения ключевыми инфраструктурными компонентами на всех этапах исследовательских и образовательных процессов [ibid]. Такая система дает определенные преимущества, обеспечивая эффективность и высокую интегрированность продуктов и услуг¹³. Однако ее риск состоит в том, что интеграция происходит на базе коммерческих корпораций, характеризующихся олигополистическим поведением [Lariviere et al., 2015]. В частности, вертикальная интеграция увеличивает зависимость потребителей (университетов, преподавателей и исследователей) от крупнейших издателей, а также трансформирует институциональный и индивидуальный процесс принятия решений за счет передачи последним все большего контроля [Posada, Chen, 2018].

Таким образом, частные формы собственности и управления в науке являются фундаментальными ограничениями на пути демократизации знаний [Knöchelmann, 2020]. Корпоративная собственность и коммерческая конкуренция усиливают географическое и ресурсное неравенство в глобальной исследовательской экономике, маргинализируя неанглоязычные экосистемы знаний, а также журналы под руководством ученых [Mills, 2024]. В итоге глобализация вместо инклюзивного вовлечения местных особенностей в глобальный контекст представляет собой расширение власти и усиление доминирования глобального Севера, движимого новыми экономическими моделями [Knöchelmann, 2020].

¹² Исследования показывают, что метрики, рейтинги и алгоритмы помогают создавать мир, который они якобы просто описывают (см., напр.: [Espeland, Sauder, 2007; Espeland, Stevens, 2008; Fourcade, Johns, 2020]).

¹³ Schonfeld R.C. Elsevier Acquires bepress. The Scholarly kitchen, 2017. URL: <https://scholarlykitchen.sspnet.org/2017/08/02/elsevier-acquires-bepress/> (дата обращения: 16.08.2024).

Инклюзивная открытая наука в России на основе концепции библиоразнообразия. Открытая наука может снизить эпистемическую асимметрию, но для этого необходимо учесть множество рисков, начиная от романтизации концепции до усиления современных моделей капитализма. Первым шагом на пути к этой цели может стать деколониальная критика отношений между центром и периферией в мир-системе науки [Piron, 2017] и признание необходимости эпистемического разнообразия. Как отмечает П. Сенгупта, «необходимо изменить колониальное отношение развитых стран, авторы из которых занимаются филантропией знаний, и признать, что каждое общество и культура генерируют и производят знания в зависимости от контекста, непосредственных проблем, с которыми они сталкиваются, а также принимая во внимание прошлую историю и будущее развитие» [Sengupta, 2021]. Важно тщательно оценивать роль открытой науки в этом процессе и критически относиться к возможным непреднамеренным последствиям ее развития¹⁴. На данный момент дискуссия на тему открытой науки в российском научном поле развивается в позитивном ключе, в то время как отрицательные характеристики концепции разрабатываются узким кругом авторов [Карих, 2023], однако государство занимает критическую позицию по отношению к рекомендациям по открытой науке ЮНЕСКО¹⁵.

Следующим шагом может стать поддержка и развитие существующей автономной инфраструктуры. Несмотря на то что на уровне ООН технологии продолжают рассматриваться как «аполитичные инструменты развития» [Singh, 2017], в действительности ученые признают важность критического размышления о роли инфраструктур знаний как часто невидимой, но важной основы власти и неравенства [Edwards et al., 2013; Crasnow, 2024; Okune et al., 2018]. На фоне того, как крупные издатели глобального Севера глубже встраиваются в исследовательский процесс, инфраструктурная автономия становится более необходимой для сохранения эпистемического разнообразия¹⁶.

В России уже есть необходимая научная инфраструктура, крупнейшими проектами которой являются национальная библиографическая база данных научного цитирования (РИНЦ), Национальный агрегатор открытых репозиторий (НОРА), а также крупнейшая в Европе открытая научная библиотека «КиберЛенинка». Однако часть этой инфраструктуры находится под частным управлением¹⁷, в то время как инклюзивная концепция открытой науки предполагает управление сообществом [Posada, Chen, 2018], примерами которых в России могут быть Совет по этике научных публикаций и Диссернет. При этом, имея зависимость от государственных средств, некоммерческие экосистемы открытой науки рискуют быть недофинансированными и не всегда могут конкурировать с крупными коммерческими издательствами [Faciolince, Green, 2021]. Российская научная инфраструктура будет в выигрышной позиции, если сможет найти баланс между государственным финансированием, частной инициативой и некоммерческими целями местного профессионального сообщества¹⁸.

¹⁴ Confessions of an Open Access Advocate – Leslie Chan. URL: <https://ocsdnet.org/confessions-of-an-open-access-advocate-leslie-chan/> (дата обращения: 16.08.2024).

¹⁵ Постоянное представительство Российской Федерации при ЮНЕСКО. Замечания по тексту предварительного проекта рекомендации ЮНЕСКО по Открытой науке. URL: https://en.unesco.org/sites/default/files/comments_osr_russia_document.pdf (дата обращения: 10.03.2022).

¹⁶ Poynder R. Plan S: What strategy now for the Global South? 2019. URL: <https://poynder.blogspot.com/2019/02/plan-s-what-strategy-now-for-global.html> (дата обращения: 16.08.2024).

¹⁷ В 2017 г. «Технониколь» и «Рыбаков Фонд» миллиардера Игоря Рыбакова приобрели 25% долей ресурса «КиберЛенинка». В 2020 г. «КиберЛенинка» дополнительно получила от Игоря Рыбакова \$2 млн инвестиций в формате конвертируемого займа. URL: <https://devsday.ru/news/details/52230?ysclid=iz8fyusb58521820935> (дата обращения: 16.08.2024).

¹⁸ Глобальная инфраструктура научной коммуникации, построенная на принципах открытой науки, динамично развивается. Рассмотрение инновационных подходов новых проектов может позитивно отразиться на российской инфраструктуре. Аналогичное влияние окажет анализ негативного опыта, истории и барьеров проектов, которые были вынуждены прекратить работу или сократить активность. Среди таких проектов есть и российские, например, Соционет или Научный корреспондент [Засурский, Трищенко, 2019].

Кроме того, у российской научной инфраструктуры есть пространство для усиления инклюзии, в части «допущения различных форм участия среди многообразных групп акторов, характеризующихся разнообразием, и признания и стремления исправить неравенство» [Okune et al., 2018]. Ориентация на разнообразие пользователей и открытость к различным формам знаний может улучшить российскую инфраструктуру. Наука не ограничивается научными статьями, она имеет множество различных проявлений. Это будет заметнее, если научный процесс станет открытым, что повысит видимость исследовательских данных, обсуждений и других вспомогательных научных материалов. Таким образом, концепция открытой науки способствует инклюзии, а именно расширению форматов научной коммуникации через включение в индексацию не только научных статей, но и других материалов. Многие результаты научных исследований в Африке не попадают в авторитетные журналы, поскольку являются «серой литературой» (gray literature) в виде исследовательских отчетов, тезисов, диссертаций, материалов семинаров и конференций и пр. [Chisenga, 2006]. Значительная часть этих материалов уже находится в открытом доступе, однако необходимо разработать стратегии для повышения их легитимности с помощью соответствующих процессов рецензирования и институциональной поддержки [Okune et al., 2018]. Включение новых форм знаний позволит усилить позиции России в научной мир-системе за счет роста объемов научного рынка в виде количества публикаций расширенного формата, а также позволит увеличить количество данных для того, чтобы оставаться конкурентной с точки зрения возможностей предиктивного анализа.

Ответственность за открытую науку в России могут взять на себя научные и университетские библиотеки, которые являются лидерами в российской научной дискуссии по этой теме [Карих, 2023]. Активная роль библиотек в развитии открытой науки обусловлена синергетическими факторами, ведь они не только идеологически поддерживают принципы свободного доступа к знаниям, но и финансово выигрывают от новых моделей распространения знаний [Карих, 2024]. Исследователи уже отмечают значимую роль библиотек в реализации открытой науки в России: они создают и сопровождают электронные ресурсы открытого доступа, информируют пользователей об открытой науке, обучают навыкам ее использования, организуют специальные мероприятия [Галавиева, 2016]. Стремление российских научных и университетских библиотек взять на себя ответственность за открытую науку не уникально, например, библиотекари Израиля также рассматривают себя как лидеров изменений [Hadad, Aharony, 2024]. Для финансовой устойчивости открытой науки под лидерством библиотек последние могут ориентироваться на сбалансированное использование государственного финансирования, привлечение средств от бизнеса и частных инвесторов, а также развитие собственных коммерческих сервисов, не связанных с барьерами доступа (например, консультации, курсы повышения квалификации или организация профильных мероприятий).

Библиотеки могут быть лидерами открытой науки в России, но они не могут быть одни на этом пути. Опыт других стран говорит о том, что необходима кооперация, в том числе на уровне технических, экономических и политических ресурсов [Hadad, Aharony, 2024]. Ключевым механизмом кооперации может стать национальная политика, которая позволит не только закрепить новый статус библиотек, но и совершить рывок в продвижении концепции, как это произошло, например, в Европе¹⁹. Как отмечают эксперты, для принятия национальной политики открытой науки потребуются «институциональное мужество и политическая воля, чтобы заявить, что открытые, автономные и справедливые системы предпочтительнее “престижных” евроцентричных исследовательских систем» [Shorish, Chan, 2019]. В соответствии с этим российские исследователи считают необходимым «на политическом уровне открыто отказаться от добровольно выбранной (или

¹⁹ cOAlition S office. Plan S: 2023 Annual Review. URL: <https://www.coalition-s.org/plan-s-annual-review-2023/> (дата обращения: 16.08.2024).

пролоббированной) “северо-ориентированной” модели организации и правового регулирования российской науки» [Клеева, Максимов, 2021].

После принятия национальной политики логичным будет ее масштабирование в виде поиска зарубежных партнеров. Международное сотрудничество необходимо в условиях глобальной природы социального института науки. Более того, открытость и международное сотрудничество обладают синергетическими свойствами и «подпитывают друг друга»²⁰, что позволяет усилить эпистемическое разнообразие и получить больше данных для анализа.

Выбор международных партнеров также несет в себе риски, поскольку региональные инициативы открытой науки значительно отличаются. Например, в Латинской Америке в ответ на Европейский “Plan S” была разработана инициатива AmeliCA, возглавляемая коалицией университетских издательств [Moore, 2021]. Она разделяет конечную цель Плана S в виде принятия кардинальных крупномасштабных мер для достижения открытого доступа и признания необходимости пересмотра текущих схем оценки исследований в регионе²¹. Однако AmeliCA против того, чтобы спонсоры или университеты покрывали сборы за публикацию в открытом доступе. Согласно инициативе, вместо этого финансовые ресурсы должны быть направлены на развитие академической инфраструктуры, чтобы вернуть контроль над научными публикациями академическим учреждениям²².

Несмотря на то что различные агентства по развитию, такие как Всемирный банк или ЮНЕСКО, уделяют внимание повестке дня «открытости» и поддерживают различные инициативы в этих областях²³, для России более продуктивным может быть сотрудничество с инициативами глобального Юга, которые имеют многолетний опыт развития открытой науки²⁴. В Латинской Америке концепция открытой науки развивается в формате библиоразнообразия – «устойчивого антиколониального этоса и практик» [Berger, 2021], ключевыми принципами которого являются самоопределение, локальность и взаимопомощь. Концепция библиоразнообразия заключается в независимом от текущего неокOLONиального состояния научной коммуникации видении, позволяющем представить себе альтернативы северной системе публикаций и их оценке [Berger, 2021].

Исследования в Латинской Америке почти полностью финансируются правительством, а публикация журналов преимущественно осуществляется в полном открытом доступе [Alperin, 2014]. Также в регионе есть инфраструктура для поддержки, обнаружения и распространения всех типов контента, что способствует целостному ландшафту [Berger, 2021]. Журналы публикуются на местных языках, поддерживая локальную культуру и предоставляя исследователям возможности для развития. Поисковые порталы являются многоязычными, что позволяет эффективнее находить контент. Все аспекты открытого доступа в Латинской Америке находятся под руководством некоммерческих заинтересованных сторон, включая ученых [Berger, 2021]. Таким образом, России может быть полезно сотрудничать с передовыми организациями глобального Юга, перенимать опыт построения инклюзивных систем открытой науки и укреплять собственные позиции в этих системах.

Заключение. Научная мир-система претерпевает изменения под влиянием концепции открытой науки, которая ставит своей целью решение проблем развивающихся стран

²⁰ Poynder R. Open access: Could defeat be snatched from the jaws of victory? 2019. URL: <https://poynder.blogspot.com/2019/11/open-access-could-defeat-be-snatched.html> (дата обращения: 16.08.2024).

²¹ Becerril-García A. AmeliCA vs Plan S: Same target, two different strategies to achieve open access. 2019. URL: <http://www.amelica.org/en/index.php/2019/01/10/amelica-vs-plan-s-mismo-objetivo-dos-estrategias-distintas-para-lograr-el-acceso-abierto/> (дата обращения: 16.08.2024).

²² Там же.

²³ Chan L. What role for open and collaborative science in development. URL: <https://www.university-news.com/post.php?story=20140905132026576> (дата обращения: 16.08.2024).

²⁴ Morrison H. ‘Latin America Long-Time Peerless Leader in Open Access’. Sustaining the Knowledge Commons. 2019. URL: <https://sustainingknowledgecommons.org/2019/07/15/latin-america-long-time-peerless-leader-in-open-access/> (дата обращения: 16.08.2024).

и ослабление неравенства. Однако текущее неокOLONиальное устройство мир-системы может быть усилено с реализацией концепции открытой науки на фоне развития неолиберальных моделей платформенного капитализма. В итоге формат реализации концепции открытой науки несет в себе риски усиления неравенства и эпистемической асимметрии, что негативно отразится на России как стране, принадлежащей к полупериферии. Перечисленные риски могут быть нивелированы сбалансированной политикой по внедрению в России инклюзивной модели открытой науки на основе концепции библиоразнообразия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ [REFERENCES]

- Галаявиева М.С. Научные библиотеки в условиях открытого доступа // Ученые записки Института социальных и гуманитарных знаний. 2016. № 1 (14). С. 134–140. [Galjaviyeva M.S. (2016) Scientific libraries in conditions of open access. *Uchenye zapiski Instituta sotsialnykh i humanitarnykh znaniy*. [Academic Notes of the Institute of Social and Humanitarian Knowledge] No. 14: 134–140. (In Russ.)]
- Засурский И.И., Трищенко Н.Д. Инфраструктура открытой науки в России и мире // Научные и технические библиотеки. 2019. № 4. С. 84–100. [Zasurskiy I.I., Trishchenko N.D. (2019) The open science infrastructure in Russia and the world. *Nauchnie i tehicheskie biblioteki* [Scientific and Technical Libraries]. No. 4: 84–100. (In Russ.)]
- Зубофф Ш. Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти. М.: Ин-т Гайдара, 2022. [Zuboff Sh. (2022) *The Age of Surveillance Capitalism. The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power*. Moscow: In-t Gaidara.]
- Карих Р.Д. Анализ дискуссии на тему открытой науки в российском научном поле // Социология науки и технологий. 2023. № 2 (14). С. 173–193. [Karikh R.D. (2023) Analysis of the discussion on open science in the Russian scientific field. *Sotsiologiya nauki i tekhnologii* [Sociology of Science and Technology]. No. 4: 52–71. (In Russ.)]
- Карих Р.Д. Трансформация роли библиотек в условиях открытой науки // Вестник СПбГУ. Социология. 2024. № 1 (17). С. 100–115. [Karikh R.D. (2024) Transformation of the role of libraries in the Open Science. *Vestnik SPbGU. Sociologiya* [Bulletin of St. Petersburg State University. Sociology]. No. 1: 100–115. (In Russ.)]
- Клеева Л.П., Максимов С.В. «Открытая» наука: критический анализ нового проекта ЮНЕСКО // Российское конкурентное право и экономика. 2021. № 1 (25). С. 22–29. [Kleeva L.P., Maksimov S.V. (2021) Open Science: a Critique of a New UNESCO Project. *Rossiiskoe konkurentnoe pravo i ekonomika* [Russian competition law and economy]. No. 1: 22–29. (In Russ.)]
- Мертон Р. Эффект Матфея в науке, II: накопление преимуществ и символизм интеллектуальной собственности // THESIS. 1993. № 3. С. 256–276. [Merton R. (1993) The Matthew Effect in Science, II: Cumulative Advantage and the Symbolism of Intellectual Property. *THESIS*. No. 79: 256–276. (In Russ.)]
- Москалева О.В., Акоев М.А. Геополитика и публикационная стратегия. Есть ли связь? // Научный редактор и издатель. 2024. № 9 (1). [Moskaleva O.V., Akoev M.A. (2024) Geopolitics and publication strategy. Is there a dependance? *Nauchniy redactor i izdatel* [Science Editor and Publisher]. No. 9 (1). (In Russ.)]
- Срничек Н. Капитализм платформ. М.: ВШЭ, 2019. [Srniczek N. (2019) *Platform Capitalism*. Moscow: VSHE. (In Russ.)]
- Шугуров М.В. Оценка санкций в отношении российской науки зарубежными исследователями: многообразие подходов // Управление наукой и наукометрия. 2023. Т. 18. № 4. С. 578–612. [Shugurov M.V. (2023) Assessment of Sanctions against Russian Science by Foreign Researchers: Diversity of Approaches. *Upravlenie naukoj i naukometriya* [Science Governance and Scientometrics]. No. 18: 578–612. (In Russ.)]
- Шугуров М.В., Печатнова Ю.В. Право на науку в контексте деформации международного правопорядка в условиях санкций // Общественные науки и современность. 2023. № 6. С. 1–19. [Shugurov M.V., Pechatnova Y.V. (2023) The right to science in the context of the deformation of the international law-order under sanctions. *Obshchestvennye nauki i sovremennost* [Social Sciences and Contemporary World]. No. 6: 1–19. (In Russ.)]
- Alperin J.P. (2014) Open Access Indicators: Assessing Growth and Use of Open Access Resources from Developing Regions: The Case of Latin America. In: *Open Access and Scholarly Communications Indicators in Latin America*. Ed. by J.P. Alperin, D. Babini, G. Fischman. Buenos Aires: CLACSO: 15–78.
- van Bellen S., Alperin J.P., Larivière V. (2024) The oligopoly of academic publishers persists in exclusive database. *arXiv preprint*. arXiv:2406.17893.

- Berger M. (2021) Bibliodiversity at the Centre: Decolonizing Open Access. *Development and Change*. No. 2: 383–404.
- Canagarajah A.S. (2002) *A Geopolitics of Academic Writing*. Pittsburgh, PA: University of Pittsburgh Press.
- Chan L., Gray E. (2014) Centering the Knowledge Peripheries through Open Access: Implications for Future Research and Discourse on Knowledge for Development. In: *Open development: networked innovations in international development*. Ed. by M.L. Smith, K.M.A. Reilly. Ottawa: MIT Press: 197–222.
- Charlier J.-E., Croché S., Ndoye A.K. (2009) *Les universités africaines francophones face au LMD. Les effets du processus de Bologne sur l'enseignement supérieur au-delà des frontières de l'Europe*. Louvain-La-Neuve: Editions Academia.
- Chisenga J. (2006) The development and use of digital libraries, institutional digital repositories and open access archives for research and national development in Africa: opportunities and challenges. In: *WSIS Follow-up Conference on Access to Information and Knowledge for Development*. Addis Ababa: United Nations Conference Centre.
- Crasnow S. (2024) Feminist Perspectives on Science. In: *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*. Ed. by E.N. Zalta, U. Nodelman. Metaphysics Research Lab, Stanford University.
- Debat H., Babini D. (2020) Plan S in Latin America: A Precautionary Note. *Scholarly and Research Communication*. No. 1: 11 (1).
- Edwards P.N., Jackson S.J. et al. (2013) *Knowledge Infrastructures: Intellectual Frameworks and Research Challenges*. Ann Arbor: Deep Blue.
- Espeland W., Sauder M. (2007) Rankings and Reactivity: How Public Measures Recreate Social Worlds. *American Journal of Sociology*. No. 113: 1–40.
- Espeland W., Stevens M. (2008) A Sociology of Quantification. *European Journal of Sociology*. No. 49: 401–436.
- Faciolince M., Green D. (2021) One Door Opens: Another Door Shuts? *Development and Change*. No. 52: 373–382.
- Fourcade M., Johns F. (2020) Loops, Ladders and Links: The Recursivity of Social and Machine Learning. *Theory and Society*. No. 49: 803–832.
- Fraser N. (2019) *The Old Is Dying and the New Cannot Be Born: From Progressive Neoliberalism to Trump and Beyond*. London: Verso.
- Hadad S., Aharony N. (2024) Librarians and Academic Libraries' Role in Promoting Open Access: What Needs to Change? *College & Research Libraries*. No. 85: 464–478.
- Hountondji P.J. (2001) *Le savoir mondialisé: déséquilibres et enjeux actuels. La mondialisation vue d'Afrique*, Université de Nantes/Maison des Sciences de l'Homme Guépin. Academic Year.
- Intemann K. (2011) *Diversity and Dissent in Science: Does Democracy Always Serve Feminist Aims? Feminist Epistemology and Philosophy of Science*. Ed. by Grasswick H.E. Dordrecht: Springer: 111–132.
- Kamerlin S.C.L., Allen D.J. et al. (2021) Journal Open Access and Plan S: Solving Problems or Shifting Burdens? *Development and Change*. No. 52: 627–650.
- Keim W. (2010) Pour un modèle centre-périphérie dans les sciences sociales. *Revue d'anthropologie des connaissances*. No. 4: 570–598.
- Knöchelmann M. (2021) The Democratisation Myth: Open Access and the Solidification of Epistemic Injustices. *Science & Technology Studies*. No. 34: 65–89.
- Larivière V., Haustein S., Mongeon P. (2015) The oligopoly of academic publishers in the digital era. *PloS one*. No. 10.
- Lund B., Wang T. et al. (2023) ChatGPT and a new academic reality: Artificial Intelligence-written research papers and the ethics of the large language models in scholarly publishing. *Journal of the Association for Information Science and Technology*. No. 74: 570–581.
- Mignolo W.D. (1993) Colonial and postcolonial discourse: cultural critique or academic colonialism? *Latin American Research Review*. No. 28: 120–134.
- Mills D. (2024) One index, two publishers and the global research economy. *Oxford Review of Education*. P. 1–16.
- Mirowski P. (2018) The future(s) of open science. *Social Studies of Science*. No. 48: 171–203.
- Moore S.A. (2021) Open Access, Plan S and 'Radically Liberatory' Forms of Academic Freedom. *Development and Change*. No. 52: 1513–1525.
- Piron F., Diouf A.B. et al. (2017) Le libre accès vu d'Afrique francophone subsaharienne. *Revue française des sciences de l'information et de la communication*. No. 11.
- Piron F., Mboa Nkoudou T.H. et al. (2016) Vers des universités africaines et haïtiennes au service du développement local durable: contribution de la science ouverte juste. In: *Justice cognitive, libre accès et savoirs locaux. Pour une science ouverte juste, au service du développement local durable*. Québec: Éditions science et bien commun.

- Polanco X. (1990) *Naissance et développement de la science-monde: production et reproduction des communautés scientifiques en Europe et en Amérique latine*. La Découverte.
- Pooley J. (2022) Surveillance publishing. *Journal of Electronic Publishing*. No. 25: 39–49.
- Posada A., Chen G. (2018) Inequality in Knowledge Production: The Integration of Academic Infrastructure by Big Publishers. *ELPUB*. DOI: 10.4000/proceedings.elpub.2018.30.
- Sengupta P. (2021) Open access publication: Academic colonialism or knowledge philanthropy? *Geoforum*. No. 118: 203–206.
- Singh P.J. (2017) *Developing Countries in the emerging global digital order – A critical geopolitical challenge to which the Global South must respond*. Background paper prepared for Developing Countries in the Emerging Global Digital Order. Geneva. DOI: 10.2139/ssrn.3876183.
- Vesper I. (2018) Peer Reviewers Unmasked: Largest Global Survey Reveals Trends. *Nature News*. DOI: 10.1038/d41586-018-06602-y.
- Wallerstein I. (1996) Restructuration capitaliste et le système-monde. *Agone*. No. 16: 207–233.

Статья поступила: 26.08.24. Финальная версия: 02.10.24. Принята к публикации: 07.10.24.

THE IMPLICATIONS OF OPEN SCIENCE DEVELOPMENT: RISKS OF INCREASING INEQUALITY IN GLOBAL SCIENTIFIC COMMUNICATION

KARIKH R.D.

HSE University, Russia

Roman D. KARIKH, PhD Student, Research Assistant of International Laboratory for Social Integration Research, HSE University, Moscow, Russia (rkarikh@hse.ru).

Acknowledgements: The article/review was prepared within the framework of the Basic Research Program at HSE University.

Abstract. The concept of open science, which is primarily a fight for free access to scientific knowledge, continues to gain support in the world. One of the goals of the concept is to solve the problems of developing countries and reduce inequality. This essay questions the feasibility of this goal. Presenting science as a world-system, the author describes its current structure in the format of academic colonialism, where the countries of the global North, located in the center of the world-system, dominate the countries of the global South, located closer to the periphery. The consequence of this model is epistemic injustice, which can be corrected in the context of open science. However, modern neoliberal trends in the form of platform capitalism do not allow us to cope with this problem within the framework of the concept in its current form, but only increase the risks of growing. The essay proposes possible solutions for the implementation of open science in Russia in an inclusive form based on the concept of bibliodiversity.

Keywords: open science, inequality, inclusion, world-system, global South, academic colonialism, platform capitalism, surveillance capitalism, epistemic injustice.

Received: 26.08.24. Final version: 02.10.24. Accepted: 07.10.24.

Д.П. ИСАЕВ, О.Ю. ПОСУХОВА

«Я ТОЧНО НЕ БУДУ ЗАНИМАТЬСЯ НАУЧНОЙ РАБОТОЙ...», или ОСОБЕННОСТИ ТРАНСМИССИИ СТАТУСА В НАУЧНЫХ ДИНАСТИЯХ В РОССИИ

ИСАЕВ Дмитрий Петрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории средних веков и нового времени Института истории и международных отношений (disaew@mail.ru); ПОСУХОВА Оксана Юрьевна – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры регионалистики и евразийских исследований Института социологии и регионоведения (belloks@yandex.ru). Оба – Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия.

Аннотация. Рассматривается проблема ценностных ориентаций в научных династиях России XX в. Избран междисциплинарный историко-социологический и антропологический ракурс, ориентированный на социально-исторический подход к изучению проблемы межпоколенческого взаимодействия. Отталкиваясь от разработанной классификации моделей трансмиссии статуса в профессиональных династиях, авторы выявляют особенности выбора вариантов преемственности членами династий в указанный период. Анализ интервью с представителями научных династий, проведенных в 2020 г., позволил сделать следующие наблюдения. Реформенный дух 1950–1960-х гг. соотносится с моделью активной преемственности. Переход к консервативной модели политического и экономического развития страны в так называемый брежневский период, эволюция образа ученого как массового научного работника приводят к распространению пассивной модели профессионального наследования. Однако следует учитывать и внутренние закономерности усвоения профессиональных практик в семьях ученых. В условиях социально-политических и экономических трансформаций в России 1990-х гг. последующие поколения («X» и «Y») демонстрируют полный набор моделей трансмиссии профессионального статуса: активную, пассивную модели и транспрофессиональную мобильность. В условиях «разгерметизации» научного сообщества оказались возможными гибридные модели трансмиссии, характеризующиеся частичным возвратом к базисным научным ценностям, обогащенным актуализацией субъективного жизненного опыта.

Ключевые слова: поколение • генерационные исследования • научная династия • профессиональная династия • трансмиссия статуса • научная повседневность • социальный капитал • преемственность

DOI: 10.31857/S0132162524100093

Введение. В современной интеллектуальной ситуации профессиональная династия – идеальный образец для изучения неявных социальных взаимодействий в научной среде. Междисциплинарный ракурс реконструкции процесса трансляции культурного капитала между поколениями (трансмиссия), во-первых, позволяет углубить понимание механизмов воспроизводства научных сообществ в определенных культурно-исторических и социальных условиях. Во-вторых, анализ межпоколенного взаимодействия/трансформации дает возможность взглянуть на научную династию в рамках социологии и антропологии профессий, уточняя особенности повседневности и жизненного мира ее представителей.

В центре нашего внимания – проблема трансляции и трансформации поведенческих характеристик представителей научных династий в России при их вхождении в науку на протяжении второй половины XX в. Целью работы является углубление представлений об обусловленности трансмиссии статуса и ценностных ориентаций индивидов

спецификой историко-культурного контекста и жизненного мира поколения, под которым понимается мир смыслов «особой временной общности» [Семенова, 2009: 29], обладающей «собственным смыслотворчеством, ценностными ориентациями, а значит и своеобразными правилами социокультурной активности» [Черномазова, 2022: 185].

Принимая методологию социологии и антропологии профессий, мы сосредоточим внимание на том пространстве смыслов, которое составляет профессиональную субкультуру научной среды [Романов, Ярская-Смирнова, 2005: 15]. Таким образом, «качественный» анализ информации, содержащейся в глубинных интервью, соотносится прежде всего с феноменологическим методом, ориентированным на познание уникальных явлений социальной жизни с точки зрения их осознания индивидами в контексте своего бытия. Солидаризируемся с тем, что «"общее" не является прерогативой большого числа историй, его следует искать также в частных случаях» [Берто, Берто-Вьям, 1992: 134].

Ключевыми в эпистемологическом отношении для нас выступают понятия «поколения» и «трансмиссии». Применительно к первому основным в нашем исследовании является социоисторический подход, наибольший вклад в развитие которого внес К. Мангейм, определив поколение, в том числе, как «участие в общей судьбе исторической и социальной общности». Данный взгляд позволяет связать социальных акторов с конкретным социокультурным контекстом, внутри которого оказалась возможна их деятельность. Как указывал ученый, у человека, начиная с 17 лет, происходит собственное экспериментирование с жизнью [Мангейм, 2000: 32–35]. Действительно, осознанный выбор профессионального пути («карьерный старт») примерно совпадает со временем специальной подготовки и поступления в вуз [Попова, 2021: 102]. Это и дает нам возможность выдвинуть положение, что процесс трансмиссии и поколенческая принадлежность могут быть взаимообусловлены.

Относительно самого понятия «трансмиссии» в исследовательской литературе предлагаются разные классификации. Так, выделяются вертикальная/горизонтальная, прямая/непрямая модели трансмиссии [Пищик, 2010: 159], а также трансмиссии по идентичности и по эквивалентности [Берто, Берто-Вьям, 1993: 65]. Очевидно, что в семье формируется определенный образ социального продвижения, обусловленный имеющимися в наличии разного рода капиталами (символический, социальный, культурный), а также ценностями и традициями, транслируемыми в последующие поколения. В социологии повседневности классическим является утверждение А. Шюца о том, что «лишь очень малая часть знания о мире рождается в личном опыте. Большая часть имеет социальное происхождение и передается друзьями, родителями, учителями, учителями учителей» [Шюц, 1988: 132]. В зависимости от этого можно говорить о специфике трансмиссии статуса и воспроизводства профессиональных династий.

Предложим рассматривать структуру модели трансмиссии статуса, состоящую из трех этапов и трех основных элементов. Среди этапов можно выделить: довузовский период, обучение в вузе, профессиональную деятельность. Основными элементами модели выступают: выбор вуза и профессии (самостоятельный или решение семьи), мотивация научной деятельности, идентификация с династией и стремление к ее продолжению.

В ходе реализации проекта различное сочетание рассмотренных элементов позволило выделить три модели трансмиссии статусных позиций в профессиональных династиях: 1) активная преемственность (принятие статуса как осознанной ценности и стремление к нему; самостоятельный выбор вуза и профессии, мотивация к научной деятельности и отношение к профессии как терминальной ценности, возможное приумножение статусного капитала); 2) пассивное сохранение статуса (последующие поколения принимают его как должное и вынужденное; выбор вуза и профессии рассматривается как решение семьи, мотивация вариабельна); 3) отказ/уход от продолжения профессиональной династии. Идентификация с династией и стремление к ее продолжению характерны для всех моделей трансмиссии.

И здесь немаловажна проблема мотива научной деятельности, под которым понимается «ценностная диспозиция, означающая предрасположенность к определенному восприятию условий деятельности и определенному поведению в этих условиях» [Васильева, 2011: 25]. Можно выделить такие мотивы, как исследовательский интерес, творческий и инновационный характер труда; профессиональный рост и карьера в науке, удобные условия труда, служение обществу; достойная оплата труда и регулярное финансовое стимулирование [Шматко, Волкова, 2017: 58]. В зависимости от ведущих мотивов можно говорить о понимании профессии ученого и научной деятельности как терминальной (смысл жизни через служение обществу) и/или инструментальной ценности (статус и материальное благополучие).

Однако научная/академическая среда, как правило, достаточно дифференцирована. Деятельность деда/отца/внука может принадлежать различным наукам. При этом имеет смысл говорить об одной династии, так как следование узкому критерию отнесения к ним, на наш взгляд, вряд ли будет оправданным. Вместе с тем очевидно, что судьбоносный выбор будущей профессии имеет множество оттенков. И в ряде случаев целесообразно и возможно усложнение моделей преемственности некоторыми разновидностями, в связи с указанным процессом трансформации ценностей.

Эвристическим потенциалом при изучении профессиональных династий обладает метод социальных генеалогий, где анализу подвергается семейный нарратив – «коллекция взаимосвязанных биографий членов семьи, которая собирается из устных, письменных и иных источников и складывается в единое полотно» [Ткач, 2007: 276]. В процессе интервью представитель династии рассказывает о себе, о жизни всех членов своей семьи, об их роли в жизни рассказчика и семьи в целом. В семейном нарративе происходит описание и интерпретации культурного и исторического контекстов, сопровождающих жизнь каждого поколения. Центральной фигурой генеалогии преимущественно становится представитель среднего поколения, в биографии которого пересекаются жизненные пути родственников по восходящей и нисходящей линии [там же: 276].

При разработке гайда использована методика биографическо-нарративного интервью З.Г. Розенталя (см: [Рождественская, 2012: 95–108]). Вначале рисовалось генеалогическое дерево династии. Потом заполнялась хронологическая таблица важных, по мнению респондента, этапов его жизни, в том числе в научной сфере. Основной автобиографический рассказ был направлен на получение ретроспективной информации об индивидуальных жизненных и профессиональных траекториях. Вопросы в фазе нарративных распросов были сгруппированы в несколько блоков. Первый включал уточняющие вопросы о ранней истории жизни и семье. Второй был связан с выбором образования и профессии, профессионального пути и роли семьи в профессиональном становлении и развитии. Вопросы третьего блока были посвящены оценке династийного воспроизводства, они рассматривают принадлежность информанта к династии и его вклад, продолжение династии. Реконструкция мотивации выбора профессии представителей предыдущих поколений (в том числе мобилизационного поколения) происходила из рассказа при построении генеалогического древа, нарративного повествования и уточняющих вопросов («Рассказывали ли вам ваши родители/бабушка/дедушка/, как происходил их выбор профессии? Почему они стали учеными?»).

Эмпирическую базу исследования составляют 20 автобиографических нарративных интервью представителей академических династий (март – июнь 2020 г.). Ввиду ограничений в связи с COVID-19 2/3 интервью проходили в онлайн-режиме и 1/3 интервью – в ситуации face-to-face. Территориальная локализация информантов – Москва, Ростов-на-Дону, Самара, Саратов, Таганрог, Томск. Информанты по возрасту, примерно в равных долях, распределены по трем группам: 1) до 40 лет; 2) 41–59 лет; 3) старше 60 лет. Из них: 9 мужчин и 11 женщин. Критерием отбора династии выступало наличие не менее трех поколений, осуществляющих свою профессиональную деятельность в науке. В половине случаев это представители третьего поколения, около трети – второго поколения

и примерно по пятой доле – первого и четвертого¹; 9 докторов наук, 9 кандидатов наук и 2 без ученой степени. В статье анализируются 20 непосредственных историй и 46 опосредованных, когда респондент рассказывает о профессиональном пути представителей династии (1-е поколение – 18; 2-е поколение – 18; 3-е поколение – 7 историй). Отбор информантов – целевой. Рекрутирование семей осуществлялось вне зависимости от конкретной специализации. Однако можно выделить представителей естественных и технических, социально-гуманитарных и медицинских наук. Поиск информантов осуществлялся через личные контакты и социальные сети.

Характеристики трансмиссии профессионального статуса в разных поколениях.

Для характеристики послевоенного периода и всей второй половины XX в. получены сведения не только о самих респондентах, но и об их родителях/прародителях. Это позволило сформулировать предварительные выводы относительно некоторых закономерностей прихода в профессию, трансформации самих моделей трансмиссии для разных поколений. Отталкиваемся при этом от схемы поколений XX в., разработанной отечественными социологами [Левада, 2005: 41–44; Радаев, 2018: 17–18]: 1) «мобилизационное поколение», родившееся до 1938 г., и взросление которого проходило в период 1941–1956; 2) «поколение оттепели», появившееся на свет в 1939–1946 гг. и входившее во взрослую жизнь в период 1956–1964; 3) «поколение застоя», которое родилось в 1947–1967 гг. и взрослело в период 1964–1984; 4) поколение X (реформенное), родившееся в 1968–1981 и взрослевшее в период 1985–1999; 5) поколение Y (миллениалов), родившееся в 1982–2000 и взрослевшее в период 1999–2016. Осознаваемая нами условность применения любой схемы позволяет вводить в классификацию «гибридные» поколения и гибридные же состояния трансмиссии, а также учитывать внутриспоколенческие различия.

Мобилизационное поколение. Анализ опыта вхождения в науку «мобилизационного поколения» (род. до 1938 г.) позволяет сказать, что для его представителей выбор профессии был, как правило, ценностно обусловлен. Люди шли в науку, поскольку, во-первых, сохранявшая свое значение классическая парадигма научного познания способствовала конструированию специфического дискурса, в котором фигура ученого несла в себе элемент «сакральности». Развитие образования в СССР в те десятилетия сделало возможным появление собственно советского высокопрофессионального ученого. Стоит добавить, что в 1946 г. происходит существенное повышение уровня заработной платы научных работников, что положительно сказывается на и без того высоком социальном статусе ученого [Еремеева, 2006: 119–120]. Во-вторых, наука стала одним из авторитетных инструментов помощи людям в трудные периоды (первые пятилетки, Великая Отечественная война, послевоенное восстановление). Неслучайно формирование «народной технической интеллигенции» рассматривается как серьезный вклад в статус профессии. Наконец, этим было просто интересно заниматься. Иными словами, актуализировалась и терминальная ценность. В интервью, которые давали уже потомки тех людей, находим следующие примеры. «Профессиональный путь бабушки – это очень великий путь, этим все должно быть сказано. Она уважаемый ученый, уважаемый учитель, педагог, преподаватель и наставник, потому что она очень увлечена этим, потому что увлечена наукой в принципе ... Это [наука] то, что она ставит выше небес в общем-то» (к.с.н., м., 35 лет, о своей бабушке, д.ф.н, профессоре); «...после войны. Она наложила на него такой отпечаток. Он хотел помогать людям. И ему это было интересно» (к.м.н., ж., 35 лет, о своем дедушке – лор-враче); «...в пятилетку химизации они приехали в Томск для развития химической науки» (д.х.н., м., 42 года, о своих прабабушке (д.х.н., профессор) и прадедушке (д.техн.н., профессор, лауреат Госпремии СССР)); «Она [мама] была заинтересована

¹ О династии можно говорить, если не менее трех поколений занимаются профессиональной деятельностью в одной сфере занятости. В нашем исследовании анализируется опыт династий, насчитывающих до четырех поколений с учетом того, что были взяты интервью у представителей, в том числе, младшего (четвертого) поколения.

наукой, увлечена ею... ездила с рыбаками по дельте нашего Дона замечательного и там собирала всякие образцы, и дома ставила эксперименты... Она блестяще защитила диссертацию... (д.х.н., ж., 72 года, о своей маме к.геол.-мин.н., доценте).

Показателен случай, когда аспирантская стипендия будущего ученого-изобретателя оказалась предпочтительнее кабинета «из китайского красного дерева» (административно-инженерные должности). «Дедушку позвали директором электромеханического завода... Но он зашел к ректору РИИЖТ и тот позвал его к себе в аспирантуру... Никаких лекций, ничего найти было невозможно... Дедушка рассказывал, что ночами просто плакал, когда готовился к лекциям, был на грани нервного срыва. В плане финансов был тихий ужас... Но он выбрал этот путь – открытия, учеников... Изобретение, научный интерес, открытия и ученики – для него это было важно, это была цель жизни» (к.техн.н., доцент, м., 38 лет, о своем дедушке д.т.н., изобретателе электромагнитного тормоза для высокоскоростных рядов).

Интересно, что данный импульс сохранялся и в 1950–1960-е гг., когда на социальную арену выходит уже поколение «оттепели». Социально-политические трансформации советского режима после 1953 г. не могли не сказаться на умонастроении молодых людей, оптимистично смотревших в будущее. Послевоенное поколение было очень предано науке, и факторами такого успеха данной сферы служили колоссальные открытия в естественно-научной и технической областях, отсюда престиж ученых в обществе [Яковец, 2008: 229–230]. Доказательство тезису, что атмосфера «оттепели» способствовала определенной саморефлексии поколения, находим в иных проектах анализа автобиографических нарративов. Так, важен вывод, согласно которому именно образованные представители поколения «оттепели» сформировали дискурс эпохи 60-х как «особого» для них времени [Цветаева, 2015: 120].

Подтверждение некоторой романтизации профессии в ту эпоху находим в текстах интервью. «Жизнь была очень суровая, как и везде в деревне. Это выживание, не жизнь... ну, капитан – это белый китель, фуражка, нарядный, уфф, это фантастика... Да, хотелось быть капитаном, но Гранин победил... Вот, значит, физики, это лампочки мигают, белые халаты, люди в очках с бородами. Очень романтично...» (д.ф.-м.н., м., 71 год, заслуженный деятель науки). Неофициальная победа в споре между «физиками» и «клириками» в те годы способствовала формированию первыми специфической социальной среды, в которой ученому было комфортно и интересно находиться и работать. Впрочем, активную модель трансмиссии воспроизводили не только «физики». В собранных нарративах описание опыта второго поколения позволяет выделить фактор научной повседневности как неперенного условия трансляции научного опыта и передачи культурного капитала.

К примеру: «...когда мама писала диссертацию, я сидела на пятом экземпляре... Тогда же на машинке все печатали... Бабушка считывала первый экземпляр, или мама, а потом надо было везде исправлять. И вот меня сажали...» (д.х.н., ж., 72 года). Представляется, данный эпизод не случайно остался в памяти респондента. По-видимому, здесь можно говорить о так называемом эффекте Эрроу, где само (около)присутствие в детской жизни библиотеки и других научных артефактов как «объективированного капитала» способно оказывать обучающее воздействие и таким образом уже составляет терминальную ценность [Бурдые, 2002: 62–63]. С этим явлением мы неоднократно сталкиваемся в интервью.

Поколение «брежневского периода». Брежневский период наложил свой отпечаток на рассмотренные сюжеты в научной среде. Анализ данных показывает, что интервью представителей «поколения застоя» (род. в 1947–1967) (с небольшим захватом «поколения X», род. в 1968–1981) воспроизводят смыслы, характерные для пассивной модели трансмиссии статуса. В нарративной стадии интервью и потом при ответе на вопросы «Как происходил выбор вуза и специальности?», «Как происходил выбор вами профессии? Какие обстоятельства и какие люди на это повлияли?» все чаще встречаются подобные суждения: «...никакого осознанного выбора заниматься наукой у меня не было» (д.т.н., доцент, ж., 51 год). В некоторых случаях такая модель трансмиссии приводит

к трансмобильности с понижением статуса и прекращением династии: «...я не хотела идти никуда в институты. К моему окончанию школы у меня в каждом институте нашего города работали родственники... Потом педагогическая деятельность, как я от нее ни убегала – да, я как бы умышленно не хотела быть педагогом. А в итоге к этому пришла... и поняла, что я уже не хочу и никогда не хотела сильно. И вот теперь в музее работаю» (преподаватель химии, музейный работник, ж., 54 года).

Обратим внимание на характерное суждение: «Я и не претендовал, чтобы умным считаться. Ну а уже где-то с 8-го класса отец сказал: “Давай, готовься по истории”. Отец определил, но дальше уже надо было самому развиваться» (д.и.н., м., 70 лет). Отсылка к отцу как ключевому фактору профессионального выбора проблематизирует вариант активной преемственности. С другой стороны, несомненные будущие научные достижения самого информанта указывают, насколько сложен сам механизм трансмиссии.

Наши наблюдения в целом соотносятся с данными других социологических опросов, в которых фиксируется, что активность поколения родившихся в 1960–1970-е гг. «лишена целеполагания» [Семенова, 2005: 101]. Объяснить подобные настроения можно тем, что в позднесоветский период изменилась сама трудовая этика советского человека – «труд, который декларировался как главная ценность строек коммунизма, терял свое значение, поскольку он не приносил реального удовлетворения многим работникам» [Пищик, 2010: 81]. К этому стоит добавить: к началу 1980-х гг. число научных работников в СССР составляло почти 1,5 млн человек [Чураков, 2019: 173], что свидетельствует о массовости профессии. В этих социально-исторических условиях образ ученого теряет притягательность избранности.

И все же без обращения к индивидуализированному семейному опыту информантов вышеприведенное объяснение представлялось бы излишне упрощенным. Речь идет о том, что на представителях второго, третьего поколений династий уже определенным образом сказываются *внутренние закономерности* династийной социализации. Опыт родителей, с одной стороны, облегчал восхождение на профессиональном пути, с другой – лишал самого выбора профессии или заведомо ограничивал его вариативность. Характерны следующие признания: «...оба родителя были врачами, у них и других мыслей не было. Ну тогда, в советские годы, это подразумевалось. В основном все было династично» (к.м.н, ж., 35 лет, о маме, д.м.н., 65 лет); «Я думаю, что на мою маму повлияла бабушка сильно... Она пошла учиться на математика, у бабушки основная специальность – физик. А потом мама защищалась по философии. И в этом плане на нее повлияла бабушка» (к.с.н., доцент, м., 35 лет, о маме, д.с.н. 58 лет). Конечно, вряд ли здесь просматривается сознательное и целенаправленное конструирование династичности. Данные примеры скорее демонстрируют наиболее эффективные способы передачи социального капитала, которым обладают сами родители. Косвенным доказательством служит тот факт, что повседневность своего научного взросления представители поколения «застоя» описывают в лучших традициях профессорской культуры.

Покорение X и Y. Рассмотренное выше поколение, несмотря на элементы гибридности, в целом было ориентировано на более пассивное воспроизведение династичности. Распространенность всех трех моделей трансмиссии статуса в следующих поколениях, X и Y, делает оправданной совмещенную аналитику полученных данных.

Активная модель просматривается в следующих признаниях: «...у меня был выбор между двумя профессиями. Я мечтал быть сначала хирургом-кардиологом. А уже ближе к 9–10-му классу я определился, что буду инженером... Я не видел себя математиком, физиком, химиком, биологом, а инженером – всегда» (к.техн.н., доцент, м., 38 лет); «...у него [отца] была работа больше с оборудованием, была посвящена больше физиологии, чем медицине, и я начал чувствовать, что этим я тоже мог бы заниматься. И с класса седьмого я начал склоняться, что я буду поступать в медицинский институт» (д.м.н., хирург-трансплантолог, м., 43 года). Биографический нарратив обоих респондентов конструируется по заданной логике: с детства помещенные в профессиональную среду родителей/

родителя, они с неизбежностью в достаточно раннем возрасте делают свой выбор, сохраняя династийную направленность. Вариативность оказывается возможной лишь внутри избранной научной отрасли.

Не менее популярной оказывается и пассивная модель. Интересный случай представлен в следующем отрывке: *«Мне все время казалось, я был твердо уверен, что я точно не буду заниматься научной работой, потому что она мне не нравилась, не нравится и нравиться не будет. ... Но идя по пути наименьшего сопротивления, я попал на физический факультет. Там мне учиться нравилось. ... Я помню, что когда поступил, у меня была твердая уверенность, что я отучусь и точно больше не буду этим заниматься. Но всю свою жизнь я качусь с небольшими ответвлениями по дороге, которая как нарисована. Хочу я того или нет, я даже сворачиваю в сторону, а она меня все равно назад выводит. При этом оно неплохо получается, – катиться. Можно катиться плохо, а можно успешно»* (д.ф.-м.н., м., 40 лет). При обсуждении данного случая возникают вопросы поиска внутренней мотивации, являющейся ресурсной для нашего респондента. В целом становится ясным, что пассивная модель трансмиссии статуса в научных династиях – норма в процессе воспроизводства профессии. Как уже было показано, это может быть обусловлено и внутренними закономерностями. Кроме того, следует учитывать тот факт, что сама специфика научного труда предполагает наличие определенных качеств от будущего ученого, где тип «фанатика», настроенного только на творческую реализацию, далеко не самый распространенный [Зубова, 1998: 47]. С другой стороны, очевидно, что профессиональная реализация и, как следствие, поддержание династийности возможны при условии внутреннего «присвоения» профессии самим актором. Возникает ощущение, что этого-то присвоения в описанном случае и не произошло. Подобные случаи не единичны (ср.: «... Сначала, я не могу сказать, что мне это нравилось, это было сопряжено с каким-то внутренним конфликтом... А потом, как ни странно, все-таки я вошла во вкус... И в науку я тоже пришла с интересом» (д.т.н., ж., 51 год)).

Наконец, встречается модель отказа/ухода – транспрофессиональная мобильность: *«Я не видел себя нигде... Не было четкого понимания, что я хочу, какие профессии мне интересны. Так что выбор был сделан по рекомендации родителей, это не был собственный выбор... Проработал в медицине на управленческих должностях... в феврале я открыл частную компанию... Я предприниматель в сфере здравоохранения»* (терапевт-онколог, предприниматель, м., 31 год; отец информанта – д.м.н., профессор). Очевидно, что здесь в ситуации осознания невозможности реализации в наследуемой профессии произошло «переориентирование» младшего поколения с достижения целей профессиональной преемственности к целям материального благополучия и надежным социальным лифтам [Мансуров и др., 2022: 157].

Интересно, что в интервью можно встретить и примеры обратной транспрофессиональной мобильности: *«Я не планировал становиться преподавателем, заниматься научной деятельностью. Но как-то со временем к этому пришел... Но проработав год в сфере торговли, я как бы решил, что мне этим заниматься не очень интересно. И все ж таки, наверное, целесообразней будет пойти по этой вот стезе, которая связана именно с преподавательской деятельностью, защитами, поступлением в аспирантуру ...»* (д.с.н., м., 42 года). Оба случая весьма характерны для соответствующего им социально-исторического контекста, который сформировался в последнее пятнадцатилетие XX в. Речь идет о так называемой разгерметизации отечественного научного сообщества, реализующейся, с одной стороны, через «миграцию» ученых в другие профессиональные области (политика, бизнес), с другой – в обратном процессе включения в научную/вузовскую среду при опосредованном использовании традиционных институтов научной профессионализации и социализации (см.: [Еремеева: 2006: 167–173]). Социально-политические трансформации этого периода негативно сказались на экономическом положении ученых. В результате уход из профессии объяснялся не только экзистенциальным выбором, но и более прагматическими причинами. С другой стороны, эта же разгерметизация сделала более реальной возможность прихода в профессию «со стороны». Хотя упомянем, что в последнем приведенном случае в дополнение к этому традиционно сработал и социальный

капитал семьи респондента: воспитание в высококультурной семье, привившей значимость знания, книги, далее – знакомства отца при поступлении в аспирантуру и т.д.

Можно наблюдать, как это поколение демонстрирует своего рода гибридность – смешение активной и пассивной моделей трансмиссии. На стадии выбора вуза и профессии – пассивная модель, но при этом высокая степень удовлетворенности от выбранной профессии, отсутствие разочарованности, вовлеченность в профессию и позиционирование себя как профессионала. «В школе я не очень хотела идти в медицинский, хотя папа на этом настаивал, я хотела пойти по его стопам в строительный. Но в итоге в 10-м классе я согласилась... Я не была разочарована, мне сразу все понравилось» (к.м.н., ж., 35 лет); «У меня уже интерес к науке больше только в университете появился, когда начали нравиться какие-то темы конкретные, которые проходили на лекциях, обсуждали на практических занятиях. И к третьему курсу у меня в голове оформились свои предпочтения в области какой-либо профессии и специальности. Но до этого, думаю, нет» (к.п.н., м., 30 лет).

Данный опыт базируется более на стратегиях личного достижения и успеха, реализации своей субъектности. Одновременно он показывает, что и в условиях неопределенности оказывается возможным частичный возврат к константным научным ценностям, как то: вкус к исследовательской работе, защита диссертации. Вполне возможно, что здесь реализуется тот самый механизм передачи образцов через поколение (дед – внук) [Дубин, 2002: 15], сближая рубежное «поколение X и Y» с поколением их прародителей.

Подтверждение нашим наблюдениям встречаем и в других социологических проектах. Молодые люди, входившие во взрослую жизнь с 1990-х гг. и далее, качественно отличались от своих родителей по ряду признаков: большая раскрепощенность, гедонизм, установка на личные достижения [Левада, 2005: 46–50; Семенова, 2005: 102–105]. Понимание трансмиссии как «способности ориентироваться в изменяющемся мире» [Черныш, 2013: 46] позволяет оценить специфику влияния на социальные процессы экономической и политической атмосферы перестроечной и постсоветской России, в которой происходило их взросление. Этим и можно объяснить практики ухода из семейной профессии, отказ от ригоризма в научной деятельности, с одной стороны, и в то же время личное экспериментирование, растущую увлеченность профессией наших информантов. Впрочем, тогдашняя атмосфера была способна повлиять не только на поколения X и Y. Респонденты приводят примеры актуализации профессионального опыта поколений в иных социальных и культурных условиях: «Ей хотелось изменить мир, и она считала, что это получится, потому что несмотря на все проблемы, которые обрушились на нашу страну в 90-е годы, это было время и надежд в том числе» (к.с.н., м., 35 лет, о маме, д.с.н., 58 лет).

Но очевидно и то, что в молодом поколении наблюдается интерес к науке как терминальной ценности. Подтверждение этому находим опять же в практиках научной повседневности, с неизменной стабильностью конструирующих профессиональный путь будущих ученых. Интервью содержат информацию, как запускаются механизмы вовлечения в профессию последующих поколений. Как правило, респонденты охотно рассказывали о семейных разговорах на профессиональные темы, о своих попытках участвовать в этих беседах: «Помню, что [разговоры о науке, о преподавании] – это был постоянный фон в жизни. Всегда. Постоянные обсуждения каких-то диссертаций, каких-то студентов, аспирантов, преподавателей, профессоров, доцентов... В общем, вокруг вот этой вот профессиональной деятельности» (к.с.н., м., 35 лет).

Описывался трудовой быт родителей, которому они были свидетелями: «Я все время помню, я просыпаюсь, почему-то темно в комнате, и папа работает в этой комнате, я вижу его спину, под настольной лампой. И я вылезаю из этой люльки... и кругом книги, книги, книги...» (к.ф.н., ж., 52 года). «Когда я приходила к маме на работу, и большую аудиторию занимал так называемый кабинет истории... я там смотрела газеты... А рядом была библиотека... Вот сейчас я рассказываю и думаю, что, наверное, это все у меня впечатление и создавало какое-то тоже детское: образ знакомства с книгами, не знаю там, это все, обстановка, библиотека, ученые» (к.и.н., ж., 46 лет). Характерно, что эти образные зарисовки созданы как будто по принципу гештальта, где отдельные элементы функционально связаны. К примеру, возле трудившегося

отца, как правило, должны быть книги, а описание библиотечной обстановки отсылает к учебной повседневности. Обязательным сюжетом, собственно, и был рассказ о роли книг («объективированный капитал», по П. Бурдьё) и чтения в их образовании, постижении жизни в целом: «Читал очень много книжек. Отец с матерью все время покупали книжки, тратили на них большие деньги. В результате сейчас квартира вся в книгах» (д.с.н., м., 42 года).

Ориентация на интересы семьи и чувство долга перед ней пронизывают биографии представителей всех моделей трансмиссии статуса. Идентификация себя как члена династии присутствуют практически у всех информантов. И кардинальных отличий у представителей активной и пассивной моделей не наблюдается, за исключением случаев прекращения династии. Ответы на вопрос «Можете ли вы сказать, что вы принадлежите к профессиональной династии?» во всех случаях фиксируют чувство принадлежности, но с разной степенью эмоциональной окрашенности. Однако представители модели ухода, а в данных случаях – трансмобильности по-разному артикулируют свою связь с династией. Или продолжают осознавать ее: «В принципе, наверно, есть династия» (терапевт-онколог, предприниматель, м., 31 год (отец информанта – д.м.н., профессор)), или настаивают на разрыве: «...Династии – ведь они тяжело отпускают, особенно если она такая мощная. Тяжело из нее вылезти. Тебе всегда говорят “а вот если бы пошел туда? было бы все хорошо” ...нет (не принадлежу)...» (преподаватель химии, музейный работник, ж., 54 года).

Заметим также, что во всех интервью при рассказе о принадлежности к династии поднимается вопрос об ответственности перед семьей и соответствии семейной репутации: «Да, я могу это сказать. Я должна соответствовать... Я считаю, что я не подвела свою династию, память отца... Хотелось бы соответствовать мне тому уровню, который был достигнут моими предками... Не превысить как бы их... У меня не было никогда цели стать лучше их, но хотя бы не опозориться, ...и быть просто хорошим профессионалом» (к.и.н., ж., 46 лет); «Я не делаю ничего порочащего. Понимаете, моего дедушку, его фамилию знали во всей системе Министерства путей сообщения» (к.т.н., доцент, м., 38 лет).

Очевидно, что профессиональный статус нельзя передать прямым путем, но можно создать условия, чтобы осуществилась профессиональная преемственность между поколениями. Для их реконструкции в гайд интервью включен вопрос: «Хотели бы вы, чтобы ваши дети и/или внуки продолжили династию?» Выяснилось, что все информанты были бы не против, отметив, что заставлять никого не будут: «Там видно будет. Но это должен быть самостоятельный выбор» (д.и.н., профессор, 70 лет). Все говорят о том, что готовы помогать своим детям/внукам: «Я скажу: “Отлично, хорошо, я тебе помогу во всем”. Но буду рад только тогда, когда пойму, что она себя в этой медицине нашла, занимается любимым делом, у нее все получается» (д.м.н., профессор, м., 43 года); «Я не хотел бы, чтобы это было через силу. ...А если я увижу, что они захотят [мою профессию], мне будет проще им помочь, без проблем» (д.ф.н., профессор, зав. лаб., 71 год).

Можно отметить и сохраняющийся потенциал династийных ценностей. Даже у представителей модели ухода из династии, в ситуации трансмобильности, обнаруживается желание продолжить династию вкупе с сожалением, что в настоящий момент династия прервана. Характерно такое признание: «Я думаю, у дочери бы моей получилось, но ей не повезло с педагогом. У нее бы вышло все хорошо. Ее все-таки учила тетя моя... У нее бы получилось, я точно знаю. И я бы гордилась ею, я точно знаю... Но вообще это хорошая история, вы знаете, ну, лирическая – про династии. Это хорошо, когда семья, когда все одним делом горят, ну, утопия это, наверно, какая-то, ну это хорошо» (преподаватель химии, музейный работник, ж., 54 года). Показательно, что на протяжении всего интервью наблюдалось отстранение от династийности. И при этом надежды информанта возлагаются на будущие поколения.

Таким образом, можно говорить, что в ситуации «объективного» истощения количества научных династий в постсоветской России [Леденева, 2005] остается их потенциал в виде ценностей, в том числе репутационных, сохраняющих свою актуальность и зачастую разделяемых даже теми, кто покинул пространство династийности.

Заключение. Сформировавшаяся во второй половине XIX в. профессорская культура установила канон научной повседневности, практик передачи знаний, опыта в семьях ученых. В XX в., с одной стороны, соблюдаются практики сохранения научных традиций в виде конструирования коллективной памяти, применения отработанных образовательных стратегий. С другой – классическая династичность трансформируется перед вызовами времени и реализуется через диалектическое отрицание ценностного опыта предшествующего поколения. Согласимся с Б.В. Дубиным, отметившим в России XX в. «возвратно-негативный тип связи между “старшими” и “младшими”» поколениями [Дубин, 2002: 14]. Так, активная преемственность послевоенного и «оттепельного» поколений, вызванная реформенным духом 1950–1960-х гг. и значительными научно-техническими прорывами, в брежневский период сменяется более пассивной моделью профессионального наследования и восприятия своей династичной принадлежности (поколение «застоя»). Причиной этого может быть переход к консервативной модели экономического и политического развития, негативно сказавшийся на трудовой этике советского народа. К тому же меняется сам образ ученого. С другой стороны, следует учитывать и внутренние закономерности воспроизводства профессии (переход от первого ко второму поколению). Добавим, что для первых поколений из числа анализируемых приход в профессию был связан с отношением к науке как терминальной ценности, в то время как последующие поколения могли демонстрировать вариации терминального и инструментального понимания профессии. Полный набор моделей трансмиссии профессионального статуса демонстрирует опыт реформенного и постреформенного (X и Y) поколений: активная, пассивная модели и транспрофессиональная мобильность, свидетельствующая о «разгерметизации» научного сообщества. В условиях трансформации экономической, политической и социальной структур в России 1990-х гг. оказались возможными гибридные модели трансмиссии: частичный возврат к константным научным ценностям, при этом базирующийся более на стратегиях личного достижения и успеха, реализации своей субъектности. Но и сегодня идентификация с династией, чувство гордости за принадлежность к ней и понимание высокого уровня ответственности перед семьей – обязательны для дальнейшего воспроизводства династий, независимо от модели трансмиссии статуса. «Династии не отпускают» и постоянно стремятся к воспроизводству.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Берто Д., Берто-Вьям И. Семейное владение и семья: преемственность и социальная мобильность, прослеживаемые на пяти поколениях // Социологические исследования. 1992. № 12. С. 132–140; 1993. № 2. С. 58–67.
- Бурдые П. Формы капитала // Экономическая социология. 2002. № 5. С. 60–74.
- Васильева Е.В. Мотивация научной деятельности ученых Дальнего Востока в условиях вторичной институционализации отечественной науки // Социология науки и технологий. 2011. Т. 2. № 1. С. 25–47.
- Дубин Б.В. Поколение: социологические границы понятия // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2002. № 2. С. 11–15.
- Еремеева А.Н. Российские ученые в условиях социально-политических трансформаций XX века. Курс лекций. СПб.: Нестор, 2006.
- Зубова Л.Г. Мотивация научного труда: результаты типологического анализа // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 1998. № 2. С. 47–53.
- Левада Ю.А. Поколения XX века: возможности исследования // Отцы и дети: поколенческий анализ современной России. М.: НЛО, 2005. С. 39–60.
- Леденева Л. Уходящая династия? // Информационный выпуск Пресс-службы РАН (26 августа – 2 сентября 2005 г.) URL: https://www.ras.ru/digest/showdnews.aspx?_language=ru&id=88541eda-80cd-4eef-88dd-c2556a327200 (дата обращения: 10.02.2024).
- Мангейм К. Очерки социологии знания: Проблема поколений – состоятельность – экономические амбиции. М.: ИНИОН, 2000.
- Мансуров В.А., Иванова Е.Ю. и др. Профессиональные династии как социальный ресурс и социально-культурный капитал: направления исследования // Россия реформирующаяся: ежегодник / Отв. ред. М.К. Горшков. Вып. 20. М.: Новый Хронограф, 2022. С. 149–175.

- Пищик В.И. Ментальность поколений: психологические исследования. Ростов н/Д: РО ИПК и ПРО, 2010.
- Попова И.П. Формирование карьерного старта в науке: влияние семьи и социального контекста // Социологические исследования. 2021. № 12. С. 101–112. DOI: 10.31857/5013216250017245-2.
- Радаев В.В. Миллениалы на фоне предшествующих поколений: эмпирический анализ // Социологические исследования. 2018. № 3. С. 15–33. DOI: 10.7868/50132162518030029.
- Рождественская Е.Ю. Биографический метод в социологии. М.: ВШЭ, 2012.
- Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. Антропологические исследования профессий // Антропология профессий: Сб. науч. тр. Саратов: Научная книга, 2005. С. 13–50.
- Семенова В.В. Современные концепции и эмпирические подходы к понятию «поколение» в социологии // Отцы и дети: поколенческий анализ современной России. М.: НЛО, 2005. С. 80–108.
- Семенова В.В. Социальная динамика поколений: проблемы и перспективы. М.: РОССПЭН, 2009.
- Ткач О. Изучение истории семьи как стратегия качественного исследования // Российский гендерный порядок: социологический подход. СПб.: ЕУСПб, 2007. С. 265–288.
- Цветаева Н.Н. Память о советском прошлом в автобиографических нарративах (опыт интерпретации материалов биографического фонда) // Наше прошлое: ностальгические воспоминания или угроза будущему? СПб.: Эйдос, 2015. С. 118–125.
- Черномазова Ю.А. Поколение как жизненный мир: традиция феноменологических исследований генеративной проблематики // Kant. 2022. № 1 (42). С. 181–185.
- Черныш М.Ф. Трансмиссия культурного капитала и социальная мобильность // Социологические исследования. 2013. № 8. С. 42–53.
- Чураков Д.О. Советское общество 1970-х гг.: направления и тенденции развития: курс лекций. М.; Б.: Директ-Медиа, 2019.
- Шматко Н.А., Волкова Г.Л. Служба или служение? Мотивационные паттерны российских ученых // Форсайт. 2017. Т. 11. № 2. С. 54–66.
- Шюц А. Структура повседневного мышления // Социологические исследования. 1988. № 2. С. 129–137.
- Яковец Ю.В. Послевоенное поколение. Научно-мемуарные очерки. М.: ИЭС, 2008.

Статья поступила: 22.06.23. Финальная версия: 23.05.24. Принята: 08.10.24.

“I DEFINITELY WOULD NOT BE DOING SCIENCE...”, OR FEATURES OF THE STATUS TRANSMISSION IN SCIENTIFIC DYNASTIES IN RUSSIA

ISAEV D.P.*, POSUKHOVA O. Yu.*

*Southern Federal University, Russia

Dmitry P. ISAEV, Cand. Sci. (History), Assoc. Prof., Department of Russian Medieval and Modern history, Institute of History and International relations (disaew@mail.ru); Oxana Yu. POSUKHOVA, Cand. Sci. (Sociol.), Assoc. Prof., Department of Regional Studies and Eurasian Studies, Institute of Sociology and Regional Studies (belloks@yandex.ru). Both – Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia.

Abstract. The article discusses the problem of value orientations in scientific dynasties of Russia in the 20th century. An interdisciplinary historical, sociological and anthropological perspective focused on a socio-historical approach was applied to the study of intergenerational interaction. Evolved on the developed classification of transmission status models in professional dynasties, the authors sought to identify the features and patterns of the choice of certain types of succession by members of the dynasties during a specified period. The following observations were made with the help of sociological data. Hence, according to the study, the reform spirit of the 1950s – 1960s corresponds to the model of active succession. The transition to a conservative model of political and economic development of the country in the Brezhnev period, and the evolution of the image of a scientist as a mass researcher lead to the spread of a passive model of professional inheritance. However, the internal patterns of mastering professional practices in academic families should be also accounted. Moreover, in the context of socio-political and economic transformations in Russia in the 1990s, subsequent generations “X” and “Y” demonstrate a full set of models for the professional status transmission, such as transprofessional mobility, active and passive models. Under conditions of “depressurization” of the scientific community, hybrid transmission models, characterized by a partial return to basic scientific values, enriched by the actualization of subjective life experience, turned out to be possible.

Keywords: generation, generational research, scientific dynasty, professional dynasty, status transmission, scientific everyday life, social capital, succession.

REFERENCES

- Bertaux D. Bertaux-Wiame I. (1992; 1993) Family ownership and the family: continuity and social mobility, traced across five generations. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 12: 132–140; No. 2: 58–67. (In Russ.)
- Bourdieu P. (2020) Forms of capital. *Ekonomicheskaya sociologiya* [Economic Sociology]. No. 5: 60–74. (In Russ.)
- Chernomazova Yu.A. (2022) Generation is a life world: the tradition of phenomenological research in generative problems. *Kant*. No. 1 (42): 181–185. (In Russ.)
- Chernysh, M.F. (2013) Cultural capital transmission and social mobility. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 8: 42–53. (In Russ.)
- Churakov D.O. (2019) *Soviet Society of the 1970s: trends and trends of development: a course of lectures*. Moscow; Berlin: Direkt-Media. (In Russ.)
- Cvetaeva N.N. (2015) The Memory of the Soviet Past in Autobiographical Narratives (experience in interpreting the materials of the Biographical fund). In: *Our past: nostalgic memories or a threat to the future?* St. Petersburg: Ejdos: 118–125. (In Russ.)
- Dubin B.V. (2002) Generation: sociological boundaries of the concept. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i socialnie peremeny* [Monitoring of public opinion: Economic and Social Changes]. No. 2: 11–15. (In Russ.)
- Eremeeva A.N. (2006) *Russian scientists in the conditions of socio-political transformations of the XX century*. Course of lectures. St. Petersburg: Nestor. (In Russ.)
- Ledeneva L. (2005) Outgoing dynasty? *Information release of the Press Service of RAS* (August 26 – September 2, 2005) [Online]. URL: https://www.ras.ru/digest/showdnews.aspx?_language=ru&id=88541eda-80cd-4eef-88dd-c2556a327200 (accessed 10.02.2024). (In Russ.)
- Levada Yu.A. (2005) Generations of the XX century: research opportunities. In: *Fathers and Children: a Generational Analysis of Modern Russia*. Moscow: NLO: 39–60. (In Russ.)
- Mannheim K. (2000) *Essays in the Sociology of Knowledge: The Problem of Generations – Competitiveness – Economic Ambition*. Moscow: INION. (In Russ.)
- Mansurov V.A., Ivanova E. Yu. et al. (2022) Professional dynasties as a social resource and socio-cultural capital: areas of research. In: *Reforming Russia: Yearbook*. Vol. 20. Moscow: Novyj Hronograf: 149–175. DOI: 10.19181/ezheg.2022.6. (In Russ.)
- Pishchik V.I. (2010) *Generational mentality: psychological research*. Rostov-on-Don: RO IPK i PRO. (In Russ.)
- Popova I.P. (2021) Formation a career start in science: influence of family and social context. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies]. No. 12: 101–112. DOI: 10.31857/S013216250017245-2. (In Russ.)
- Radaev V.V. Millennials compared to previous generations: an empirical analysis. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies]. No. 3: 15–33. DOI: 10.7868/S0132162518030029. (In Russ.)
- Romanov P.V., Iarskaya-Smirnova E.R. (2005) Anthropological studies of professions. In: *Anthropology of professions*. Saratov: Nauchnaya kniga: 13–50. (In Russ.)
- Rozhdestvenskaya E. Yu. (2012) *The Biographical method in Sociology*. Moscow: VSHE. (In Russ.)
- Schutz A. (1988) The structure of everyday thinking. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies]. No. 2: 129–137. (In Russ.)
- Semenova V.V. (2005) Modern concepts and empirical approaches to the concept of “generation” in sociology. In: *Fathers and Children: a Generational Analysis of Modern Russia*. Moscow: NLO: 80–108. (In Russ.)
- Semenova V.V. (2009) *Social dynamics of generations: problem and reality*. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)
- Shmatko N.A., Volkova G.L. (2017) Service or Devotion? Motivation Patterns of Russian Researchers. *Forsait* [Foresight]. Vol. 11. No. 2: 54–66. (In Russ.)
- Tkatch O. (2007) The study of family history as a strategy for qualitative research. In: *The Russian gender order: a sociological approach*. St. Petersburg: EUSPb. (In Russ.)
- Vasil'eva E.V. (2011) Far Eastern Scientists' Motivation for Research Work under Reinstitutionalization of National Science. *Sociologiya nauki i tekhnologii* [Sociology of Science and Technology]. Vol. 2. No. 1: 25–47. (In Russ.)
- Yakovcev Yu.V. (2008) *The post-war generation. Scientific memoir essays*. Moscow: IES. (In Russ.)
- Zubova L.G. (1998) Motivation of scientific work: results of typology analysis. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i socialnie peremeny* [Monitoring of public opinion: Economic and Social Changes]. No. 2: 47–53. (In Russ.)

© 2024 г.

И.О. ШЕВЧЕНКО, Т.В. БЕЛЕЦКАЯ

СИМВОЛИЧЕСКИЙ КАПИТАЛ МЕСТА КАК КОНСТЕЛЛЯЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ СМЫСЛОВ (на примере Калининградской области)

ШЕВЧЕНКО Ирина Олеговна – доктор социологических наук, профессор Российского государственного гуманитарного университета, Москва (sheviren@yandex.ru); БЕЛЕЦКАЯ Татьяна Витальевна – ст. преподаватель Балтийского федерального университета имени И. Канта, Калининград (beletskaya.t@gmail.com). Обе – Россия.

Аннотация. Авторами выявляется потенциал концепции символического капитала П. Бурдьё, разработанной им относительно позиционирования агентов в социальных структурах, применительно к анализу имиджа территорий. Символический капитал мест (территорий) представляет собой констелляцию (взаимодействие) социальных смыслов, производимых социальными агентами на основании сложившихся схем восприятия (габитусов). Поскольку в символическом пространстве репрезентируются социальные различия и отношения господства, то продвижение имиджа/бренда места оказывает существенное влияние на территориальную идентичность, социальное неравенство, динамику социальной мобильности. На примере Калининградской области показано, что взгляды П. Бурдьё на сущность символического капитала и природу символической власти открывают новые возможности критического осмысления социальных проблем, связанных с практиками символизации, позволяют эксплицировать скрытые интересы политических и экономических акторов в сфере территориального управления.

Ключевые слова: символический капитал • П. Бурдьё • социология города • территориальная идентичность • брендинг мест

DOI: 10.31857/S0132162524100108

Постановка проблемы. Развитие технологий и средств коммуникации значимо меняет характер территориальной конкуренции, в которую сегодня вовлечены страны и регионы, крупные и малые города. Ввиду этого все более серьезное воздействие на пространственную локализацию и мобильность оказывают не только экономические, но символические факторы. Это обуславливает рост научного интереса к исследованию символических смыслов, связанных с местами и территориями, который носит междисциплинарный характер [Федотова, 2018: 141]. В географии разрабатывается понятие «социографического пространства», под которым подразумевается «географическое пространство, “нагруженное” культурными смыслами», в котором «формируются взаимосвязанные образы отдельных территорий и их ценностные иерархии» [Замятина, 2012: 162]. В социалингвистике используется концепт «ландшафт», определяемый как «образ окружающей среды, способы ее символической репрезентации» [Чернявская, 2023: 55]. В культурологии эксплуатируется

понятие «культурного кода» – способа «хранения, репрезентации и трансляции культурных смыслов в социальном пространстве» [Федотова, 2022: 11].

Наряду с дискуссией о символических смыслах в научной среде, в национальном и региональном менеджменте распространение получила практика «брендинга мест», заключающаяся в целенаправленном формировании положительного имиджа территории. Идея, что «места» могут быть брендированы подобно продуктам, принята многими правительствами, вселяя веру, что внутренние проблемы можно решать за счет красивого логотипа, брендбука и рекламы [Anholt, 2008: 2]. Однако очевидно, что маркетинговые стратегии в случае территорий не работают сами по себе. Места неотрывно связаны с проживающими в них сообществами, так что недостаток понимания *социальной природы* символизации и порождаемых ею *социальных* эффектов зачастую приводит к проявлению негативных последствий «продвижения» территорий – к росту социального напряжения, размыванию территориальной идентичности, овертуризму и т.п. [Наумова, Савельев, 2019: 27; Trueman et al., 2007: 20]. Тем самым актуализируется необходимость применения социологических теорий и методологий в изучении процессов символизации территорий.

Наиболее перспективной представляется концепция символического капитала П. Бурдьё, набирающая популярность в территориальных исследованиях [Федотова, 2018; Столбов, Тежикова, 2019; Евменов, Благова, 2021]. Критический взгляд французского ученого на социальную структуру общества, природу неравенств и основания господства оказывается весьма востребован при изучении образа памятного места, его символических ресурсов, путей и инструментов его продвижения и популяризации [Savage, 2011; Wacquant, 2018]. В то же время логика экстраполяции концепции на разные локации остается не до конца развернутой.

Цель нашего исследования – раскрытие возможностей применения концепции символического капитала при изучении практик символизации мест. Хотя в целом оно посвящено обобщению широкого круга междисциплинарных исследований по проблематике территориальных смыслов в контексте теории символического капитала, для лучшего понимания выдвигаемые положения эксплицируются на примере Калининградской области. Такой выбор обусловлен тем, что процессы символизации имеют наиболее сложное выражение в регионах, отличающихся переплетением культур, наличием угроз политической дестабилизации, интенсивной и сложно предсказуемой динамикой социальных процессов. Географическая и историческая специфика российского полуанклава не раз попадала в фокус научного интереса [Берендеев, 2007; Гаврилина, 2013; Задорин, 2018; Кришталь и др., 2019; Вендина и др., 2021]. В контексте актуальных внешнеполитических обстоятельств она переживает новый виток масштабных изменений. При таком ракурсе объектом анализа является символическое значение места, а предметом – прикладной потенциал концепции Бурдьё в выявлении особенностей и проблем символизации калининградского региона.

Следует отметить, что хотя далее при исследовании символического капитала мест мы будем обращаться, прежде всего, к примерам города и региона, само понятие «места» не определяется лишь территориально-административными границами (см. подробнее о концепции пространства мест [Бороноев, Тхакахов, 2021]). В контексте современных подходов «место» трактуется как «нечто большее, чем просто физическое местоположение» [Easthope, 2004: 137]. Под «местами» мы подразумеваем области сопряжения физического и социального пространства, специфические «узловые точки в сетях социальных отношений» [там же]. В зависимости от фокуса и масштаба исследования под местом может подразумеваться страна, регион, городской район (как остров Канта в центре Калининграда) и даже отдельный дом (например, Кафедральный собор на острове Канта).

Символический капитал: от характеристики субъекта к характеристике территории. Одна из первых и наиболее популярных трактовок символического капитала дана П. Бурдьё в «Практическом смысле», где он определяет его как своеобразный кредит, который предоставляется какой-либо группой на основании веры [Бурдьё, 2001: 102].

Символический капитал, таким образом, – это своего рода капитал доверия, формирующийся на основании репутации, чести, престижа, социальных связей и т.п. [там же].

Здесь нужно подчеркнуть, что носителями символического капитала у Бурдьё выступают субъекты социальных отношений. Поэтому применение его теории по отношению к территориям представляет развитие концепции.

Главная перспектива открывается в возможности фиксации «конструктивной взаимосвязи» между местом и личностью, которую Э. Кейси обнаруживает в трудах Бурдьё [Casey, 2001: 406]. Под местом он подразумевает «непосредственное окружение моего живого тела и его истории, включая всю накопленную историю культурных и социальных влияний и личных интересов, которые составляют историю моей жизни» [там же: 404]. В контексте такого понимания он замечает, что «хотя Бурдьё не ссылается конкретно на место, оно повсюду присутствует в его обсуждении габитуса» [там же: 410].

Потенциал теории Бурдьё для урбанистических исследований раскрывает британский социолог М. Сэвидж [Savage, 2011: 512], пытаясь реконструировать «утраченную» (незамеченную) социологию города Бурдьё. Бурдьё признавал неразрывную взаимосвязь социального и обитаемого пространства: «Положение агента в социальном пространстве выражается в месте физического пространства, где находится этот агент» [Bourdieu, 1999: 124]. Сопутник Бурдьё Л. Вакан отмечает, что его идеи «открывают путь к переосмыслению урбанизма как области накопления, дифференциации и оспаривания многообразных форм капитала, что превращает город в центральную площадку, продукт и приз исторической борьбы» [Wacquant, 2018: 90].

В современной социологии растёт интерес к исследованию социальных смыслов, «вкладываемых» в пространство [Филиппов, 2008: 116]. В интерпретациях символического капитала места центральное внимание также обращается на его *осмысление* (*означение*) [Евменов, Благова, 2021: 25]. Так, в рамках культурологического подхода Н.Г. Федотова определяет символический капитал как «совокупность значимых элементов (смыслов) территориальной среды, которые обеспечивают локальному месту узнавание, известность, престиж, доверие к нему со стороны различных социальных групп» [Федотова, 2018: 144]. Основываясь на коммуникативной методологии, под территориальными смыслами она предлагает понимать «единицы передачи символической информации о территории» [там же: 142]. С экономической позиции под символическим капиталом понимают «капитал известности региона, основной фактор его привлекательности и узнаваемости», «нематериальный актив, заложенный в основу бренда, который служит базисом для культурного и экономического развития» [Евменов, Благова, 2021: 27].

Мы предлагаем рассматривать *символический капитал места как констелляцию (взаимодействие) социальных смыслов, производимых различными социальными агентами в отношении мест и территорий* на основании ранее усвоенных ими схем восприятия. Объективные характеристики территории (и проживающего на ней сообщества) могут различно осмысливаться и оцениваться со стороны социальных акторов в зависимости от присущего им габитуса. В процессе социальных взаимодействий происходит столкновение, обсуждение и уточнение сложившихся мнений о территории.

Case-study советского Калининграда как анти-Кенигсберга. Проблема символического присвоения места, обретения «дома» в калининградском контексте обретает особые коннотации.

После окончания Второй мировой войны эта область Восточной Пруссии была заселена советскими переселенцами, которые реконструировали привычный быт в незнакомых условиях. В характерной для того времени и идеологически обоснованной ситуации осуждения и «забвения» следов враждебной немецкой действительности это было сложно и, естественно, рождало сомнения в будущем. Отсюда берут исток проблемы непостоянства, неукоренненности, временщичества, не без оснований приписываемые калининградскому социуму.

В отсутствие возможности обращения к местному историческому и культурному наследию основное приращение символического капитала осуществлялось в советские времена преимущественно с опорой на политические и экономические ресурсы. Особенное место отводилось военным подвигам при штурме Кенингсберга в 1945 г., стратегическому и хозяйственному значению региона. Со временем Калининградская область укрепляется в образе военного форпоста, морского порта, края тружеников. Тем не менее в советский период начали формироваться негативные компоненты в восприятии области как удаленной, закрытой, милитаризованной, бедной на культурные достопримечательности и неподходящей для отдыха.

Функциональное использование сохранившихся немецких зданий, кирх, замков в бытовых, общественных и культурных целях способствовало постепенному снятию напряжения по отношению к «вражескому наследию» и пробуждению у калининградцев естественного интереса к истории теперь уже своей земли. На это изменение значимо повлияло включение объектов физического пространства прошлого в повседневные социальные практики.

Несмотря на память о трагических событиях Великой Отечественной войны, ежедневный социальный опыт приобщения постепенно снижал отчуждение и неприятие немецкой культуры [Резвухина, 2020: 199]. Сложно воспринимать как «вражеские» немецкие здания, ставшие местами проживания, учебы, работы и т.п. Конечно, наиболее удачным было закрепление за экс-немецкими объектами культурной функции, как, например, в случае Музея янтаря, открытого в 1979 г. в крепостной башне «Дона».

Символический капитал, брендинг мест и конкурентная идентичность. Допущение возможности сознательного управления смыслами стимулировало активное развитие в последние годы исследований и практик, посвященных целенаправленному формированию положительного имиджа территории, в частности, брендинга мест.

На фоне теоретических рассуждений о возможностях символизации мест имиджевые и брендинговые стратегии стали неотъемлемой частью территориального управления. Обратим внимание на определение брендинга мест, данное С. Анхольтом, одним из его пионеров и основателей: «брендинг места – это способ прославления места» [Anholt, 2010: 1]. Итак, если символический капитал – это «добрая слава» [Бурдые, 2001: 102], то брендинг мест – это практики приобретения такой славы, т.е. приращения символического капитала.

Несмотря на очевидный консонанс, исследования территориального имиджа и бренда какое-то время были дистанцированы от социологической теории. Во многом это обусловлено распространением в сфере территориального развития экономических и маркетинговых подходов, базирующихся на допущении, что «места» могут продвигаться и рекламироваться подобно продуктам [Parkerson, Saunders, 2005: 242]. В этом контексте локации (например, тот же город) можно рассматривать как специфический вид товара, который можно «продать».

Действительно, в определенной мере можно говорить о «потреблении» пространства. Такие социальные практики, как туризм, миграция, открытие или перенос бизнеса связаны не только с удовлетворением первичных потребностей, но и со стремлением повысить собственный престиж, продемонстрировать статус субъекта-потребителя. Бурдые выделяет два типа пространственной прибыли от локализации: «доход, получаемый от близости к редким и желательным агентам и товарам (таким как образовательные, культурные или медицинские учреждения); и выгоды, связанные с положением или рангом (например, гарантируемые престижным адресом)» [Bourdieu, 1999: 126–127]. Приводя подобный расчет, он, скорее, имеет в виду выбор места жительства, чем места для туристического посещения. Но, в определенной мере, приведенные выгоды учитываются и во втором случае.

Тем не менее нивелирование страны, региона или города до товара/продукта является крайним упрощением сложной и комплексной природы территориальных

локаций, упущением из виду их «социальной сущности» [Вирт, 2005: 100]. Анхольт приходит к тому же выводу: «прямые параллели между коммерческой практикой и управлением местами нужно проводить со значительно большей осторожностью» [Anholt, 2010: 8]. Пытаясь избавиться от экономического «габитуса» понятия «бренд», он был вынужден заявить, что брендинг территорий – это «не брендинг», а, прежде всего, политика [Anholt, 2008: 2]. В структуре брендинга он выделяет три основных компонента: стратегию (strategy), ее содержание (substance) и символические действия (symbolic actions) [там же: 3]. С символическим капиталом теснее всего связаны символические действия. По его мнению, они представляют особый вид содержания стратегии, ее символическое выражение посредством презентации широким социальным кругам ее наиболее привлекательных аспектов [там же: 3]. По сути, символические действия направлены на прирост репутации места, т.е. его символического капитала. В свою очередь, это будет способствовать повышению ценности и других инвестиций [там же: 5]. Это соответствует логике Бурдьё, отмечавшего, что в некоторых случаях сама демонстрация символического капитала способна приносить материальную выгоду [Бурдьё, 2001: 102]. Выражая сомнения в уместности слова «бренд» применительно к территориям, Анхольт отмечал, что он предпочитает называть свой подход «конкурентной идентичностью» (*«competitive identity»*) [Anholt, 2008: 2]. Этот термин, на наш взгляд, ближе к представлениям Бурдьё.

Авторы теории социальной идентичности А. Тейфел и Дж. Тернер считают, что оценка собственной группы основывается на сравнении с другими. При этом положительные различия между ингруппами и аутгруппами приводят к повышению престижа, отрицательные – к его снижению [Tajfel, Turner, 2004: 284]. Символический капитал мест также связан со схемами восприятия, основанными на схожести и отличии: «столица не может мыслиться иначе, как в отношении с провинцией, которая не располагает ничем иным, кроме лишения (относительного) и столичности, и капитала» [Бурдьё, 2007: 55].

Формирование имиджа места – это балансирование между общим и частным. Ввиду существования различных уровней территориально-политической идентификации отдельные регионы и города, с одной стороны, должны репрезентировать в своем символическом пространстве знаки принадлежности к более крупным классификациям: национальной культуре, политической идеологии, системе ценностей. С другой стороны, конкуренция за привлечение внешних групп (туристов, мигрантов, инвесторов) требует репрезентации уникальных и специфических черт. Как отмечает Бурдьё, «...группа, класс, род, регион, нация начинают существовать для тех, кто туда входит, и для всех остальных лишь тогда, когда они отличаются по какому-либо основанию от других групп, т.е. узнаны и признаны» [там же: 84–85]. Символический капитал должен отражать положительные черты местной идентичности, служа укреплению репутации и самого населения. Достижение такой задачи невозможно только в контексте устремлений к экономическим прибылям, требует консолидации политических и частных интересов [Parkerson, Saunders, 2005: 249].

Case-study российского Калининграда как экс-Кенигсберга. Значение символического капитала особенно увеличивается в современных условиях, где электронные коммуникации стали эффективными инструментами трансляции «доброй славы» на широкие аудитории. Так, образ Калининграда как привлекательного для путешествий интенсивно продвигался в последние десятилетия, прежде всего, в интернет-среде. Но при подобной «виртуализации» возможно проявление и негативных эффектов – например, излишней романтизации места при итоговом несовпадении желаемого и действительного. В частности, на рекламируемых экскурсиях «по замкам Восточной Пруссии» многие туристы обнаруживали, что те пребывают в руинах, а также испытывали диссонанс между фрагментарными сохранившимися элементами немецкой архитектуры и типовой советской застройкой.

В Калининграде мы сегодня наблюдаем определенный разрыв между самооощущением своих особенностей со стороны жителей и конструируемым туристическим брендом «экс-Кенигсберга». Причины этого, на наш взгляд, кроются в диссонансе экономических и политических интересов. Характерное и важное для любой территориальной общности

понимание своей особенности и исключительности в случае калининградцев традиционно рождает страхи у политических элит в возможности сепаратистских настроений [Вендина и др., 2021: 570]. Но современные исследования показывают, что в идентичности калининградцев наметился сдвиг от ощущения своей «особенности» в сторону обнаружения сходства с другими россиянами и открытия российского культурного единства [там же, 2021: 570, 574]. По данным опроса ЦИРКОН, калининградцы более всего ощущают себя россиянами (60%) по сравнению с другими фронтирными регионами [Задорин, 2018: 110].

Несмотря на положительный эффект, это создает и угрозу размежевания образа Калининграда и самих калининградцев, порождая ощущение их чуждости культурной среде. Весьма критичным, но и показательным представляется вывод Е. Багиной: «Советской идентичности, которая ассоциируется [в архитектуре] с конструктивизмом и неоклассикой, Калининградская область не получила, русской никогда не имела. Сегодня идут разговоры о диффузии немецкой и русской культур, но на деле все сводится к призывам реставрировать сохранившиеся немецкие довоенные постройки и приводить новую застройку в соответствии с ними, используя явные и неявные цитаты. Носителей немецкой культуры в Калининградской области нет» [Багина, 2022: 86].

Проблемы формирования и конвертации символического капитала Калининграда. В настоящий момент Калининградская область переживает новый виток масштабных изменений. Калининградский социум продемонстрировал устойчивость на фоне внешнеполитических вызовов даже в условиях особой чувствительности эксклава к закрытию границ и санкционной политике. Более того, в сложный период современности, который окрестили «эпохой турбулентности», Калининград обрел и активно осваивает новый для него статус популярного туристического направления. Во многом это стало возможно именно благодаря успешному использованию символических ресурсов места: образ «советской провинции» в восприятии россиян смог в 2010–2020-х гг. трансформироваться в «прусскую Ривьеру».

Наиболее эффективно конвертация символического капитала в другие реализуется в отношении символов, которые на протяжении времени глубоко укоренились в смысловой картине местного населения. Одним из показательных примеров является могила Иммануила Канта. Благодаря идеологическому карт-бланшу в отношении фигуры философа со стороны советской власти, определенный пиетет к месту его захоронения способствовал сохранению в советское время руин Кафедрального собора [Костяшов, 2016: 84–85]. Реконструированный в 1990–2000-х гг. собор в настоящее время является основным символом Калининграда. В дальнейшем вблизи собора к празднованию 750-летия Кенигсберга/Калининграда в 2005 г. была возведена первая очередь этнографического комплекса «Рыбная деревня», которая стала наиболее узнаваемой визитной карточкой города у туристов. Преобразование городского пространства приносит не только экономические (приток туристов), но и культурные (проведение фестивалей, концертов и иных мероприятий), социальные (в Кафедральном соборе проходит вручение дипломов выпускникам БФУ им. И. Канта) и другие выгоды.

Однако туристический бум вызывает и ряд серьезных опасений. В Калининграде проявляется культурный лаг: общество еще не успело полностью адаптироваться к достаточно резкому скачку развития туристической сферы. На фоне активной эксплуатации образа «экс-Кенигсберга» в экономическом поле, в культурной, политической и социальной средах символический конфликт между российским настоящим и немецким прошлым остается не до конца разрешенным. Ввиду этого возрастает угроза переформатирования действительно многогранного символического пространства в туристический аттракцион, а соответственно, нарастания дисбаланса между образом территории и особенностями ее населения.

Идеи Бурдые для трансформации символического капитала территорий. Обращение к концепции символического капитала П. Бурдые позволяет выявить пути понимания и решения актуальных для калининградского региона проблем формирования, продвижения и конвертации символического капитала.

Во-первых, Бурдые предостерегает от веры в существование «универсального субъекта» [Бурдые, 1993а: 142–143]. Восприятие места будет связано с позициями субъектов в различных социальных иерархиях. Отсюда возможны очень различные точки зрения в отношении одной и той же территории. Не удивительно, что, например, в опросе, посвященном восприятию городской среды, самым комфортным и некомфортным для жизни большинство респондентов называли один и тот же город – Москву.

Этим может объясняться и поляризация мнений по поводу отдельных символов городской среды и практик символизации. Так, в Калининграде подобное размежевание оценок прослеживается в отношении как сноса Дома Советов (одного из наиболее считаваемых до недавнего времени архитектурных символов советского периода) [Зимовина, Проданцов, 2022: 19], так и предполагаемой реконструкции Королевского замка (исторического немецкого ядра города)¹ [там же: 21]².

Во-вторых, практики символизации оказывают непосредственное влияние также и на местное сообщество – как на его внутреннюю структуру, так и на отношения с внешними акторами. Согласно П. Бурдые, борьба за символический капитал, как и за экономический, разворачивается на всех уровнях социальной структуры.

Подобная конкуренция имеет и пространственное выражение [Бурдые, 2007: 63]. Понимание этого влечет за собой критическую переоценку распространенного допущения, что имиджевые стратегии априори консолидируют население.

Наконец, управление территориями связано с реализацией и легитимацией властных полномочий и является неотъемлемой частью государственной политики. Брендинг мест напрямую влияет на достижение политических целей, поэтому в большинстве случаев именно политические акторы играют ключевую роль в этом процессе [Parkerson, Saunders, 2005: 249]. Но, по мнению Бурдые, именно в пространстве власть утверждается в своей тончайшей форме, «как символическое насилие, которое не воспринимается как насилие» [Bourdieu, 1999: 124]. В виду этого городские структуры, категории и практики следует воспринимать «как продукты, оружие и ставки в борьбе, ведущейся в различных временных масштабах» [там же].

На основе подобных суждений можно прийти к неутешительному выводу, что проекты городского и национального развития представляют собой лишь инструменты борьбы за пространство в руках политических и экономических элит [Bourdieu, 1999: 129]. Это ставит серьезный вопрос: не ведет ли навязываемая программами геобрендинга гонка на повышение туристической и инвестиционной привлекательности к такой конкуренции за места, в которой богатеют богатые, а беднеют бедные? Действительно ли подобные программы имеют социальную значимость и стоят вложенных в них средств, или они являются лишь очередным прикрытием для достижения частных интересов?

¹Городская повестка. Опрос жителей городского округа г. Калининград // Калининградская мониторинговая группа. Октябрь 2018. URL: http://kmggroup.ru/downloads/povestka-2018_2.pdf (дата обращения: 10.05.2024).

²Следует пояснить, что одной из наиболее специфических черт калининградского городского пространства является отсутствие общепризнанного и соответствующим образом обустроенного исторического центра. Руины Кенигсбергского замка, представляющие до 1945 г. немецкое историческое ядро города, были окончательно расчищены в 1968 г. В 1970 г. практически на том же месте начал возводиться Дом Советов – здание-флагман амбициозного градостроительного проекта. Однако из-за экономических проблем оно так и не было завершено. Вопреки названию *Центральная площадь* Калининграда с соседствующими конфликтующими символами – сохранившимся фундаментом замка и советским недостроем – осталась «не-местом», пустырем и объектом различных девиантных практик. Несмотря на многочисленные инициативы городских властей, несовпадение между значимым положением в физическом пространстве и отсутствием соответствующего символического наполнения так и не было преодолено. По состоянию на лето 2024 г. фундамент Королевского замка законсервирован, а Дом Советов практически демонтирован, так что у калининградских властей появилась возможность разрешить символический конфликт, начав «с чистого листа».

Case-study российского Калининграда как пост-Кенигсберга. Для дискурса о символическом статусе и направлениях развития Калининградской области характерна постоянно возникающая контroversa [Гаврилина, 2013: 94; Зверев, 2019: 43]: военный форпост или окно в Европу? периферия или коридор развития? российский остров или перекресток культур? При этом, конечно, водоразделом любого – политического, культурного, исторического и т.д. – диалога о регионе является его немецкое прошлое и российское настоящее. На наш взгляд, одна из главных проблем здесь кроется именно в некорректности самой постановки проблемы как «или – или».

Метасмыслом калининградского символического пространства должно являться не его разделение на российское и инокультурное, а обнаружение и дальнейшая констатация их диалектической взаимосвязи, в которой и заключается его уникальность. Подобные выводы можно обнаружить в научной и культурной дискуссии [Гаврилина, 2010: 70; Вендина и др., 2021: 572]. В этом свете необходимо продвигать не только образ Кенигсберга, но и поддерживать символические компоненты, связанные с различными историческими вехами и культурными особенностями региона.

Социологические опросы подтверждают заинтересованность в поддержании мультикультурализма и со стороны калининградцев [Кришталь и др., 2019: 43]. Среди положительных примеров культурной инкорпорации можно привести преобразованный в культурный центр Кафедральный собор, Музей янтаря в «фашистском» форте, Королевские и Фридрихсбургские ворота с экспозициями, посвященными Великому посольству и Петру I, репрезентирующими историческую взаимосвязь российской и восточно-прусской истории³.

На фоне этого в настоящее время отчетливо проявляется интенция к заполнению пустот в символическом таймлайне Кенигсберг-Калининград. При этом зачастую прошлое «довоображается» и «достаивается». Исторические события репрезентируются в реконструкциях, этнографических комплексах, фестивалях и прочих практиках коммеморации (например, реконструкция средневекового поселения викингов «Кауп», фестиваль-реконструкция «Гумбинненское сражение» и т.п.). Хитросплетения кенигсбергских и калининградских мотивов широко представлены в культурном поле, наиболее открытом фантазии⁴. Среди современной литературы о Калининграде особенно примечательны произведения Ю. Буйды, осуществляющего на страницах своих романов «(ре)конструкцию “мифа о городе”», где «постоянно движется граница между документальным и вымышленным» [Черняков, 2014: 53–54]. Значимым для продвижения образа Калининграда в массовой культуре стал и выход приключенческого исторического романа А. Иванова «Тени тевтонов» (2021), где контрастные периоды его истории (средневековая мистика Восточной Пруссии XV века и финал борьбы с нацизмом апреля 1945) стали выразительным фоном художественного повествования⁵.

Активно «достаивается» и архитектурное пространство. Помимо реконструкций исторических зданий растет количество «псевдоисторических» объектов. Среди них выделяются Рыбная деревня, реконструкция фасадов зданий (в т.ч. «хрущевки») на Ленинском проспекте в «ганзейском стиле», отель «Нессельбек» в п. Орловка, стилизованный под замок Тевтонского ордена, и др. Подобное «заполнение» пустоты является необходимым для преодоления культурного диссонанса между местом и его жителями, оно

³ Кенигсберг был первым крупным европейским городом, который Петр I посетил в 1697 г. в составе Великого посольства. Впоследствии он еще неоднократно посещал этот город Пруссии.

⁴ Для примера показательны названия выставок Калининградского музея изобразительных искусств: «Город Гофмана: тайна двух миров», «Калининград-Кенигсберг: мост над временем», «Кант. Калининград-Кенигсберг», «Ганс Прейсс. Немецкий художник и советский разведчик». URL: <https://www.kaliningradartmuseum.ru/exhibitions/> (дата обращения: 22.08.2024).

⁵ По этому произведению уже проводятся тематические экскурсии: Тени тевтонов: по местам действия романа Алексея Иванова // Tripster. URL: <https://experience.tripster.ru/experience/53297/?srsltid=AfmBOop9jiZlYfgyOry4haf2r-2VHJljoXTn0dxRHPd4FKY7lrBJ9XY> (дата обращения: 21.08.2024).

может рассматриваться как положительная тенденция в конструировании территориальной идентичности.

Однако стоит обратить внимание и на активное включение в этот процесс политических и экономических акторов. Для получения прибылей элиты в настоящий момент значительно интенсифицируют процесс «преобразования» Калининградской области, из-за чего количество начинает преобладать над качеством: типичные городские микрорайоны и апарт-застройка побережья с уже сложноуловимыми отсылками к «прусскому» стилю, спорные эклетические реконструкции, «кантификация»⁶ всего и вся и т.п. Поэтому главная задача для современного Калининграда, на наш взгляд, заключается в том, чтобы при сохранении символической полифонии не дать ей превратиться в какофонию.

Ввиду особенностей калининградского разделения труда, высокой интенсивности развития туристического сектора, далеко не все жители успевают адаптироваться к новым условиям и включиться в гонку за экономическими прибылями. Опыт зарубежных и российских территорий, активно развивающихся как туристические центры, показывает, что подобная ситуация создает угрозу кризиса местной идентичности и обострения социальных конфликтов [Наумова, Савельев, 2019: 33].

При символическом продвижении территорий необходимо учитывать интересы местных жителей, способствовать формированию социальной солидарности, непротиворечивой территориальной идентичности, преодолению социальных конфликтов, сглаживанию социального неравенства. На фоне уклона в сторону коммерчески рентабельной символизации немецкой культуры существенно дополнить и обогатить символическое пространство Калининграда может репрезентация самого местного населения, его особенностей, трудовых подвигов, культурной толерантности и т.п., что будет способствовать гармоничному сочетанию *различных* исторических периодов и культурных кодов. Среди примеров успешной символизации самих калининградцев, их подвигов, ценностей и быта можно особо отметить Музей Мирового океана (с музеефицированными кораблями советских времен, включая известный «корабль науки» «Витязь») и музей «Дом китобоя», памятники и монументы военной памяти и т.д. Наличие подобных объектов представляет особую ценность, создавая фундамент сопричастности, вклада в общероссийское развитие.

Основные выводы. Хотя изначально концепция символического капитала разрабатывалась П. Бурдьё в контексте исследования положения агентов в социальных структурах, но в его работах есть основания и для ее применения в анализе мест и территорий. Концепция символического капитала для решения социологических задач потенциально объемней по сравнению с распространенным анализом в категориях имиджа и брендинга. В сравнении с ними она расширяет исследовательский фокус, включая в него одновременно и локацию, и проживающее сообщество.

В случае Калининградской области такой подход, во-первых, дает возможность отслеживать динамику отношений между восприятием самой территории и восприятием ее жителей. В его рамках фиксируется разрастающийся дисбаланс между транслируемым в экономическом поле образом «бывшей Пруссии» и наличествующей культурой и бытом местных «экс-советских» жителей, что создает почву для усиления стереотипов и непонимания между калининградцами и гостями области.

Во-вторых, понимание того, что символический капитал складывается не только из объективных компонентов (памятников, архитектурных объектов, производств, зон рекреации и т.п.), но и диалектически связан с вкладываемыми в них смыслами, позволяет критически взглянуть на производство символических ресурсов с целью их последующей конвертации в экономический капитал. Главным вызовом здесь является то, что при неоспоримом наличии примеров удачной реконструкции исторических объектов,

⁶Под «кантификацией» мы подразумеваем масштабную эксплуатацию образа Канта в названиях мероприятий, фестивалей, ярмарок и т.п.: магазин «Кант», фестиваль «Кантата», лаунж-зона «КАНТейнер» и т.п.

наращивает объемы «конвейерное производство» символов прусского стиля и быта, которые не успевают должным образом осмысляться местным населением.

В-третьих, критический взгляд Бурдые на символизацию пространства как инструмент закрепления господства открывает перспективу выявления потенциально *опасных* социальных последствий программ территориального развития и связанных с ними скрытых интересов политических и экономических элит. На фоне продвижения Калининграда как «города с (западно)европейской историей» калининградцы заинтересованы в решении насущных социальных и инфраструктурных проблем, которые обостряются в условиях растущего туристического потока. Туристическое развитие региона должно опираться на развернутую социальную политику.

На примере Калининградской области показано, что символический капитал места не является просто суммой оценок и восприятий. Попытки удовлетворяющего интересам «большинства» курса символизации, связанного с однозначным выбором между российской и немецкой культурами, между военным, хозяйственным и туристическим статусами региона, при рассмотрении в социальной динамике оказываются недостаточно продуктивными. Говоря, что символический капитал представляет собой констелляцию смыслов, мы подразумеваем сохранение и поддержание *различных* позиций и мнений относительно символических ресурсов территории, в конфигурации которых при должных усилиях возможно обнаружить метасмысл. Табуирование символов немецкого прошлого в советское время и их коммерческое тиражирование в настоящем – нежелательные экстремумы. Метасмыслом для Калининграда может являться сам уникальный опыт освоения инкультурной среды местными жителями, связанные с ним трудности, вызовы и надежды. Для его успешной символизации необходимо осознание значимости подобного продвижения политическими и экономическими акторами, их взаимодействие с научной и культурной общественностью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Багина Е. Здесь прусский дух, но Русью пахнет... // Проект Байкал. 2022. Т. 19. № 74. С. 86–95.
- Боронов А. О., Тхакахов В. Х. Концепция пространства мест в социальных науках // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2021. Т. 37. № 1. С. 91–105.
- Берендеев М. В. «Кто мы?»: калининградцы в поисках собственной идентичности // Социологические исследования. 2007. № 4. С. 127–132.
- Бурдые П. Практический смысл. СПб.: Алетейя; М.: Институт экспериментальной социологии, 2001.
- Бурдые П. Социальное пространство и символическая власть // Thesis. 1993a. № 2. С. 137–150.
- Бурдые П. Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993b.
- Бурдые П. Социология социального пространства. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007.
- Вендина О. И., Гриценко А. А., Зотова М. В., Зиновьев А. С. Идентичность калининградцев: влияние социальных убеждений на выбор самоидентификации // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2021. Т. 85. № 4. С. 565–578.
- Вирт Л. Избранные работы по социологии. М.: ИНИОН РАН, 2005.
- Гаврилина Л. М. Калининградский текст как метатекст культуры // Кантовский сборник. 2010. № 3. С. 64–79.
- Гаврилина Л. М. «Калининградский текст» как репрезентация региональной идентичности // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2013. № 5. С. 88–99.
- Демидова М. В. «Символический капитал» П. Бурдые и «капитал» К. Маркса // Вестник Вятского государственного университета. 2014. № 11. С. 27–32.
- Евменов А. Д., Благова И. Ю. Символический капитал как элемент бренда города // Петербургский экономический журнал. 2021. № 2. С. 24–33.
- Задорин И. В. Регионы «рубежа»: территориальная идентичность и восприятие «особости» // Политика. Анализ. Хроника. Прогноз. 2018. Т. 2 (89). С. 102–136.
- Замятина Н. Ю. Территориальные идентичности и социальные структуры // Общественные науки и современность. 2012. № 5. С. 151–163.

- Зимовина Е.П., Проданцов К.С. Историческая память населения Калининградской области: общее и особенное в восприятии поколений // Вестник антропологии. 2022. № 2. С. 7–27.
- Костяшов Ю.В. Кёнигсбергский кафедральный собор и могила Иммануила Канта в советском Калининграде // Кантовский сборник. 2016. № 4. С. 79–102.
- Кришталь М.И., Щекотуров А.В., Зимовина Е.П. Геополитические и социокультурные компоненты образа Калининградской области в представлениях реформенного поколения и поколения миллениалов // Псковский регионологический журнал. 2019. Т. 4(40). С. 34–47.
- Наумова И.В., Савельев И.И. Овертуризм: сущность и пути решения проблемы // Современные проблемы сервиса и туризма. 2019. № 4. С. 27–35.
- Резвухина А.И. Изобретая прошлое: ландшафт как способ построения идентичности // *Studia Culturae*. 2020. № 46. С. 186–202.
- Столбов В.А., Тежикова Е.Ю. Символический (имиджевый) капитал городов Пермского края: семантический подход к оценке качества городской среды // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2019. Т. 27. № 1. С. 140–152.
- Федотова Н.Г. Культурный код города // Слово.ру: Балтийский акцент. 2022. Т. 13. № 4. С. 10–24.
- Федотова Н.Г. Символический капитал места: понятие, особенности накопления, методики исследования // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2018. № 29. С. 141–155.
- Филиппов А.Ф. Социология пространства. СПб.: Владимир Даль, 2008.
- Чернявская В.Е. Типографика как социальный индекс: советский ландшафт в современном российском дискурсе // Праксема. Проблемы визуальной семиотики. 2023. № 2. С. 50–73.
- Черняков А.Н. Из города в миф («Кёнигсберг» Юрия Буйды) // Слово.ру: Балтийский акцент. 2014. № 2. С. 52–64.
- Anholt S. Definitions of place branding – Working towards a resolution // *Place branding and public diplomacy*. 2010. Vol. 6. No. 1. P. 1–10.
- Anholt S. Place branding: Is it marketing, or isn't it? // *Place branding and public diplomacy*. 2008. Vol. 4. No. 1. P. 1–6.
- Bourdieu P. *The Weight of the World*. Cambridge: Polity Press, 1999.
- Bourdieu P., Wacquant L. Symbolic capital and social classes // *Journal of classical sociology*. 2013. Vol. 13. No. 2. P. 292–302.
- Casey E.S. Body, Self and Landscape: A Geophilosophical Inquiry into the Place-World // *Textures of Place: Exploring Humanist Geographies*. Ed by P.C. Adams, S. Hoelscher, K.E. Till. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2001. P. 403–425.
- Easthope H. A place called home // *Housing, theory and society*. 2004. Vol. 21. No. 3. P. 128–138.
- Parkerson B., Saunders J. City branding: Can goods and services branding models be used to brand cities? // *Place branding*. 2005. Vol. 1. No. 3. P. 242–264.
- Savage M. The lost urban sociology of Pierre Bourdieu // *The new Blackwell companion to the city*. Ed by G. Bridge, S. Watson. Oxford: Wiley-Blackwell, 2011. P. 511–520.
- Tajfel H., Turner J.C. The social identity theory of intergroup behavior // *Political psychology: Key readings*. Ed by J.T. Jost, J. Sidanius. New York: Psychology Press, 2004. P. 276–293.
- Trueman M.M., Cornelius N., Killingbeck-Widdup A.J. Urban corridors and the lost city: Overcoming negative perceptions to reposition city brands // *Journal of Brand Management*. 2007. Vol. 15. P. 20–31.
- Wacquant L. Bourdieu comes to town: pertinence, principles, applications // *International journal of urban and regional research*. 2018. No. 42(1). P. 90–105.

Статья поступила: 23.05.24. Финальная версия: 05.09.24. Принята к публикации: 05.09.24.

SYMBOLIC CAPITAL OF A PLACE AS A CONSTELLATION OF SOCIAL MEANINGS (the case of the Kaliningrad region)

SHEVCHENKO I.O.*, BELETSKAYA T.V.**

* Russian State University for the Humanities, Russia

** Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia

Irina O. SHEVCHENKO, Dr. Sci. (Soc.), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow (sheviren@yandex.ru); Tatiana V. BELETSKAYA, Senior Lecturer, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad (beletskaya.t@gmail.com). All – Russia.

Acknowledgments. The research was supported by the Russian Science Foundation, project № 22-18-00591 implemented at the Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad.

Abstract. The article reveals the possibilities of applying P. Bourdieu's symbolic capital concept to the analysis of places and territory. The initial foundations of the concept are analyzed in the context of his double structuring theory of social reality. Objective characteristics and resources of the territory are classified as first-order structuring, and associated assessments and perceptions are classified as second-order structuring. Based on the proposition that the approaches of social agents vary depending on their inherent habitus, it is concluded that it is more productive to view symbolic capital not as a sum, but as a constellation of social meanings. The ability to control these meanings becomes one of the key factors in the struggle for power, with its outspoken spatial aspect. In the context of understanding symbolic capital as distinction, the influence of symbolization practices on territorial identity is growing. It is argued that the proposed approach allows to take a deeper look at such current problems of place branding as the spread of "empty" brands, lack of attention to the needs of the local population, and the growth of social inequality. Using the example of the Kaliningrad region, it is shown that Bourdieu's views on the essence of symbolic capital and the nature of symbolic power open up new opportunities for critical analysis of social problems associated with symbolization practices, and also allow explicating the hidden interests of political and economic actors in the field of territorial administration.

Keywords: symbolic capital, P. Bourdieu, urban sociology, territorial identity, place branding.

REFERENCES

- Anholt S. (2008) Place branding: Is it marketing, or isn't it? *Place branding and public diplomacy*. Vol. 4. No. 1: 1–6.
- Anholt S. (2010) Definitions of place branding – Working towards a resolution. *Place branding and public diplomacy*. Vol. 6. No. 1: 1–10.
- Bagina E. (2022) There is a Prussian spirit here, but it smells of Russia... *Proekt Bajkal* [The Baikal project]. Vol. 19. No. 74: 86–95. (In Russ.)
- Berendeev M.V. (2007) «Who are we?»: Kaliningradians in search of identity. *Sotsiologicheskie Issledovaniia* [Sociological Studies]. No. 4: 127–132. (In Russ.)
- Boronoiev A.O., Thakahov V. Kh. (2021) Concept of space of places in social sciences. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Filosofiya i konfliktologiya* [Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies]. 2021. Vol. 37. No. 1: 91–105. (In Russ.)
- Bourdieu P. (2007) *Sociology of social space*. Moscow: Institut eksperimental'noj sociologii; Saint Petersburg: Aleteja. (In Russ.)
- Bourdieu P. (1993a) Social space and symbolic power. *Thesis*. No. 2: 137–150. (In Russ.)
- Bourdieu P. (1993b) *Sociology of politics*. Moscow: Socio-Logos. (In Russ.)
- Bourdieu P. (1999) *The Weight of the World*. Cambridge: Polity Press.
- Bourdieu P. (2001) *Practical meaning*. Saint Petersburg: Aleteja; Moscow: Institut eksperimental'noj sociologii. (In Russ.)
- Bourdieu P., Wacquant L. (2013) Symbolic capital and social classes. *Journal of classical sociology*. Vol. 13. No. 2: 292–302.
- Casey E.S. (2001) Body, Self and Landscape: A Geophilosophical Inquiry into the Place-World. In: *Textures of Place: Exploring Humanist Geographies*. Ed. by Adams P.C., Hoelscher S., Till K.E. Minneapolis: University of Minnesota Press: 403–425.
- Chernyakov A.N. (2014) From a city to the myth (Yu. Buida's Königsberg). *Slovo.ru: Baltijskij akcent* [Slovo.ru: baltic accent]. Vol. 5. No. 2: 52–64. (In Russ.)

- Chernyavskaya V.E. (2023) Typography as social index: soviet landscape in the modern russian discourse. *Praksema. Problemy vizual'noj semiotiki* [Praxema. Journal of Visual Semiotics]. No. 2: 50–73. (In Russ.)
- Demidova M.V. (2014) Pierre Bourdieu's "Symbolic capital" and Karl Marx's "Capital". *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Herald of Vyatka State University]. No. 11: 27–32. (In Russ.)
- Easthope H. (2004) A place called home. *Housing, theory and society*. Vol. 21. No. 3: 128–138.
- Evmenov A.D., Blagova I. Yu. (2021) Symbolic capital as an element of a city brand. *Peterburgskij ekonomicheskij zhurnal* [St. Petersburg Economic Journal]. No. 2: 24–33. (In Russ.)
- Fedotova N.G. (2018) Symbolic capital of the place: notion, peculiarities of accumulation, research methods. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie* [Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History]. No. 29: 141–155. (In Russ.)
- Fedotova N.G. (2022) The cultural code of the city. *Slovo.ru: Baltijskij akcent* [Slovo.ru: baltic accent]. Vol. 13. No. 4: 10–24. (In Russ.)
- Filippov A.F. (2008) Sociology of space. Saint Petersburg: Vladimir Dal'. (In Russ.)
- Gavrilina L.M. (2010) The kaliningrad text as a metatext of culture. *Kantovskij sbornik* [Kantian Journal]. No. 3: 64–79. (In Russ.)
- Gavrilina L.M. (2013) «The Kaliningrad text» as a representation of regional identity. *Labirint. Zhurnal social'no-gumanitarnyh issledovanij* [Labirint. Journal of Social and Humanitarian Studies]. No. 5: 88–99. (In Russ.)
- Kostyashov Yu.V. (2016) Königsberg Cathedral and Kant's tomb in Soviet Kaliningrad *Kantovskij sbornik* [Kantian Journal]. 2016. No. 4: 79–102. (In Russ.)
- Krishtal M.I., Shchekoturov A.V., Zimovina E.P. (2019) Geopolitical and sociocultural components of the image of the Kaliningrad region in the views of the reform generation and the millennials generation. *Pskovskij regionologicheskij zhurnal* [Pskov regional studies journal]. Vol. 4 (40): 34–47. (In Russ.)
- Naumova I.V., Savelev I.I. (2019) Overtourism: the root of the problem and solutions. *Sovremennye problemy servisa i turizma* [Service and Tourism: Current Challenges]. No. 4: 27–35. (In Russ.)
- Parkerson B., Saunders J. (2005) City branding: Can goods and services branding models be used to brand cities? *Place branding*. Vol. 1. No. 3: 242–264.
- Rezvukhina A.I. (2021) Invention of the past: landscape as a way of identity constructing. *Studia Culturae*. Vol. 4. No. 46: 186–202.
- Savage M. (2011) The lost urban sociology of Pierre Bourdieu. In: *The new Blackwell companion to the city*. Ed. by Bridge G., Watson S. Oxford: Wiley-Blackwell: 511–520.
- Stolbov V.A., Tezhikova E. Yu. (2019). Symbolic (image) capital of Perm region cities: semantic approach to assessment of quality of the urban environment. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Ekonomika* [RUDN Journal of Economics]. Vol. 27. No. 1: 140–152. (In Russ.)
- Tajfel H., Turner J.C. (2004) The social identity theory of intergroup behavior. In: *Political psychology: Key readings*. Ed. by Jost J.T., Sidanius J. New York: Psychology Press: 276–293.
- Trueman M.M., Cornelius N., Killingbeck-Widdup (2007) A.J. Urban corridors and the lost city: Overcoming negative perceptions to reposition city brands. *Journal of Brand Management*. Vol. 15: 20–31.
- Vendina O.I., Gritsenko A.A., Zotova M.V., Zinovyev A.S. (2021) Identity of the Kaliningrad Oblast Inhabitants: The Impact of Social Beliefs on the Choice of Self-Identification. *Izvestiya Rossijskoj akademii nauk* [Regional Research of Russia]. Vol. 11. No. 4: 533–542. (In Russ.)
- Wacquant L. (2018) Bourdieu comes to town: pertinence, principles, applications // *International journal of urban and regional research*. No. 42(1): 90–105.
- Wirth L. (2005) *Selected works on sociology*. Moscow: INION RAN. (In Russ.)
- Zadorin I.V. (2018) «Frontier» regions: territorial identity and perception of «specialness». *Politiya* [Politeia]. Vol. 2 (89): 102–136. (In Russ.)
- Zamyatina N. Yu. (2012) Territorial identities and social structures. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social sciences and contemporary world]. No. 5: 151–163. (In Russ.)
- Zimovina E.P., Prodantsov K.S. (2022) Historical Memory in the Kaliningrad Region: the Common and Particular Across Generations. *Vestnik Antropologii* [Herald of Anthropology]. No. 2: 7–27. (In Russ.)

Received: 23.05.24. Final version: 05.09.24. Accepted: 05.09.24.

П.С. СОРОКИН, И.А. АФАНАСЬЕВА

ПОЛЯ АГЕНТНОСТИ В СФЕРЕ ИСКУССТВА: АКТОРЫ, СРЕДЫ ПРОЯВЛЕНИЯ И ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ

СОРОКИН Павел Сергеевич – кандидат социологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, заведующий лабораторией (psorokin@hse.ru); АФАНАСЬЕВА Ирина Анатольевна – аспирант, младший научный сотрудник (iaafanaseva@hse.ru). Оба – Лаборатория исследований человеческого потенциала и образования НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия.

Аннотация. Недостаточное понимание движущих сил и механизмов проактивного поведения человека обсуждается в последнее время как одна из ключевых проблем фундаментальной науки и практической политики. Одно из ключевых понятий в соответствующих отечественных и зарубежных научных дискуссиях – агентность (*agency*). Область искусства как одновременно среда проявления и фактор формирования агентности получает ограниченное внимание в современной литературе несмотря на то, что исторически занимает важное место в разработках социологов по проблемам структурной динамики (например, в трудах П. Бурдьё, Б. Латура). На основе теоретического анализа и обзора современных дискуссий в сфере современного искусства, а также на базе пяти интервью с современными художниками, в статье обосновывается гипотеза о существовании «полей агентности» как особого типа социальных образований, являющихся не столько результатом изменения или развития существующих структур, но следствием непосредственного создания новых практик действия и сообществ, которые, в свою очередь, меняют более широкую среду. Гипотеза рассматривается как дополнение концепции полей стратегического действия Н. Флигстина и Д. Макадама, а также как уточнение выдвинутой ранее одним из авторов настоящей статьи концепции неоструктуризации (деструктуризации). Авторы приходят к выводу, что формирование полей агентности может являться важным механизмом, через который индивидуальное проактивное действие трансформирует социальный мир и который недостаточно изучен в современной социальной науке.

Ключевые слова: современное искусство • агентность • самостоятельность • неоструктуризация • теория полей • поля агентности • стратегическое действие • самоорганизация

DOI: 10.31857/S0132162524100119

Постановка проблемы. «Агентность» можно кратко описать как способность к самостоятельному проактивному действию, воздействующему на социальные структуры в направлении, ими не детерминированном [Сорокин, 2023; Cavazzoni et al., 2021]. Эта тема занимает важное место в современных научных исследованиях и в практической политике [Cavazzoni et al., 2021: 1126]. Суть данной проблематики заключается в определении объективных возможностей индивидуального проактивного действия по поддержанию или совершенствованию существующих, а также формированию новых продуктивных форм деятельности, сообществ, социальных структур. На фоне кризисных процессов в экономике и политике в глобальном масштабе низовая агентность все чаще рассматривается как потенциальный драйвер развития [Cavazzoni et al., 2021].

Особенность предлагаемого ниже взгляда на анализируемый феномен состоит в том, что агентность рассматривается в контексте процессов нео- (или де-)структуризации, то есть формирующегося в настоящее время нового порядка социальной организации,

для которого характерна растущая зависимость любых социальных структур и институтов от индивидуальной агентности, их проактивно поддерживающей или трансформирующей. Иными словами, отчасти парадоксальным образом, условием выживания структур – начиная от семьи и локальных сообществ и заканчивая крупными корпорациями и государством, – становится инициативное индивидуальное поведение, их трансформирующее в той или иной степени и адаптирующее к меняющейся реальности, или создающее новые структурные образования (например, онлайн-сообщества для решения задач в области образования, корпоративного развития, гражданского участия и др.).

Причины и характеристики этого состояния подробно рассматриваются в предыдущих работах [Сорокин, 2023; Сорокин, Фрумин, 2020; Sorokin, 2020], однако кратко можно отметить, что одним из ключевых факторов нарастания неструктуризации выступает ускоренное технологическое развитие, которое расширяет практические возможности индивидуального действия [Dwivedi et al., 2023], а также изменения в сфере культуры (кризис доминирования западных моделей социальной организации жизни на уровне государства, образовательного учреждения, корпорации или семьи), что делает более легитимными, чем ранее, попытки их пересмотра или даже полное отрицание [Furuta et al., 2023: 96]).

Цель настоящего исследования – теоретически обосновать и эмпирически проиллюстрировать гипотезу об особом механизме реализации агентности в современных условиях на примере сферы современного искусства, суть которого состоит в генерации «полей агентности» как особого типа социальных образований, предполагающих непосредственное создание новых практик действия и сообществ, которые, в свою очередь, меняют более широкую среду. Эта гипотеза рассматривается как уточнение концепции полей стратегического действия Н. Флигстина и Д. Макадама, для которой характерна недооценка генерирующей (а не только трансформирующей) роли индивидуального действия в социальной динамике (см. подробнее критику указанной теории в [Сорокин, 2023]). Формирование «полей агентности» может являться важным механизмом, через который индивидуальное проактивное действие влияет на социальный мир и который недостаточно обсуждается в современной социальной теории, включая разработки в сфере полей стратегического действия.

В центре внимания эмпирической части настоящей статьи – современные художники, которые ставят перед собой задачи творчески осмыслить возникающие вызовы и генерировать новые способы видения мира, возможные векторы его развития, в том числе связанные с индивидуальной агентностью как одним из факторов совершенствования социальной среды. Выбор в качестве основного объекта анализа художников продиктован тем, что реализуемая ими агентность в явном виде связана с индивидуальным творчеством, самовыражением, оригинальностью, а также выходит за пределы «рыночной» логики, что делает данную аудиторию одним из перспективных сегментов для изучения проблематики агентности [Sorokin et al., 2024].

«Поля стратегического действия», «круги творческого сотрудничества» и «поля агентности». Одним из активно обсуждаемых в современной социологии подходов к осмыслению социальных изменений является теория полей стратегического действия [Fligstein, McAdam, 2011]. Ее авторы – Н. Флигстин и Д. Макадам – отмечают, что структура и действие представляют собой взаимосвязанные элементы, разделяемые скорее аналитически, но не онтологически [Fligstein, McAdam, 2011]. Подчеркивается, что социальные поля не существуют автономно, но зависят от внешней среды и других смежных и более отдаленных полей. Термин «поля стратегического действия» отражает роль целенаправленных действий акторов (индивидов, организаций, государств и др.) в трансформационной динамике социальных структур [Флигстин, Макадам, 2022: 12].

Признавая важный вклад Флигстина и Макадама в понимание природы социальных структур и их связи с агентностью, стоит отметить, что теория полей стратегического действия имеет ряд существенных ограничений (см. подр.: [Сорокин, 2023]). Прежде всего, авторы, по сути, повторяют идею более ранних научных школ (связанных с именами

П. Бурдые, Э. Гидденса, Д. Мейера и др.) о доминировании социальной структуры над индивидом и его действием, что упаковывается в тезис об их неразрывной связи, когда структура задает вектор действия, которое, в свою очередь, меняет структуру (в заданном ею направлении). Признание Н. Флигстиным и Д. Макадамом принципиальной изменчивости социального мира, возможных конфликтов между структурами и разной степени свободы действий, допускаемой разными полями – очевидный шаг вперед по отношению к традиционным версиям теорий социальной динамики. Однако принципиальная подчиненность индивидуального действия структуре в их «картине мира» остается неизменной.

Как мы постараемся показать ниже, исследование индивидуального агентного действия, связанного со сферой искусства, может оказаться продуктивным для расширения трактовок современной социальной динамики, поскольку демонстрирует механизмы взаимосвязи структуры и действия, которые остаются недостаточно осмысленными в социальной теории [Archer, 2024; Сорокин, Головин, 2022; Сорокин, Фрумин, 2020].

Социальные поля (если использовать «поле» как синоним «структур» на языке Н. Флигстина и Д. Макадама, продолжающих традицию П. Бурдые) в сфере современного искусства исторически более удалены от ключевых источников регламентации жизни (государство и рынок), чем ряд других сфер (образование, рынок труда, политика и др.). Они в существенной степени неутилитарны, получают ограниченное частное и государственное финансирование и редко становятся объектом приоритетной по отношению к другим сферам поддержки со стороны государства.

Соответственно, есть основания полагать, что на примере полей в данной сфере возможно в выраженной и наглядной форме наблюдать процессы и эффекты индивидуальной агентности. Это подтверждает концепция кругов творческого сотрудничества (англ. «collaborative circles»), которая обсуждается в новой зарубежной литературе по социальной теории как одно из оснований для следующего шага в развитии теории полей стратегического действия [Parker, Corte, 2017: 262]. Согласно Д. Паркеру и У. Кортю, малые креативные группы, творческие кружки, художественные самоорганизации (т.н. artist-run-space) не только формируют новое творческое видение, которое в дальнейшем может «подхватываться» другими акторами и приводить к трансформации социальных структур, но могут непосредственно реализовывать агентность и созидательный потенциал индивидуального проактивного действия, меняющего те или иные сферы общественной жизни или рынка [Parker, Corte, 2017: 262]. Работа Д. Паркера и У. Корта в журнале *Sociological Theory* [Parker, Corte, 2017] эмпирически демонстрирует и теоретически осмысляет (на примере, в частности, группы так называемых импрессионистов [ibid: 262]), что новое направление в искусстве, изменившее рынок потребления предметов эстетической ценности и внедрившее новые академические стандарты в изобразительное искусство, может быть результатом сознательного действия низовых креативных лидеров, а не структуры (государства, рынка с их «естественными» закономерностями развития).

Концепция кругов творческого сотрудничества, в свою очередь, развивает более ранние идеи, связанные с понятием «художественных самоорганизаций». Современное теоретическое прочтение этого феномена, имеющего богатую историю и уходящего корнями в XIX в., может строиться на сформулированном итальянским философом П. Вирно понимании функционирования культурной индустрии как постфордистской формы производства. В работе «Грамматика множества: к анализу форм современной жизни» П. Вирно пишет: «в подобной индустрии не создаются произведения, отдельные от самого действия, <...> нет недостатка в законченных продуктах, которые необходимо сбыть в конце производственного процесса» [Вирно, 2013: 63].

Развивая идеи Д. Паркера и У. Корта об ограничениях концепции «полей стратегического действия» (в том числе на примере сферы искусства), можно выдвинуть гипотезу о существовании «полей агентности» как особого типа социальных образований, являющихся результатом не столько изменения или развития через индивидуальное действие уже существующих структур, но непосредственного создания новых практик действия

и сообществ, которые, в свою очередь, меняют более широкую среду. Эта гипотеза может рассматриваться как дополнение концепции полей стратегического действия Н. Флигстина и Д. Макадама и как уточнение выдвинутой ранее одним из авторов настоящей статьи концепции (нео-) или (де-)структуризации.

Отечественные исследования и дискуссии о проблематике агентности в искусстве. Несмотря на важность современных международных дискуссий в области общей социальной теории, содержательное понимание конкретных социальных полей невозможно без внимательного учета отраслевых дискуссий, а также национального контекста. В российских разработках в сфере социологии искусства одним из близких к понятию «агентность» (но не тождественных ему) является понятие «самоорганизации». Российский эксперт, исследователь и художник Р. Поланин предлагает прочтение самоорганизации как ассамбляжа – синтеза целого, несводимого к простому перечислению своих частей [Поланин, 2020: 40]. Автор пишет, что ключевым свойством самоорганизации является индивидуация, то есть становление каждого из элементов в обход слияния в единый социальный институт [там же]. В российской реальности художники чаще всего создают самоорганизации после окончания художественных школ, будучи фрустрированными отсутствием явных социальных лифтов в профессии, небольшим количеством вариантов построения карьеры, предлагаемых институциями. При этом художники понимают, что наработанные во время учебы связи стоит сохранить, а плодотворный опыт коллабораций стоит наращивать – уже не по заданию мастера, преподавателя, а на принципах, ориентированных на самореализацию и утверждение новых идей, взглядов и эстетических решений в реальном мире [там же].

Автор-составитель альманаха российских художественных самоорганизаций «Открытые системы» А. Трубицына предлагает свою типологию самоорганизаций на основании критериев, в числе которых она выделяет «пространство» (мастерская, квартира, сайт), «финансирование» (личные средства организаторов, гранты), «принцип организации» (например, коллегиальность), «частота событий», «концепция», «ключевые слова» (например, экология, ликбез, активизм) [Трубицына, 2020]. Автор отмечает, что современным художественным самоорганизациям свойственна высокая изменчивость формы и содержания, что отражает индивидуальные творческие стратегии художников.

Социолог и культуролог М. Кулева проанализировала 88 российских творческих инициатив, насчитывающих 1411 участников [Кулева, 2020]. Согласно ей, социальные амбиции многих лидеров самоорганизаций выходят далеко за рамки художественного языка и формальных творческих изысканий. Зачастую художники самоорганизаций видят гражданскую функцию искусства крайне важной, если не определяющей для своей работы, однако детально данный вопрос в работе М. Кулевой не рассматривается.

В современных социологических исследованиях, связанных со сферой искусства, отмечается присутствие разнообразных и зачастую специфических социальных ожиданий в художественной среде [Колычева, 2019], выявляются социологические и политологические аспекты искусства [Кокошин, 2015]. Но ограничением рассмотренных дискуссий является недостаточное внимание к социальным эффектам, генерируемым соответствующими художественными сообществами или группами (иными словами, слабый интерес к аспекту агентности, связанному с влиянием на внешние социальные процессы). Настоящая работа является попыткой частично компенсировать это ограничение, интегрировав теоретические идеи концепций «среднего уровня» (связанных с понятиями «художественная самоорганизация» или «круги творческого сотрудничества») и верхнеуровневых разработок, связанных с общей социальной теорией (теория «полей стратегического действия» и теория «неоструктуризации»).

Методология исследования. В отличие от предыдущих исследований (см.: [Sorokin et al., 2024; Афанасьева и др., 2024]), методология настоящей работы предполагает обзор и научной, и практической литературы (статьи в периодических изданиях, эссе, тексты

в выставочных каталогах), а также проведение и анализ результатов интервью с современными российскими художниками.

На первом этапе были проанализированы ключевые известные авторам академические источники, обзоры и литература по проблематике агентности в современном искусстве и на их основе с учетом имеющегося опыта исследовательского коллектива [Mironenko, Sorokin 2022; Сорокин, 2021; Афанасьева и др., 2024; Афанасьева, 2022] были составлены гайды для интервью с художниками и критерии отбора респондентов.

Были отобраны авторитетные представители российской арт-сферы – художники, известные и популярные в России (лауреаты и номинанты премий «Инновация», Кандинского, С. Курехина и др.); их творчество связано с конкретными формами подтвержденного внешними источниками агентного действия (создание новых сообществ, движений, проектов и техник в сфере искусства). Вопросы участия респондентов в этой деятельности были в центре внимания в проведенных интервью. В период с июня 2023 по март 2024 г. были проведены глубинные полуструктурированные интервью с двумя обязательными блоками вопросов: первый – о причинах обращения художников к трансформационному потенциалу искусства; второй – о фактических взаимоотношениях художников с социальной средой, включая возможные эффекты трансформационного характера на окружающий мир.

Респонденты-художники дали согласие на проведение интервью и публикацию их результатов. В соответствии с этическими требованиями к такого рода научным исследованиям цитаты художников в статье приводятся анонимно (респондентам в случайном порядке приписан код: «№ 1», «№ 2» и др.). Результаты представлены согласно описанной выше логике интервью.

Причины обращения художников к агентному потенциалу искусства. Анализируя причины своего обращения к трансформационному потенциалу искусства, большинство информантов отмечают существование «внутреннего заказчика», ощущение необходимости делать работу, которую кроме них никто не сделает (№ 1, № 2). Мотив материальной выгоды для себя при этом отсутствует¹ (см. также [Колычева, 2019]). Важными факторами могут выступать стремление к сопротивлению навязанным извне ограничениям и стандартам («протест»), а также интерес к «глобальным вопросам» общественного развития. *«Когда я начинал, когда мне было примерно 25 лет, протест еще был в крови <...> Сейчас, я чувствую, что это немного поубавилось, и меня просто стали интересовать какие-то более глобальные темы <...> Интенция трансформировать миропорядок где-то сохраняется»* (№ 3). *«Подросло уже новое поколение людей, которые готовы что-то менять, принимать какие-то новые законы, которые уже просто выросли и готовы начать действовать»* (№ 5).

Художники стремятся воздействовать на массового зрителя, привнести новые идеи и концепции в жизнь. Соответствующий эффект имеет самостоятельную ценность для них как признак успешной самореализации: *«Были яркие работы, конечно, они повлияли на историю <...> Если даже художник и пытается поменять ход вещей, скорее, он все-таки рефлексирует, он больше пытается зафиксировать тот момент, который уже случился»* (№ 3). *«Я это делаю, потому что внутренняя потребность в творчестве выражается через импакт на окружающих»* (№ 2).

Результаты интервью подтверждают высказанные в литературе суждения о том, что важным и зачастую обязательным условием принадлежности к миру художников является новизна [Seidel, 2016]. Интервью показывают, что для наших респондентов сфера современного искусства – не только очевидный способ творческой самореализации, но и возможность придумать и предложить общественности новые смыслы, заставить по-новому взглянуть на окружающий мир.

¹ Художники, как правило, не рассчитывают на серьезные продажи своих произведений и официальную карьеру: *«Это просто люди, которые привыкли работать, потому что они по-другому не могут, потому что только это им нравится»* (№ 3). *«Буду просто на работу ходить. Свою внутреннюю работу. Работу социального антрополога, художника, это как угодно можно назвать, потому что никто это не заказывает, кроме меня самого»* (№ 1).

Наблюдаемая легитимность индивидуальной агентности в представлениях респондентов может объясняться тем, что мир искусства, в отличие от многих сфер общественной жизни, в существенной степени в своем развитии опирается именно на индивидуальный талант художника [Parker, Corte, 2017]. Для других сфер общественной жизни исторически характерна ситуация, когда внешняя среда жестко задает границы действий индивида, его возможности и ограничения (рынок – для предпринимателей, корпоративные правила, уставы и регламенты – для работников корпораций и т.п.).

Художник действительно в относительно большей степени, чем представители других сфер деятельности, свободен от жесткого диктата внешних законов, включая законы рынка. Поэтому «поля стратегического действия» (strategic action fields) в сфере искусства выстраиваются в значительной мере вокруг самих художников – как их собственные «поля агентности» (agency fields), в которых индивид, а не структура, является основной несущей конструкцией. Это подтверждают слова одного из респондентов: *«Раньше, когда я занимался театром, мне очень нравилось, когда люди занимаются самопожертвованием ради искусства, и я сам до какой-то степени таким человеком был. Но потом до меня дошло, что любое высказывание меньше, чем сам творец»* (№ 3).

Таким образом, художники «легитимно» реализуют авторские поля агентности, не только и не столько видоизменяя существующие структуры, сколько формируя новые – в форме полей агентности, выстроенных вокруг их индивидуальной творческой идеи, подхода, взгляда на мир и т.п. Более того, именно стремление создать подобное поле, свой собственный мир и «вовлечь» в него окружающих – становится одним из важных мотивов обращения опрошенных художников к агентному потенциалу искусства.

Фактические взаимоотношения художников с социальной средой. В литературе отмечается, что для значительной части современного искусства характерен критический настрой по отношению к доминирующим институциям, включая, прежде всего, государство и рынок [Аллахвердиев, 2023; Колычева, 2019]. Распространение художественных самоорганизаций, которые пытаются выстроить альтернативные смыслы и новые формы взаимодействия, можно рассматривать как проявление этой тенденции, хотя, как показали наши интервью, помимо критики, не менее важна ориентация на объективный вклад в решение значимых социальных проблем, включая социальное неравенство, дефицит социальной сплоченности, издержки общества потребления, риски для экологии, и др.: *«Меня просто стали интересовать какие-то более глобальные темы <...> Про то, что люди не перестают влюбляться, быть нищими, болеть, умирать, <...> они меня, очевидно, стали волновать больше»* (№ 3). При этом подчеркивается ориентация на генерацию новых творческих концепций, смыслов, идей и решений благодаря диалогу со зрителем: *«У зрителя есть возможность включиться в игру. Это интерактивный объект. Для меня важно, что он может меняться. Меняется смысл в зависимости от того, кто участвует, от того, какая последовательность»* (№ 4).

В целом интервью показывают смещение вектора основных смысловых ориентаций современных художников с критики институций, характерной для модернистского искусства, к решению реальных социальных проблем. Важной задачей на этом пути информанты считают поиск групп единомышленников: *«важно поддерживать комьюнити, социальную ткань нашего комьюнити»* (№ 1).

В интервью художники отмечали, что пытаются фиксировать и осмысливать разнообразные проекты в сфере искусства, новые формы культуры: *«маятник все время качается в сторону каких-то новых сумасшедших проектов»* (№ 1), *«всегда найдутся люди, которые будут идти вперед, делать по-другому, и быть локомотивом»* (№ 3). Таким образом, с одной стороны, художники сами предлагают уникальные смыслы, направляя аудитории в сторону новых форм организации жизни, с другой стороны, фиксируют и описывают культурные формы, которые появляются в реальности поначалу без их участия. Вероятно, этот двухсторонний эффект обеспечивает особую роль представителей художественного сообщества в поддержке агентности и высокую вариативность возможных эффектов

такого рода деятельности. Подтверждением служат слова одного из респондентов: «Я думаю, история авангарда очень ярко показала, что авангард может служить совершенно разным идеям, разным политическим мотивам» (№ 5).

Информанты подчеркивают рост разнообразия в социальном мире, рассматривая его как положительный признак социального развития: «*Такое разнообразие психотипов и моделей поведения – это очень хорошо. Это главный признак успешного эволюционирования – и вида, и общества*» (№ 1). Социальная стратификация, с одной стороны, многократно усложняет задачу художника – сложно предсказать и спрогнозировать эффект от работы. С другой стороны, многообразие обеспечивает богатый контекст: «*Разнообразие культурного товара, которое воспроизводят представители разных точек зрения, такой обширный «торговый центр» – конечно, ты пойдешь за покупками туда, где есть конкуренция и большой выбор*» (№ 1).

В условиях неоструктуризации [Сорокин, 2023] высока роль случайности, и агентность носит выраженный непредсказуемый характер. Один из респондентов выдвинул гипотезу о существовании двух механизмов формирования смыслов, запускающих новые социальные структуры. Первый – сильное эскалирующее высказывание, которое часто используют СМИ. Второй – иносказательность, способность переходить на языки аллегорий и символов. Можно предположить, что на фоне радикальных изменений в мире последних лет наши респонденты-художники видят все более тонкие градации социальной действительности и чаще обращаются ко второму механизму. «*Мне очень нравится в рамках непредсказуемого вводить свои практики. В случайности есть что-то божественное, чудесное. Поэтому не нужно программировать этот трансформационный потенциал «от и до»*» (№ 1). Другой художник говорит: «*Я вижу трансформацию некоторых художников, которые вдруг поняли, что <...> не все так однозначно, и мир не делится на черное и белое*» (№ 3).

Искусство способно вызывать у зрителя эмоции и через них подталкивать его к рефлексии, формируя агентный потенциал. «*По-настоящему трансформационный потенциал есть в искусстве как в возможности рефлексии, в возможности увидеть что-то с новой точки зрения, посмотреть на что-то под другим углом. Вы можете выйти, может быть, за пределы привычной парадигмы*», – подтверждает один из респондентов (№ 5). «*Есть художники, которые мыслят образами, а я – концепциями, поэтому слова позволяют мне более точно сформулировать свою идею*» (№ 4).

Важно, что никто из респондентов не рассматривает свои отношения с окружающим миром через призму принадлежности к той или иной конкретной социальной группе или структуре. Даже такая широкая социальная группа как «художники» – не является для них очевидным предметом идентичности: «*Думаю, что художник это такая возможность быть между разными кругами. Для него нет каких-то социальных иерархий ... Я стараюсь не делать каких-то различий в общении с разными людьми из разных миров*» (№ 5). Иными словами, ни один из них не является актором, действующем в «готовом» поле. Все они – создатели собственных проектов, которые могут быть рассмотрены как самостоятельные поля агентности, генерируемые ими скорее «вокруг себя», а не внутри каких-либо существующих структурных границ.

Заключение. Изобразительное искусство – мощный ресурс не только понимания, но и трансформации социальной среды. Обобщая обзор литературы, а также анализ интервью с современными российскими художниками, можно заключить, что сфера искусства позволяет наглядно рассмотреть проблематику агентности, отчасти в силу того, что она в относительно небольшой степени регламентируется внешними факторами.

Художественная сфера стимулирует агентность как легитимное проявление творческого потенциала. Ключевыми факторами мотивации художников являются стремление к противопоставлению внешним ограничениям и стандартам («протест»), чувство внутреннего долга, желание изменить мир, привнести новые концепции и решения, творческая самореализация, мотивация воздействовать на массового зрителя, иными словами – создание собственных полей агентности, которые являются одним из механизмов развития социального мира.

Поля агентности, создаваемые современными художниками, могут рассматриваться в дополнение к теории полей стратегического действия Н. Флигстина и Д. Макадама, а также как уточнение концепции (нео-) или (де-)структуризации [Сорокин, 2021]. Проведенное исследование дополняет и развивает современные отечественные дискуссии (А. Трубицына, М. Кулева, Р. Поланин, В. Колычева и др.) в области социологии искусства в части иллюстрации агентного потенциала современных российских художников.

Таким образом, искусство может не только поднимать общественно значимые темы и ставить вопросы, но и показывать возможные пути изменений социальных процессов. В зарубежной литературе можно найти свидетельства тому, что агентность в искусстве оказывает влияние не только на художественные сообщества, но и на более широкую социальную среду, включая сферы здравоохранения, экологии, культуры и др., а также проблемы неравенства и социальной сплоченности (см. подробнее: [Dow et al., 2023; Garcia, 2017]). Российская действительность остается менее изученной. Проведенные интервью показывают, что поля агентности, создаваемые современными художниками, могут формировать новые практики индивидуального действия и сообщества, которые трансформируют социальную среду и вносят позитивный вклад в развитие общества. Вопрос национальной специфики рассмотренных феноменов требует отдельного поиска в будущих исследованиях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аллахвердиев Т.К. Плавающая институциональность и параинституты в современном искусстве России: предпосылки и образы // *Коммуникации. Медиа. Дизайн*. 2023. № 8(1). С. 144–155.
- Афанасьева И.А. Языковое поколение: слово в современном российском искусстве // *Человек*. 2022. Т. 33. № 6. С. 136–155. DOI: 10.31857/S023620070023384-9.
- Афанасьева И.А., Сорокин П.С., Голощапов А.А. Агентность в современном европейском искусстве (2017–2023) в контексте социальных и культурных трендов: проявления и эффекты // *Шаги/Steps*. 2024. Т. 10. № 1. С. 341–362. DOI: 10.22394/2412-9410-2024-10-1-341-362.
- Вирно П. Грамматика множества: к анализу форм современной жизни / Под ред. А. Пензина. М.: Ад Маргинем, 2013.
- Кокошин А.А. Война и военное искусство: политологическое и социологическое измерения // *Социологические исследования*. 2015. № 3. С. 97–106.
- Колычева В.А. Искусство оценки искусства: по результатам опроса художественного сообщества Санкт-Петербурга // *Социологические исследования*. 2019. № 11. С. 100–109. DOI: 10.31857/S013216250007451-9.
- Кулева М. Социологические открытия «открытых систем» // *Открытые системы. Опыты художественной самоорганизации в России. 2000–2020* / Ред.-сост. А.Ю. Трубицына. М.: МСИ «Гараж», 2020. С. 26–33.
- Поланин Р. Self-organizing, или пересобирая самоорганизацию // *Открытые системы. Опыты художественной самоорганизации в России. 2000–2020* / Ред.-сост. А.Ю. Трубицына. М.: МСИ «Гараж», 2020. С. 40–47.
- Сорокин П.А., Головин Н.А. Эксперименты в социологии. О степени выраженности некоторых проявлений товарищества (альтруизма) на деле и на словах в зависимости от социальной дистанции // *Социологические исследования*. 2022. № 1. С. 93–98.
- Сорокин П.С. Проблема «агентности» через призму новой реальности: состояние и направления развития // *Социологические исследования*. 2023. № 3. С. 103–114. DOI: 10.31857/S013216250022927-2.
- Сорокин П.С. Социологическая теория: вызовы и возможности российской социологии // *Социологические исследования*. 2021. № 11. С. 12–23. DOI: 10.31857/S013216250017006-9.
- Трубицына А. Опыт проекта // *Открытые системы. Опыты художественной самоорганизации в России. 2000–2020* / Ред.-сост. А.Ю. Трубицына. М.: МСИ «Гараж», 2020. С. 8–25.
- Флигстин Н., Макадам Д. Теория полей. М.: ВШЭ, 2022.
- Archer M.S. Can Complexity Add anything to Critical Realism and the Morphogenetic Approach? // *Journal for the Theory of Social Behaviour*. 2024. No.??, P. 1–12. DOI: 10.1111/jtsb.12419.
- Cavazzoni F., Fiorini A., Veronese G. How do we assess how agentic we are? A literature review of existing instruments to evaluate and measure individuals' agency. // *Social Indicators Research*. 2021. No. 59. P. 1125–1153.

- Dow R., Warran K. et al. The arts in public health policy: progress and opportunities // *The Lancet Public Health*. 2023. No. 8(2). P. 155–160. DOI: 10.1016/S2468-2667(22)00313-9.
- Dwivedi Y.K., Sharma A. et al. Evolution of artificial intelligence research in Technological Forecasting and Social Change: Research topics, trends, and future directions // *Technological Forecasting and Social Change*. 2023. No. 192. DOI: 10.1016/j.techfore.2023.122579.
- Fligstein N., McAdam D. Toward a general theory of strategic action fields // *Sociological theory*. 2011. No. 29(1). P. 1–26. DOI: 10.1111/j.1467-9558.2010.01385.x.
- Furuta J., Meyer, J.W., Bromley P. Education in a Postliberal World Society. *The Oxford Handbook of Education and Globalization*. Oxford: Oxford University Press, 2023.
- Garcia A. *The Walls of Wynwood: Art and Change in the Global Neighborhood*. Diss. Princeton University, 2017.
- Mironenko I.A., Sorokin P.S. Activity Theory for the De-Structuralized Modernity // *Integrative Psychological and Behavioral Science*. 2020. No. 56. P. 1055–1071. DOI: 10.1007/s12124-020-09587-4.
- Parker J.N., Corte U. Placing Collaborative Circles in Strategic Action Fields: Explaining Differences between Highly Creative Groups // *Sociological Theory*. 2017. No. 35(4). P. 261–287. DOI: 10.1177/0735275117740400.
- Seidel M.F. Contemporary art: art and life // *Multidisciplinary Core Scientific knowledge magazine*. 2016. Vol. 7. P. 52–62.
- Sorokin P.S. The Promise of John W. Meyer's World Society Theory: "Otherhood" through the Prism of Pitirim A. Sorokin's Integralism // *The American Sociologist*. 2020. Vol. 51. No. 4. P. 506–525. DOI: 10.1007/s12108-020-09468-8.
- Sorokin P.S., Afanaseva I.A., Goloshchapov A.A. Art and Agency in the Era of De-Structuration: Exploring a New Field // *Integrative Psychological and Behavioral Science*. 2024. Vol. 58. P. 204–220. DOI: 10.1007/s12124-023-09777-w.

Статья поступила: 17.04.24. Финальная версия: 23.09.24. Принята к публикации: 07.10.24.

AGENCY FIELDS IN THE SPHERE OF ART: ACTORS, ENVIRONMENTS OF MANIFESTATION, AND FORMATION FACTORS

SOROKIN P.S.*, AFANASEVA I.A.*

*HSE University, Moscow, Russia

Pavel S. SOROKIN, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Leading Research Fellow, Head of the Laboratory (psorokin@hse.ru); Irina A. AFANASEVA, PhD student, researcher (iaafanaseva@hse.ru). Both – Laboratory for Human Capital and Education Research, HSE University, Moscow, Russia.

Acknowledgment. The study was prepared within the framework of a grant provided by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation No.: 075-15-2022-325.

Abstract. Insufficient understanding of the driving forces and mechanisms of proactive human influence on the social environment has recently been discussed as one of the key problems for fundamental science and practical politics. One of the key concepts in scientific discussions is agency. The field of art, as both a medium of manifestation and a factor in the formation of agency, receives limited attention, despite the fact that historically it occupies an important place in the developments on the problems of structural dynamics (for example, in the works of P. Bourdieu, B. Latour). Based on theoretical analysis, a review of discussions in the field of contemporary art, as well as on the basis of five interviews with contemporary artists, this article puts forward and substantiates the hypothesis about the existence of "fields of agency" as a special type of social formations, resulting not so much from change or development through individual action of existing structures, but from the direct creation of new practices of action and communities, which in turn change the wider environment. This hypothesis is considered as a development of the concept of strategic action fields by N. Fligstein and D. McAdam, as well as a clarification of the neostructuration concept (de-structuration) previously put forward by one of the authors of this article. The authors conclude that the formation of fields of agency may be an important mechanism through which individual action can transform the social world and which has not been sufficiently studied in contemporary social theory.

Keywords: contemporary art, agency, independence, neo-structuration, field theory, fields of agency, strategic action, self-organization.

REFERENCES

- Afanaseva I.A. (2022) Language Generation: Word in Contemporary Russian Art. *Chelovek [Person]*. Vol. 33. No. 6: 136–155. DOI: 10.31857/S023620070023384-9. (In Russ.)
- Afanaseva I.A., Sorokin P.S., Goloshchapov A.A. (2024) Agency in contemporary European art (2017–2023) in the context of social and cultural trends: Manifestations and effects. *Shagi/Steps*. Vol. 10. No. 1: 341–362. DOI: 10.22394/2412-9410-2024-10-1-341-362. (In Russ.)
- Allakhverdiev T. (2023) Floating Institutionalality and Para-Institutions in Contemporary Russian Art: Premises and Forms. *Kommunikacii. Media. Dizain [Communications. Media. Design]*. Vol. 8. No. 1: 144–155. (In Russ.)
- Archer M.S. (2024) Can Complexity add anything to Critical Realism and the Morphogenetic Approach? *Journal for the Theory of Social Behaviour*. No.??: 1–12. DOI: 10.1111/jtsb.12419.
- Cavazoni F., Fiorini A., Veronese G. (2021) How do we assess how agentic we are? A literature review of existing instruments to evaluate and measure individuals' agency. *Social Indicators Research*. No. 59: 1125–1153.
- Dow R., Warran K. et al. (2023) The arts in public health policy: progress and opportunities. *The Lancet Public Health*. No. 8(2): 155–160. DOI: 10.1016/S2468-2667(22)00313-9.
- Dwivedi Y.K., Sharma A. et al. (2023) Evolution of artificial intelligence research in Technological Forecasting and Social Change: Research topics, trends, and future directions. *Technological Forecasting and Social Change*. No. 192. DOI: 10.1016/j.techfore.2023.122579.
- Fligstein N., McAdam D. (2011) Toward a general theory of strategic action fields. *Sociological theory*. No. 29(1): 1–26. DOI: 10.1111/j.1467-9558.2010.01385.x.
- Fligstein N., McAdam D. (2022) *Theory of Fields*. Moscow: VSHE. (In Russ.)
- Furuta J., Meyer, J.W., Bromley P. (2023) *Education in a Postliberal World Society. The Oxford Handbook of Education and Globalization*. Oxford: Oxford University Press.
- Garcia A. (2017) *The Walls of Wynwood: Art and Change in the Global Neighborhood*. Diss. Princeton University.
- Kokoshin A.A. (2015) War and Art of War: Politological and Sociological Dimensions. *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]*. No. 3: 97–106. (In Russ.)
- Kolycheva V.A. (2010) The Art of Art Assessing: Results of A Survey in The Saint Petersburg Artistic in Community. *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]*. No. 11: 100–109. DOI: 10.31857/S013216250007451-9. (In Russ.)
- Kuleva M. (2020) Sociological discoveries of “open systems”. In: *Open Systems: Self-Organized Art Initiatives in Russia, 2000–2020*. Moscow: MSI “Garazh”: 26–33. (In Russ.)
- Mironenko I.A., Sorokin P.S. (2020) Activity Theory for the De-Structuralized Modernity. *Integrative Psychological and Behavioral Science*. No. 56: 1055–1071. DOI: 10.1007/s12124-020-09587-4.
- Parker J.N., Corte U. (2017) Placing Collaborative Circles in Strategic Action Fields: Explaining Differences between Highly Creative Groups. *Sociological Theory*. No. 35(4): 261–287. DOI: 10.1177/0735275117740400.
- Polanin R. (2020) Self-organizing, or Reassembling Self-organization. In: *Open Systems: Self-Organized Art Initiatives in Russia, 2000–2020*. Moscow: MSI “Garazh”: 40–47. (In Russ.)
- Seidel M.F. (2016) Contemporary art: art and life. *Multidisciplinary Core Scientific knowledge magazine*. Vol. 7: 52–62.
- Sorokin P.A., Golovin N.A. (2023) Experiments in Sociology. On the Degree of Expression of Some Features of Solidarity (Altruism) in Deed and in Word in Relation to Social Distance. *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]*. No. 1: 93–98. (In Russ.)
- Sorokin P.S. (2020) The Promise of John W. Meyer's World Society Theory: “Otherhood” through the Prism of Pitirim A. Sorokin's Integralism. *The American Sociologist*. Vol. 51. No. 4: 506–525. DOI: 10.1007/s12108-020-09468-8.
- Sorokin P.S. (2021) Sociological Theory: Challenges and Opportunities for Russian Sociology. *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]*. No. 11: 12–23. DOI: 10.31857/S013216250017006-9. (In Russ.)
- Sorokin P.S. (2023) The Problem of “Agency” Through the Prism of a New Reality: Conditions and Perspectives. *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]*. No. 3: 103–114. DOI: 10.31857/S013216250022927-2. (In Russ.)
- Sorokin P.S., Afanaseva I.A., Goloshchapov A.A. (2024) Art and Agency in the Era of De-Structuration: Exploring a New Field. *Integrative Psychological and Behavioral Science*. Vol. 58: 204–220. DOI: 10.1007/s12124-023-09777-w.
- Trubitsyna A. Project Experience. In: *Open Systems: Self-Organized Art Initiatives in Russia, 2000–2020*. Moscow: MSI “Garazh”: 8–25. (In Russ.)
- Virno P. (2013) *Grammar of the set. To the analysis of forms of modern life*. Moscow: Ad Marginem. (In Russ.)

И.В. КАТЕРНЫЙ, Д.Э. ЗАКИЕВА

КОНСТРУИРОВАНИЕ ЭЗОТЕРИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ В ТАРОМАНТИИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ И ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

КАТЕРНЫЙ Илья Владимирович – доктор социологических наук, профессор кафедры; ведущий научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН (yarkus@mail.ru); ЗАКИЕВА Диана Эдуардовна – аспирантка (diana.zakieva@list.ru). Оба – кафедра социологии МГИМО МИД России, Москва, Россия.

Аннотация. Статья посвящена изучению социальных и культурных механизмов конструирования эзотерической реальности в рамках дискурсивной практики гадания на картах Таро, демонстрирующей все большую популярность в массовой российской и глобальной культуре. В первой части рассматриваются социокультурные факторы формирования дискурса таромантии в рамках истории модернизации западноевропейского общества от «общего кризиса» XVII в. до возникновения движения новой духовности в XX в. Доказывается, что гадательная прагматика Таро не имеет отношения к древним знаниям или архетипическим символам, а конструируется как инициатическая и доктринальная система тайных обществ с целью объединения граждан в эпоху упадка институциональной религии ради легитимации символических универсумов альтернативной сакральности. Во второй части статьи приводятся некоторые данные многоступенчатого эмпирического исследования символической и социальной структуры гадательного перформанса таромантии в онлайн-среде. Выделены типы онлайн-дивинаторов и их зрителей, их коммуникативные стратегии, показано устройство феноменологической сети ритуала гадания и его драматургический порядок.

Ключевые слова: эзотерика • Таро • гадание • тайные общества • конструирование реальности • социальный перформанс

DOI: 10.31857/S0132162524100127

Последние годы в России продемонстрировали тренд на популяризацию так называемых эзотерических услуг среди самых различных категорий потребителей. Так, по данным платформы GetCourse, онлайн-обучение по эзотерическим направлениям в 2022 г. получило наибольший прирост (15%), опередив по итоговым показателям такие традиционные интересы пользователей, как психология, изучение языков, личностный рост, финансовая грамотность¹. Подобную тенденцию фиксируют и книжные издательства: в 2021 г. лидер книжного рынка компания «Эксмо» зафиксировала рост продаж литературы в эзотерической тематике на 53%². И даже крупные бизнес-структуры вводят должность штатного таролога для более, как им кажется, эффективного подбора персонала³. Использование «эзотерических» инструментов при принятии бизнес-решений – советов астрологов, нумерологов, тарологов и магов – считают «полезным» или «скорее полезным» 24% опрошенных компанией IFORS Research представителей малого и среднего бизнеса в России⁴ [Бутрин, 2023].

¹ Итоги 2022 от GetCourse. Каким был наш 2022 и чего от нас ждать в 2023? // Getcourse. 28.12.2022. URL: <https://getcourse.ru/blog/1015833> (дата обращения: 29.04.2024).

² Лебедева В. Карма – источник знаний // Коммерсантъ. 2022. № 17 от 1 февраля. С. 1.

³ Шукин П. Владелец «Пятерочки» решил нанять таролога с навыками защиты от магии // Лента. 13.03.2024. URL: <https://lenta.ru/news/2024/03/13/taro/> (дата обращения: 29.04.2024).

⁴ Бутрин Д. Как карты таро лягут. Четверть российского малого бизнеса видит смысл в эзотерических практиках // Коммерсантъ. 2023. № 189 от 11 октября. С. 2

Подобные волны случаются в определенные, «переходные» периоды социального развития, когда формируются условия для появления кризисного общественного сознания. Известными и хорошо изученными примерами исторического всплеска интереса к паранаучному знанию были в начале XX в. в Европе, а также в России конца второго тысячелетия. В Америке эзотерический бум особенно ярко проявился после Второй мировой войны на фоне «духовного кризиса» и контркультурных поисков, органично влившись в движения хиппи, феминизма и новой духовности, став в итоге мейнстримом к 1980-м гг. [Rosenthal, 2012: 390–420]. Все эти примеры показывают, что эзотерика как культурный феномен выполняет важные социальные функции именно в условиях нарастания признаков *кризисной социальности* [Катерный, 2023], выступая, с одной стороны, как альтернативная мифозамещающая идея, когда наука и религия утрачивают легитимное господство в сфере знания и морали, а с другой стороны, предлагая эффективные в своей перформативности методы решения практических задач, связанных с адаптацией к ситуации неопределенности и риска в различных жизненных сферах.

Эпистемической особенностью кризисной социальности является резкое снижение рационального постижения природы и каузальных связей происходящего в мире даже на экспертно-научном уровне. Это влечет за собой неизбежное чувство невозможности до конца совладать с перманентной ситуацией поликризиса. Дерационализация социальных процессов и последующее антропологическое смещение рефлексивности становятся фундаментальными причинами роста спроса на знание за пределами научной картины мира. Но на фоне снижения глобальной религиозности [Инглхарт, 2022] и эффективности традиционной институциональной духовности в России⁵ это ведет не к укреплению традиционных ценностных ориентаций, но к поиску альтернативных «символических универсумов» (П. Бергер, Т. Лукман).

Таким образом, в рамках трихотомии «наука – религия – эзотерика» последняя включает в себя все культурные формы (от идей до практик), признанные как ненаучными, так и нерелигиозными со стороны соответствующих легитимных институтов, и имеющие маргинальный институциональный статус в системе удовлетворения терминальных («духовных») потребностей. Хотя споры о том, что (не) включает в себя эзотерика с культурологической точки зрения, не утихают до сих пор, нам важно выделить сугубо социологический контекст исследования. Для этого помимо начатого функционального анализа разберем исторический и перформативный аспекты эзотерики и тарологии, в частности.

Социокультурные факторы формирования дискурса таромантии в истории. Согласно филологическим изысканиям, сам термин «эзотерика» входит в дискурсивный оборот европейских ученых лишь к концу XVIII в., а в англоязычной литературе и вовсе появляется к концу XIX в. [Neugebauer-Wölk, 2010]. Появившись как специализированный термин для обозначения идей древнего кружка пифагорейцев, «эзотерика» быстро перенеслась из прошлого в настоящее и благодаря деятельности тайных обществ (масонов и др.) и трудам влиятельных оккультистов (Э. Леви, Е. Блаватской и др.) актуализировалась как новая, «истинная» область знаний. Это способствовало ее популяризации и даже появлению профессии «эзотерика» к 1970-м гг. в связи с развитием движения «новой духовности» (New Age), особенностью которого стало переоткрытие и синкретическое смешение гетерогенных интеллектуальных и культурных традиций, что требовало экспертного знания. «Эзотерика» как современный нарратив и соответствующая практика неопределенно широкого толка возникает именно как дискурсивный продукт эпохи Просвещения (т.е. «иллюминации» нового знания) и последующей постсекулярной модернизации западного общества для обозначения неких тайных/скрытых (буквально – «эзотерических») знаний

⁵ Религия и общество: мониторинг. Аналитический обзор ВЦИОМ от 27.07.2023 г. // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/religija-i-obshchestvo-monitoring> (дата обращения: 02.02.2024).

в противоположность «явным» (буквально – «экзотерическим») научным и религиозным (прежде всего, христианским) представлениям о мире.

Сам феномен тайного, секретного, сакрального знания сопровождает эволюцию человеческой культуры испокон веков. Соккрытие, утаивание знаний и навыков играет важную социальную роль в социальной стратификации и распределении благ в традиционных и архаических обществах. С точки зрения культурного производства еще до возникновения традиционных религий гадательные практики (на костях, жертвенных животных, полетах птиц, снах) играли системообразующую роль в поддержании сакрального порядка. Классики-антропологи подчеркивали, что профессия мага и колдуна была первой в истории человечества, и их функция была охранять доступ к сакральному [Малиновский, 2020: 87]. Символизация вещей в древнем гадании (в древнем Китае, Месопотамии) была первой коммуникативной формой создания и поддержания тайны. Гадание проводит символические границы между такими категориями, как поверхность/глубина, открытое/тайное, знакомое/незнакомое, ясное/неясное и одновременно переходит их, чтобы приоткрыть завесу тайны. Более того, как указывает Н. Луман, письменность и фонетический язык впоследствии возникают из переработки именно гадательных символов, которые образовывали элементарные символические универсумы [Луман, 2011: 248–267]. Э. Дюркгейм, отправляясь от Дж. Фрэзера, также говорит о различиях между магическим знанием и религиозным – если первое скорее скрывает сакральное от профанного, то последнее открывает доступ к сакральному, объединяет вокруг него, создавая церковь [Дюркгейм, 2018: 112–120]. Исторически отделение религиозного от магического, а в последующем научного от религиозного и магического представляет собой методологическую эволюцию эзотерических практик как канала создания и доступа к сакральному. Современное понимание эзотерики в предложенном нам смысле и ее маргинализированный статус как бастардного института есть прямой продукт модернизации. Однако в социологическом смысле и эзотерика, и религия, и наука выполняют одинаковую коммуникативную функцию в обществе, одновременно скрывая и приоткрывая сферу сакрального как примордиального источника блага, истины и власти. Эпистемическое определение сакрального и канализация доступа к нему обеспечивают распределение не только дискурсивной, но и политической власти, а также социальную иерархию в обществе в целом.

В этой связи представляет интерес социальная история становления такой «дискурсивной практики» (М. Фуко), как гадание на картах Таро. В пионерской работе на эту тему канадского ученого М. Состерика было показано, что социальная роль символической системы Таро претерпела впечатляющую трансформацию за исторически короткий период времени, и свое нынешнее глубоко «эзотерическое» и даже «окультиное» значение она приобретает лишь к концу XVIII в. как инструмент символической легитимации идеологического и классового господства новой нарождавшейся буржуазной элиты Франции [Sosteric, 2014]. До этого времени карты Таро (точнее карты для игры в «тарокки»), начиная с XV в., когда они стали известны, использовались в среде итальянской (венецианской, флорентийской, болонской) аристократии для салонных и азартных игр, став прообразом всех современных карточных колод благодаря внедрению системы четырех мастей, заимствованной из арабской карточной символики. Часто представители знати обращались к знаменитым художникам (Фра Анжелико и др.) с просьбой создать для них свою собственную колоду карт с изображением членов их семьи и друзей. Так колоды пополнялись картами с изображениями придворных особ – королей, дам (королев), рыцарей, пажей. Позже к колоде были добавлены 20 дополнительных карт, составив современный стандарт с 78 арканами (козырями).

Таким образом, изначально колода Таро не имела пресловутого мистического, оккультного ореола и не несла гадательного значения. Однако накопление элитного социального капитала и специфическое смешение идей Возрождения с герметическими традициями постепенно превратило эту игру в предмет особого культа со стороны высших сословий. В 1772 г. французский масон по имени Антуан Кур де Жебелен, изучавший

окультиные учения своего времени, опубликовал по подписке среди парижских аристократов многотомный труд «Первобытный мир», где им предпринималась попытка воссоздать облик Золотой эры человечества, и где он впервые упоминает «Таро» как «древнеегипетскую игру в карты», проводя (впрочем, ложную) этимологию этого слова к египетским корням. Кур де Жебелен стал одним из первых людей в истории, кто ввел нарратив Таро, считая его кладовой древнейшей мудрости и эзотерических тайн египетских жрецов [Court de Gébelin A., Sanacore E., 2020]. Несомненно, подобные идеи были результатом влияния яркой волны египтомании в Европе той поры. До заморских походов Наполеона в самом конце XVIII в. и последующей расшифровки Розеттского камня Египет был настоящей terra incognita для европейцев, полной мифов, тайн и легенд, обеспечивая вдохновением многих представителей эпохи романтизма. Известно, что даже главный «маг» и «чародей» Европы Дж. Бальзамо (Калиостро) не смог отказаться пройти мимо этой моды и организовал устав высшего египетского масонства в 1784 г. В дальнейшем Таро благодаря усилиям разных оккультистов и представителей тайных обществ стало последовательно обрастать новым нарративами о его связи с астрологией, каббалой и герметизмом. Однако подобная эзотеризация была не просто прихотливым творческим озарением отдельных мистиков и романтиков, но отражала и более глубокую историческую закономерность эпохи. «Общий кризис» XVII в. ознаменовал в Европе конец большой эпохи господства крупных держав, династической власти и владычества католической церкви и вылился в итоге в культурную революцию просветителей и политическую революцию «третьего сословия» в следующем веке. Либеральная в своей основе идея общества как свободного союза единомышленников, культурной общности (нации), родовой общности (человечества) вытесняет традиционную идентичность, основанную на подданстве и церковной принадлежности. Побочным продуктом этой модернизации становится и развитие новой науки – науки об обществе. Но еще одним индикатором происходящих изменений в европейской жизни того времени можно считать появление первых общественных объединений граждан, например, научного характера (Королевское общество), политического толка (виги и тори) и, в том числе, тайных обществ, включая т.н. франкмасонов (свободных или вольных каменщиков) в конце XVII – начале XVIII в. Согласно Конституции Андерсона, устава франкмасонов, это международная общественная организация была призвана объединить всех людей под эгидой новой единой религии во имя дружбы и согласия вне конфессиональных, национальных и сословных границ⁶. Уже в середине XVIII в. Римско-католическая церковь почувствовала здесь новую (после протестантизма) угрозу для своего духовного господства, и эдиктами Климента XII и Бенедикта XIV масонство было запрещено, а его участники должны были караться смертной казнью. Это усилило необходимость обеспечения организационной и доктринальной тайны нового религиозного культа.

Спекулятивному франкмасонству, унаследовавшему дух секретности от своих средневековых предшественников, тем не менее потребовалось переучредить идеологию тайны в новом «кафолическом» (целостном) религиозном духе в противовес традиционному католицизму. В этом смысле появление самой концепции «Таро» было как нельзя кстати для легитимации идеологии новой космополитической религии. Кур де Жебелен увидел в Таро именно такой универсальный и при этом сакральный образ. Его «Первобытный мир» описывал ретроутопию, в которой люди имели общий язык, общие обычаи, общую культуру и общую религию. И возрождение этого мира было сакральным делом масонов. «Существует вечный и неизменный порядок, – утверждал автор, – который объединяет небо и землю, тело и душу, физическую и нравственную жизнь, людей, общества, империи, поколения уходящие, приходящие, которые заявляют о себе в единой для всех

⁶ Конституция Андерсона // Объединенная Великая Ложа России. URL: <https://ovlr.ru/the-constitution-of-freemasons-anderson/> (дата обращения: 20.06.2024).

вере» (цит. по: [Decker et al., 2002: 56]). В этом контексте Таро обрело важную инициатическую роль проводника в мир сакрального вечного порядка.

В XIX в. открытие величия и сложности египетской цивилизации в результате обширных археологических раскопок подготовило почву для новой волны египтомании. В Англии викторианское общество было особенно в восторге от древней египетской культуры. Первоначально роль Таро в этой атмосфере была незначительной. Однако под влиянием небольшого и близкого к масонам эзотерического общества «Орден Золотой Зари» Таро приобрело важное инициатическое значение. Орден стал венцом британского оккультного возрождения, синтезировавшего в единое целое огромный массив разнородного материала, охватывающего египетскую мифологию, каббалу, енохианскую магию, алхимию, розенкрейцерство и астрологию. Последовательность козырей (арканов) колоды Таро была модифицирована, чтобы лучше соответствовать другим эзотерическим системам, и каждому из них можно было приписать гадательное значение. Этот новый числовой порядок арканов и их гадательные интерпретации лежат в основе всех современных предсказаний на картах Таро. Последующее дискурсивное закрепление универсального инициатического статуса Таро в трудах известных мистиков Леви, Кристиана и Папюса и всемирное признание символики самой известной на сегодняшний день колоды другого масона А.Э. Уайта (начало XX века) стали важными вехами символической и доктринальной самоидентификации оккультистов эпохи модерна.

Однако, как указывает М. Состерик, сами изображения фигур на картах Таро (Император, Императрица, Верховная жрица, Иерофант и др.) имеют скрытое идеологическое значение, воспроизводя элитистскую концепцию аристократической иерархии, привилегий и контроля над миром [Sosteric, 2014: 380]. Неспроста в масонском Таро старший аркан Шута (представляющий субъекта инициатического путешествия) всегда белый, молодой мужчина. Хотя формальный запрет на инициацию женщин в масоны на правах кровных или брачных связей фактически был снят в некоторых ложах уже в XVIII в., но до сих пор современные масонские ложи – это прежде всего братства (мужчин). Принцип «никаких рабов и никаких женщин» сохраняет свою силу сквозь века. В этом смысле история становления Таро и его оккультистского режима, по мнению Состерика, эксплицирует не только классовую, но и патриархальную, гендерную и расистскую идеологии.

Даже если не соглашаться с прямолинейностью подобных выводов, очевидно, что тарология как эзотерическая доктрина и гадательная практика действительно довольно быстро прошла этапы символического кодирования реальности («спираль означения»), реализуя задачу переопределения смыслов сакрального в эпоху упадка религии. Уже в конце XVIII в. последователь Кур де Жебелена Ж.-Б. Алльет (Эттейла) стал впервые использовать колоды Таро для гадательных ритуалов, положив начало популяризации и коммерциализации новой эзотерической реальности. С тех пор вокруг Таро начинает формироваться устойчивый и при этом самореферентный дискурс мифологического характера, игнорирующий реальную историю конструирования мифа. Демифологизация Таро по сей день сталкивается со своеобразным заговором молчания со стороны авторитетных литераторов, эзотериков и философов, использующих свой риторический бастион в защиту символического универсума новой духовности. Вклад в эту спираль означения делают и ученые-психологи, и семиотики, предпринимающие попытки трактовать символику Таро с юнгианских, т.е. научных позиций [Semetsky, 2010]. Характерно, что сами историки Таро признают главным социологическим фактом в своих исследованиях непревзойденный уровень обнаруженной ими дискурсивной мистификации: «колода Таро является предметом самой успешной пропагандистской кампании, когда-либо начатой [в истории] ...оккультисты полностью выдумали ложную историю и ложную интерпретацию колоды Таро, и почти все вокруг в это верят» [Decker et al., 2002: 27].

Таким образом, мы можем выделить несколько исторических этапов конструирования реальности эзотерического Таро: (1) *развитие кризисной социальности*: ослабление власти империй и религии и появление тайных обществ (франкмасонов

и других) как организационной предпосылки легитимации новой заместительной идеологии (XVII–XVIII вв.); (2) *окультиная апроприация*: выдвижение концепции «Таро» в рамках культурной моды на египтоманию А. Кур де Жебеленом и его последователями как нового универсального знания (XVIII в.); (3) *учреждение культурной сцены*: закрепление и популяризация эзотерической символики Таро представителями тайных оккультных обществ (XVIII–XIX вв.); (3) *ритуализация гадательного перформанса*: типизация статуса гадающего и институционализация таромантии как магической практики (XIX в.); (4) *репертуарная реинституционализация*: реинтеграция Таро в дискурс «новой духовности» как части массовой культуры (XX в.) и изобретение новых ритуальных функций и репертуаров за действиями символического универсума тарологии.

Действительно, с наступлением эпохи новой духовности на Западе в 1960-е гг., когда эзотерические, философские и религиозные системы стали эклектично соединяться для создания изощренных духовных систем, Таро претерпело еще одну трансформацию. Колода сохранила свою функцию как метод гадания, но характер этой практики изменился. Целью чтения Таро в эпоху Нью-Эйдж стало исцеление и саморазвитие, а не простое предсказание судьбы. Сами дивинаторы (гадающие на картах Таро) зачастую предлагают услуги целительства по системе Рейки, чистки и медитации. В рамках современного возрождения оккультизма практикующие стали искать единственное истинное Таро, «исправляя» колоду в соответствии со своими убеждениями, или создавая колоды, выполняющие иные функции, чем гадание. Теория архетипов К.-Г. Юнга лишь подтвердила возможность заимствований и смешивания культур в символике Таро [Nichols, 1980]. Таким образом, структура и символика колоды Таро постоянно смещаются. Во многих колодах отсутствуют карты младших арканов, количество старших арканов переменчиво, а их названия часто заменяются, чтобы лучше адаптировать к местной культурной среде или традиции. Все это еще раз подчеркивает релятивистский и феноменологический характер тарологии, только усиливающийся в связи с популяризацией цифровых платформ. Медитация и внедрение изощренных маркетинговых стратегий создает особую драматургическую ситуацию в практиках онлайн-гадания.

Феноменология перформативности в таромантии. В России гадания на картах в формате аудио- и видеозаписей, а также текстовых сообщений получили широкое распространение в Интернете во время пандемии на рубеже 2021–2022 гг. Но эта ситуация не уникальна. Эзотерическая культура Таро, как ни странно, нашла отклик и в таком традиционалистском обществе, как Китай, где цифровые медиа сыграли важную роль в популяризации нездешней для местной традиции методики гадания. На июль 2021 г. интерактивные видеоролики, связанные с Таро, на платформе Bilibili были просмотрены более 910 млн раз [Fu et al., 2023].

Анализ феноменологии перформативной роли Таро представляет социологический интерес как продолжение изучения истории этой дискурсивной практики. Как конструируется и легитимируется прагматика Таро в ритуалах гадания? Какова структура гадательного ритуала? Каковы ожидания кверентов от участия в ритуале? Вот вопросы, которые могут иметь социологическое значение.

Для ответов на эти и другие вопросы было проведено многоступенчатое эмпирическое исследование, первый этап которого основывался на включенном наблюдении в видеохостинге YouTube и Telegram-каналах за деятельностью иностранных и российских онлайн-тарологов. Включенное наблюдение длилось один месяц (при условии ежедневной публикации видео дивинаторами), выборка была целевой и составила 50 человек⁷. Среди онлайн-тарологов были отобраны те, чья аудитория составила от 10 тыс.

⁷ В рамках подготовительного этапа была предпринята попытка внедриться в общество тарологов с помощью активного участия в работе их каналов на YouTube и Telegram – написания комментариев, ответов на комментарии зрителей, поделившихся своим откликом к видео. Получение личной информации о тарологах стало возможно с помощью открытых вопросов на их Telegram-каналах, изучения их постов и прямых эфиров. Для первого этапа выборка была сужена со 100 человек до 50.

до 200 тыс. человек. В рамках первого этапа также был проведен контент-анализ публикуемых видеороликов, а затем на их основе был составлен социальный портрет российского и иностранного таролога. Второй этап заключался в проведении полуформализованного онлайн-опроса на платформе Zoom с 50 случайными зрителями онлайн-дивинаторов, обращавшихся за услугой гадания. Целью опроса было выявить особенности коммуникативного взаимодействия между дивинаторами и кверентами (обращающимися к гадалею) в онлайн-пространстве, а также отношение заказчиков к процессу гадания. Третий этап – проведение глубинного онлайн-интервью с 50 онлайн-дивинаторами на платформе Zoom: выборка стратифицированная, география исследования – Россия (10 респондентов), США (8 респондентов), Европа (Швейцария – 7 респондентов, Германия – 6 респондентов, Великобритания – 10 респондентов), Индия (9 респондентов). Поиск респондентов осуществлялся по YouTube-каналам, количество подписчиков у которых варьировалось от 20 до 500 тыс. человек. Выбор представленных культур обусловлен наибольшей распространенностью онлайн-гаданий на YouTube в данных странах по сравнению с другими регионами. При интерпретации результатов использовался нарративный анализ, который позволил взглянуть на процесс конструирования эзотерической реальности с позиции «домашнего» мира онлайн-дивинатора⁸.

Социальный портрет самых популярных онлайн-тарологов на просторах YouTube в России – это женщина 45 лет, среднее количество подписчиков 20–50 тыс. человек, у некоторых онлайн-тарологов аудитория насчитывает более 100 тысяч человек. Самая масштабная целевая аудитория – разведенные или одинокие женщины в возрасте от 45 лет. Основная тематика раскладов – отношения между мужчиной и женщиной, а точнее, мысли и чувства мужчины по отношению к женщине-заказчику.

По сравнению с российскими онлайн-тарологами у целевой аудитории иностранных гадалей темы любви и карьерных перспектив занимают не первое место, их больше волнует ответ на вопрос о том, когда закончится «темная» полоса в их жизни и как они могут начать свое «духовное» развитие. На англоязычном YouTube гадание на картах Таро практикуется более молодыми специалистами, преимущественно женщинами. Их средний возраст составляет 35 лет, самыми популярными остаются расклады по знакам зодиака. При этом в англоязычном YouTube в названии раскладов больше используются слова «судьба», «родственная душа», «высшие силы», а сами тарологи часто занимаются продажей кристаллов, авторских колод карт.

По результатам включенного наблюдения были выделены два типа онлайн-дивинаторов и их зрителей. Первый тип дивинатора делает акцент на «сверхъестественном» и «мистическом опыте», в то время как второй тип представляет собой «мягкое» сочетание «духовности» с популярной психологией. Большое внимание первый тип уделяет образу самого дивинатора: он должен быть «мистическим» и «загадочным», давать неоднозначные ответы, а иногда и шокировать кверента. Данная группа дивинаторов часто использует такие слова, как «судьба», «пророчество», «грядет» для усиления воздействия на зрителя. Второй тип наибольшее внимание уделяет процессу и результату коммуникации – информация дивинатора должна быть понятной и доступной для каждого зрителя.

Как и ожидалось, онлайн-тарологи, чьи расклады обладают позитивным посылом и заканчиваются оптимистично, набирают наибольшее количество просмотров и подписчиков. Большинство зрителей подсознательно ищут в словах дивинатора поддержку и акцентирование своих сильных сторон и качеств, уверенность в своем светлом будущем.

Среди них были отобраны те, доступ к информации которых удалось получить при непосредственном участии в прямых эфирах (бесплатных онлайн-гаданиях и ответах на вопросы), а также путем их ответов на комментарии. Оставшиеся 50% дивинаторов продемонстрировали резко отрицательное отношение к вторжению в их «личное пространство».

⁸ За основу исследования на втором и третьем этапах была взята классическая анкета Д. Йоргенсена для изучения эзотерической культуры, которая включает в себя вопросы, посвященные биографии гадалея, «философии» гадания, отношению к эзотерической культуре и др. [Jorgensen, 2020: 244–249].

В этом отношении важным навыком для конструирования эзотерической реальности становится управление впечатлением о себе, требующее, чтобы онлайн-дивинатор контролировал свои эмоции и умел направлять их в нужную сторону.

В рамках первого этапа исследования анализу также подверглись 100 комментариев под видео онлайн-дивинаторов. 20% комментариев в России составили негативные и скептические комментарии, обвинения дивинаторов в мошенничестве и распространении «подтасованной» информации. Вера в сверхъестественное, согласно подобным комментариям, ассоциируется с низким уровнем интеллекта («...как можно верить в эту чушь»; «...еще одна мошенница»).

С другой стороны, было выявлено, что многие зрители считают просмотр онлайн-гаданий формой «исцеления» и «отвлечения от проблем»: «...смотрю расклад и успокаиваюсь»; «не на кого смотреть расклад, захожу просто послушать вас». Просмотр гаданий на картах Таро рассматривается некоторыми зрителями как бесплатная альтернатива дорогостоящей, длительной терапии с психологом, независимо от того, иллюзорна эта помощь или нет. Другими словами, существует потенциал для использования гадания на картах Таро как способа безопасного и творческого преодоления травмирующих переживаний. Тем не менее актуальной проблемой остается проблема доверия и уязвимости, получившие еще большее распространение в онлайн-пространстве. К примеру, прибегая к платным услугам дивинатора, беспокойство за сохранение конфиденциальности личной информации продолжает расти («...не до конца понимаю, куда пойдет дальше моя история после консультации»).

В рамках второго этапа благодаря проведенным полуформализованным интервью со зрителями онлайн-тарологов было выявлено, что главным фактором, определяющим формат коммуникации между кверентом и гадающим, является величина социальной дистанции между ними. На этот показатель оказывает влияние наличие/отсутствие у таролога Telegram-канала, личного обращения к зрителям в начале публикуемых видео, ответов на комментарии, демонстрация своего лица на видео, а также вежливость и доброжелательность со стороны дивинатора. Высокий уровень доверия (более 70%) наблюдается у зрителей по отношению к тарологам, имеющим в открытом доступе цены на предоставляемые услуги, свои контакты и отзывы клиентов, а также данные, свидетельствующие об опыте работы. За рубежом практически все респонденты (более 90%) продемонстрировали уважение и доверие к выбранному специалисту, в России данный показатель значительно ниже – меньше 40%. Большинство российских тарологов, по словам собеседников, предлагают слишком краткий и сжатый ответ на вопрос без возможности уточнения. «Мне трудно назвать полученную услугу консультацией, она сказала всего лишь два предложения и потребовала оплату. Хотелось – бы узнать, все ли тарологи такие. Я разочарована», – поделилась одна из участниц опроса. Другим же из интервьюируемых понравилась оказанная услуга гадания, но обещанное тарологом так и не сбылось: «Мне было очень комфортно общаться с ней, длилось все около 1 часа, можно было задать любой вопрос. Ничего из сказанного в итоге не сбылось, но зато я стала больше верить в себя». Около 46% клиентов ссылались на неправдоподобность сказанной дивинатором информации и подтасовку ответа на вопрос, а 37% отметили, что расклады на картах Таро являются своего рода терапией, но никак не заменой профессиональной помощи (например, психолога или врача). Среди наиболее распространенных тем обращения можно выделить потрясение, связанное с потерей близкого человека («...я обратилась сразу после внезапной смерти мужа») или желанием лучше узнать себя («...мне кажется, что я иду не туда, поэтому решила взглянуть на себя глазами эзотерики»).

Большую роль, особенно в России, играют не столько знания таролога в области эзотерики, но еще и его личные качества – коммуникабельность, отзывчивость, умение расположить человека к себе, а также знания основ психологии для успешного взаимодействия с клиентом. Таким образом, в настоящее время профессия таролога в условиях возрастающей конкуренции все больше требует рационального подхода к построению

персонального бренда личности дивинатора и умения контролировать иррациональность самого акта гадания в рамках продуманной маркетинговой стратегии по привлечению и удержанию клиента. Неспроста в онлайн-пространстве большая роль отводится имиджу таролога, и успех его деятельности во многом определяется способностью дивинатора создать образ, который найдет отклик у зрителей.

На этапе глубинных интервью были опрошены специалисты, проявившие желание принять участие в исследовании. Характерно, что среди них около 40% поддерживают развитие науки и исследование гаданий на картах Таро через призму социологии («...я думаю, что наука еще не нашла объяснение эзотерике, но было бы здорово поработать вместе с учеными или даже изучить карты Таро с новой стороны»; «...возможно, ваше исследование поможет восстановить доброе имя тарологам, а то сейчас много неопытных берутся за карты и делают только хуже»), 22% респондентов приняли участие, так как сами по образованию являются сторонниками науки («...я по образованию клинический психолог»; «у меня диплом медика...»). Это доказывает, что научное мировоззрение не служит препятствием для веры в эзотерику. 37% тарологов согласились принять участие в исследовании за денежное вознаграждение или рекламу их деятельности, что также говорит о рефлексивной рациональности в их работе.

Согласно результатам проведенных глубинных интервью, было выделено несколько основных подходов дивинаторов к конструированию мантической реальности. В рамках первого подхода гадание – это история, которая складывается из последовательных фрагментов посредством диалога между дивинатором и клиентом, когда последний задает вопросы, использует знание значений карт Таро, а также интуицию, чтобы получить ответ в процессе гадания и сформулировать его клиенту.

В рамках второго подхода гадание рассматривается как дар, данный свыше и доступный немногим. Изучение практик гадания сравнивается с изучением смысла сакральных символов, само гадание рассматривается как часть совместного духовного опыта. С помощью Таро участники гадательного ритуала устанавливают связь с воображаемым архетипическим миром и пытаются связать его с индивидуальной судьбой заказчика. Таким образом, мантический ритуал инициирует кверента в магическую реальность и помогает ему сформировать свое «новое я», изменив свою привычную репрезентацию в обществе.

Последователи третьего подхода признают феноменологический характер своей работы. Смысл гадания и интерпретация карт Таро, по мнению дивинаторов данной группы, исходит, скорее, от самих людей, участвующих в ритуале, а не от метафизической реальности (в виде фиксированных эзотерических значений карт, схем их раскладов). Данные дивинаторы определяют процесс интерпретации раскладов и сам процесс гадания как индивидуальный и уникальный для каждого нового клиента.

Следует отметить, что способность человека интерпретировать язык предсказаний, представленный в картах Таро, зависит от того, как сам дивинатор идентифицирует себя в рамках феноменологической структуры гадательного ритуала. Одни дивинаторы считают, что именно карты Таро управляют процессом гадания, другие верят, что это инструмент, позволяющий устанавливать связь с высшими силами, третьи позиционируют себя как «одаренного человека», который способен транслировать информацию кверенту и без карт. Около трети респондентов, занимающихся гаданиями профессионально, считают себя «духовными» людьми, и первостепенную важность для них имеет установление «диалога» между собой и колодой во время ритуала, а также между самими картами. Другими словами, дивинатор направляет свое социальное действие, скорее, не в сторону кверента, а в сторону карт Таро, наделяя их мистическими актантными свойствами.

Таким образом, феноменологическая сеть ритуального гадания включают в себя сложные взаимозависимости и взаимовлияния дивинаторов, кверентов, самих карт, а также всевозможных сверхъестественных сил, выступающих акторами совместного социального перформанса. Его особенностью является активное творческое измерение события, в результате которого конструируются новые символические универсумы за счет ресурса

воображения его участников [Snow, 2010]. Дивинаторы могут использовать техники «горячего» и «холодного» чтения, сочетая предварительное знание о клиенте и наблюдение за ним в прямом эфире, обращаться к своей интуиции, «дару» и творчески комбинируя знания, навыки и драматургические элементы исполнения. Кверенты также направляют дивинатора в сторону своей субъективной реальности, в рамках которой происходит легитимация или разоблачение гадательного нарратива. Карты и мистические силы создают материальный и нематериальный антураж сакральной трансгрессии, призванной приоткрыть завесу тайны и инициировать трансмутацию непосвященного. Ожидаемым итогом этого перформанса становится производство чуда в форме особого элициационного нарратива, направленного на откровение, извещение, проявление, возвещение, свидетельство, знамение, манифестацию скрытого, но истинного знания. О чем это знание? Как писал А.Ф. Лосев, чудо – это «совпадение случайно протекающей эмпирической истории личности с ее идеальным заданием» [Лосев, 2001: 190]. Другими словами, мантический ритуал позволяет в восприятии заказчика эксплицировать и интерпретировать имеющие важный, в пределе терминальный, ценностный характер для его личности элементы жизненного пути, узнать и/или поменять судьбу, обрета новую силу.

Заключение. Как мы видим, конструирование эзотерической реальности Таро происходило и происходит на разных морфологических уровнях социального порядка – от культурных закономерностей модернизации до ритуальных паттернов дивинационных коммуникаций. Но несмотря на всю сложность этого феномена, фундаментальная функция эзотерики как дискурсивной практики всегда выполняется – воспроизводство социального и символического порядка на окраинных культурных сценах общества. Когда наука и религия удовлетворяют наши потребности в упорядочивании реальности недостаточно эффективно, в дело вступает эзотерика. В XVIII в. она выдвигается как модное социальное движение в верхних слоях европейского общества и активно популяризируется как заместитель христианской религии и недостаточно развитой науки. В XX в. эзотерика возрождается как контркультурное движение уже против излишней рационализации со стороны научно-технического дискурса. Один из основателей социологии эзотерики Э. Тирикьян, изучая оккультное возрождение в Америке 1960-х гг., прямо указывал, что наступление «Эры Водолея» является важнейшим социологическим событием, показывая как эзотерическая культура, внешне противостоя эзотерической (научной или религиозной), тем не менее становится источником социальных и культурных инноваций, позволяющих обществу поддерживать внутренний баланс [Тирикьян, 2013]. Сегодня эзотерика и тарология активизируют свой адаптационный потенциал в рамках глобального BANI-мира, атакующего жизненные миры людей. Хрупкость, тревожность, нелинейность и непостижимость нового порядка рождают в массовом сознании так называемое эсхатологическое побуждение, окрашивающее мир в зловещие краски грядущего апокалипсиса. И эзотерика играет здесь важную роль наставника, утешителя и проводника в будущее. Дивинаторы отмечают, что расклады на будущее вызывают привыкание, и клиенты возвращаются снова и снова, чтобы лучше подготовиться к будущим событиям или предсказать их. Иррациональность подобной стратегии компенсируется ее эффективностью в создании условий для эмпаурмента в травмированных жизненных мирах. Как пишет австралийский журналист Г. Нанн, самостоятельно проведенный расследование природы эзотерических услуг методом включенного наблюдения, таромантия и другие виды маргинальных знаний и практик создают востребованную смысловую реальность, в которой люди проясняют свои проблемы, желания, отношения, и тем самым реконструируют свою личность для более эффективной саморепрезентации [Нанн, 2023: 277–278]. Самоисполняющиеся пророчества работают здесь во всю силу, но людям в условиях кризисной социальности это необходимо как, возможно, единственно действенная копинг-стратегия, позволяющая справиться с неопределенностью, обрести силу, привнести смысл и порядок в свою жизнь.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ [REFERENCES]

- Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии / Пер. с фр. М.: Элементарные формы, 2018. [Durkheim É. (2018) *Les Formes élémentaires de la vie religieuse: le système totémique en Australie*. Transl. from Fr. Moscow: Elementarnye formy. (In Russ.)]
- Инглхарт Р. Неоожиданный упадок религиозности в развитых странах / Пер. с англ. СПб.: ЕУ в СПб., 2022. [Inglehart R. (2022) *Religion's Sudden Decline: What's Causing It, and What Comes Next?* Transl. from Eng. St. Petersburg: EU v SPb. (In Russ.)]
- Катерный И.В. Развитие теории кризиса в социологии: эволюция идей и современность // Социологические исследования. 2023. № 10. С. 14–26. [Katernyi I.V. (2023) Development of the theory of crisis in sociology: evolution of ideas and modernity. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 10: 14–26. DOI: 10.31857/S013216250028301–4. (In Russ.)]
- Лосев А.Ф. Диалектика мифа. М.: Мысль, 2001. [Losev A.F. (2001) *Dialectics of Myth*. Moscow.: Mysl. (In Russ.)]
- Луман Н. Общество общества. Кн. 2: Медиа-коммуникации / Пер. с нем. М.: Логос, 2011. [Luhmann N. (2011) *Die Gesellschaft der Gesellschaft. Kapitel 2: Kommunikationsmedien*. Transl. from Germ. Moscow: Logos. (In Russ.)]
- Малиновский Б. Магия, наука и религия / Пер. с англ. М.: Академ. проект, 2020. [Malinowski B.K. (2020) *Magic, Science and Religion*. Transl. from Eng. Moscow: Akadem. proekt. (In Russ.)]
- Нанн Г. Битва с экстрасенсами Как устроен мир ясновидящих, тарологов и медиумов / Пер. с англ. М.: Individuum, 2023. [Nunn G. (2023) *The Psychic Test. An Adventure in the World of Believers and Sceptics*. Transl. from Eng. Moscow: Individuum. (In Russ.)]
- Тирикьян Э. К социологии эзотерической культуры // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2013. № 4(31). С. 247–275. [Tiryakian E.A. (2013) Toward the sociology of esoteric culture. *Gosudarstvo, religiya, cerkov v Rossii i za rubezhom* [State, Religion and Church in Russia and Worldwide]. No. 4(31): 247–275. (In Russ.)]
- Court de Gébelin A., Sanacore E. (2020) *Del Gioco dei Tarocchi. Ricerche sui Tarocchi*. Independently published.
- Decker R., Depaulis T., Dummett M. (2002) *A Wicked Pack of Cards: The Origins of the Occult Tarot*. London: Gerald Duckworth and Co. Ltd.
- Fu H., Li Y., Lee F.L. (2023) Techno-cultural domestication of online tarot reading in contemporary China. *Media, Culture & Society*. Vol. 45. No. 1: 74–91. DOI: 10.1177/01634437221104700.
- Jorgensen D.L. (2020 (1992)). *The Esoteric Scene, Cultic Milieu, and Occult Tarot*. London, New York: Routledge.
- Neugebauer-Wölk M. (2010) Des Esoteriker: Wie das Esoterische im 18. Jahrhundert zum Begriff wird und seinen Weg in die Moderne findet. *Aries: Journal for the Study of Western Esotericism*. Vol. 10: Iss. 2: 217–231. DOI: 10.1163/156798910X520601.
- Nichols S. (1980) *Jung and Tarot: An Archetypal Journey*. New York: Samuel Weiser.
- Rosenthal B.G. (2012) Occultism as a response to a spiritual crisis. *The New Age of Russia: Occult and Esoteric Dimensions*. Ed. by B. Menzel, M. Hagemeister, B.G. Rosenthal. Berlin: Verlag Otto Sagner: 390–420.
- Semetsky I. (2010) Interpreting the signs of the times: beyond Jung. *Social Semiotics*. Vol. 20. No. 2. P. 103–120. DOI: 10.1080/10350330903565600.
- Snow P. (2010) Performing society. *Thesis Eleven*. Vol. 103. No. 1: 78–87. DOI: 10.1177/0725513610381376.
- Sosteric M. (2014) A sociology of tarot. *Canadian Journal of Sociology*. Vol. 39. No. 3: 357–391. DOI: 10.29173/cjs20000.

Статья поступила: 05.08.24. Финальная версия: 18.09.24. Принята к публикации: 01.10.24.

HISTORICAL AND PHENOMENOLOGICAL DIMENSIONS OF CONSTRUCTION OF ESOTERIC REALITY IN TAROMANCE

KATERNYI I.V.^{***}, ZAKIEVA D.E.*

**MGIMO University, Russia; **Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russia*

Ilya V. KATERNYI, Dr. Sci. (Sociol.), Prof. of the Department; Leading Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS (yarkus@mail.ru); Diana E. ZAKIEVA, Postgraduate Student (diana.zakieva@list.ru). Both – Department of Sociology, MGIMO University, Moscow, Russia.

Abstract. The article refers to the study of social and cultural apparatus applied for constructing esoteric reality within the discursive practice of fortune telling with Tarot cards, which has shown an increasing market in Russian and global popular culture. The forepart examines the sociocultural background of taromancy as a part of modernization of Western European society starting with the General crisis in the 17th century and down to New Age movement in the 20th century. It is proved that the fortune-telling pragmatics of the Tarot has no any relation to ancient knowledge or archetypal symbols, but is constructed as an initiative and doctrinal systems of new secret societies (free masons et al.) aimed at replacing traditional religions with the discourse of alternative sacred. The second part of the article provides some data from a multi-stage empirical study of the fortune-telling performance as structured with symbolic and social patterns. The social types of tarot readers and their customers, their communication strategies are identified, and the phenomenological network of the fortune-telling ritual and its dramaturgical order are shown.

Keywords: esoterics, tarot, fortunetelling, secret societies, construction of reality, social performance.

Received: 05.08.24. Final version: 18.09.24. Accepted: 01.10.24.

© 2024 г.

А.Н. ТЕСЛЕНКО

МОЛОДЕЖНАЯ ПОЛИТИКА И РАБОТА С МОЛОДЕЖЬЮ В КАЗАХСТАНЕ: ОФИЦИАЛЬНАЯ РИТОРИКА И ПОВСЕДНЕВНЫЕ ПРАКТИКИ

ТЕСЛЕНКО Александр Николаевич – доктор педагогических наук (ПК), доктор социологических наук (РФ), профессор кафедры социально-педагогических дисциплин Кокшетауского университета им. Абая Мырзахметова, Кокшетау, Казахстан (teslan@rambler.ru).

Аннотация. Молодежная политика государства – объект широкого спектра проблем взаимоотношений молодого поколения и общества. Опираясь на данные социологического опроса молодежи Казахстана и серии фокус-групп, проведенных в 15 городах республиканского, областного и регионального значения Казахстана в период осень 2022 г. – весна 2023 г., автор анализирует отношение молодых граждан к молодежной политике государства. Результаты опроса показывают, что работа с молодежью ассоциируется с воспитательной работой в организациях образования, деятельностью комитетов по делам молодежи, структур школьного и студенческого самоуправления. За последние годы молодые казахстанцы не заметили серьезного поворота государства к решению своих актуальных проблем и настроены скептически по отношению к действиям властей и общественных структур.

Ключевые слова: молодежь • молодежная политика • молодежная работа • ювентизация • молодежные общественные объединения • комитеты по делам молодежи • молодежные ресурсные центры • организатор работы с молодежью

DOI: 10.31857/S0132162524100137

Введение. С момента обретения независимости Казахстан активно модернизировал основы государственного строительства, опираясь в том числе на молодое поколение как созидательную силу, способную решать актуальные проблемы с помощью инновационных подходов. Еще в 1991 г. Верховным советом Казахской ССР был принят закон «О государственной молодежной политике» (ГМП). В 1998 г. принята «Концепция молодежной политики в Республики Казахстан», а в 2004 г. – новый Закон РК «О государственной молодежной политике», который определил ГМП как «систему социально-экономических, политических, организационных и правовых мер, осуществляемых государством и направленных на поддержку молодежи»¹. В качестве целей обозначены «создание социально-экономических, правовых, организационных условий и гарантий для духовного, культурного,

Работа выполнена в рамках научного проекта АР 14869235 «Молодежная работа как условие успешной социализации учащейся молодежи» по программе государственного грантового финансирования РК (протокол № 8 от 2 сентября 2022 г.)

¹ Закон Республики Казахстан, 2015. № 285-V «О государственной молодежной политике». URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1500000285> (дата обращения: 08.06.2023).

образовательного, профессионального становления и физического развития молодежи, раскрытия ее творческого потенциала в интересах всего общества».

ГМП в Казахстане развивалась по схожему сценарию с Россией, хотя в РФ Федеральный закон «О молодежной политике в Российской Федерации» был принят только в 2020 г. (№ 489-ФЗ от 30.12.2020 г.). Отметим и разработку специализированных молодежных программ, главным содержанием которых стала «концепция управляемой социализации» [Смирнов, 2014], нацеленная на интеграцию молодого поколения в социальную структуру общества. Первой среди них стала общереспубликанская программа «Молодежь Казахстана» на 2001–2002 гг. Особо выделяется программа «Болашак», в рамках которой за более чем 25-летний период реализации было присуждено 13636 стипендий, подготовлено 10836 специалистов и еще свыше тысячи человек продолжают свое обучение. Реализация этих и других государственных программ, проектов позволили стабилизировать взаимоотношения между обществом и молодежью и перейти к новому этапу развития ГМП, который ознаменовался принятием закона РК «О государственной молодежной политике» (от 9 февраля 2015 г. № 285-V), где были закреплены основные механизмы реализации государственной поддержки молодежи, главный из которых – молодежная работа по месту учебы и работы.

В 2021 г. начался очередной этап развития ГМП, связанный с реализацией Комплексного плана по поддержке молодежи на 2021–2025 годы и ряда национальных проектов, нацеленных на создание возможностей для развития молодежи. Официально закреплены понятия «молодежь категории NEET» и Индекс развития молодежи [Молодежь Казахстана..., 2021].

Нельзя судить о качестве ГМП только по количеству правовых актов, проведенных мероприятий и органов ее реализации. Важно понимать, как ГМП воспринимается молодежью. С целью изучения отношения молодых казахстанцев к различным аспектам ГМП было проведено исследование, результаты которого представлены в настоящей статье.

Об исследовании. Авторским коллективом в 2022–2023 гг. проведен социологический опрос учащейся молодежи Казахстана ($N = 1102$). Выборка квотная по полу, возрасту и сферам деятельности (старшеклассники общеобразовательных школ, студенты университетов и колледжей, включая заочников). Жителей сельской местности опрошено 36%, в малых и крупных городах Казахстана по 32%. Возраст: 15–17 лет – 4%; 18–20 лет – 79%; 21–25 лет – 14%; 26–29 лет – 3%. Юноши – 49,5%, девушки – 50,5%. В опросе представлены этнические группы: казахи – 56,5%; русские – 22,8%; немцы – 5,5%; украинцы – 7,5%; чеченцы, татары, курды, узбеки и другие – 7,7%. Дополнительную качественную информацию исследовательская группа получала в ходе серии фокус-групп, проведенных в 15 городах республиканского, областного и регионального значения в период осень 2022 г. – весна 2023 г. (15 фокус-групп, 175 человек, учащаяся и студенческая молодежь).

Основные результаты. По материалам исследования выяснилось, что для современной молодежи наиболее важными в общении друг с другом является умение *ценить настоящую дружбу* (15,6%), *честность* (14,9%), *порядочность* (14,5%), *взаимопонимание* (13,2%)². Малозначимыми в общении со сверстниками являются их внешние признаки – *статус* (5,2%), *внешний вид* (4,8%), *наличие материальных ценностей* (4,5%). Поэтому «моральная паника» по поводу морально-нравственного вакуума в молодежной среде в результате ухода со сцены предыдущего поколения сильно преувеличена.

В молодежном сознании актуальный мир предстает в многообразии жизненных проблем, требующих срочного решения «здесь и сейчас»: проблемы, связанные с учебой (23,6%) и трудоустройством (21,8%), страх перед будущим (17,2%), недостаточность личных средств (16,4%), проблемы проведения свободного времени (19,2%). Анализ данных

² В анкете респондентам было предложено методом прямого ранжирования отметить важнейшие качества личности в процессе социальной коммуникации со сверстниками. Вопрос звучал: *Какие качества личности важны для вас в процессе общения со сверстниками (проранжируйте по степени важности)*. Было предложено 10 качеств.

позволяет сделать вывод о сложности процесса социализации современной молодежи Казахстана, связанной в первую очередь с осознанием личной ответственности за свое будущее и желанием самореализоваться. Чтобы молодежь чувствовала себя уверенно и комфортно, требуется системная молодежная работа на местах. Однако на 100% положительно ее оценивают по месту учебы только 10% респондентов, а по месту жительства 8%.

Молодежная работа ассоциируется с воспитательной работой в организациях образования. Подавляющее большинство молодежи (93,8%) заявили о необходимости воспитательной работы с учащейся и студенческой молодежью, но только 68,9% удовлетворены ей. Значительная часть респондентов из числа работающей молодежи не удовлетворена ни состоянием воспитательной работы (76,2%), ни качеством полученного образования (51,8%). Гендерных различий не выявлено. Молодые люди обосновано связывают молодежную работу с деятельностью Комитетов по делам молодежи (29,5%), общественных (16,5%) и волонтерских организаций (18%). В меньшей степени интересны неформальные группы по интересам (14,4%) и стихийные группы (флеш-мобы, квесты, денс-баттлы и т.п.) (12,5%). В субкультурных практиках заинтересованы только 4,7% опрошенной молодежи.

Молодежные общественные объединения выступают «ведущим институтом легитимизации социальной активности молодежи» [Молодежь Казахстана..., 2022: 108]. Но, по данным опроса, сегодня только 21,7% юношей и девушек участвуют в деятельности молодежных организаций и 29,2% готовы участвовать потенциально. Процесс активизации молодежных объединений, наметившийся в последние годы, позволяет прогнозировать в ближайшее время увеличение числа молодых людей, выразивших желание сотрудничать с молодежными организациями. Это может привести к росту численности молодежных организаций и стать основой усиления роли неправительственных объединений молодежи. Вместе с тем перспективы сегодняшних молодежных организаций не вызывают оптимизма у 23,6% молодежи, а 21,7% рассматривают их деятельность лишь как арену реализации амбиций их лидеров.

Молодежь не заметила серьезного поворота к решению своих актуальных проблем с открытием широко «пропиаренных» Молодежных ресурсных центров (МРЦ) во всех регионах страны. Декларируя содействие социальному и личностному развитию посредством оказания психологической, консультационной и юридической помощи молодежи, МРЦ слабо представлены в повседневной жизни молодых казахстанцев: 32,8% опрошенных не имеют представления об их работе; только 21,6% обращались за услугой в МРЦ, наиболее результативными являются «Поддержка и развитие волонтерской деятельности в молодежной среде», «Содействие в подготовке к трудоустройству и профориентации молодежи», «Содействие в повышении цифровой грамотности и развитии технологий среди молодежи». Основную функцию работы МРЦ молодежь видит в прямой, системной и адресной работе с молодежью (32,2%), в особенности с ее уязвимыми группами, такими как NEET-молодежь, девиантная молодежь, сельская молодежь и другие. Но большинство опрошенных сходятся во мнении, что необходима комплексная работа по оценке потребностей целевой группы, вовлечение молодежи в общественно-политические процессы и в просоциальную, волонтерскую деятельность, ее консультационное сопровождение, проведение тренингов, разработка проектов и программ, поддержка инициатив молодежи. В ходе фокус-групп выяснялось, что социально активная часть студенческой молодежи в период пандемии COVID-19 принимала участие в волонтерском движении, оказывая содействие медицинским организациям, органам правопорядка и помощь малообеспеченным семьям и пожилым людям.

В целом молодым известны реальные примеры эффективных и популярных у молодежи форм работы по месту жительства или учебы (42,5%). На фоне традиционных форм выделяются: ведение видеоблога (30,7%), аниме (23%) и киберспорт (21,3%), позволяющие молодым проявить свою креативность и дух экспериментирования. Молодежь в целом положительно оценивает влияние инновационных культурных трендов. Большинство

считает, что они способствуют развитию личности молодого человека, и уверено в положительном воздействии современных культурных трендов на мировоззрение.

Качество молодежной работы на местах сдерживается отсутствием современной инфраструктуры. Молодые люди в ходе фокус-групп высказали единодушное мнение о сохранении, укреплении ресурсной базы МРЦ и развитии сети учреждений дополнительного образования и других, выполняющих социальный заказ по реализации дополнительных образовательных программ различного уровня, предназначенных для разных категорий и групп молодежи.

Организаторами молодежной работы молодежь видит, прежде всего, социальных работников (20,5%) и социальных педагогов (15%), а также педагогов дополнительного образования (19%) и работников клубов (19,5%). 11,5% считают, что молодежь должна самоорганизовываться, 10% полагают, что любое заинтересованное лицо может организовывать эту работу. От кадров во многом зависят и перспективы развития ГМП. Но только половина респондентов реально, на себе чувствуют ее результаты.

Любая концепция может остаться на бумаге, если не будет четко продуман механизм ее реализации, не созданы финансово-экономические основы обеспечения поставленных задач. Для успешной реализации ГМП необходимы реальные условия социального становления личности молодого человека (40%). 22% считают, что нужно улучшить инфраструктуру досуга, 21,5% – создать профессиональную подготовку специалистов в сфере работы с молодежью, а 8,2% считают необходимым создать социальные лифты для всех социальных групп молодежи.

Интерпретация и дискуссия. Анализ эмпирических данных показывает, что основная часть молодых казахстанцев скептически настроена по отношению к действиям властей и общественных структур в решении молодежных проблем, не видит молодое поколение в качестве актора молодежной политики, оказывающего решающее влияние на социально-политический процесс. «Поколение независимости» столкнулось такими социальными проблемами, как безработица, наркотики, социальное неравенство и маргинализация, отсутствие действенных механизмов их решения. При этом всегда имеется потенциальная вероятность политизации деструктивными силами молодежных проблем, привлечения на свою сторону молодых людей в качестве слепой протестующей массы, способной к разрушительным формам политического участия.

В последнее время манипуляция молодежным сознанием выражается в форме фальсификаций, злобных вымыслов, «фейковой» информации, являющимися основными средствами информационно-психологической войны, ведущейся в условиях глобальной конкуренции и противостояния. Располагая обширным арсеналом средств и мер идеологического и психологического воздействия, «западные медиа-структуры пытаются трансформировать молодежное сознание, прежде всего, влияя на его цивилизационный код и традиционные ценности» [Тесленко, 2023: 21].

Системная работа с молодежью должна перехватить инициативу в этом направлении. Прежде всего, напрашивается вопрос об эффективности ГМП в РК. Молодежная политика в Казахстане – это симбиоз социал-демократического и неолиберального подходов в отношении к молодежи, которые базируются на мнении, что молодежь изменит мир; молодежь является партнером государства в реализации стратегических планов страны и общественной силой; молодежь – наиболее уязвимая и незащищенная часть общества. На лицо ювенилизация общественного сознания и всех сторон жизни государства. Однако лозунги типа «молодежь – основной стратегический ресурс» или «локомотив предстоящих реформ» не подтверждается реальными делами. В связи с получением профессионального образования из 6 млн молодых казахстанцев только 40% являются экономически активными. В разрезе отраслей экономики 38,5% казахстанской молодежи занято в сфере оптовой и розничной торговли, и только 12% в сельском хозяйстве и 10,4% в промышленности [Молодежь Казахстана..., 2022: 132]. Не выдерживает критики и утверждение о том, что молодежь является «одной из основных опор новых политических партий

и общественных движений». Безусловно, она играет важную роль в институционализации общественных процессов, но ее доля в рядах политических партий не сопоставима с ролью и значением молодежи в переломные моменты жизни страны.

На сегодняшний день в Казахстане существует 166 официально зарегистрированных молодежных организаций всех направлений, которые во многом не выполняют возложенные на них надежды. По данным социологического опроса, сегодня процент негативно воспринимающих деятельность нынешних молодежных организаций относительно высок. К примеру, общереспубликанский уровень «известности» молодежных организаций равен 17,9%, более половины респондентов (70,4%) не имеют представления о деятельности отечественных молодежных организаций.

Непопулярность молодежных организаций в значительной степени связана с отсутствием информации об их деятельности и неэффективностью, проводимой ими работы по решению молодежных проблем, нацеленностью многих из них на развлекательную сферу. В современных условиях идентификация личности в рамках формальных групп (класс, студенческая группа) ослабевает, а идентификация с группами досуга усиливается [Концепция..., 2021]. Интерактивные формы молодежного досуга все чаще уступают место индивидуализированному интернет-досугу.

Влияние дигитализации на молодежь необходимо эффективно использовать на всех уровнях молодежной работы. «Моральная паника» по поводу опасений, что молодые люди и так много времени проводит в социальных сетях и погружены в свои гаджеты, несостоятельна. Ряд исследований убедительно показывают, что обычные пользователи не попадают в изоляцию и, наоборот, расширяют сферу своей социальной коммуникации [Плешаков, 2011; Галактионова, Кузьмина, 2017], поэтому в современных смарт-технологиях важно видеть новые возможности работы с молодежью. Именно смарт-решения в молодежной работе позволяют расширить возможности развития социальной активности молодежи, самостоятельной инициативы и совместной деятельности, снизить риск отчужденности молодежи, увеличить ее вовлеченность в общественную жизнь общества³.

Одним из важнейших аспектов молодежной работы является постановка вопроса о тех, кто непосредственно отвечает за ее реализацию. Сегодня, как показал наш опрос, речь чаще всего идет о педагогическом обеспечении молодежной работы в лице социальных педагогов, социальных работников, вожатых и т.п. Но казахстанские вузы, в отличие от России, не готовят специалистов по специальности «организатор работы с молодежью». Между тем, в организациях, ответственных за судьбу молодого поколения казахстанцев, должны работать профессионалы. Анализ кадрового состава некоторых общественных объединений и молодежных организаций РК показывает, что с молодежью работают как специалисты педагогических специальностей, так и юристы, медики, математики, спортсмены, артисты, художники, КВНщики, музыканты и другие люди не только в творческой области. На наш взгляд, организатор молодежной работы призван обеспечить социализационный компонент в общей, межведомственной системе ювенальных служб, включающей в себя работу различных учреждений, организаций, фондов и спонсоров, добиваясь главного – направленности ее на активизацию субъектной позиции каждого молодого человека, молодежи как социальной общности в целом. Организатор молодежной работы – это, прежде всего, *посредник в контексте: молодежь – микросоциум – общество*; связующее звено между молодежью и государственно-общественными социальными службами, организациями и учреждениями, призванными осуществлять молодежную работу. Одновременно он – *защитник интересов молодежи*, законных прав каждого молодого человека. Нынешняя острая нехватка специалистов такого рода негативно сказывается на качестве работы с молодежью.

³ Mason M. The impact of internet and social media in youth work // Effective Practice in Youth Justice. 2017. URL: https://www.researchgate.net/publication/315658325_The_use_of_the_internet_and_social_media_by_young_people (дата обращения: 08.06.2023).

Заключение. Можно выделить положительные и отрицательные стороны ГМП в Казахстане. К положительным можно отнести: (1) создание нормативно-правовой базы, определяющей направления и механизмы реализации молодежной политики; (2) наличие институциональной основы в лице Комитета по делам молодежи и семьи Министерства информации и общественного развития РК на республиканском уровне и комитетов по делам молодежи в организациях образования; консультативно-совещательных органов на центральном (Совет по молодежной политике при президенте РК) и местном (Советы по делам молодежи) уровнях; (3) открытие в регионах страны молодежных ресурсных центров, оказывающих молодым людям консультационную помощь; (4) реализация органами власти программ и проектов, направленных на решение жилищных, социальных, образовательных и иных вопросов молодежи («Серпін», «С дипломом – в село!», «Бастау Бизнес», «Молодежная практика» и т.д.); (5) вовлечение молодежных общественных организаций в процесс реализации ГМП; (6) научное обеспечение реализации ГМП, прежде всего, через Научно-исследовательский центр «Молодежь», который осуществляет разработку и представление на ежегодной основе национального доклада «Молодежь Казахстана».

К отрицательным моментам можно отнести (1) декларативность закреплённых в нормативно-правовой базе молодежной политики государства тезисов, и как следствие, недостаточная проработка молодежных программ, которые не ориентированы на результат и не содержат качественных и количественных индикаторов; (2) патерналистский подход в работе с молодежью: она рассматривается главным образом как опекаемый и направляемый объект, и как следствие, низкая социальная активность молодежи; (3) преобладание мобилизационной составляющей в отношениях между государством и молодежью (особенно это проявляется в привлечении представителей учащейся молодежи к участию в официальных мероприятиях) и идеологической пропагандистской составляющей над практической (социально и экономически ориентированной); (4) низкий уровень участия молодежи в государственных и отраслевых программах, в том числе вследствие недостаточного информирования о них; (5) ориентация профильных государственных органов преимущественно на аффилированные с ними молодежные организации. Деятельность же последних, в свою очередь, во многом зависит от официальной финансовой поддержки через гранты и государственный социальный заказ.

Чтобы молодежная политика была эффективной, государство и общество должны услышать молодежь и быть открытыми для диалога. Казахстанская молодежь должна восприниматься как главный заказчик ГМП, основная задача которой защитить молодежь и помочь ей адаптироваться к жизни в обществе конкуренции и рыночных отношений. Только защитив молодое поколение сегодня, общество может избежать стагнации и маргинализации, обеспечив себе человеческий капитал как залог прогрессивного развития и процветания в будущем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Галактионова Н.А., Кузьмина Т.В. Социализация в контексте виртуализации современного мира: принципы и механизмы личностного преобразования молодежи // Педагогика и просвещение. 2017. № 4. С. 63–69.
- Концепция молодежной работы в Республике Казахстан / Под ред. А.Н. Тесленко. Астана: Полиграфия «Центр-Элит», 2021.
- Молодежь Казахстана – 2022. Национальный доклад. Астана: НИЦ «Молодежь». 2022.
- Плешаков В.А. Теория киберсоциализации человека: монография. М.: МПГУ; «Homo Cyberus», 2011.
- Смирнов В.А. Молодежная политика: опыт системного описания // Социологические исследования. 2014. № 3. С. 72–80.
- Тесленко А.Н. Информационно-психологическая война как борьба за молодое поколение // Девиантология XXI столетия в контексте актуальной ситуации / Под ред. Ю.А. Клейберг. Алматы: Изд-во «Лантар book», 2023. С. 11–46.

YOUTH POLICY AND WORK WITH YOUTH IN KAZAKHSTAN: OFFICIAL RHETORIC AND EVERYDAY PRACTICE

TESLENKO A.N.

Abai Myrzakhmetov Kokshetau University, Kazakhstan

Alexander N. TESLENKO, Dr. Sci. (Pedag.) (RK), Dr. Sci. (Sociol) (RF), Prof. of the Department of Social and Pedagogical Disciplines, Abai Myrzakhmetov Kokshetau University, Kazakhstan (teslan@rambler.ru).

Acknowledgements. The paper was written out within the framework of the scientific project AR14869235 "Youth work as a condition for the successful socialization of student youth" under the state grant funding program of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan (No. 8 dated September 2, 2022).

Abstract. The youth state policy is the object of a wide sector of the relationships between the young generation and society. Based on sociological survey and a series of focus groups conducted in 15 cities of republican, regional and local levels in the autumn 2022 – spring 2023, the author analyzes the ideas of young Kazakhstanis about the youth policy of the state and the features of youth work at their place of study or work. The results of the survey show that youth work is associated with educational work in educational institutions, the activities of committees for youth affairs, structures of school and student self-government. In recent years, young Kazakhstanis have noticed no serious turn of the state towards solving their urgent problems and are quite skeptical about the actions of the authorities and public structures. Hence the civic passivity and apoliticality of young people against the backdrop of social problems practically unknown to previous generations, such as unemployment, drugs, social inequality and marginalization, and the lack of effective mechanisms for their solution.

Keywords: youth, youth policy, youth work, juvenitization, youth public associations, youth committees, youth resource centers, organizer of work with youth.

REFERENCES

- Galaktionova N.A., Kuzmina T.V. (2017) Socialization in the context of virtualization of the modern world: principles and mechanisms of personal transformation of youth. *Pedagogika i prosveshchenie* [Pedagogy and Enlightenment]. No. 4: 63–69. (In Russ.)
- The concept of youth work in the Republic of Kazakhstan / ed. A.N. Teslenko. (2021) Astana: Printing "Center-Elite". (In Russ.)
- Youth of Kazakhstan – 2022. National report. (2022) Astana: Research Center "Youth". (In Russ.)
- Pleshakov V.A. (2011) *Theory of human cybersocialization*. Moscow: Moscow State Pedagogical University; "Homo Cyberus". (In Russ.)
- Smirnov V.A. (2014) Youth policy: experience of systemic description. *Sotsiologicheskie Issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 3: 72–80. (In Russ.)
- Teslenko A.N. (2023) Information and psychological warfare as a struggle for the younger generation. In: *Deviantology of the 21st century in the context of the current situation* / ed. Yu.A. Kleiberg. Almaty: Publishing house "Lantar book": 11–46. (In Russ.)
- Youth of Kazakhstan – 2022. National report. (2022) Astana: Research Center "Youth". (In Russ.)

Received: 08.06.23. Final version: 16.09.24. Accepted: 17.09.24.

А.П. МАЛЬЦЕВА, В.В. ГУБИНА

ОТНОШЕНИЕ МОЛОДЕЖИ К ВИРТУАЛЬНЫМ ТЕХНОЛОГИЯМ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ (анализ фанфиков)

МАЛЬЦЕВА Анжела Петровна – доктор философских наук, профессор кафедры философии и культурологии (angelamaltseva99@yandex.ru); ГУБИНА Валерия Викторовна – магистрант историко-филологического факультета (red.ulgru@yandex.ru). Обе – Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова, Ульяновск, Россия.

Аннотация. С целью определения отношения молодежи к виртуальным технологиям, в частности использованию VR-шлема/очков в повседневной жизни, исследованы авторские тексты (фанфики) под меткой «Виртуальная реальность» на самом популярном в России сайте фанфикшн, а также комментарии в сети Интернет под публикациями и видеоматериалами о VR-шлеме/очках. Большинство комментариев относится к виртуальным технологиям и использованию VR-шлема/очков положительно. Неаргументированных позиций больше, чем аргументированных. Ожидания от VR-шлема/очков связаны со следующими ситуациями: максимизировать удовольствие при просмотре (в основном порнографии); усилить вовлеченность компьютерные игры; испытать себя в рискованных ситуациях.

Ключевые слова: фанфикшн • VR-шлем/очки • отношение к виртуальным технологиям • молодежная субкультура • мир виртуальной реальности • фанфики

DOI: 10.31857/S0132162524100147

Виртуальная реальность (далее – VR), создаваемая при помощи цифровых технологий, все больше заполняет повседневную жизнь людей. Как виртуализация проявляется в повседневной жизни современной молодежи и сказывается на формировании ее жизненных планов, целей и ценностных ориентаций? Анализ отношения к VR-технологиям (далее – VRT) актуальных и потенциальных покупателей VR-шлема, выяснение аргументов «за» и «против» противников и сторонников этих технологий, может способствовать решению «проблемы неопределенности смыслового статуса виртуального в обыденном знании» [Силаева, 2010: 20]. Социологический ракурс предпринятого нами исследования фанфикшн задается масштабом вовлеченности молодежи в эту форму активности и тем, что в эпоху Интернета фанфикшн стал «зоной развития социального воображения» [Hellekson, Busse, 2006; Самутина, 2023].

Методика. Исследование проведено в два этапа, с применением качественного контент-анализа. На первом этапе с использованием инструментов веб-аналитики SpyMetrics и SimilarWeb найден ресурс фанфикшн, удовлетворяющий критериям: (1) возможность доказать принадлежность контента молодежной аудитории; (2) основные тексты – фанфики¹; (3) первое место по популярности, (4) русский язык текстов (5) наличие инструмента поиска по «меткам».

Самым посещаемым среди всех существующих ресурсов фанфикшн оказался сайт *Ficbook.net* (*Книга фанфиков*)²: более 300 тыс. зарегистрированных авторов; 34-е место в России по посещаемости, 1-е место – в категории «Искусство и развлечения / Книги

¹ Фанфик – сочинение по мотивам оригинального произведения, создаваемое его читателем и публикуемое на сайте, гарантирующем анонимность.

² Ficbook.net. <https://ficbook.net/> (дата обращения: 17.03.2024).

и литература»; в марте 2024 – 11 млн, суммарная – более 99 млн человек³. Возраст 61% авторов сайта – от 18 до 34 лет, большинство зарегистрированных пользователей – женщины (58,5%)⁴. Изучено 783 фанфика метки «Виртуальная реальность», предписывающей авторам: «События работы происходят в виртуальной реальности. Синонимы: Компьютерная симуляция, Виртуальный мир, Виртуальная арена, VR»⁵. Императивность всех меток на сайте обеспечивается тем, что «Беты»⁶ и «Гаммы»⁷, администраторы и сами читатели следят, чтобы авторы не выходили за рамки, заданные «синонимами». Первый фанфик метки «Виртуальная реальность» говорит о VR-шлеме или VR-очках, – «Единственный выживший»; датирован 25.11.2016. Самый поздний «Fatasia» – 09.07.2023. Даты задают временные границы исследования (табл. 1).

С целью проверки выводов об отношении авторов фанфиков к BPT методом качественного контент-анализа изучены 3323 комментария к тематическим видео, размещенным на видеохостинге YouTube, и статьям, опубликованным на Яндекс-дзен с 2018 по 2022 г. (см. Приложение). Критериями отбора источников служили: (1) тематическая определенность/прямое отношение названия видео/статьи к теме исследования; (2) максимальное число комментариев, просмотров и лайков; (3) авторитет держателя «места» в Интернете (количество подписчиков). Для определения тональности отношения и наличия аргументов изучены сначала 3323 комментария, а затем, с целью обобщения смысловых оснований, проанализированы только 1474 аргументированных комментария (с критическим отношением).

Общим критерием отбора фанфиков и комментариев было наличие выраженного прямо или латентного отношения автора поста к VR как к ощущениям, вызываемым искусственно при помощи специальных технологий (например, шлема/очков). Кроме тональности кодировались «аргументы» – явные или подразумеваемые смысловые основания негативного, позитивного или амбивалентного отношения.

Ограничения метода связаны с доверием данным, собираемым коммерческой организацией (разработчиком/владельцем инструментов), специалисты которой не относятся к научному сообществу. Важно, что указываемые при регистрации данные (пол, возраст) не проверяются. Приписывание комментаторам (актуальным или потенциальным покупателям/пользователям VRT) социальных признаков, достаточно определенных у авторов фанфиков, – вероятно: по сходству отношений и аргументов можно лишь предположить, что комментаторы представляют молодежь. Применение метода контент-анализа для изучения образа VR на материале фанфиков не позволяет учесть все смыслы содержания текстов.

Тональности отношения авторов к BPT. Выявлены три основные тональности отношения авторов фанфиков к BP и BPT, задаваемого смысловыми основаниями «полезности/блага», «угроза/вред» (табл. 1):

Негативное отношение (BP опасна/вредна)⁸: «Чтобы перестать ненавидеть все вокруг, включая себя, достаточно попасть в мир видеоигры, где времени для самокопания – просто

³SpyMetrics. <https://spymetrics.ru/ru/website/ficbook.net> (дата обращения: 17.03.2024).

⁴SimilarWeb. <https://www.similarweb.com/website/ficbook.net/#overview> (дата обращения: 17.03.2024).

⁵<https://ficbook.net/tags/803> (дата обращения: 17.03.2024).

⁶«Бета (или бета-ридер) – человек, который прочитает Вашу работу перед публикацией, поможет исправить ошибки и укажет на явные недочеты». URL: <https://ficbook.net/questionary/beta/search> (дата обращения: 17.03.2024).

⁷«Гамма (или гамма-ридер) – человек, который прочитает вашу работу перед публикацией и поможет найти и исправить логические нестыковки или фактические ошибки в матчасти». <https://ficbook.net/questionary/gamma/search> (дата обращения: 17.03.2024).

⁸В цитатах сохранена авторская орфография.

Таблица 1

Отношение авторов фанфиков к виртуальной реальности

Ценность VR	Количество фанфиков	% от общего числа фанфиков метки «Виртуальная реальность»
1. Виртуальная реальность опасна, так как вредит физическому, психическому, социальному здоровью	224	28,7
2. Виртуальная реальность полезна, так как позволяет получить то, что недоступно в обычной жизни, испытать необыкновенное или запретное удовольствие, убежать от проблем «этого» мира	199	25,4
3. Виртуальная реальность опасна, но при правильном обращении с ней и должной тренировке можно избежать вреда и испытать свои силы, сравнить себя с другими, стать сильнее	218	27,8
Мнение о ценности не поддается определению	142	18,1
Всего	783	100

нет. Бета-тестировщик попадает в мир игры из-за усталости и измененного сознания из-за энергетиков»⁹.

Позитивное отношение (BP полезна): «История о том как игрок признается Монике в любви и она сквозь монитор, забирает его в свой мир, где они обретают счастье в объ-
ятиях друг друга»¹⁰; «В виртуальной вселенной ты Бог. В реале – просто чмошник»¹¹.

Амбивалентное отношение (BP полезна при всей опасности): «Сеть для тех кто не бо-
ится»¹²; «Просто не всем показано заходить в VR пространство будучи в сознании...»¹³.

81,9% авторов высказывают ценностное отношение к BP, осознавая опасности/безо-
пасность, полезность/бесполезность погружения в нее. Сформировалось преимуществен-
но положительное отношение к BPT как технологиям, предназначенным для употребле-
ния, прежде всего и в основном, развлекательного контента с целями: ухода от реально-
сти в виртуальный мир, где можно делать и испытывать то, что не доступно (запрещено)
в мире реальном; испытания себя/обнаружения своих пределов; усиления интерактивно-
сти контакта с оцифрованной средой. Около 30% авторов относятся к BPT амбивалентно.

Отношение к VR-шлему. В комментариях выявлены четыре типа отношений
к VR-шлему и его использованию:

1) условно положительное критичное отношение (1280): Жека. «Мне вот реально
комфортнее и удобнее проводить вечера в виртре, чем прозевать это время по кабакам,
подъездам и подворотне с бутылкой пива (...). Поэтому минусов в вр не вижу, одни толь-
ко плюсы, если конечно не злоупотреблять» [1]; Дзен. Fishki.Net. «Главное, что я получил
от данного шлема, – новый игровой опыт и эмоции. Стоит упомянуть про просмотр кино:
здесь тоже есть свой новый опыт. В том числе, с пикантными фильмами. Пикантные роли-
ки же приятно удивляют и вызывают желание что-то пощупать (где мои тактильные пер-
чатки, срочно). Эффект погружения максимальный, особенно если вам удастся найти ви-
деозапись в хорошем разрешении» [5].

⁹Miss Sora Xeis. По другую сторону реальности. 2021. // Ficbook.net. <https://ficbook.net/readfic/10885310>.

¹⁰RezaN. Я принимаю твою любовь. 2018. // Ficbook.net. <https://ficbook.net/readfic/7379752>.

¹¹Алекс Соколова. На твиче. 2023. // Ficbook.net. [https://ficbook.net/readfic/13719097?source=pre-
mium&premiumVisit=1](https://ficbook.net/readfic/13719097?source=premium&premiumVisit=1).

¹²Betelgeuze. Мертвый мир SAVE.2023. // Ficbook.net. https://ficbook.net/readfic/13250240/34002557#part_content

¹³Бездомный. Его мечта VR. 2023. URL: <https://ficbook.net/readfic/13045031>

Таблица 2

Критичное (аргументированное) отношение комментаторов к ВР, создаваемой при помощи VR-шлема/VR-очков

Критичное отношение	Аргументы	Количество высказываний	В %
Положительное	Всего	1280	86,9
	Максимизация ощущений (удовольствия, ужаса и проч.)	528	35,8
	Усиление вовлеченности (в игровых действиях)	439	29,8
	Испытание собственных сил и возможностей	313	21,3
Отрицательное	Всего	195	13,1
	Вредит социализации (уводит от реальности, мешает завести друзей и проч.)	109	7,4
	Вредит здоровью (физическому, психическому, сексуальному; формирует зависимость и проч.)	85	5,7
Итого		1474	100

2) безусловно положительное некритичное отношение (1148): «эх был бы у меня такой шлем, я бы не женился» [5];

3) безусловно отрицательное некритичное отношение (701): @vlrusgj8437. «Увы, первому игроку приготовиться! Не такая уж и фантастика этот фильм. Это очень печально. Людей засосет лет через 10–20» [1];

4) условно отрицательное критичное отношение (195): @user-hw1gk1um3u «Ну естественно, ибо на ПК ты просто смотришь, а в виаре участвуешь! И плевать что это не реальная девушка а проекция виар шлема, мозг будет думать что ты реально кого-то что-то там, наш мозг даже во время просмотра порнографии думает что вы с актрисей все это делаете, а тут он будет полностью уверен в этом и эффект будет гораздо больше виден! Это не сработает только на очень сильно порнозависимых потому что уже в любом случае нечего не чувствуешь от сломанных деформиновых рецепторов, и за чего даже с реальной девушкой причем даже красивой у порнозависимых нечего не получится, потому что нужно с начала бросить и перетерпеть своеобразную ломку!» [1]; «У нормальных людей первый раз в кровати, а у него в VR» [3]; «Проблема не в серости за окном, проблема с твоим общением, ты, и такие как ты, замкнутые люди, мало общительные, вот и пытаетесь свой замкнутый досуг, скоротать в выдуманном мире» [2].

Большинство высказавшихся относится к ВР и использованию VR-шлема/очков положительно (73,1%), неаргументированных позиций несколько больше (55,7 против 44,3%).

Анализ 1474 комментария с критичным отношением (мнение аргументировалось) позволил конкретизировать смысловые основания «полезность/благо», «угроза/вред» (табл. 2).

Обсуждение. Отношения и аргументы, выявленные в первой части исследования, схожи с выявленными во второй части, что позволяет предположить существование в молодежной культуре комплекса представлений, переживаний и практик, связанных с применением ВРТ (VR-шлема/VR-очков) для потребления оцифрованной продукции массовой культуры. Основным потребителем такой продукции являются представители молодежи, в большинстве своем разделяющие убеждение, что применение VR-шлема/VR-очков максимизирует удовольствие от просмотра любого контента (чаще всего – порнографии), усиливает иммерсивность игровых действий, позволяет узнать физиологические и психологические лимиты. Схожи и высказанные опасения: темы вреда здоровью, утраты идентичности, социальных навыков.

Результаты не противоречат находкам отечественных социологов досуга молодежи [Надехина и др., 2022; Петрунева и др., 2020], но содержат новизну в обнаружении

проблематизации молодежи виртуальной реальности как новом образце досуга и «доминанте» свободного времени. Соотносятся с выводами В.Л. Силаевой, изучавшей поисковые интернет-запросы со словом «виртуальный» и выявившей основные смыслы «противопоставления»/«конкуренции» VR с реальностью [Силаева, 2010], уточняют выводы М.Н. Деминой о «деформации досуга подростковой аудитории», «ориентации на развлекательность», «вытеснении реального живого общения» в «мирах, создаваемых в виртуальной интерактивной среде» [Демина, 2010: 90, 92].

Многообещающе, на наш взгляд, дальнейшее изучение образа ВРТ в сознании молодежи на материале фанфикшн (метки «Попаданцы», «Научная фантастика» и др.) при помощи метода тематического анализа. В будущих исследованиях отношения представляется перспективным использование метода бюджета времени, поскольку и в фанфиках, и в комментариях присутствуют суждения о бюджетировании времени, проблематизация времени пребывания в шлеме/ухода в VR (сколько можно играть в шлеме без вреда физическому и социальному здоровью) и образцовой цели досуга с использованием ВРТ (просмотр порнографии или посещение музея).

Таким образом, исследование выявило положительное, отрицательное и амбивалентное отношение молодежи к ВТ. Авторы фанфикшн и комментаторы, проблематизирующие ВРТ, связывают благо в основном с создаваемым с их помощью ощущением вовлеченности/реального присутствия, а главную опасность видят в их негативном воздействии на биологическую и социальную природу человека.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Мой первый раз в VR | Купил Топовый Шлем Виртуальной Реальности Oculus Quest 2. Обзор, история (2021). Видео. Автор: FISPECKT, 856 тыс. подписчиков. <https://www.youtube.com/watch?v=OZEKUB3xQIQ&t=5s> (дата обращения: 17.03.2024).

Вреден ли VR для здоровья? (2018). Видео. Автор: Артем Шеволдаев, 27,7 тыс. подписчиков. https://www.youtube.com/watch?v=G48UPbe_44E (дата обращения: 17.03.2024).

Как использовать VR помимо игр? (2022). Видео. Автор: Portal News, 11,6 тыс. подписчиков. <https://www.youtube.com/watch?v=cXKVn-L08vc> (дата обращения: 17.03.2024).

Опасный подарок. Покупать ли ребенку шлем виртуальной реальности (2021). Статья. Автор: Фонд «Измени одну жизнь», 44 млн подписчиков. <https://dzen.ru/a/YH2V-xPHNBVoUQQ9> (дата обращения: 17.03.2024).

Круто, но дорого: впечатления от шлема виртуальной реальности (2022). Статья. Автор: MaskvMaske, 10 тыс. подписчиков. <https://dzen.ru/a/YfAao6QDczT8S6mv> (дата обращения: 17.03.2024).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Демина М.Н. Изменения в когнитивных практиках индивидов под влиянием новых информационных технологий // Социологические исследования. 2010. № 6. С. 87–92.

Надехина Ю.П., Колчин А.А., Крюкова Е.В. Место и роль досуга в повседневной жизни московских студентов в условиях развития информационного общества // Цифровая социология. 2022. № 5(2). С. 78–86. DOI:10.26425/2658-347X-2022-5-2-78-86.

Петрунева Р.М., Васильева В.Д., Петрунева Ю.В. Современные студенты: цифровое бытие // Педагогика и психология образования. 2020. № 2. С. 150–160. DOI: <https://doi.org/10.31862/2500-297X-2020-2-150-160>.

Самутина Н.В. Великие читальницы: фанфикшн как форма литературного опыта // Социологическое Обозрение. 2013. Т. 12. № 3. С. 137–194.

Силаева В.Л. Об использовании понятия «виртуальный» // Социологические исследования. 2010. № 8. С. 19–25.

Helleson K., Busse K. *Fan Fiction and Fan Communities in the Age of the Internet*. Jefferson, North Carolina: McFarland & Company, 2006.

Статья поступила: 19.03.24. Финальная версия: 13.05.24. Принята к публикации: 08.07.24.

VIRTUAL TECHNOLOGIES IN EVERYDAY LIFE OF YOUNG PEOPLE: FAN FICTION ANALYSIS

MALTSEVA A.P. *, GUBINA V.V. *

* Ulyanovsk State University of Education, Russia

Angela P. MALTSEVA, Dr. Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Prof. of the Department of Philosophy and Cultural Studies (angela.maltseva99@yandex.ru); Valeria V. GUBINA, Master's Student, School of History and Philology (red.ulgpu@yandex.ru). Both – Ulyanovsk State University of Education, Ulyanovsk, Russia.

Abstract. In order to assess image of VR technologies formed among young people, and the main ideas of young people associated with the use of VR helmets/glasses in everyday life, texts (fan fiction) about VR technologies on the most popular fan fiction site, as well as comments under publications and videos about VR helmet/glasses posted on the Internet were examined. Three types of attitudes towards VR technologies have been identified: a most common conditional critical acceptance, the somewhat less common unconditional be uncritical acceptance, the even less common unconditional by uncritical denial and the rare conditional critical denial. The majority of commentators have a positive attitude towards virtual technologies and the use of VR helmets/glasses, while there are more motivated positions than reasoned ones. It has been established that VR helmet/glasses are a long-awaited technology among young people, and expectations are associated with three desires: to increase involvement while playing computer games; to maximize pleasure when viewing (mostly pornography); to test oneself in risky situations.

Keywords: sociology of the Internet, sociology of youth, sociology of leisure, fan fiction, VR helmet, VR glasses, attitude towards VR technologies, youth subculture, world of virtual reality.

REFERENCES

- Demina M.N. (2010) Changes in the cognitive practices of individuals under the influence of new information technologies. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological research]. No. 5: 34–39. (In Russ.)
- Nadekhina Yu.P., Kolchin A.A., Kryukova E.V. (2022) The Place and Role of Leisure in the Moscow Students' Everyday Life in the Context of the Information Society Development. *Cifrovaya sociologiya* [Digital Sociology]. No. 5(2): 78–86. DOI: 10.26425/2658-347X-2022-5-2-78-86. (In Russ.)
- Petruneva R.M., Vasilyeva V.D., Petruneva Yu.V. (2020) «Modern student: digital existence». *Pedagogika i psichologiya obrazovaniya* [Pedagogy and educational psychology]. No. 2: 150–160. DOI: 10.31862/2500-297X-2020-2-150-160. (In Russ.)
- Samutina N.V. (2013) The Great Female Readers: Fan Fiction as a Literary Experience. *Sociologicheskoe Obozrenie* [Russian Sociological Review]. No. 3. Vol. 12: 137–194. (In Russ.)
- Silaeva V.L. (2010) On the use of the concept “virtual”. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological research]. No. 8: 19–25. (In Russ.)

Received: 19.03.24. Final version: 13.05.24. Accepted: 08.07.24.

© 2024 г.

ОСОБЕННОСТИ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ПРОЕКТА РОС-2024 «СЕМЬЯ И СТУДЕНТЫ»

Стремительные трансформации института семьи в XX–XIX вв. проявились в кризисных явлениях с позиций традиционной морали: межпоколенное отчуждение, снижение рождаемости, регистрируемой брачности, высокий уровень разводимости, рост числа сожительства и внебрачной рождаемости. В западных странах законодательно закреплены трансгендерные семьи с детьми, браки с неодушевленными предметами и животными. Поправки в Российскую Конституцию 2020 г., ориентирующие на традиционные ценности, были восприняты обществом неоднозначно. Все эти факты создают проблемное поле «ситуации риска» для страны в целом, изучение которого стало основной причиной выбора темы инициативного исследования Российским обществом социологов (РОС-2024) «Семья в современной России: взгляд студенчества», которое учло наличие «проблемных точек» в семейных отношениях, выявленных в проекте РОС-2022¹. Это совпало с объявлением президентом России В.В. Путиным 2024 года – Годом семьи. Работа началась в ноябре 2023 г., а весной 2024 г. итоговый вариант анкеты был предложен студентам российских и зарубежных вузов.

Комплексное социологическое исследование включает несколько компонентов, различающихся целями, объектом и предметом исследования. По своему замыслу и дизайну оно обеспечивает возможность сопоставления результатов, получаемых в ежегодных исследованиях РОС, формирующих обширную базу эмпирических данных, отражающих, как правило, развитие тех или иных процессов в современной России. В данном случае – это изучение межпоколенных отношений исследования РОС-2022 «Культурное наследие и связь поколений», расширяя его тематику в соответствии с выявленными точками риска и учетом результатов, полученных социологами семьи. Это дает основания дать несколько советов тем, кто будет использовать его эмпирический материал в научной работе.

Благодаря авторским формулировкам многих вопросов и вариантов ответов, в основу которых были положены результаты качественных исследований студенческой аудитории, участники проекта имеют возможность получить уникальную количественную информацию о мировоззренческих характеристиках молодежи и структуре семейных отношений.

Основной целью исследования РОС-2024 стало: 1) отношения студенческой молодежи России к семье а) как социальному институту и б) как малой группе, связанной межличностным общением; 2) межпоколенных связей, трансформирующихся в современных условиях.

При разработке методики и инструментария исследования в качестве основных ставились задачи: выявить ценность семьи для современной молодежи; определить формы горизонтальных родственных связей внутри семьи; сконструировать иерархию семейных ценностей студенческой молодежи; оценить «плотность» межпоколенных связей внутри большой семьи; выяснить отношение современной студенческой молодежи

Помимо авторов организаторы проекта: Н.В. Дулина (центр «Аналитик», Волгоград), Е.И. Пролина (ИС ФНИСЦ РАН), Д.В. Шкурин (УрФУ).

¹ Дулина Н.В., Мансуров В.А. и др. Народная культура в оценках российской студенческой молодежи // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т. 8. № 3. С. 61–78. DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-5.

к родительству; выявить значимость межнациональной и религиозной принадлежности для современной студенческой молодежи при создании семьи; выяснить представление молодежи об идеале семейных межпоколенных отношений и их реальном состоянии; оценить готовность студенческой молодежи к созданию собственной семьи; охарактеризовать эффективность государственных программ по сохранению традиционной семьи и решению демографических проблем.

В процессе работы подтвердились основные гипотезы исследования: несмотря на деформацию поведенческих норм в сфере семьи и брака среди молодежи, представлений о содержании семейных ролей, большинство студентов предпочли бы создать семью на основе традиционных ценностей, но на практике выбирает те формы семейно-брачных отношений, которые в большей мере отвечают сложившимся условиям. Наличие общих трендов в практиках семейных отношений не отменяют значимость таких факторов, как этничность, конфессиональная принадлежность, пол, возраст, место жительства, профессиональный выбор.

По традициям РОС, в проекте были сохранены основные методологические основания и методические приемы проведения всероссийских социологических исследований.

Объект исследования – студенческая молодежь России, получающая высшее и среднее профессиональное образование. РОС осознает трудности проведения исследования в других странах в современных условиях, но, желая поддержать научные связи, приглашает социологов участвовать в своих проектах. В 2024 г. особо благодарим коллег из Кыргызстана.

Исследования РОС – инициативные, поэтому каждый вуз самостоятельно принимает решение об участии в проекте и организации поля, исходя из своих возможностей. Поскольку ссылка на анкету размещается на сайте РОС, любой студент может принять в нем участие. Благодаря этому анкеты заполнили 11629 чел. из 243 вузов и 22 учреждений СПО из 91 города России и ближнего зарубежья. Особенности метода «снежного кома» требуют «ремонта» общего массива данных, что начинается уже на этапе сбора информации.

Количественная методология: онлайн-опрос с использованием Яндекс-форм дополняется фокус-групповыми дискуссиями и интервью на этапе разработки инструментария. Характеристика выборки представлена на рис.

Структура и количество опрошенных позволяют получить данные о разных группах российского и зарубежного студенчества. Результаты размещены в открытом доступе на сайте РОС.

У практики доступа всех желающих к результатам исследований есть свои плюсы и минусы: их включение в научный и публицистический оборот популяризирует РОС как информационный ресурс, а представительность может вызвать желание использовать весь массив для аналитической работы, но таит и угрозы неадекватной трактовки данных, о которых мы хотим предупредить будущих пользователей базы, опираясь на анализ и опыт предыдущих исследований РОС студенческой аудитории.

1. Среди российских студентов в выборке 67,7% – девушки, что указывает на смещение по гендерному признаку. По данным статистического сборника «Женщины и мужчины России. 2022» (Росстат, 2021) из выпускников разных уровней образования, студентки составляли среди получивших профессии квалифицированных рабочих и служащих – 28,3%, специалистов среднего звена – 51,9%, бакалавров, специалистов, магистрантов – 55,9%, аспирантов – 46,6%, ординаторов – 68,4, ассистентов стажеров – 56,6². При явной тенденции к увеличению доли женщин с высшим образованием в населении России в целом – 56,4%³, разница составляет более 10%. И хотя многочисленные исследования

² Wom-Man 2022. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Wom-Man%202022.pdf> (с. 63).

³ Там же. С. 57.

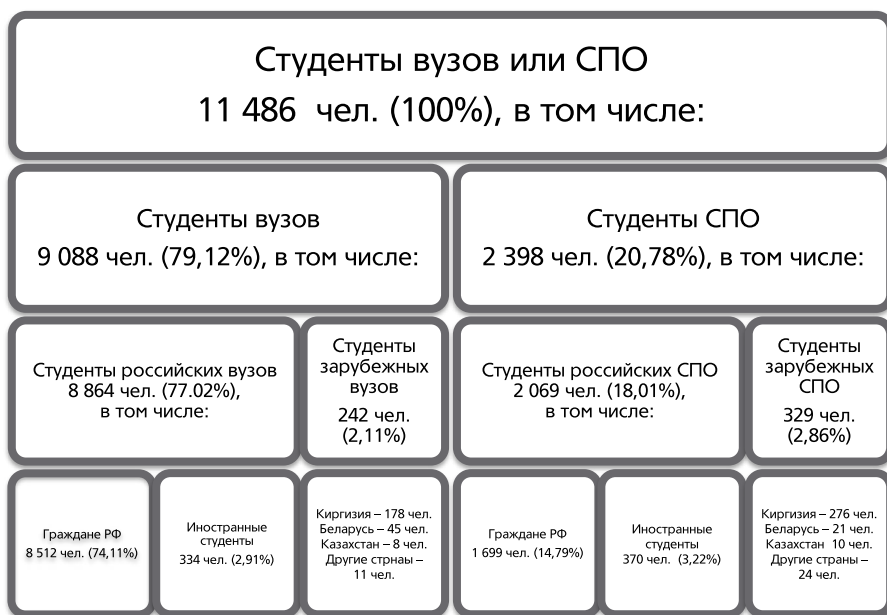

Рис. Основные сегменты опрошенных

Примечание. Обработка эмпирических данных выполнена к.социол.н. Д.В. Шкуриным

свидетельствуют о тренде к «стиранию» гендерных различий по многим параметрам, мы соотетем анализировать результаты по гендерным группам⁴.

2. Распределение студентов, граждан РФ, высших учебных заведений по федеральным округам существенно отличается количеством студентов, что соответствует в определенной мере численности населения. Например, в ЦФО учатся 33% всех студентов страны, а в ДВФО – 4%. В выборке РОС студенты ЦФО составляют почти половину – 48,98%, ДФО – 6,97%. Смещение выборки в пользу столицы увеличивает долю студентов с «либеральными взглядами». Напомним давно зафиксированный социологами факт: Москва на 10 лет опережает процессы, происходящие в стране. По этой причине для получения более репрезентативных выводов нужен анализ данных по федеральным округам⁵.

3. Структура народного хозяйства формирует заказ на специалистов. В СФО 33,6% изучают инженерные специальности, а в СКФО самый большой процент будущих специалистов в сфере здравоохранения – 23,3%⁶. При значительном совпадении мировоззренческих установок молодежи, есть отличия в ряде параметров у студентов «технарей», «гуманитариев», военных, что позволяет сделать вывод «о реальных особенностях национально-культурной самоидентификации студентов различных профилей обучения в сложившихся социально-экономических условиях и требует дальнейшего исследования

⁴ Широкалова Г.С., Куконков П.И. Культурное наследие народов России как фактор устойчивого развития // Современные парадигмы устойчивого развития региональных социально-экономических систем в условиях роста неопределенности внешней среды: сб. науч. тр. Гатчина: ГИЭФПТ, 2023. С. 821.

⁵ Образование в России – 2023. Статистический бюллетень. М.: МИРЭА, 2023. С. 260–263.

⁶ Цифры: кого больше среди студентов – гуманитариев или технарей? // SkillboxMedia. URL: <https://skillbox.ru/media/education/tsifry-kogo-bolshe-sredi-studentov-gumanitariyev-ili-tekhnairey/>

с учетом выявленных проблем»⁷. По этой причине также более адекватны результаты по федеральным округам.

4. Возраст – показатель социальной зрелости, которая отлична у студентов СПО и вузов. Поэтому объединение этих социальных групп возможно только в том случае, если нужно охарактеризовать образовательный комплекс отдельного учебного заведения, включающего в себя оба вида подготовки, как, например, в Ставропольском государственном педагогическом университете, где опрошено 556 студентов, из них практически половина учится в колледже при вузе.

Несомненно, что дальнейшая работа выявит новые взаимосвязи и взаимозависимости характеристик молодежи и рабочая группа РОС-2024 обещает учесть их в 2025 г. – пятом этапе изучения исторической памяти студенчества о Великой Отечественной войне.

Г.С. ШИРОКАЛОВА, В.А. МАНСУРОВ

ШИРОКАЛОВА Галина Сергеевна, д. социол. н., проф., Нижний Новгород, Россия (shirokalova@list.ru);
МАНСУРОВ Валерий Андреевич, д. филос. н., проф., гл. науч. сотр. Института социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия (mansurov@isras.ru).

PECULIARITIES OF THE ROS-2024 RESEARCH PROJECT "FAMILY AND STUDENTS"

DOI: 10.31857/S0132162524100151

Galina S. SHIROKALOVA, Dr. Sci. (Sociol.), Prof., Nizhny Novgorod, Russia (shirokalova@list.ru); Valery A. MANSUROV, Dr. Sci. (Philos.), Prof., Chief Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia (mansurov@isras.ru).

⁷ Мансуров В.А., Иванова Е.Ю. Общее и особенное в национально-культурной идентификации современной молодежи на примере студентов различных профилей обучения // Связь поколений как культурное наследие народов союза независимых государств / Под общ. ред. З.Х. Саралиевой. Н. Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2023. С. 27.

© 2024 г.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ, ИСТОРИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРНЫЕ РАМКИ ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕРОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ /

Под ред. В.А. Авксентьева, М.М. Шульги.

Ростов-на-Дону, ЮНЦ РАН, 2022.

Рецензируемая книга посвящена анализу идентификационных процессов на Северном Кавказе с точки зрения проблем укрепления российской идентичности в этом многоконфессиональном и полиэтническом макрорегионе. В настоящее время основная проблема в сфере политики идентичности состоит в сохранении баланса между двумя разнонаправленными задачами, заявленными в Стратегии государственной национальной политики РФ. С одной стороны, сформировать консолидированную и интегрированную политическую нацию (россиян), предполагающую, согласно конструктивистской теории нации, на которую опираются авторы, достижения до определенной степени культурной однородности населения всей страны. С другой – содействовать сохранению этнокультурного разнообразия в российском обществе. То есть перед российским государством стоит задача пройти между Сциллой и Харибдой этих двух разнонаправленных тенденций общественного развития (с. 8). Однако в случае дисбаланса государственной национальной политики в сторону чрезмерной культурной гомогенизации населения всей страны авторы, похоже, не видят никаких проблем. Но сохранение первичности этнической идентичности для многих жителей северокавказских республик, а также усиление религиозного (исламского) самосознания, авторы книги называют главной проблемой в сфере политики идентичности на Северном Кавказе (с. 189). Поэтому работу предваряет утверждение о том, что главным приоритетом национальной политики Российской Федерации является укрепление гражданского самосознания (с. 9), что в целом бесспорно.

Обосновывая актуальность исследования, авторы пишут, что Северный Кавказ сегодня представляет собой общество риска, в котором на фоне стабилизации обстановки сохраняются латентные конфликты, территориальные претензии и протестные настроения. Поэтому одной из наиболее актуальных задач в области политики идентичности, под которой авторы понимают целенаправленное воздействие государства и/или других субъектов этой деятельности на общество для поддержания чувства солидарности и личной принадлежности к определенной макросоциальной общности, является дальнейшая интеграция Северного Кавказа в российское социокультурное (цивилизационное) пространство (с. 19). И достигнутые результаты в формировании государственной идентичности, и динамика институциональных и социокультурных изменений в северокавказских республиках требуют серьезного научного осмысления.

Авторы постарались комплексно подойти к изучению проблем идентичности на Северном Кавказе и использовали целый ряд методов сбора и анализа социологической информации: экспертные опросы (во всех субъектах Северо-Кавказского федерального округа (СКФО)); контент-анализ тематических региональных нормативных актов; обзор

региональных историографий за последние годы (с целью определения нарративов, на основе которых формируется сегодня коллективная историческая память населения СКФО). Выявление особенностей репрезентаций жителями северокавказских республик своих социокультурных идентичностей в повседневной жизни осуществлялось методом включенного наблюдения и экспертного опроса (с целью определения потенциальных возможностей использования для формирования и символизации российской идентичности). Верификация наиболее проблемных результатов эмпирических исследований проводилась с помощью экспертных фокус-групп.

Анализируя уровень российской идентичности на Северном Кавказе по материалам экспертных опросов, авторы заявляют, что идентификационные процессы в регионе характеризуются «конкуренцией» различных типов идентичности (с. 36). В книге речь идет об этнической, конфессиональной и общероссийской (применительно к государственно-гражданской идентичности авторы используют термин «общероссийская», который можно заменить термином «российская») идентичностях. В целом надо сказать, что многие авторы-социологи, изучающие состояние и динамику этих групповых идентификаций на Северном Кавказе, уже на этапе разработки инструментария исследования закладывают ту самую «конкуренцию», ставя перед респондентами задачу определиться с первоочередной групповой идентификацией. В таких работах, например, усиление религиозного самосознания среди молодежи северокавказских республик однозначно трактуется как снижение государственно-гражданской идентичности, хотя обратный процесс вряд ли трактуется учеными исключительно как признак укрепления российского самосознания. Согласно результатам экспертного опроса, которые представлены в книге, субъекты СКФО РФ по критерию развитости российской идентичности в массовом сознании населения делятся на две группы. Первая группа включает Карачаево-Черкессию, Кабардино-Балкарию, Северную Осетию-Аланию и Ставрополье, среди трех перечисленных макросоциальных идентичностей лидирует российская, этническая на втором месте, а конфессиональная – на третьем. Во второй группе регионов, куда входят Дагестан, Чечня и Ингушетия, российская идентичность занимает наименьшую долю в «портфеле идентичностей» их жителей. В Дагестане и Чечне опрос фиксирует преобладание конфессиональной идентичности, а в Ингушетии – этнической идентичности (с. 31). В этих республиках, действительно, как по наблюдениям за повседневной жизнью, так и по выводам ряда исследователей, уровень религиозности среди мусульманского населения растет (по крайней мере ее внешние признаки). Исследователи отмечают, что выросло поколение молодых людей, считающих религию неотъемлемой частью своей жизни. Сильно развитая и актуализированная религиозная (исламская) идентичность постоянно стремится выйти в сферу социальных и политических отношений, определяя симпатии и солидарности людей, а также их политическое поведение. Поэтому в политике идентичности важно не допускать противопоставления религиозной идентичности государственно-гражданской, чего так активно добиваются акторы, нацеленные на разрушение российской идентичности в северокавказских республиках. Очевидно, нужна политика идентичности, направленная на гармоничное сочетание государственно-гражданской и исламской идентичностей в массовом сознании россиян-мусульман. И вряд ли концепция «конкуренции» гражданской, религиозной и этнической идентичностей может служить научной основой такой политики.

Во второй главе анализируются институциональные и исторические рамки формирования российской идентичности на Северном Кавказе, среди которых базовое значение придается институциональным, т.е. нормативно-правовым рамкам. Тематические официальные документы субъектов СКФО РФ анализируются авторами с точки зрения соответствия их содержания цели формирования российской идентичности. Обобщая предмет (официальные тематические документы) и метод (контент-анализ) исследования, авторы пишут, что на нормативном уровне процесс институционализации идентичности регулируется через политику правительства и формализуется в нормативно-правовых актах, образуя институциональные рамки, внутри которых проходят процессы развития

различных форм идентичности (с. 39). Документальную базу исследования составили конституции северокавказских республик и Устав Ставропольского края, региональные законы об образовании, молодежи, языках, культуре, а также нормативные документы, закрепляющие цели, принципы и приоритеты реализации национальной политики (всего 59 документов). Категориями контент-анализа были определены: этнонациональные основы государственности, национальная политика, языковая политика, образовательная политика, патриотическое воспитание, культурная политика, молодежная политика. Выбор таких рубрик, пишут авторы, обусловлен пониманием процесса формирования идентичности как процесса, направляемого и регулируемого государством и различными его институтами в рамках политики идентичности (с. 40). В итоговой таблице в книге отражены количественные параметры отобранных единиц анализа, распределенные в двух смысловых столбцах: способствует институционализации общероссийской или этнокультурной идентичности на Северном Кавказе. Как и следовало ожидать, акцент на развитии российской идентичности более выражен в текстах, относящихся к категориям патриотического воспитания и молодежной политики, тогда как языковая политика и культурная политика в большей степени способствуют институционализации этнокультурной идентичности на Северном Кавказе. В остальных категориях контент-анализа (образовательная политика, национальная политика и этнонациональные основы государственности) сохраняется баланс в плане содействия институционализации изучаемых форм идентичности, что соответствует выполнению двуединой задачи государственной национальной политики по развитию российского (гражданского) единства при сохранении этнокультурного многообразия. Региональные власти на Северном Кавказе, пишут авторы, в качестве основных направлений патриотического воспитания определяют: формирование общегражданского российского самосознания, распространение культуры межнационального общения, формирование готовности выполнять гражданский и воинский долг. Такую же направленность имеют документы в области молодежной политики, где ставятся задачи воспитания молодежи на принципах консолидации и гражданского согласия, формирования глубоко нравственного, ответственного, креативного, инициативного и компетентного гражданина России (с. 44). Но насколько эффективны практические усилия северокавказских региональных властей, направленные на патриотическое воспитание молодежи? Зачастую цели и приоритеты, заявленные в официальных документах, так и остаются формальными лозунгами.

Рассматривая исторические рамки и политику памяти в контексте задач укрепления российской идентичности на Северном Кавказе, авторы видят главной задачей государства в этой сфере формирование единой версии политической истории, чтобы сбалансированное понимание и восприятие исторического прошлого скрепляло граждан в нацию (с. 89). Но бесконечные «войны историков» и постоянная актуализация исторических травм, пережитых северокавказскими этническими группами в имперский и/или советский периоды существования Российского государства, являются серьезным препятствием на пути к выработке взаимоприемлемой версии общей истории. Анализ публикаций северокавказских ученых по тематике исторической памяти на Северном Кавказе, проделанный авторами книги, показал, что основными ее рубриками являются: Кавказская война, политическая история, политика советской власти на Северном Кавказе, Великая Отечественная война, депортация, культурная революция. Рассмотрев большой массив научных текстов, посвященных исторической памяти на Северном Кавказе, авторы не смогли сделать однозначных выводов о влиянии научного сообщества (историков) на формирование российской идентичности. С одной стороны, большинство важнейших рубрик исторической памяти региона – Кавказская война, политика советской власти в постреволюционный период, депортации – трактуются чаще всего как исторические травмы. С другой стороны, авторы пишут, что анализ публикаций по истории Северного Кавказа выявил постепенное укрепление консолидирующих трендов и в осмыслении трагических исторических событий и процессов (с. 139).

Далее следует анализ символической составляющей политики идентичности. Используя метод экспертного опроса, авторы провели ревизию всевозможных региональных символов, потенциально применимых в деле укрепления российской идентичности в сложном социокультурном пространстве Северного Кавказа. В качестве таковых участники опроса (эксперты) перечислили многочисленные природные объекты, популярные туристические локации, архитектурные комплексы, народные (этнические) традиции и праздники, памятные даты и многое другое. Но, похоже, количество предложенных респондентами региональных символов единения нации пока не перешло в качество, раз авторы пишут, что региональные векторы символической политики раскрыты и реализованы не в полной мере (с. 191). В работе констатируется, что большая часть объединяющего символическо-семантического поля относится к прошлому, а современность представлена фрагментарно (с. 151). Вероятно, специальная военная операция внесет свои коррективы в репрезентацию современности в символической политике государства: в одном только Дагестане на начало 2024 г. девять уроженцев республики удостоены звания Героя России (некоторые из них – посмертно). Выявляя, опять же методом экспертного опроса, ключевых акторов формирования российской идентичности на Северном Кавказе, исследователи обнаружили, что главными субъектами укрепления государственно-гражданской идентичности на современном этапе являются органы государственной (федеральной) власти, система образования и СМИ (с. 159). Разумеется, центральная власть ставит перед системой общего образования задачу воспитания патриотического (или хотя бы лояльного) гражданина, а также выстраивает соответствующую информационную политику, реализуемую подконтрольными СМИ. Но чтобы раскрыть общую картину экспертных суждений относительно идентификационных процессов на Северном Кавказе, было бы интересно задаться вопросом: а какие субъекты наиболее активны в формировании альтернативного, прямо скажем, антироссийского самосознания среди жителей этих регионов? Ведь на Северном Кавказе политикой идентичности занимаются различные акторы не только в целях усиления, но и в целях ослабления и разрушения российской идентичности, особенно среди молодежи, которая, как мы видим, все чаще становится объектом деструктивного информационно-психологического воздействия.

Последняя глава книги посвящена анализу и описанию репрезентации этнической и российской идентичностей в северокавказской повседневности. Этот раздел книги написан по материалам (дневникам) включенного наблюдения повседневных практик межэтнического взаимодействия, которое проводилось в Дагестане, Карачаево-Черкесии и Ставрополье в течение трех месяцев 2020 г. Выявлено, что основными способами репрезентации своей этнической принадлежности на Северном Кавказе являются: использование родного языка в публичном пространстве, следование этническим традициям и обычаям, демонстрация всевозможной атрибутики своей этнической и религиозной принадлежности, а также различные формы выражения гордости за свою национальность (этничность). Гражданская же идентичность наиболее наглядно репрезентируется с использованием элементов российской символической системы. Маркерами принадлежности к российскому символическому пространству, согласно наблюдениям, являются: использование государственной символики РФ, чествование героев России, сохранение памяти о героях Великой Отечественной войны. На поведенческом уровне к особенностям репрезентации российской идентичности наблюдатели отнесли: проведение благотворительных акций, службу в вооруженных силах РФ, соблюдение законов РФ, вовлеченность в общее медиапространство страны и проявление интереса к новостям федеральным, толерантное отношение к представителям иных культур и религий, увеличение (по субъективным оценкам наблюдателей) числа межэтнических браков, патриотическое воспитание детей и др. (с. 187–188).

В заключение авторы изложили свое видение проблемных аспектов и приоритетов государственной политики идентичности на Северном Кавказе, сконцентрированных сегодня в сфере образования, культурной политики, в политике памяти, а также в области

символической политики. В целом книга, несомненно, вносит большой вклад в столь важный с научной и практической точки зрения дискурс о российской идентичности, содержит уникальные социологические данные об идентификационных процессах в северокавказских региональных социумах. Авторами проделан комплексный и честный анализ проблемных аспектов укрепления российской идентичности, а также разработаны научно обоснованные рекомендации по повышению эффективности политики идентичности, проводимой государством на Северном Кавказе и в стране в целом.

А.З. АДИБЕВ

АДИЕВ Асланбек Залимханович – кандидат политических наук, старший научный сотрудник Регионального центра этнополитических исследований Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Махачкала, Россия (khalid_84@mail.ru).

INSTITUTIONAL, HISTORICAL, AND CULTURAL FRAMEWORKS OF SHAPING THE ALL-RUSSIAN IDENTITY IN THE NORTHERN CAUCASUS / Ed. by

V.A. Avksentiev, M.M. Shulga. Rostov-on-Don: YuNC RAN, 2022.

Reviewed by A.Z. ADIEV

DOI: 10.31857/S0132162524100163

Aslanbek Z. ADIEV, Cand. Sci. (Polit.), Senior Research Fellow, Regional Centre for Ethnopolitical Researches of the Dagestan Federal Research Center RAS, Makhachkala, Russia (khalid_84@mail.ru).

Acknowledgement. The article written as part of the Program of scientific research related to the study of the ethno-cultural diversity of Russian society and aimed at strengthening the all-Russian identity in 2023–2025 (Headed by Academician of RAS V.A. Tishkov). Project “Patriotism as an integrating value of a multi-ethnic Russian society” (FSRN-2023-0025).

© 2024 г.

ГОРОДСКИЕ МИРЫ РОССИИ И КИТАЯ: МОДЕРНИЗАЦИЯ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ / Отв. ред. М.К. Горшков, Ли Пэйлинь, П.М. Козырева, М.Ф. Черныш; ФНИСЦ РАН. М.: «Новый Хронограф», 2023.

Рецензируемая монография посвящена актуальным вопросам социологии города – изучению основных аспектов жизнедеятельности и модернизации городов России и Китая. Необходимость подобного исследования обусловлена тем, что развитие экономики в цифровую эпоху привело к резкому росту мегагородов, повлекшему за собой схожие в обеих странах проблемы неэкономического характера, имеющих в основании изменения общественного сознания, социальных взаимоотношений и требующих неотложного решения. Эта ситуация давно требовала глубокого научного осмысления для поиска оптимальных решений проблемных вопросов, что и является одной из важнейших целей рецензируемой монографии. Совместный труд российских и китайских исследователей – результат научного сотрудничества и давних дружеских отношений между двумя странами. Монография содержит глубокий комплексный анализ городской жизни в России и Китае, при этом одним из достоинств исследования является не только наличие наглядных материалов (схем, таблиц, рисунков), иллюстрирующих научные сведения, но и продуманная структура исследования, отражающая основные принципы

компаративистики, представляющая собой историю урбанизации в двух странах и ее динамику в сравнительно-сопоставительном и сравнительно-историческом аспектах.

В монографии десять глав, последовательно раскрывающих различные тенденции и вызовы городского развития в России и Китае: от исторического контекста становления городских пространств, через анализ изменений профессиональной структуры, потребительского поведения, особенностей института семьи, образовательного уровня населения, социального обеспечения, возрастной структуры до изменений культурных традиций и экологических представлений в городах с разными структурами городского управления. Столь подробный анализ необходим, поскольку в русле общемировых закономерностей урбанизации, на фоне продолжающихся значительных изменений в материальной структуре города одновременно «трансформируется общественное сознание» (с. 17).

В первой главе авторы подробно рассматривают исторически обусловленные отличительные особенности формирования городских пространств. Непосредственное влияние на формирование городов в Китае оказала демографическая ситуация, связанная с региональным дисбалансом процесса старения населения с перекосом в регионы северо-восточной части. Анализ Государственного плана урбанизации нового типа (2021–2035), принятого для коррекции ситуации в КНР отражает особенности национальной системы управления и позволяет обобщить имеющийся опыт, приводя авторов к выводу о необходимости ряда управленческих решений на государственном уровне. Российские авторы, характеризуя особенности формирования городских пространств России, говорят о том, что «на практике нередко доминируют интересы девелопмента» (с. 76). Эта ситуация схожа с происходящей в КНР «урбанизацией земель» (переводом их в статус городских с помощью продаж), и этот фактор для получения сиюминутной выгоды бизнеса существенно снижает в перспективе темпы и качество развития городов в обеих странах. Сопоставление процесса модернизации городов Китая и России позволяет читателю сравнить вызовы и проблемы, связанные с развитием городов в этих странах. Например, это общие проблемы «поглощения» рабочей силы сферой услуг (а не сектором промышленности), разрыв в доходах на селе и в городе, резкое старение работоспособного населения, экологические проблемы мегагородов. Российские ученые внимательно отнеслись к последствиям роста мегаполисов и агломераций, отмечая, что негативными последствиями могут быть также угроза исчезновения малых городов, поляризация и диспропорции развития периферии и центра (в сфере здравоохранения, досуга, транспортной доступности и т.д.), социальные последствия трудовой миграции.

Особенности трансформации профессиональной структуры городов представлены во второй главе. Статистические данные по динамике численности профессиональных групп наглядно иллюстрируют тенденцию к поляризации работающего населения в российских городах, а также прирост специалистов среднего звена и работников сферы услуг (на 10% с 2003 по 2021 г.) и сокращение доли квалифицированных рабочих (на 5% за тот же период). Опираясь на данные, российские ученые предупреждают, что в такой ситуации в России закономерно возрастает риск технологического отставания периферии, что в совокупности с текущими политическими и экономическими условиями повлечет за собой новые проблемы. Структурные изменения и развитие городской занятости в Китае на современном этапе авторы монографии представили исходя из данных Национального бюро статистики Китая. Анализ данных показал интересные результаты, которые отражают основные тенденции, отличающие развитие городов России и Китая. В КНР это «усиливающаяся деиндустриализация, формирующаяся гиг-экономика» (с. 158). Так, диаграмма динамики занятости в различных секторах экономики Китая иллюстрирует сокращение доли занятых в обрабатывающей промышленности (с 28,62% в 2006 г. до 22,33% в 2021 г.). Схожа с российскими реалиями ситуация увеличения доли работников сферы услуг (с 32 до 48% за тот же период), негативной тенденцией является рост доли занятых в государственном управлении и социальном обеспечении в КНР, тогда как в России эта величина сохраняет стабильность.

Авторы монографии, анализируя потребительское поведение городского населения (гл. 3), сумели учесть динамично меняющиеся политические и экономические условия, в том числе активные процессы цифровизации в экономике обеих стран. Глава выиграла бы еще более при сравнительно-сопоставительной подаче материала, поскольку в таком случае сходство в изменении потребления городского населения России и Китая под влиянием макро- и микроструктур было бы более наглядным.

При анализе семьи и репродуктивных установок в городах России и Китая (гл. 4) авторы прослеживают общую для двух стран тенденцию снижения рождаемости в контексте изменения структуры семьи. Несмотря на различие в подходах и векторах изучения вопроса исследователей двух стран, видится наиболее значимым их общие выводы о значимости среднего класса как главного адресата для различных мер по поддержке семьи, видение в нем потенциальных возможностей исправления демографической ситуации.

В центре внимания авторов книги также находится образовательная стратификация городского населения (гл. 5), при этом особое внимание уделяется текущему состоянию проблемы образования и трудоустройства молодежи в обеих странах «как будущего потенциала социально-экономического развития страны» (с. 312), что на наш взгляд, наиболее важно для понимания перспектив развития социальных процессов в городах России и Китая.

Анализ систем социального обеспечения в указанных странах (гл. 6), в том числе пенсионного обеспечения и социального ухода, отражает специфику в России и Китае, обусловленную в первую очередь различиями в их организации. Об общей для двух стран проблеме неоднородности обеспечения программами социальной защиты нуждающихся в помощи свидетельствуют статистические данные. Основными причинами являются региональный дисбаланс в качестве социальной помощи и ежегодное увеличение количества нуждающихся в социальной поддержке, например, в России с 2006 по 2022 г. их прирост составил 3,6 млн чел.

Анализ изменений в культурной жизни городского населения представлен в главе 8. Российские ученые, изучив изменившиеся культурные традиции городского населения, говорят о стабильной динамике городской культурной среды, об изменениях в культурных и социальных установках городского населения (в сравнении с сельским), отмечают изменение уровня «социального активизма», который перемещается в интернет-пространство. Китайские исследователи сосредоточили внимание на количественном изменении городской культурной инфраструктуры как показателе динамики культурной жизни населения, например, количество музеев и коллекций с 1988 по 2021 г. увеличилось с 766 до 5452. Изменения городского образа жизни обусловлены в Китае политикой открытости, а в России – активным внедрением цифровизации в деятельность учреждений культуры и образования, что в настоящее время выводит культурную жизнь в двух странах на новый уровень.

Важным моментом исследования является сопоставительное изучение экологических представлений и практик в жизни городов России и Китая (гл. 9). Здесь значимыми рекомендациями российских ученых является путь повышения уровня экокультуры всего населения путем развития сферы экологического образования. Китайские исследователи предлагают адресовать идеи природосбережения только молодежи и группам с высоким доходом. Завершает монографию анализ регионального городского управления (гл. 10) с привлечением интересных сведений из истории городского управления в России, его методологическим обоснованием и оценкой состояния системы управления городов в Китае на современном этапе.

Сведения Росстата и Национального бюро статистики КНР, данные массовых опросов, проведенных российским и китайским научными коллективами, являющиеся аналитической базой исследования, с уверенностью позволяют говорить о валидности научного материала. Монография позволяет не только понять отдельные стратегии анализа данных, но и с помощью них помогает представить особенности, характеризующие современное состояние городов, а также предлагает читателям авторское видение

прогнозируемого развития процессов в жизни городов России и Китая. Также исследование ценно сведениями, которые могут быть использованы в качестве рекомендаций органам власти по улучшению городской жизни.

Данная работа может быть использована в качестве учебного пособия по урбанистике, будет полезна социологам, специалистам по социологии города, студентам, магистрантам, аспирантам, а также всем тем, кто интересуется текущим состоянием и перспективами развития социальной жизни в городах России и Китая.

ЛЮ ЧЖИЦЯН

Лю Чжицян – кандидат филологических наук, декан факультета русского языка Цзянсуского университета науки и технологий, Чжэньцзян, Китай (liuzhiqiang@mail.ru, liu.chzh@just.edu.cn).

URBAN DEVELOPMENT IN RUSSIA AND CHINA: PATTERNS OF MODERNIZATION /
Ed. by Ed. by M.K. Gorshkov, Li Peilin, P.M. Kozyreva, M.F. Chernysh; FCTAS RAS.
Moscow: Novyy Khronograf, 2023. Reviewed by Liu ZHIQIANG

DOI: 10.31857/S0132162524100178

Zhiqiang Liu, Ass. Prof. (Philos.), Dean of the Faculty of Russian Language,, Jiangsu University of Science and Technology, Zhenjiang, China (liuzhiqiang@mail.ru, liu.chzh@just.edu.cn).

SOCIOLOGICAL STUDIES

Monthly

2024 No. 10

XXVI KHARCHEV READINGS

- 3 DUDINA V.I. Sociology Meets Epidemiology: Social Contagion Research in Search of Theoretical Basis
15 LATYPOV I.A., DAUTOVA T.E. Sociological Concepts of Time in Life-Course Studies

SOCIAL POLICY. SOCIAL STRUCTURE

- 25 KRYSHANOVSKAYA O.V., LAVROV I.A. Vertical Mobility in Russian Politics
40 SHVETSOVA E.A. Russian Billionaires on an International Background: Features and Dynamics of the Position

SOCIOLOGY OF YOUTH

- 55 PEVNAYA M.V., TARASOVA A.N. Young People's Propensity to Volunteer: a Typology Based on a Regional Study
69 KRUPETS Ya.N., EPANOVA Yu.V. Young Craft Entrepreneurs of Saint Petersburg about State Support Measures

ON THE 50th ANNIVERSARY OF SOCIS

- 80 DEMIDENKO S. Yu. The Role of Peer Review in Raising Quality of Scientific Sociological Knowledge (the case of *Sociological Studies*)

SOCIOLOGY OF SCIENCE

- 93 KARIKH R.D. The Implications of Open Science Development: Risks of Increasing Inequality in Global Scientific Communication
104 ISAEV D.P., POSUKHOVA O. Yu. "I Definitely Would Not Be Doing Science...", or Features of the Status Transmission in Scientific Dynasties in Russia

SOCIOLOGY OF CULTURE

- 116 SHEVCHENKO I.O., BELETSKAYA T.V. Symbolic Capital of a Place as a Constellation of Social Meanings (the case of the Kaliningrad region)
129 SOROKIN P.S., AFANASEVA I.A. Agency Fields in the Sphere of Art: Actors, Environments of Manifestation, and Formation Factors
139 KATERNYI I.V., ZAKIEVA D.E. Historical and Phenomenological Dimensions of Construction of Esoteric Reality in Taromance

FACTS. COMMENTS. NOTES

- 151 TESLENKO A.N. Youth Policy and Work with Youth in Kazakhstan: Official Rhetoric and Everyday Practice
158 MALTSEVA A.P., GUBINA V.V. Virtual Technologies in Everyday Life of Young People: Fan Fiction Analysis

ACADEMIC EVENTS

- 164 SHIROKALOVA G.S. Peculiarities of RSS-2024 Research Project "Family and Students"
168 **BOOK REVIEWS** (reviewed are books: Institutional, Historical, and Cultural Frameworks of Shaping the All-Russian Identity in the Northern Caucasus. Ed. by V.A. Avksentiev, M.M. Shulga. Rostov-on-Don: YuNC RAN, 2022. Reviewed by A.Z. Adiev; Urban Development in Russia and China: Patterns of Modernization. Ed. by Ed. by M.K. Gorshkov, Li Peilin, P.M. Kozyreva, M.F. Chernysh. Moscow: Novyy Khronograf, 2023. Reviewed by Liu Zhiqiang)

176 CONTENTS

NEW BOOKS IN SOCIAL SCIENCE (inside front cover)

IN THE NEXT ISSUES (back cover)

НОВЫЕ КНИГИ ПО СОЦИАЛЬНЫМ НАУКАМ

- Багирова А.П., Бледнова Н.Д., Нешатаев А.В. **Родительские отпуска в России: состояние, исследования дизайна и оценка перспективности трансформации.** Екатеринбург: УрФУ, 2024. 197 с.
- Бистаяйкина Д.А., Касаркина Е.Н. и др. **Социальное здоровье пожилой семьи как фактор адаптации в современном российском обществе.** Саранск: ИП Афанасьев В.С., 2024. Электрон. текст. 1 CD-ROM.
- Бобров А.К. **Концептуальные основы внешней политики России.** М.: МГИМО, 2024. 267 с.
- Гумбрехт Х.У. **Производство присутствия. Чего не может передать значение** / Пер. с англ. С. Зенкин. 2-е изд. М.: НЛО, 2024. 184 с.
- Лебина Н. **Советская повседневность: Нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю.** 5-е изд. М.: НЛО, 2024. 488 с.
- Орлов И.Б. **Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления.** 2-е изд., пересмотр. М.: ВШЭ, 2024. 317 с.
- Распад Югославии: тридцать лет спустя** / Отв. ред. С.А. Романенко. М.: ИНИОН, 2024. 327 с.
- Рассел Б. **Власть: Новый социальный анализ** / Пер. с англ. Д. Кралечкина. М.: Ин-т Гайдара, 2024. 328 с.
- Саралиева З.Х. **Система социальной работы.** Н. Новгород: Ун-т Лобачевского, 2024. 378 с.
- Фишман Л. **Неравенство равных. Концепция и феномен ресентимента.** М.: ВШЭ, 2024. 272 с.
- Хархордин О. **Общество, или Дружество других.** СПб.: ЕУ в СПб., 2024. 160 с.
- Komlosy A. **Work: The Last 1,000 Years** / Transl. by J. Watson, L. Balhorn. L., N. Y.: Verso, 2024. 272 p.
- Ludtke M. **Locker Room Talk: A Woman's Struggle to Get Inside.** New Brunswick: Rutgers University Press, 2024. 374 p.
- Perlmutter S., Cambell J., MacCoun R. **Third Millennium Thinking: Creating Sense in a World of Nonsense.** N. Y.: Little, Brown Spark, 2024. 320 p.
- de Prosperis M. **The Future of Technology and Society: A Guide for 2040.** Fayetteville, Arkansas: Marco De Prosperis – Published Independently, 2024. 270 p.
- Sullivan J.P., Jones N.P., Argomedeo D.W. (eds) **Urban Operations: War, Crime, and Conflict.** Boulder, Colorado: KeyPoint Press, 2024. 421 p.

В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ

Теоретическая социология: вчера, сегодня, завтра
(круглый стол)

Тихонова Н.Е., Дудин И.В. Идентичности россиян как
фактор консолидации российского общества

Сушко П.Е. Динамика представлений россиян о месте
России в мире (опыт эмпирического анализа)

Назарбаева Е.А., Халина Н.В., Пишняк А.И. Хроническая
бедность в России: опыт качественного исследования

Латов Ю.В. Тренды изменения институционального
доверия как социального капитала российского общества

Петухов Р.В. Институциональные изменения и динамика
доверия местной власти в современной России

Атанесян А.В., Аникин В.А. «Общество травмы»:
восприятия, опасения и надежды в армянском обществе после
войны в Карабахе

Безрукова О.А., Самойлова В.А. Отношения с отцом как
фактор вовлеченности в отцовство молодых мужчин в
многодетных семьях

Нефедов С.А. Уильям Уоллинг о положении русского
крестьянства в начале XX века

Бурко В.А. Заводская социология в Прикамье

Мещерякова Н.Н. Наука и мистификация

Социологические исследования, 2024, № 10
Sotsiologicheskie issledovaniya

ISSN 0132-1625

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

10' 2024